ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Очерки по истории России XX века
под общей редакцией **М. Н. Покровского**

С. ДУБРОВСКИЙ

„СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА"

Капитализация сельского хозяйства в XX веке

КОМ. УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД 1925.

Ленинградский гублит № 15173. Печ. 4.000—19 л. Зак. 644.

Государственная типография им. тов. Зиновьева, Ленинград, Социалистическая, 14.

ВВЕДЕНИЕ.

Революция 1905—06 г. г., до основания потрясшая буржуазно-помещичий строй в России, заставила правительство судорожно метаться в поисках анти-революционных средств.

Поскольку основной предпосылкой революции являлись сложившиеся в деревне противоречия, правительство и приняло целый ряд мер, которые, после подавления движения вооруженной силой, по его мнению, должны были послужить оплотом против крестьянской революции.

Само собой разумеется, в правительственных мероприятиях ни в их возникновении, ни в их осуществлении ничего нельзя понять, не зная тех экономических факторов, которые вызвали их к жизни.

Поскольку царское правительство пыталось всей своей политикой разрешить „аграрный вопрос“, то на рассмотрении последнего мы и должны прежде всего остановиться.

В чем сущность „аграрного вопроса“ и крестьянской революции?

На это прекрасный ответ дал тов. Ленин. „У десяти миллионов крестьянских дворов—писал он—73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов—62 милл. десятин: таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации“ [1].

При господстве монопольного помещичьего землевладения, которое позволяло помещикам держать в полукрепостной кабале крестьянство, и создалось то „основное противоречие“, „которое по словам Ленина [2],—глубже всего об‘ясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня—самый передовой промышленный и финансовый капитализм“.

Остатки крепостничества стали на пути капиталистического развития деревни, а тем самым и на пути общего развития производительных сил.

---

[1] Ленин. Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов. (Собр. сочинений, том IX, стр. 448).

[2] Ленин. Собрание сочинений, том XI, часть I-я, стр. 7.

Хотя „реформа 1861 года“ проходила под знаком перехода крепостнических хозяйств в капиталистические, однако, последний был задержан самим ее проведением, обеспечившим долгое сохранение крепостничества в деревне. В результате к началу XX века из всей помещичьей пашни под капиталистическими посевами находилось не более 1/6 площади, остальная же часть земли или сдавалась в аренду, или обрабатывалась полукрепостнически, за отработки крестьянами с их же инвентарем. Капиталистические хозяйства преобладали в западном крае, прибалтийском, промышленном, на юге и юго-востоке. По центру же России с запада на восток тянулась широкая полоса отработочных хозяйств и всецело сохранялся полукрепостнический строй отношений крестьян и помещиков. В этих районах помещик выступал не столько в качестве капиталистического предпринимателя, сколько в качестве паразитического рантье, получавшего ренту за сдаваемую в аренду или за продаваемую землю, что, как отмечал К. Маркс [1], крайне отягощало капиталистическое развитие земледелия. На примере русского помещика можно было более всего убедиться в верности положения Карла Маркса, что земельный собственник совершенно излишняя фигура для с.-х. производства, как мы скажем, не только излишняя, но и вредная. Между тем, у этой экономически-излишней фигуры сосредоточивалась до революции вся политическая власть, и она принимала все меры к тому, чтобы не только вне-экономическими подпорками поддержать свою экономически ликвидирующуюся власть, но и сохранить те полукрепостнические отношения, которые более всего обеспечивали ей „нормальное“ получение ренты, к чему, в сущности, сводился весь смысл законодательства до первой русской революции. И вот, в это-то земельное господство помещика и упиралось развитие производительных сил крестьянского хозяйства. Помещичье землевладение „усугубляет земельную тесноту, отработочные хозяйства задерживают развитие денежных отношений“, но самое главное—они нещадно эксплуатируют крестьянство, отнимают у него, благодаря непомерно высокой ренте, значительнейшую часть создаваемой им стоимости. Всем хорошо известно, какую непропорционально большую часть крестьянского дохода отнимала уплата за купчую и арендованную землю. Маркс [2] писал, что под арендными деньгами „скрывается вычет или из средней прибыли, или из нормальной заработной платы, или одновременно из той и из другой“. По отношению к России было верно последнее.

Помимо арендной платы крестьянин выплачивал помещику и так называемую капитализированную ренту в виде уплаты за купчую землю, и этим об‘ясняется, между прочим, что зажи-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, гл. 37.
[2] Там же, изд. 1898 г., стр. 516.

точное крестьянство высказалось за отмену частной собственности на землю, так как собственность обернулась к нему высокими ценами. Это, несомненно, крайне стесняло концентрацию земельной собственности в руках сельской буржуазии, особенно, если примем во внимание, как быстро росли арендные и продажные цены на землю.

Наконец, „угнетающе действует на крестьянское хозяйство отлив ценностей в города через налоги и пошлины“ (Карл Маркс). Непрерывное увеличение налогов для буржуазных государств, как доказывал Маркс, является не случайным уклонением, а самим принципом финансовой политики. Громадная часть прибавочной стоимости, создаваемой крестьянством, через руки помещиков, через государство, наконец, через местных ростовщиков и скупщиков, перетекала или на непроизводительное потребление, или, в лучшем случае, в область индустрии и там капитализировалась.

Мы рассмотрели те препятствия, которые коренились в сложившихся в деревне крепостнических отношениях, однако этим дело не ограничивалось. Известное отрицательное значение имела и неблагоприятная рыночная кон‘юнктура. На европейских рынках русскому хлебу приходилось выдерживать жестокую конкуренцию со странами низкой земельной ренты. В довершение всего, в последней четверти XIX века разразился кризис хлебных цен, в результате которого они понизились на 25—30%. Памятен еще тот жестокий спор, который велся по вопросу о влиянии низких цен на крестьянское хозяйство. Теперь этот спор разрешен самой жизнью. Если мы перед революцией имели дело с недоразвившимся сельским хозяйством, то этим, в известной мере, мы обязаны вместе с помещичьей эксплуатацией низким ценам на хлеб. Россия, как страна экспортирующая, находилась в зависимости от цен мирового рынка, которые устанавливались в значительной мере под влиянием массового импорта из стран экстенсивного хозяйства. Низкие цены понижали норму прибыли для капиталистических хозяйств и этим заставляли производственный капитал перетекать в другие отрасли хозяйства. Низким ценам отчасти мы обязаны тем, что помещичьи хозяйства так долго сохраняли рантьерский характер: сдача в аренду или частичная продажа могла дать гораздо больше, чем самостоятельное хозяйствование. Итак, тяжесть помещичьей эксплуатации и неблагоприятная рыночная кон‘юнктура тормозили капиталистическое развитие сельского хозяйства. Передовые капиталистические хозяйства развивались крайне медленно, особенно же в центральных районах России. Размеры работы не позволяют нам на этом остановиться. Отошлем читателя к соответствующим работам Румянцева, Книповича и др.

Низкие цены имели отрицательное значение для развития капиталистического сельского хозяйства. Если вообще высота земельной ренты и тяжесть налогового обложения тормозили

развитие „фермерских“ хозяйств, то в годы кризиса хлебных цен эти хозяйства падали под тяжестью неблагоприятных факторов, они развивались сравнительно медленно, капитал искал себе приложение в промышленности. Вот эта-то задержка в развитии интенсивных капиталистических хозяйств, что было идентично, в условиях дореволюционной России, задержке в развитии производительных сил, имела решающее значение в подготовке аграрной революции. Задержка в капитализации имела решающее значение для подготовки аграрной революции не только тем, что она была порождением резкого конфликта между развитием производительных сил и производственными отношениями, которые стали оковами для первых. Ведь не всякое противоречие между производительными силами и производственными отношениями разрешается революцией, и не у всякого общества имеется возможность для революционного разрешения этого противоречия. Задержка в развитии прогрессивных капиталистических хозяйств отжившими производственными отношениями имела другую сторону: насколько они замедляли развитие производительных сил и тем самым подготовляли экономическую подпочву революции, настолько они форсировали формирование могильщиков того строя, который был основан на отживших производственных отношениях. Мы имеем в виду формирование кадров деревенской бедноты и пролетариата.

Действительно, противоречия между сельской буржуазией и помещиками, в сущности, достаточно было бы для завязки буржуазной революции, однако, развитие этой завязки происходит на фоне колоссальнейшей революционной драмы, в которой действующим лицом выступает разоряемое многомиллионное крестьянство. И эта драма застилает собой конфликт между сельской буржуазией и помещиками, который представляется мелким и ничтожным по сравнению с ее грандиозностью и широким размахом. Мало того, с дальнейшим развитием революционных событий, как в этом убеждает нас опыт революции 1917 г., этот конфликт превращается в конфликт между деревенской беднотой и сельской буржуазией, который при наличии пролетарской революции в городе становится прологом к социалистической революции в деревне. Поэтому для понимания назревшей в деревне революции, первостепенное значение имеет уяснение положения крестьянской массы и ее пролетаризации.

При медленной буржуазизации деревни пролетаризация ее или, вернее, пауперизация шла ускоренным темпом. В России так же, как и в других странах, производственный капитализм позже по сравнению с индустрией захватывает сельское хозяйство. Но сельско-хозяйственные производители имеют исключительное значение для развития промышленного капитала, как поставщики промышленной армии, как об‘ект эксплуатации для накопления капитала и как рынок для товаров индустрии. Мы не разделяем

теории Розы Люксембург, что реализация сверхстоимости невозможна без наличия некапиталистического производства. Однако, последнее бесспорно имеет громадное значение для процесса накопления капитала. „Экспроприация с.-х. производителя, обезземеленье крестьянина составляют основу всего капиталистического процесса“, говорит Маркс [1]. Миллионная промышленная армия, которая создалась в России в течение последней четверти XIX века, миллиарды туземного капитала, брошенные в железнодорожное строительство, казенные заказы и т. п. капиталистическое производство,—все это говорило за более чем интенсивную экспроприацию крестьянина. Несомненно, главную роль в эксплуатации ее играла фискальная политика царского правительства. Если возрастание прямых и косвенных налогов, а также и протекционизм поглощают у зажиточных крестьян значительнейшую часть чистого дохода, то у слабых—вдвое-втрое против их дохода от земли. Столь высокое обложение бросает слабого крестьянина в об'ятия торгового капитала (усиленная продажа хлеба часто в невыгодных условиях) и ростовщического, экспроприирующая роль которых хорошо известна. К экспроприации торговым и ростовщическим капиталом прибавлялась не менее интенсивная эксплуатация помещиками через непомерно высокую арендную плату, отработки и т. п., о чем мы уже говорили выше. Большую экспроприирующую роль сыграл кризис хлебных цен. Насколько последний задерживал буржуазизацию деревни, настолько он форсировал пролетаризацию. В результате этого кризиса, как мы скажем словами Энгельса [2], „продукты эти продаются по ценам, не имеющим никакого отношения к стоимости производства, по ценам, которые дают торговцы, так как крестьянину во время платежа податей деньги нужны безусловно“. А то, что слабое крестьянство продавало за счет недоедания, это общеизвестно. Столь усиленная эксплуатация должна была ускорить отделение мелкого производителя от средств производства. Это выразилось в возрастании числа безземельных, малоземельных, безлошадных и бескоровных.

Понятно, с точки зрения развития капитализма в этом раскрестьянивании ничего анормального не было. Ведь это только, зубры крепостничества могли сожалеть о разорении необходимого для их отработочных хозяйств мелкого крестьянина, да народники по наивности—проливать слезу над гибелью крестьянской „самостоятельности“. Капиталистическое развитие всегда и всюду шло через расщепление натуральных производителей на два полярно-противоположных класса—буржуазию и пролетариат. Разорение одних хозяйств и пролетаризация крестьянства на одном полюсе являются основным условием накопления капи-

[1] К. Маркс. „Капитал“, т. I, стр. 738.
[2] Там же, т. III, стр. 553 (издание 1898 г.).

талов и развития производства на другом. Но в России, особенно накануне 1905 г., это „равновесие“ относительное, конечно, в капиталистической системе не имело места. Как мы видели, создаваемая в деревне прибавочная стоимость не капитализировалась в сельском хозяйстве, а уходила в область индустрии (это, между прочим, создало основу для поразительно быстрого развития промышленности, поднявшейся на дрожжах разоряемого сельского хозяйства), или на непроизводительное потребление, что, при наличии других неблагоприятных условий, влекло за собой крайне медленную буржуазизацию. Итак, разорение слабого крестьянства, не компенсируемое развитием капиталистического фермерского хозяйства, превращается в оскудение всего сельского хозяйства. В связи с задержкой в интенсификации во всей своей остроте выявляется кризис экстенсивного трехполья, оказывается невозможным расширенное воспроизводство, намечается уклон или к застою, или к регрессу. На это указывают средние цифры, показывающие воспроизводство хозяйства в целом (данные об урожаях, скоте и т. п.). Начавшийся с.-х. под‘ем после 1896 года не улучшил, а обострил положение подавляющей массы крестьянства. Помещики начали усиленно применять машины, которые вытесняют батрацкий труд, а, главное, увеличивать экономические запашки и через это сокращать сдачу в аренду. За десятилетие перед 1905 годом арендные и продажные цены на землю увеличились почти вдвое. Сельская буржуазия также несколько расширяет свое хозяйство. Классовые и групповые противоречия в деревне обостряются, так как под‘ем усиливает разорение бедноты.

Особенно критическим становится положение в центральных черноземных губерниях, более всего страдавших от гнета полукрепостного хозяйства. Тяжесть положения в этих районах усугублялась не только силой помещичьей эксплуатации, но и тем, что для них были наиболее неблагоприятны условия рынка, находившегося под сильным давлением русских экстенсивных окраин. Кроме того, усиленная машинизация на юго-востоке, юге и юго-западе сокращает отход туда рабочих из центральных губерний (недаром там так упорно будут разбивать машины) [1], сокращается и отход рабочих в города из-за промышленной депрессии. Положение усугубляется резким недородом в 1905 г., в котором неурожай охватил 25 губерний—150 уездов. Если ко всем этим экономическим причинам прибавить чисто-политические—революционизирующее влияние японской войны, будет ясно, что в деревне создались предпосылки для массового революционного движения.

Крестьянское движение широкой волной разлилось по России. Однако силы пролетариата и крестьянства оказались недостаточными, чтобы свергнуть старый режим. Революция 1905 года была залита в крови рабочих и крестьян. Однако этим основные

[1] „Аграрное движение“, ч. 2, стр. 531.

противоречия, вызвавшие рабоче-крестьянскую революцию, уничтожены не были. Незыблемо сохранялось полукрепостное землевладение—основа крепостнического порядка. Об'ективные задачи революции 1905 года разрешены не были.

Однако, как писал Ленин [1] „великий «сдвиг», уже бесповоротно совершенный революцией, состоит в том, что черносотенное самодержавие поняло, что без ломки старых земельных порядков не может быть выхода из того противоречия, которое породило русскую революцию“. Само правительство, продолжает Ленин, „уже не может опираться на средневековые формы землевладения“ и вынуждено „с лихорадочной быстротой работать над их разрушением“, так как перед Россией открывался „только один путь буржуазного развития“ [2].

Если перед Россией рассматриваемого периода открывался только один путь — буржуазного развития, то формы этого пути, по определению Ленина, были двояки. Буржуазное развитие России могло итти прежде всего путем грандиознейшей крестьянской революции, совершаемой крестьянством под руководством—гегемонией пролетариата,—революции, которая должна была смести и действительно дочиста смела все остатки крепостного порядка в деревне. (По определению В. И. Ленина—„американский тип развития“).

Но это же буржуазное развитие могло итти и путем „реформ“ [3], путем преобразования крепостных латифундий в капиталистические хозяйства, путем создания мелкого капиталистического хозяйства („прусский тип развития“). Это дало бы царизму возможность подвести под подмытый революцией буржуазно-помещичий строй новую классовую базу в виде сельской буржуазии.

Царизм и пытался направить Россию на путь прусского развития. Создание капиталистического фермерства начинается— с одной стороны, по пути дробления полукрепостных латифундий, продаваемых мелкими участками под мелкое капиталистическое хозяйство, а с другой, по пути расхищения сельской буржуазией надельного землевладения основной крестьянской массы.

Первой задаче служил Крестьянский банк, созданный еще задолго до революции, которому правительством была передана часть полукрепостных казенных и удельных земель, и который к тому же скупал помещичьи земли и затем перепродавал их сельской буржуазии. Второй задаче служило уничтожение общины, укрепление (согласно указу 9 ноября 1906 г.) земли в личную собственность, что открывало возможность для сельской буржуазии расхищать и захватывать лучшие общинные земли и к тому же скупать наделы у разоряющейся деревенской бедноты. Той же цели уничтожения полукрепостного земельного порядка в деревне и создания условий для капиталистического

---

[1] Ленин. Собрание соч., т. XI, ч. I, стр. 7.
[2] Там же, том IX, стр. 459.
[3] Там же, том IX, стр. 459—462.

фермерства служило и землеустройство, размежевание общинных земель и выдел сельской буржуазии на хутора и отруба.

Разрушение общины и землеустройства занимало центральное место во всей Столыпинской реформе, потому что развитие капитализма, на которое ставило последнюю свою ставку царское правительство, требовало ломки отживающего экстенсивного хозяйства и тем самым тесно с ним связанной полукрепостной общины.

Кризис экстенсивного хозяйства, в частности для центральных губерний России—кризис трехполья [1], в котором и выявился развернувшийся в деревне конфликт между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями, требовал перехода к интенсивному хозяйству.

Как известно, основным условием нормального развития хозяйственной системы является расширенное воспроизводство. При экстенсивном хозяйстве последнее идет путем расширения запашек, но не путем повышения производительности той же площади пашни добавочными вложениями капитала и труда. Говорят, что история России есть история колонизуемой страны, и, действительно, за предшествующие столетия развитие сельского хозяйства шло экстенсивным путем. Захватывались все новые и новые земли, выдирались из-под леса новые пашни, поднимались девственные целины. В течение XIX века экстенсификация находится еще в полном разгаре, что очевидно из следующей таблицы роста пашни [2]:

			Средний ежегодный прирост в 1.000 дес.
В 1809 г. (по Герману)	73	м. д.	—
» 1832 г. (по Забловскоми)	75	»	517
» 1846 г. (по Арсеньеву)	84,7	»	606
» 1860 г. (по Воен.-стат. сборн.) . . .	88,8	»	293
» 1881 г. (по Центр. ст. к.)	106,7	»	998
» 1887 г. (тоже)	117,2	»	1.750

При непрерывном росте пашни урожайность с десятины находилась в статическом состоянии. Если взять урожаи с десятины средние по десятилетиям, начиная с 1801—1809 г.г. по 1880—1890 г.г., как они вычислены А. Ф. Фортунатовым, то будем иметь следующий ряд цифр: 8,1—6,9—6,7—6,4—6,6—6,4—6,7—

[1] Должны заметить, что такие экономисты, как А. А. Кауфман, Н. П. Огановский и др., пытаются аграрный кризис свести исключительно к кризису трехполья и тем затушевать влияние на кризис помещичьей эксплуатации. Между тем этот кризис экстенсивного хозяйства и был выражением назревшего конфликта между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями.

[2] Таблица заимствована у Н. П. Огановского. Закономерность аграрной эволюции, т. II, стр. 614.

7,5—7,4 четв., т.-е. мы видим определенный застой, который нарушается только в последние 2 десятилетия.

С 80—90 г.г. прошлого столетия положение сельского хозяйства изменяется. Экстенсификация достигла своих пределов, по крайней мере, для коренных русских земель. Если взять период с 1887 г. по 1905 г., то площадь посева сократилась: в промышленном районе на 3,6%, в центральном земледельческом и средне-волжском районах на 4,6%. Почти сократился или обнаруживается незначительный рост пашни в приозерном крае— на 4,7%, северо-восточном—на 1,9%, малороссийском—на 1,9%. Районы, в которых еще продолжается расширение запашек, как это видно из атласа Министерства земледелия, опоясывают Россию сплошным полукольцом, охватив весь восток, начиная от Пермской губернии, юго-восток, юг и в особенности весь юго-запад до Бессарабии включительно, значит всю степную часть России, с еще доживающим свой век первобытным залежным хозяйством.

Итак, мы видим, что в центральных районах России сельское хозяйство дошло до предела экстенсивного хозяйства. С прекращением роста запашек наступает кризис экстенсивного трехполья, дальнейшее расширенное воспроизводство на его основе невозможно. Как последний пароксизм экстенсивного хозяйства, в этих районах мы наблюдаем распашку неудобных земель и даже выгонов. На надельных землях в 20 губерниях Европейской России с 1887 г. по 1917 г. площадь неудобных земель сократилась с 39 мил. дес. до 26 мил., т.-е. на целую треть; площадь же выгонов—с 35 мил. до 30, т.-е. несколько более 14% [1]. Однако, распашка последних наносит еще один удар по трехполью: сокращение выпасов для скота влечет за собой сокращение скотоводства, а вместе с последним и уменьшение навозного удобрения. Уменьшение же удобрения в нечерноземной полосе, для которой было типично навозное трехполье, влечет за собой истощение почвы и падение урожаев. Вот в этих-то условиях кризиса трехполья крестьянство, особенно в центральных районах, начинает судорожно метаться в поисках земли, оно жадно хватается за покупную и арендованную помещичью землю, цены на которую начинают бешено итти в гору и кладут предел покупательной способности крестьянства.

При невозможности расширенного воспроизводства на основе экстенсивного хозяйства, развитие производительных сил требует интенсификации, т.-е. повышения производительности той же площади пашни, что было тесно связано с общей ломкой хозяйственного уклада деревни и с общей ее капитализацией.

Бурное развитие в России индустриального капитализма стремительно вовлекало в капиталистический кругооборот сельское хозяйство. Железные дороги связывали деревню с внутрен-

[1] „Статистич. ежегодник“ за 1913—17 г.г. Москва. 1922 г.

ними и внешними рынками и тем стимулировали капиталистический переворот в сельском хозяйстве. И, действительно, начиная с 80-х годов, замечается в крестьянском хозяйстве определенная тенденция к капиталистической интенсификации. Понемногу начинает пробивать себе дорогу травосеяние, особенно в западных, в центрально-промышленном районах и др., где развивается молочное хозяйство. Растут посевы технических культур, корнеплодов, особенно свекловицы в юго-западном крае.

Однако, все эти улучшения были каплей в море экстенсивного крестьянского хозяйства, безраздельно господствующего в России.

Помимо помещичьей эксплуатации, о чем мы говорили выше, интенсификация упиралась в производственные отношения, сложившиеся в деревне на основе экстенсивного хозяйства. Она упиралась, прежде всего, в общинные отношения, которые принудительным севооборотом, исторически сложившимся рутинным укладом полеводства, наконец, недостатками землеустройства, как чересполосица, мелкополосица и дальноземелье, накладывали узду на хозяйственную инициативу нарождающейся сельской буржуазии. Поэтому и становилась об'ективно необходимой революционная ломка общины, укрепление земли в собственность и землеустройство, которое бы разгородило землю от чересполосицы и мелкополосицы и открыло возможность для развития интенсивного капиталистического хозяйства.

Именно последней цели и служил указ 9-го ноября 1906 года об укреплении надельных земель в собственность—указ, превратившийся, после утверждения буржуазно-помещичьей думой, в закон 14-го июня 1906-го года. Этой же цели служили и все мероприятия правительства по землеустройству.

Проводя все эти мероприятия по капиталистическому реформированию деревни, правительство ставило последнюю доступную ему ставку, оно открывало „последний клапан“ [1]. Это был последний путь отсрочки крушения старого порядка. „Судьбы буржуазной революции в России, не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций—писал Ленин [2], — зависят больше всего [3] от успеха или неуспеха этой [царской] политики“.

Рассмотрение хода „Столыпинской реформы“ и тех внутренних ее противоречий, которые делали неизбежной новую рабоче-крестьянскую революцию, и составит предмет рассмотрения последующих глав.

---

[1] Ленин. Собрание соч. т. XII, часть I-я, стр. 253—257.
[2] Там же, т. XI, часть I-я, стр. 16.
[3] Разрядка Ленина.

ГЛАВА I.

История указа 9 ноября 1906 года.

Указ 9 ноября, ошеломивший мелко-буржуазных революционеров и просто оппозиционеров и даже крупно-буржуазную оппозицию в лице кадет, отнюдь не явился плодом импрессионистского творчества Столыпина под непосредственным впечатлением деревенских иллюминаций (так называли помещики поджоги имений). Указ 9 ноября имеет свою довольно длительную историю и своему появлению менее всего обязан личному творчеству Столыпина и если может быть назван столыпинским, то лишь по своему исполнителю. В действительности он обязан своему появлению в свет работам не одной бюрократической комиссии [1]. Но нас, разумеется, менее всего интересует вопрос о том, какая именно комиссия, или какое именно лицо оставило след на этом указе.

Если мы упоминаем собственные имена, то лишь, как вехи исторического пути. Нас здесь интересуют экономические корни рассматриваемого законодательства и та борьба классов, которая вокруг него развернулась.

Столыпинское законодательство имеет то значение, что оно поставило ставку не только на легализацию капиталистических процессов в деревне, но и на их форсирование—на форсирование перевода деревни от экстенсивного хозяйства к интенсивному. С классовой стороны столыпиновщина являлась ставкой на крепкого мужичка, на кулака, который должен был явиться оплотом реакции в деревне. Ведь уничтожение архаической общины и установление буржуазного права собственности как раз преследовало ту цель, чтобы открыть дорогу капиталистическому перевороту в деревне.

Столыпинская реформа может служить одним из блестящих образцов теснейшей связи в изменении правовой надстройки в связи с развитием производительных сил и изменением строя производственных отношений.

Законодательное уничтожение общины было подготовлено всем предшествующим ходом капиталистического развития Общин-

---

[1] Подробно историю законодательства см. в работе И. В. Чернышева „Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет"—П. 1918, часть материалов которой мы использовали для первой и второй главы.

ное землепользование теснейшим образом связано с экстенсивным хозяйством и выгонным скотоводством и преимущественно с натурально-хозяйственными отношениями. Рост интенсификации хозяйства, вместе с введением в севооборот травосеяния и специальных культур, ломает трехполье, а тем самым и связанные с ними общинные отношения. Дифференциация крестьян. благодаря развитию капиталистических отношений, очень скоро приводит к отмиранию передельного аппарата—этого основания общинного землепользования.

Разложение общины быстрым темпом шло во второй половине XIX века; оно выражалось прежде всего в прекращении переделов, переходе наделов от пролетаризующихся крестьян к буржуазии, в частых семейных разделах и т. п.

Разложение общины особенно быстро шло в районах, уже переходивших под влиянием развивающегося рынка к плодосмену, т.-е. шло с северо-запада к центру России. Наоборот, в районах перехода от залежной системы к трехполью, что имело место в Сибири, на северных окраинах и отчасти на юго-востоке, община, понятно, не только не разлагалась, но, наоборот, даже развивалась и укреплялась, что вполне понятно—ведь, как мы доказывали выше, община теснейшим образом связана именно с трехпольным хозяйством.

Несомненно, в коренных русских землях капитал весьма резко ломал старые производственные отношения и прежде всего общинные отношения. Однако, постепенному разрушению общины отнюдь не соответствовало ее юридическое разрушение.

Диалектика правительственного отношения к общине была такова, что от относительно свободного выхода из общины по статье 12 и 162 положения 1861 г. правительство перешло фактически к категорическому запрещению его по закону 14 декабря 1893 г. Безоговорочное запрещение выхода из общины имело в виду поддержать без того падающую общину. Когда в середине 80-х годов уже стали ощущаться симптомы аграрного кризиса, правительство отнюдь не ставило вопроса о легализации фактического уничтожения общины. Наоборот, оно стремилось разрешить назревающее противоречие внутри старых производственных отношений и по старому политическому методу. Оно еще туже завинчивает винт—ограничивает семейные разделы (закон 1886 г.) запрещает выход из общины (1893 г.) и только в целях устранения наиболее вредных для поднятия производства переделов несколько их ограничивает (закон 1893 г.). Правительство внеэкономической поддержкой общины пыталось остановить ее экономическое разрушение, пока общиная оболочка не была сорвана новым напором развивающихся под ее покровом производительных сил.

Между прочим, такая диалектика типична для эволюции законодательства особенно в так называемые „критические эпохи“.

Отмирание старых производственных отношений и связанных с ними правовых форм большей частью, но не всегда, конечно, идет путем не эволюционным, а революционным, и идет резкими скачками. Сначала законодательство ищет разрешения назревших противоречий внутри существующих общественных форм и этим доводит систему до абсурда с тем, чтобы или самому от нее отказаться, или быть сброшенным вместе с нею.

Итак, в конце 80-х и в начале 90-х годов правительство пыталось остановить разрушение общины вне-экономическим путем. Однако, очень скоро обнаружилось не только бессилие этих мер, но и их задерживающие влияния на развитие производительных сил сельского хозяйства. 90-е годы были годами бурного развития русского промышленного капитала, были годами российского промышленного переворота. Разложение общины сделало крупнейший шаг вперед. Капитал экспроприирует основную крестьянскую массу. „Оскудение" деревни становится очевидным фактом.

„Оскудение" деревни, конечно, прежде всего должен был почувствовать финансовый аппарат старого режима, который забил тревогу по поводу падения платежеспособности крестьянского населения.

В начале 1898 г., как рассказывает Витте [1] в своих воспоминаниях, при рассмотрении отчета государственного контролера на том месте, где государственный контролер выразил мнение, что „платежные силы сельского населения находятся в чрезмерном напряжении", царь написал: „мне тоже кажется".

Министерство финансов прежде всего почувствовало, что крестьянин стал (как выразились земцы в одной записке в комиссию Коковцева по оскудению центра) „испорченным орудием производства". В том же году в октябре месяце писал Витте царю в письме, „что перестало хватать топлива для финансовой машины". Итак, бюрократия почувствовала прежде всего на своих финансах, что instrumentum vocale (говорящее орудие производства) испортилось. Раз испортилось—надо его починить. Разумеется, не могло быть и речи об облегчении экономического положения крестьянства. Когда Витте в том же году в комитете министров поднял вопрос о сложении выкупных платежей, это вызвало резкую оппозицию—„для чего крестьян баловать—они и так распущены и самовольствуют". Не могло быть и речи об изменении и в землевладении. „Дело не в земельном кризисе, а в неустройстве"—пишет Витте в уже цитированном нами письме, защищая необходимость пересмотра положения о крестьянах.

Как говорит Витте: „в ряде представлений Комитету министров в 1898 г. по вопросу об образовании особого совещания для рассмотрения законодательства о сельском состоянии и во всеподданнейшем докладе о государственной росписи на 1899 г.

[1] Витте: „Воспоминания", т. II, стр. 465.

я высказывал, что причина, задерживающая упрочение хозяйства наших крестьян, кроется в правовых условиях их быта"[1]. Комитет министров в заседаниях 28 апреля и 5 мая 1898 г. при рассмотрении отчета государственного контролера по предложению Витте высказался за особое совещание. Царь отложил утверждение этого журнала до осени. А затем вопрос об особом совещании был вырешен в положительном смысле лишь в 1902 г.

Нужно сказать, что в связи с рядом новых законов, принятых в 80-х и 90-х годах, государственный совет, обсуждая в 1893 году закон о запрещении свободного выхода из общины и о неотчуждаемости крестьянских наделов, высказался за необходимость пересмотра всего законодательства о крестьянах. Согласно этому пожеланию, Министерство внутренних дел в 1894 году выработало программу вопросов по крестьянскому законодательству, которую и передало на рассмотрение местных совещаний, составленных губернаторами из местного чиновничества. В 1902 году была создана редакционная комиссия под председательством Стишинского для обработки собранных материалов, которая проработала до 1905 года. Комиссия выработала новое положение о крестьянах в духе сохранения всех устоев и создания полной обособленности крестьянства, как особого сословия.

Эта комиссия работала по линии Министерства внутренних дел. Эта, так сказать, комиссия правительственной шуйцы, которая шла по линии сохранения устоев полукрепостнического строя и полукрепостнического землевладения.

Неурожай 1901 года и обострение кризиса крестьянского хозяйства вызвали к жизни комиссию Коковцова „по исследованию причин оскудения центра" (утверждена в конце 1901 года и начала работать в октябре 1903 г.). В комиссии при 15 чиновниках было 19 представителей земств. Наиболее интересная из поданных в эту комиссию записок, записка земцев основную причину оскудения деревни видит „в отсутствии прочного правопорядка, бесправии и невежестве крестьянского населения, в несовершенстве волостного суда, поставленного в зависимость от земского начальника, и в сложившихся формах землепользования"..., которые „служат главным тормозом для применения крестьянским хозяйством тех улучшений, которые выработаны сельско-хозяйственной наукой". Земцы высказываются за проведение землеустройства, об'явление общины „союзом добровольным, а не обязательным" с облегчением выхода из нее (впрочем, без земли) и с вознаграждением за оставляемую в общине землю.

Непосредственную связь с указом 9 ноября имеет „особое совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности", учрежденное 22 января 1902 года. Учреждение особого совеща-

[1] Витте. „Воспоминания". т. II, стр. 466.

ния не имело непосредственной связи с аграрным движением в Полтавской и Харьковской губ. Указ о совещании появился 22 января, а движение началось в конце марта, но, несомненно, напряженность атмосферы в деревне, которая давала себя чувствовать и в правительственных верхах, заставило его пойти на рассмотрение нужд деревни.

Бесспорно, аграрное движение 1902 года оказало громадное влияние на оформление в сознании господствующего класса тех мер, которые вошли потом в указ 9 ноября. Хотя правительственные агенты старались убедить, что движение было „не на почве экономической, а привито извне агитацией“ [1], но все же должны были признать, что „пропаганда упала на благоприятную почву крестьянского малоземелья и ряда недородов хлебов“, как это пишет исполняющий должность прокурора Харьковской судебной палаты Лопухин министру юстиции Муравьеву 15 апреля 1902 года [2].

На суде над крестьянами, участвовавшими в аграрном движении, „открылась безотрадная картина народного бедствия“. Пропаганда „имела значение только ланцета, вскрывшего нарыв, назревающий на самобытных условиях деревенской жизни“. Так пишет о своих впечатлениях на суде чиновник второго департамента сената Коваленский товарищу министра юстиции Манухину [3].

Полсотни разгромленных имений весьма отчетливо показали правительству, что крестьянин не только испортился как instrumentum vocale, не только стал плохим топливом для финансовой машины, но и грозил сделаться порохом для взрыва помещичьей власти.

Вот выработкой мер по улучшению этого орудия производства и занялось „Особое совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности“, которое, по словам Витте, „было составлено из лиц, в консерватизме коих, казалось бы, не могло быть никакого сомнения“ [4]. И вот эти-то консерваторы и принялись за выработку реформы крестьянского правового устройства. Совещание к своим задачам подходило со строго деловой точки зрения. Совещание, как пишет Витте [5], „исходило не из того положения, что для овец (крестьян. *С. Д.*) нужно ничего не делать, а только давать различные блага пастухам, а наоборот, из того, что необходимо ввести благоустройство в стадах, сделать так,

---

[1] Рапорт и. д. прокурора Харьковской суд. пал. Лопухина министру юстиции от 11 апреля 1902 г. № 886. „Крестьянское движение“, Центроархив, 1923 г., стр. 27.

[2] „Крестьянское движение“, стр. 33.

[3] Там же, стр. 50 и 94.

[4] Витте. „Воспоминания“, т. I, стр. 476.

[5] Там же, стр. 478.

чтобы и стада были тучные и здоровые, тогда и пастухам будет, во всяком случае, недурно".

Как видим, бюрократия подходила к крестьянскому вопросу весьма „материалистично" только по принципу „норови в карман".

Наиболее дальновидные из реакционеров, как Витте, своевременным разрешением крестьянского вопроса хотели предотвратить возможность революции, которая уже тогда висела в воздухе. „Все революции происходят от того, что правительство во время не удовлетворяет назревшие народные потребности" [1],— такова теория революции гр. Витте.

Как же накануне 1905 г. бюрократия понимала народные потребности и как пыталась их разрешить? Основное зло она видела, конечно, не в эксплоатации крестьян помещиками, а в неудовлетворительности их правового устройства. „Крестьянство, говорит тот же Витте, находилось вне сферы гражданских и других законов... На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения „не персона, а полуперсона"... Он перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского правления, находившегося под попечительным оком земского начальника" [2]. Вот на эти-то недостатки правового устройства крестьян и обратило главное внимание особое совещание. Была выработана особая программа, которая была разослана образованным местным губернским и уездным комитетам. Последние должны были „осветить" нужды сельско-хозяйственной промышленности, при чем были поставлены, главным образом, технические вопросы, общие же вопросы затрагивать воспрещалось. И кое кто из третьего элемента, явочным порядком ставивший этот вопрос, жестоко пострадал (например, был выслан из Воронежской губ. известный земский статистик Щербина). Было образовано 618 местных комитетов, из них 536 уездных и 82 губернских, с общим числом членов 12.000 человек. Разумеется, главную роль в них играли землевладельцы и чиновники (среди членов комитета землевладельцев было 37%, чиновников 29%, земских гласных и служащих 23%, крестьяне же были совсем устранены—их насчитывалось всего 2%).

В трудах местных комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности были установлены основные положения указа 9 ноября. Конечно, будучи составлены из чиновничества и дворянства, местные комитеты, согласно инструкциям, должны были видеть и в действительности видели корень крестьянского неблагополучия в технической отсталости. Не называя его своим именем, они более или менее точно поняли кризис крестьянского хозяйства, как кризис трехполья, поэтому большинство комите-

---

[1] Витте. „Воспоминания", т. I, стр. 483.
[2] Там же, стр. 445.

тов высказало пожелание о переходе крестьянского хозяйства к многополью. Рекомендовали крестьянам посевы трав и корнеплодов.

Так как на пути введения технических улучшений стояло общинное землепользование, то большинство комитетов высказалось за раскрепощение крестьян от ее власти (вопрос о раскрепощении от помещиков, разумеется, не подымался). В области изменения крестьянского правопорядка, пожелания большинства комитетов свелись к следующему: 1) „содействовать переходу сельских общин к подворному и хуторскому владению, предоставив отдельным крестьянам выделять свой надел из общинного землепользования, помимо согласия мира“, 2) „устранить обособленность крестьян в правах гражданских и личных по состоянию в частности, в порядке управления и суда“. То же отношение к крестьянству, в смысле осуществления его буржуазного устройства, складывалось в центре. Характерно, что в „высочайшем“ манифесте 26 февраля 1903 года, хотя и признавалось необходимым сохранить „неприкосновенность общинного строя, но в то же время предлагалось изыскать одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из нее“. Хотя особое совещание и не успело принять окончательного решения по вопросу об общине, но все же в нем наметилось большинство, стоявшее за разрешение свободного выхода из общины. В записке Витте по крестьянскому делу, которая явилась интродукцией для общих собраний „особого совещания“, мы находим важнейшие аргументы против общины. „Преклонение перед общиной предшествовало ее изучению“, говорит Витте. Он считает, что „община является тормозом культуры“, „временное владение приводит к хищничеству“ [1]. Не согласен Витте и с тем, что община является оплотом против пролетаризации—наоборот, она ведет к „постепенной общей пролетаризации населения“. У него же мы находим сомнение в политической благонадежности общины, он считает ее „поприщем для распространения социалистических понятий“ [2]. Витте высказывается за об‘явление общины добровольным союзом, за свободный выход из общины.

Как видим, уже в 1904 году были формулированы те мысли, которые сделаются ходячими в дворянских кругах в 1905—6 г.г. Особое совещание успело окончательно рассмотреть лишь вопросы управления и суда. Вопросы об общине и семейном владении лишь были продискуссированы. По вопросу о роли общины в аграрном движении развернулись довольно оживленные прения. Нужно сказать, что в отношении к общине выявилось то же самое деление русских помещиков, что и в 1861 году, именно, деление на владельцев имений в черноземных губ. и нечерноземных

---

[1] Витте. „Записка по крестьянскому делу“, стр. 82.
[2] Там же, стр. 82.

губ. Если в 1861 году первые явились горячими сторонниками освобождения крестьян без земли, так как им нужен был батрак, а не отработочник и арендатор, то и теперь они являются противниками общины, которая задерживает капиталистические процессы и в особенности пролетаризацию крестьян. Вторые в 1861 году отстаивали освобождение с землею, так как лишение земли крестьян нечерноземной полосы привело бы их к массовому уходу в города, что лишило бы помещика необходимых для него батраков и арендаторов. Идеологически эта разница интересов сказывалась в различной оценке роли общины в техническом прогрессе и особенности ее роли в аграрном движении. Старую точку зрения на общину, как оплот консервативности и патриархального быта, особенно ярко поддерживали Семенов-Тяньшанский и сенатор Хвостов. „Группа истинно-русских людей, заявил последний в „Особом совещании",—не может никогда помириться ни с упразднением общины, ни с уничтожением семейного быта крестьян" [1]. Однако, большинство всецело стало на точку зрения необходимости упразднения общины, тем более, что богатый материал для нападок на последнюю дали ему аграрные волнения. Воспитание в массе населения чувства собственности, которое должно привить ему уважение к чужой собственности, становится лейт-мотивом всех дворянских с'ездов и совещаний. Витте приводил в пример устойчивость Франции во время революций, которая держится на тех распыленных участках земли, которые состоят в личной собственности населения. „Но горе той стране,—восклицает Витте, впадая в менторский тон,—которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение... В такой стране могут рано или поздно произойти такие горестные события, подобных которым может быть нигде и не было" [2].

Между тем, „горестные события" стали совершившимся фактом. В феврале месяце начались аграрные волнения. Однако, в первый момент правительство пытается остановить их не мерами уступок, а мерами репрессий. Правительство подготовляет появившийся 15 апреля 1905 г. указ об особых комиссиях, которые мы бы назвали теперь „репарационными",—по выяснению виновников беспорядков и взысканию с них причиненных убытков. При чем иск мог обращаться и на надельные земли, которые могли продаваться для возмещения убытков помещикам. Уклон в сторону репрессии сразу же оборвал реформаторские попытки правительства. Первым результатом этого поправения было закрытие „особого совещания" под председательством Витте.

---

[1] Журналы Особого совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, протокол от 11 декабря 1904 года.

[2] Там же. Протокол № 26.

Как пишет он в своих воспоминаниях: „Горемыкин, карьерист Кривошеин и Трепов подвели под совещание мину и взорвали его, выдав царю чуть ли не за революционный клуб". При чем закрытие было столь неожиданно, что за два дня до этого царь утвердил журнал совещания, и о закрытии Витте узнал лишь из газет. С закрытием виттевского совещания было образовано другое, под председательством Горемыкина, при чем, в рескрипте на имя последнего, указывалось на „непременное сохранение частного землевладения от всяких на него посягательств". Совещание Горемыкина „большей частью было составлено из членов же виттевского совещания, одинакового с Горемыкиным пошиба, т.-е. или „чего изволите" или „за царя, православие и народность, а в сущности за свое пузо, за свой карман и за свою карьеру", как весьма нелестно характеризует Витте [1] своих коллег.

Как всегда, слабое революционное движение лишь щекочет нервы господствующих классов. Революционное движение первой половины 1905 г. лишь усилило меры репрессии, на которые направляется главное внимание правительства. Единственным намеком на будущие реформы было учреждение комитета по земельным делам и преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия (указ 6 мая 1905 г.). Совещание Горемыкина оставило лишь некоторые собрания всевозможных резолюций отдельных организаций и отдельных лиц по аграрному вопросу, да несколько журналов своих заседаний, которые зафиксировали весьма комичные прения по вопросу о привлечении крестьян к обсуждению пересмотра законоположений.

Поворотным пунктом явился октябрь. В октябре разразилась сначала железнодорожная, а затем и всеобщая забастовка, которые до основания потрясли основы царского строя. Революционному движению в городах вторила деревня, энергично разрушавшая помещичьи владения, не мытьем, так катаньем изгоняя из деревни их владельцев. Правительство было охвачено паническим настроением. Результатом его явился манифест 17 октября, которым правительство попыталось полить маслом бушующие революционные волны. Во время аграрных волнений, рассказывает Витте, „многие дворяне собственники земель совсем потеряли голову". Например, дворцовый комендант Трепов [2], вскоре после манифеста 17 октября говорил Витте о необходимости отчуждения помещичьих земель в пользу крестьянства. „Я сам,— говорил генерал,—помещик, и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину". Памятниками этого

---

[1] Витте. „Воспоминания", т. I, стр. 482.
[2] Там-же, т. II, стр. 157.

панического настроения остались проекты о частичном отчуждении частно-владельческих земель проф. Мигулина и Кутлера. Проект Мигулина через Трепова был передан царю, который и передал его Витте для обсуждения в совете министров. Любопытно, что даже назначенный для усмирения беспорядков в Черниговской и Курской губ. генерал-ад'ютант Дубасов, который, по выражению Витте, „отлично себя держал при подавлении аграрных беспорядков", т.-е. беспощадно порол и расстреливал крестьян, также склонен был согласиться на отчуждение частновладельческих земель. В бытность свою в командировке в Петербурге, он в разговоре с Витте „убежденно советовал провести закон до созыва Государственной думы, по которому те земли, которые крестьяне насильно захватили, остались бы за ними, и, на возражение Витте против такой меры, он говорил: „этим крестьян успокоите, и помещикам будет лучше, так как, в противном случае, крестьяне отберут все земли от частных владельцев" [1].

Витте приводит свой разговор с Дубасовым, возможно, и очень не точно переданный, но все же он показателен.

Однако, это было лишь только настроение. Октябрьская забастовка вывела господствующий класс из состояния равновесия, но не вырвала у него политическую власть. Совет министров отверг проект Мигулина, но в целях успокоения высказался за отмену выкупных платежей и за расширение деятельности Крестьянского поземельного банка по скупке земель у помещиков и продаже их крестьянам, что и было сделано манифестом 3 ноября 1905 года. Манифест был весьма сочувственно встречен дворянством. Продажа земли через Крестьянский банк открывала перед дворянством возможность избежать угрожавшего захвата своей земли и продажи ее по очень выгодным ценам Крестьянскому банку. Целый ряд дворянских записок приветствуют этот акт, при чем некоторые из них, как, например, симбирское дворянство в постановлении от 4 декабря 1905 года не прочь изобразить это как жертву в интересах спасения отечества [2]. Хотя истинный смысл этой жертвы вскрывается их же собственным требованием, чтобы продажа земли производилась „без понижения цен", и теми резкими протестами, которые вызвала попытка Крестьянского банка в некоторых случаях ограничить чрезмерные аппетиты дворянства, неимоверно вздувавшего земельные цены.

Памятником этой паники остался также проект о частичном отчуждении частновладельческих земель, выработанный комиссией под председательством вошедшего в кабинет Витте в качестве главноуправляющего землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлера, впоследствии видного члена кадетской партии, а в 1921—1924 г. г. члена Правления Госбанка. Кутлер от имени комиссии в

[1] Витте. „Воспоминания", т. II, стр. 116.

[2] „Дело совета министров по аграрному вопросу" 1906. (В настоящее время это дело опубликовано. *С. Д.*)

своем докладе [1] выступил за отчуждение частновладельческих земель: „Слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях". Как докладывал Витте царю во всеподданнейшем докладе от 10 января 1906 г., этот проект „основан на мысли об обязательном, в известной мере за вознаграждение, отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель, при чем земли, впусте лежащие, кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчуждаются без всяких ограничений, а другие земли, в зависимости от размера имения, с полным при этом из'ятием из действия закона владений с выдающейся по местным условиям организацией хозяйства".

Проект Кутлера вызвал большой переполох в правительственных сферах и дворянстве. Появляются многочисленные дворянские записки с резкими протестами против него. Так, например, одна записка [2], на которой чья-то бюрократическая рука начертала: „эта умная записка" квалифицирует этот проект, как „акт безумия", который приведет лишь только к одному разорению. „Неизбежным последствием проекта будет обнищание всего народа и банкротство государственного хозяйства". Автор грозит тем, что осуществление этого проекта вызовет новую смуту. Все, мол, восстанут: и дворяне, и зажиточные крестьяне, и торговцы, и даже рабочие, которые, дескать, будут возмущены (!!) тем, что дали земли крестьянам, а не им. Будет „панический страх перед действием правительства". Нужно считаться с тем, что пока проект вырабатывался, произошло событие, которое послужило поворотным пунктом к изменению соотношений сил в пользу реакции. Именно, пока проект вырабатывался, произошло декабрьское восстание, окончившееся неудачей. После победы над рабочим классом на улицах Москвы и с общим упадком революционного движения, настроение в правящих сферах значительно изменилось, тем более, что за время зимы несколько ослабело и аграрное движение. „О необходимости обязательного отчуждения в пользу крестьян или дополнительного надела сначала перестали говорить, потом начали выражать сомнение в целесообразности этой меры и, наконец, самую идею принудительного отчуждения, хотя бы за плату, начали признавать преступною, а тех, которые придерживаются такой ереси, революционерами" [3]. Вполне естественно, что проект Кутлера, поступивший на обсуждение совета

---

[1] Проект Кутлера был напечатан в кадетском сборнике „Аграрный вопрос", т. 2, изд. Петрункевича и Долгорукова.

[2] Дело совета министров по агр. вопросу 1906 г.

[3] Витте. „Воспоминания", т. II, стр. 159.

министров в последних числах декабря, уже явился запоздавшим. Сам Витте „этот проект, в виду перемены настроения в высших сферах, считал по меньшей мере несвоевременным“ [1]. Совет министров высказался за неприкосновенность частной собственности, хотя на заседании и произошли некоторые разногласия. Вот как докладывал об этом Витте царю 10 января 1906 г. во „всеподданнейшем докладе“ [2] „о ходе занятий совета министров в отношении к аграрному вопросу и мерах, подлежащих к принятию для прекращения и предупреждения происходящих аграрных беспорядков“: проект Кутлера, „составленный на основаниях более мягких, нежели известный вашему величеству проект проф. Мигулина, вызвал при предварительном общем обмене мнениями полное коренное разногласие среди совета“. При этом Витте приводит мнения министров за и против. За—он приводит уже известные нам положения Кутлера о том, что для помещиков является предпочтительным „поступиться частью земель“, нежели лишиться всего, против же он приводит мнение тех, которые отстаивали „святость понятия собственности и настаивали на том, чтобы добиться „сначала успокоения внешними средствами“, а потом уже проводить реформу. Понятно, что царь на полях против того места, где Витте излагал проект Кутлера, положил резолюцию: „не одобряю“, и против того места, где Витте передавал взгляды тех министров, которые считали „предпочтительным для помещиков поступиться частью земель“, царь „начертал“: „частная собственность должна оставаться неприкосновенной“. Царь потребовал отставки Кутлера, не согласился даже на назначение его ни членом совета, ни сенатором, а лишь по настоянию Витте дал ему пенсию в 7.000 руб. После своей отставки Кутлер. по удачному выражению М. Н. Покровского [3], „с горя пошел в кадеты“.

В начале января было очевидно, что революционное движение в городах явно идет на убыль. Как писал Витте во всеподданнейшем докладе от 10 января 1906 г., проявления революционного движения в городах, „за исключением аграрного движения“, „могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут“ (на полях царь: „давай бог“). Упадок революционного движения в городах Витте об‘ясняет тем, что „ряды революционеров поредели из-за репрессий правительства и убыли во время мятежей“ [4]. Однако, со стороны деревни правительство ожидало новых вспышек движения. „Что касается аграрных беспорядков, то они не только не кончены, но едва ли не следует признать их лишь вступившими в первый их период“. С весною Витте

---

[1] Витте. „Воспоминания“, т. II, стр. 160.
[2] Дело Совета министров по аграрному вопросу 1906 г. 8 лист.
[3] М. Н. Покровский. Предисловие к „Воспоминаниям Витте“.
[4] Дело Совета министров по аграрному вопросу. 5 л.

ожидал новой вспышки более сильного аграрного движения. В целях предотвращения его Советом министров было обращено „усиленное внимание на этот предмет“. В своих мероприятиях правительство различало „такие меры, кои имеют в виду достигнуть только наружного временного успокоения“, от тех, „которые носят органический характер и направляются к устранению самой возможности явлений, недопустимых ни в каком культурном государстве“ [1]. Из первых мер правительство предпринимает усиление сельской полиции, разрабатывает меры по „применению с наибольшей для дела пользой военной силы“, по усилению судебного воздействия и т. п. Из вторых мер совет министров не находит возможным итти далее указа 3 ноября 1906 г. о сложении выкупных платежей и расширении деятельности Крестьянского банка. „По убеждению Совета министров никакие дальнейшие в этом направлении мероприятия, которые вносили бы коренные изменения в существующие поземельные отношения, не могут быть приняты ранее собрания Государственной думы“. Витте считал необходимым те мероприятия, которые мы далее будем разбирать, провести через Государственную думу. „Совет министров предполагал оповестить во всеобщее сведение, что аграрный вопрос в первую же очередь будет внесен на обсуждение Государственной думы“. Но по указанию царя это „оповещение“ было отложено до выработки самих проектов.

Каковы же были подготовляемые проекты?

Отвергнув возможность принудительного отчуждения частновладельческих земель, Совет министров намечает другие мероприятия, именно те, которые были выработаны особым совещанием Витте и легли впоследствии в основу указа 9 ноября. „Наряду с вопросами о землевладении, пишет Витте в цитированном нами докладе, не менее важным представляется улучшение самых порядков и условий крестьянского землепользования“. Совет министров выдвигает два основных вопроса, подлежащих разрешению—„о признании надельных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из общества в связи с выделом отдельных участков из состоящей в общем владении земли“. „Разрешение этих вопросов... может иметь по мнению Совета министров благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушить крестьянам и более здравые взгляды на чужое право собственности“ (на полях царь: „одобряю“) [2].

Итак, ставка на частную собственность получила „высочайшее одобрение“. Судьбы общины были уже решены—оставалось выработать соответственные законодательные акты, чем и занялась бюрократическая машина. Почти одновременно работали: „комиссия при Главном управлении землеустройства и земледелия для

[1] Дело Совета министров. Доклад Витте от 10 Января 1906 г.
[2] Там же, 10 л.

рассмотрения ближайших мер к устройству земельного быта крестьян“ (заседания 31 января, 7 и 10 февраля 1906 г.) и „Особое совещание, образованное при Министерстве внутренних дел для предварительной разработки вопроса о согласовании с высочайшим манифестом 3 ноября 1905 г. законоположений, касающихся права крестьян на надельные земли“. Первая комиссия как раз и подготовила указ 4 марта 1906 г. о землеустроительных комиссиях. Очевидно, одним из членов этой комиссии, скорее всего Кривошеиным, была тогда же представлена записка „об аграрных беспорядках и о преобразовании в крестьянском хозяйстве“. Комиссия и автор этой записки признавали необходимым издать манифест к крестьянам с указанием на неосновательность их надежд на наделение землею. Нужно сказать, что в связи с предположением издать манифест было представлено до десятка всевозможных проектов манифеста. Проекты писали и Дурново, и Гурко, и Кривошеин, и многие другие чиновники. К этому делу был даже привлечен „художник слова“ из „Нового Времени“ Меньшиков. Составленный Советом министров на основании всех этих проектов, проект манифеста призывал крестьян к прекращению беспорядков, указывал, что „разгром имений причиняет вред (?) самим крестьянам, так как лишает их заработка“. Очевидно, мало надеясь на силу увещания, манифест грозит „прекратить насилие и грабежи самым решительным образом“: „крестьянам, которые, забыв бога, отваживались поднять руку на чужое добро—гласит этот проект манифеста, да будет известно, что ни одна пядь захваченной ими земли не останется в их владении и что за всякое посягательство на чужую собственность они понесут должное наказание“.

Однако, представляя этот проект манифеста на подписание царю, Совет министров в мемории от 10 и 24 февраля 1906 г. [1] приводил довольно решительные против него возражения,— именно считал его несвоевременным в виду близкого открытия Думы, не достигающим цели и, кроме того, „нарушающим традиции введением в манифест угроз“, тогда как по традициям манифесты были всегда „милостивыми“.

Возможно, что эти соображения, а возможно и иные заставили царя отказаться от мысли издать манифест. На цитированной нами мемории Совета министров от 10 и 24 февраля царь написал: „текста манифеста не одобряю“. Через два дня после этого, именно 5 марта, Витте получил от дворцового коменданта Трепова записку следующего содержания, которую, в виду ее колоритности, приводим целиком: „государь император высочайше повелеть соизволил передать вам, что издание манифеста по вопросу о крестьянских беспорядках признается его величеством нежелательным, почему и не представляется надобности пере-

[1] Дело Совета министров по аграрному вопросу 1906 г.

работки редакции неодобренного его величеством проекта. Если же за сим вам необходимо войти с личным всеподданнейшим докладом по другим предметам, то благоволите меня уведомить для доклада и испрошения указания от его императорского величества. Сердечно вам преданный Ф. Трепов“ [1].

Итак, одно предложение комиссии об издании манифеста было отвергнуто, зато другое предложение об образовании землеустроительных комиссий было принято и было осуществлено указом от 4 марта 1906 г. Издавая этот указ, правительство надеялось, что „совместными (?) трудами в упомянутых комиссиях землевладельцев и крестьян будут постепенно облегчены насущные нужды сельского населения, при непременном условии ненарушимости частной собственности, как коренного устоя государственного порядка и блага общественного“. Разумеется, крестьяне в этих комиссиях были почти не представлены или представлены весьма своеобразно. В губернских комиссиях на 8 чиновников во главе с губернатором избиралось 6 членов губернских земских собраний, и вот из этих шести трое должны были быть крестьянами. В уездах же на 6 чиновников трое избиралось уездным земством и трое от крестьян по жребию. Как гласит статья 4 этого указа, „в обязанность уездным землеустроительным комиссиям вменяется выяснение способов удовлетворения нужд крестьянского землевладения и ближайшее содействие Крестьянскому банку в операциях его по данному уезду. Вместе с тем в круг ведения комиссии входит: а) облегчение нуждающимся крестьянам переселения на свободные земли и арендование на льготных основаниях казенных оброчных статей, б) содействие сельским обществам в установлении более совершенных способов пользования надельными землями, в) полюбовное разверстание чересполосных угодий, а также различных видов общего пользования сельско-хозяйственными угодиями и сервитутами, с укреплением состоявшихся по этому роду делам сделок без взимания крепостных и иных пошлин, г) разделение крупных сельских обществ на более мелкие хозяйственные единицы и содействие к расселению крестьян на запольные земли с выдачею им безвозвратных на этот предмет пособий и д) посредничеством между крестьянами и частными землевладельцами при полюбовном в порядке обоюдных уступок разрешении земельных споров“.

Особенно хорош здесь пункт „д“ о полюбовном разрешении земельных споров. Что это было за полюбовное соглашение,— комментариев не требует.

Как мы уже указывали, одновременно с комиссией Главного управления землеустройства и земледелия, разработавшей указ 4 марта 1906 г. о землеустроительных комиссиях, было образовано при Министерстве внутренних дел „Особое совещание для

[1] Дело Совета министров по агр. вопросу, лист 80.

предварительной разработки вопросов о согласовании с высочайшим манифестом 3 ноября 1905 г. законоположений, касающихся права крестьян на надельные земли" [1]. Комиссия была образована по постановлению Совета министров 6 января 1906 г., из представителей Министерства внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия и Министерства финансов. Председателем совещания был назначен Гурко, тогдашний заведующий земским отделом Министерства внутренних дел. Уже в программе занятий этого совещания, в разделе б, статья 2, перед совещанием ставился вопрос: „не следует ли признать, что каждый член общества имеет право во всякое время требовать выдела в частную собственность причитающейся доли из общинной земли". В первом же заседании этой комиссии 25 января было решено, что „каждый член в обществах, в коих не было передела вовсе более 24 лет, в праве требовать укрепления в частную собственность доли общественной земли по фактическому владению, при чем участки, находящиеся в аренде, в расчет не принимаются". В проекте заключения большинства членов совещания по вопросам, рассмотренным в заседаниях 25, 27 и 31 января 1906 г., мы уже находим почти точный прототип указа 9 ноября 1906 г. Статья первая этого проекта гласит: „постановить, что впредь до пересмотра действующих крестьянских узаконений в надлежащем законодательном порядке, выдел отдельным домохозяевам в частную собственность участков из состоящей в общественном пользовании надельной земли, свободной от выкупного долга, производится на основании статьи 12 „общего положения о крестьянах 1861 г." и примечания к ней с соблюдением нижеследующих временных правил: 1) укрепляются в частную собственность участки, состоящие в его действительном пользовании, за исключением тех, которые представлены ему в срочное пользование; 2) где были переделы, там за излишки укрепленцы должны платить „по средней выкупной цене". Разрешая в положительном смысле вопрос об укреплении земли в частную собственность, комиссия, конечно, должна была отменить все те препятствия, которые стояли на пути к покупке и залогу надельной земли. Любопытно, что по вопросу об обязательном укреплении в частную собственность земли в тех общинах, в которых не было переделов в течение 24 лет, представитель Главного управления землеустройства и земледелия выступил с проектом удлинения этого срока на 40 лет. Вообще, как мы убедимся далее, мероприятия по указу 9 ноября наиболее реакционную чеканку получали в Министерстве внутренних дел. Главное управление землеустройства и земледелия, благодаря

---

[1] Дело земского отдела М. в. д. за 1906 г. № 12 (чтобы не загромождать текста, мы делаем ссылки только на дела. Дела М. в. д. находятся в III отдел. юрид. секции единого гос. архивн. фонда; Совета министров— в I отд. юрид. секции; Департамента полиции—в I отд. полит секции Главного упр. з. и з.—в V отд. экон. секции).

самому характеру своей деятельности, более представляло капиталистические круги помещиков, и деятельность его была связана с общим капиталистическим развитием, так же, как и Министерства финансов. Показательно, что представители этих двух ведомств настаивали на передаче вырабатываемого законопроекта на рассмотрение Государственной думы, как „важнейшего бытового и правового вопроса в крестьянской жизни“ [1]. Проводя постановление об укреплении земли по фактическому владению, т.-е. позволяя тем крестьянам, у которых из-за перемены в их семье после последнего передела образовались излишки, получить премию за выход из общины, совещание сознавало, что этим дается сильнейший толчек к растаскиванию общинных земель. Так как комиссия признавала, что окончательно вопрос о пересмотре законоположения о крестьянах может быть разрешен в общем законодательном порядке, т.-е. через Государственную думу, то оно предполагало издать лишь временные правила. Но, само собой разумеется, что введение даже этих временных правил безвозвратно разрушило бы общину. Возражая против того, что вопрос об общине окончательно подлежит рассмотрению Государственной думы, которая сможет отменить временные правила, чиновник Министерства юстиции Лыкошин вполне резонно отметил на полях проекта: „едва ли. Если растащат, то никакая дума вновь не соберет и не восстановит общины“ [2]. Очевидно, руководствуясь этими соображениями, Лыкошин, который вскоре сделался товарищем министра внутренних дел и энергично проводил указ 9 ноября, старался растащить общину так, чтобы уже к рассмотрению вопроса в Государственной думе было очевидно, что общину восстановить нельзя.

Нужно сказать, что и Совет министров согласился с необходимостью внести аграрный вопрос на рассмотрение Государственной думы, хотя, как мы убедимся в этом далее, в случае отрицательного ею его разрешения, был предрешен ее разгон. Как гласит мемория Совета министров от 5 марта 1906 года, утвержденная царем 10 марта, Совет министров решил „выступить перед выборными людьми во всеоружие готовой и стройной программы по важнейшим вопросам предстоящей деятельности и не быть захваченным открытием первой сессии Думы как бы врасплох“ [3].

Правительство и на самом деле полагало внести в Думу крестьянский вопрос, так как оно, хотя и предвидело оппозиционность Думы, но все же надеялось, что при его постановке „будет менее всего оснований опасаться бесплодной траты силы Думы на пререкание с представителями правительственной власти, в виду

[1] Дело Земск. отд. М. в. д., лист 62.

[2] Там же, 96 л.

[3] Мемория Совета министров от 5 марта 1906 г. Цитирую по копии из дела земского отдела М. в. д., № 35, за 1906 г. 4 л.

открывающегося для нее пути творческой серьезной работы“ [1]. Увы, правительство Витте очевидно не понимало того, что творческая серьезная работа требовала как раз уничтожения помещичьего землевладения, на что ни в коем случае правительство пойти не хотело.

Та же необходимость проведения крестьянского законоположения через Государственную думу задержало издание кабинетом Витте тех временных правил, которые были разработаны комиссией Гурко и которые, как мы видели, являлись прототипом указа 9 ноября. Когда проект этой комиссии поступил в Государственный совет, то последний в заседании „соединенных департаментов законов гражданских и духовных дел, государственной экономии, промышленности, наук и торговли“, 18 марта 1906 г., в присутствии председателя Совета министров, министров внутренних дел, юстиции и главного управляющего землеустройством и земледелием, не признал „возможным до созыва Государственной думы приступить к общему пересмотру действующего законодательства о крестьянах“ [2]. Это заседание отклонило даже издание временных правил, хотя по этому вопросу произошли и довольно большие разногласия. 17 человек совета, с Витте во главе, признавая возможность общего пересмотра лишь через Государственную думу, находили все же возможным издание временных раз‘яснений. Но большинство—23 человека решительно высказались против общей ломки крестьянского быта накануне созыва Государственной думы: „23 члена совета считают совершенно невозможным без участия Государственной думы устанавливать какие бы то ни было новые правила относительно способа выдела отдельных домохозяев из общины“. Революция, а в особенности еще не прекратившееся революционное движение, пробила головы даже маститых сенаторов, которые начали понимать „невозможность решения крестьянского вопроса без самих крестьян“. 23 члена совета мотивировали необходимость передачи вопроса на рассмотрение Государственной думы, между прочим, и тем, что необходимо выслушать в Думе мнение крестьян. „Во всяком случае, говорили они, в Государственную думу войдут по одному крестьянину от каждой губернии“... „Суждения и заключения этих членов Думы будут особенно ценны именно по крестьянскому, близкому им, известному вопросу“. Но все же совещание решило передать вопрос „на уважение общего собрания Государственного совета“ [3]. Точка зрения большинства заседания соединенных департаментов восторжествовала и на общем

---

[1] Дело М. в. д. по земскому отделу № 35, л. 4.

[2] Там же, 197 л.

[3] Журнал заседания государств. сов. соедин. департ. законов гражданских и духовных дел, государствен. эконом. промышл. наук и торговли от 18 марта 1906 г. Цитирую по копии из дела М. в. д., № 35, 1906 г. 191 л.

собрании Государственного совета. Последний также не решился обсуждать „столь важный“ законопроект и предложил передать его на рассмотрение открывающейся Государственной думы. Тогда Совет министров образовал, под председательством главноуправляющего землеустройства и земледелия Никольского, междуведомственную комиссию для выработки „главных оснований“ предположенного пересмотра крестьянских законоположений.

Однако, лишь только 5 июня 1906 г. за № 14392 [1] от Министерства внутренних дел, за подписью Столыпина, были препровождены председателю Государственной думы проекты Положений: 1) о земельных обществах, владеющих надельными землями и 2) об актах на надельные земли, которые были выработаны еще редакционной комиссией, под председательством Стишинского—акты, которые никогда после не увидали света и лишь в весьма своеобразном виде отразились на некоторых статьях нашего советского земельного кодекса. (Как известно, многие статьи современных кодексов, как земельного, уголовного и гражданского, вполне естественно, поскольку еще не вполне изменилась общая обстановка жизни, схожи со статьями буржуазного законодательства).

Любопытно, что Положение было послано в Государственную думу 5 июня, а через три дня, 8 июня, Совет министров решил распустить первую Государственную думу, лишь подыскавши более или менее удобный для этого момент [2]. Таким образом, внесение этих проектов было рассчитано на то, что Дума их рассматривать не будет.

Об‘ясняется это тем, что в противоположность Витте и представляемым им кругам, в высших сферах боялись вносить аграрный вопрос в первую Государственную думу. Как мы уже отмечали, из доклада Витте царю от 10 января 1906 г. было очевидно, что царь был против внесения аграрного вопроса на рассмотрение Государственной думы.

Как рассказывает Витте, возникло даже предположение о разгоне Государственной думы, если бы она поставила вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель. В совещании по пересмотру основных законов, происходившем под председательством царя, при обсуждении статьи 35 основных законов о неприкосновенности частной собственности, Горемыкин высказал, что предстоящую Думу вообще не следует допускать говорить о принудительном, хотя бы и возмездном отчуждении, а в случае, если она не подчинится этому требованию, то правительство должно будет Думу разогнать“ [3]. Это понравилось царю и послужило как бы программой деятельности Го-

---

[1] Дело зем. отд. М. в. д. № 35 за 1906 г.
[2] Мемория Совета министров от 8 июня 1906 г. (бывш. архив Гос. сов.).
[3] Витте. „Воспоминания“, т. II, стр. 242.

ремыкина, сменившего на посту председателя Совета министров Витте, между прочим, и из-за вопроса о разгоне Думы. Несомненно, отставка Витте имела более глубокие причины. Она означала еще одну ступеньку в переходе правительства от политики уступок к политике репрессий, которые становились тем сильнее, чем слабее было революционное движение.

Для реакционных кругов Витте был персонификацией манифеста 17 октября и вообще всех уступок, сделанных царизмом в период послеоктябрьской забастовки. Витте бесспорно по своей предшествующей деятельности, как министр финансов, представлял буржуазно-капиталистические интересы и, несомненно, был чуждым реакционным помещичьим кругам. Не даром ему в своих воспоминаниях все время приходилось подчеркивать свое дворянское происхождение и доказывать свою контр-революционность, хотя и более разумную. Он был одиозен дворянству, между прочим, и благодаря тем мероприятиям, которые были им осуществлены в Министерстве финансов. Известно, насколько било русское помещичье землевладение введение устойчивого денежного обращения. При низком курсе русской валюты помещик мог получать громадные барыши на внешнем рынке, введение же золотого обращения, т.-е. установление стабилизированной валюты, несомненно, уменьшало их прибыли при экспорте хлеба. На разорительное влияние реформы денежного обращения указывают многочисленные дворянские записки. Между прочим, и в трудах местных комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности также нашла отражение себе и эта точка зрения [1].

Итак, по своей связи, не с крепостнической, а чисто буржуазно-капиталистической политикой, Витте пользовался большой ненавистью в правых кругах (недаром охранка вместе с союзом русского народа подготовляла ему участь Герценштейна и Иолоса). В лучшем случае Витте считался фигурой весьма не подходящей для осуществления белого террора. „Диллетант в вопросах внутренней политики", говорит про него в своих воспоминаниях махровый охранник Курлов [2]. И действительно, что иное мог про него сказать охранник, когда он сам признавался, что не был специалистом в делах охранки. Все это и предрешило неизбежность отставки Витте. Но для нас важно, что также одним из поводов к его отставке был вопрос об отношении к Государственной думе. В своем письме об отставке 14 апреля 1906 г. Витте указывал царю, что он не разделяет убеждений крайних консерваторов, не согласен с политикой министра внутренних дел Дурново и, кроме того, ссылался на цитированное выше заявление Горемыкина на совещании об основных законах о необходимости разогнать Думу, если она поднимет вопрос

---

[1] Обзор трудов местных комитетов.
[2] Ген. Курлов. „Конец русского царизма". Воспоминания, стр. 45.

об отчуждении земель. „Если убеждения их (Горемыкина и его сторонников) правильны, то, казалось бы они должны были бы иметь возможность провести их на практике“ [1]. Пусть не думает читатель, что Витте и представляемые им крупно-буржуазные реакционные круги в серьез думали считаться с Думой. Витте считал ошибкой, что Государственной думе не дали обсуждать земельный вопрос именно потому, что все равно проект Думы был бы отвергнут государственным советом. „Обсуждение же Думой земельного вопроса заставило бы многих поправеть“ [2].

Таким образом, в отношении I-ой Думы у Витте с царем были лишь тактические разногласия. Он так же мало думал с ней считаться, как и его преемники. Как мы будем говорить далее, примерно такое же было отношение Витте и к указу 9 ноября. Хотя основные положения указа были выработаны при его участии, он все же будет протестовать против тех приемов, какими этот указ проводился в жизнь.

Витте оставил пост председателя Совета министров. На его место был назначен Горемыкин. Итак, смена Витте Горемыкиным, выставившим программой своей деятельности разгон Государственной думы, если она заикнется об аграрном вопросе, показывала, что Дума была обречена на смерть ранее, чем она родилась.

Вносить в первую Думу правительственный проект крестьянского положения было, действительно, нецелесообразным.

Первая Дума, с легкой кадетской руки, получила репутацию „Думы народного гнева“. Если это положение верно, то лишь в смысле того гнева, который свойственен герою народной поговорки, который после драки кулаками машет. Действительно, „драка“ с царизмом по существу окончилась разгромом декабрьского восстания. Поражение рабочего класса было поражением революции. Крестьянское движение, мощное по своей абсолютной силе и по своему пространственному размаху, было бессильно, чтобы нанести сосредоточенный удар по самодержавию. Оно способно было потрясать устои, но не уничтожить их.

Поэтому Государственная дума, которая собралась после разгрома рабочего движения, в момент под‘ема крестьянской революции, в лице своих крестьянских депутатов выявила довольно большой мелко-буржуазный революционный пафос, но, увы, бессилие в действиях. Она была лишь словесной пеной крестьянской революционной волны. Как мы убедимся далее, она была еще способна пугать правительство, находившееся под неостывшим еще впечатлением октябрьской забастовки и декабрьского восстания и несколько аффектированное происходившими в 1906 г. аграрными волнениями—но только пугать, не более.

---

[1] Витте. „Воспоминания“, т. II, стр. 271.
[2] Там же, стр. 290.

Правительство ожидало оппозиции, но оппозиционность Думы все-таки превзошла его ожидания. Правительство подвели те крестьяне, на консервативность которых еще были кое-какие надежды при составлении избирательных законов 6 августа и 11 декабря 1906 г. Как говорит Витте, „тогда было признано, что держава может положиться только на крестьянство, которое по традициям верно самодержавию“ [1]. Между тем, эти „крестьяне, после слов Горемыкина, что земли они ни в коем случае не получат, пошли за кадетами и трудовиками“.

Между прочим, Витте считал, что оппозиционности Думы способствовали чрезмерные правительственные репрессии, что он и высказал в своем письме царю об отставке. Реакционные круги правых помещиков придерживались другой точки зрения. „Дума,— отвечал ему царь,—получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря широте закона 11 декабря 1906 г. о выборах, инертности консервативной массы населения и полнейшего воздержания всех властей от выборной кампании, чего, по мнению царя, не бывает в других государствах“ [2]. В последнем отношении царское правительство очень скоро догнало другие государства. При выборах во вторую, и, в особенности, в третью Думу, которая, по словам Витте, оказалась „не выбранной, а подобранной“, хотя в этом отношении, она уравнялась с другими парламентами, так как по авторитетному раз‘яснению жандарма Курлова, очевидно, хорошо знакомого с оборотной стороной медали буржуазного парламентаризма, это всегда делается и в „демократических“ странах [3].

Первая Дума, разумеется, не была крестьянской, но находилась под непосредственным воздействием крестьянского движения и общего революционного движения. По справке [4] департамента полиции, за время действия первой Государственной думы с 27 апреля по 9 июля 1906 г. было 599 террористических актов. Убито 90 и ранено 80 представителей власти. Кроме того были крупные волнения в Свеаборге, Ревельском порту и Кронштадте. Одновременно с революционным движением в городах, с весны наметился новый под‘ем аграрного движения, которым было охвачено до половины всех уездов Европейской России. И в Государственную думу, и в Министерство внутренних дел поступает масса крестьянских прошений и адресов. Как докладывал министр внутренних дел Дурново царю, „крестьяне во всеподданнейших адресах и прошениях, на ряду с выражением верноподданнических чувств, заявляют требования на помещичьи земли, или

[1] Витте: „Воспоминания“, т. II, стр. 286.
[2] Там же, стр. 275.
[3] Генерал Курлов. „Конец русского царизма“. Воспоминания.
[4] Заимствую из дела канцелярии Сов. мин. по проекту правительственного сообщения (дело без номера, начато 16 августа, окончено 24 августа 1906 года).

на уравнение в правах с другими сословиями" [1]. Само собой разумеется, все эти адреса попали в категорию „не подлежащих ответу".

Этот напор революционной волны приводил в состояние некоторого „революционного опьянения", по не совсем точному выражению черносотенцев, даже таких весьма благонамеренных людей, как кадеты.

Кадеты, которые играли руководящую роль в первой Государственной думе, разумеется, как партия крупно-буржуазная, ни о какой революции на деле не помышляли и боялись ее пуще огня, но, подчиняясь общему психозу, не прочь были иногда щегольнуть революционной фразой и сделать зазывающий жест революционным массам. Несмотря на дружеские советы справа, кадеты долго не хотели обрубить, по выражению Витте, своего революционного хвоста, хотя последний и был соткан лишь из бессодержательной фразы.

Вот этот-то общий напор падающего, но абсолютно еще сильного, революционного движения и предопределил известную оппозиционность первой Государственной думы. Дума уже в ответном адресе указала на необходимость, в „целях успокоения народных масс", проведения отчуждения частновладельческих земель. Это вызвало немедленный отпор со стороны правительства. Председатель Совета министров в заседании 13 мая 1906 г., по поводу ответа Государственной думы на тронную речь заявил, что разрешение аграрного вопроса „на предположенных Думою основаниях безусловно недопустимо", и подчеркнул при этом „неприкосновенность частной собственности". Тут же он высказал правительственный взгляд на разрешение аграрного вопроса по тому рецепту, который будет осуществляться Столыпиным, после указа 9 ноября. „Должны также отпасть, заявил Горемыкин, все те ограничения права собственности на надельные земли, которые были установлены для обеспечения исправного погашения выкупного долга" [2]. С аналогичными заявлениями в защиту помещичьей собственности на землю выступили тогдашние главноуправляющий землеустройством и земледелием Стишинский и товарищ министра внутренних дел Гурко [3]. Под шики и крики: „в отставку", они продекламировали перед Думой ходячие помещичьи аргументы против отчуждения частновладельческих земель. После этих правительственных заявлений открылись прения по аграрному вопросу. Нам, современникам, отделенным целым рядом лет от Думской эпохи, кажется умопомрачительной безграничная болтливость русского парламента. Оби-

---

[1] Дело зем. отд. М. в. д. 1906 г., № 28, „Всепод. докл. об оставлении без ответа некоторых категорий всепод. адресов и прошений от крестьян".
[2] Полный стенографический отчет заседаний первой Гос. думы, стр. 323.
[3] Там же, стр. 514, 517—522.

лие слов было обратно пропорционально количеству дел. По аграрному вопросу записалось до 200 ораторов, высказалось более сотни. Из них подавляющее большинство за принудительное отчуждение. Особенно интересны были непосредственные речи крестьянских депутатов. Все они „приехали добиваться земли". Провожая своих депутатов в Думу, крестьяне говорили: „езжайте, езжайте, но без права, без свободы, без земли не приезжайте". Так говорили крестьяне Воронежской губ. [1]. „Мы собрались после аграрной войны, чтобы теперь законом закрепить землю", говорил депутат Курской губ. [2].

Но в Думе, в этом „высоком собрании", конечно, не слышится тех революционных речей, которые произносились на с'ездах крестьянского союза, особенно делегатского совещания, которое заседало в ноябре месяце 1905 г., в момент наивысшего под'ема революционного движения и почти крестьянского восстания в Саратовской губ. Скорее звучат нотки просьбы, чем требования, аргументированного реальной силой. Как убеждает Думу крестьянин Подольской губ., „может быть, господа, и здесь есть кто-нибудь из тех людей богатых, то я просил бы войти в соглашение и дать бедному народу землю" [3].

Господа положения в Думе—кадеты, выставили проект земельного закона, так называемый проект 42, которым предлагалось частичное отчуждение частновладельческих земель, разумеется, за „справедливое вознаграждение" и с сохранением культурных хозяйств. Как удивительно ярко аргументировал это требование кадет Щепкин: „для того, чтобы не доводить до отчаяния теперешних землевладельцев, партия народной свободы предлагает им вознаграждение и предлагает сохранение за ними усадеб и части земель" [4]. Разумеется, нет ничего удивительного, что кадеты, партия передовой капиталистической буржуазии и передовых капиталистических помещиков, преимущественно не черноземной полосы, высказывалась за принудительное отчуждение помещичьих земель. Что буржуазия шла на отчуждение—это вполне понятно, если мы примем во внимание, что отчуждение предполагалось за выкуп. Последнее же означало, что помещики за землю получат денежный эквивалент. И это вполне успокаивало страхи буржуазии за обесценение закладных листов. Что же касается помещиков, то мы видели, что даже такие реакционеры, как Трепов, Дубасов и им подобные, если верить Витте, в момент сильного революционного движения готовы были поступиться половиной, чтобы сохранить в своих руках другую. Кадеты-помещики, владевшие, преимущественно, культурными хозяйствами, понятно, го-

---

[1] Полн. стен. отч. засед. перв. Гос. думы, стр. 842.
[2] Там же, стр. 978.
[3] Там же, стр. 929.
[4] Там же, стр. 931.

товы были поступиться полукрепостническим отработочным землевладением, чтобы за их счет успокоить крестьян и сохранить от разгрома свои культурные имения, которые отчуждению, согласно их проекта, не подлежали.

Трудовики выдвинули проект так называемый 104, в котором выдвигалось требование передачи земли в обще-народное достояние без выкупа. Но наиболее революционным было, конечно, их предложение об образовании местных комитетов, которые должны были обсудить основы аграрной реформы [1].

„Мы хотим“, говорил трудовик Аладьин [2], „привести русский народ в то движение, которое остановить невозможно“. Разумеется, подобное предложение всполошило кадетскую Думу и проект был обречен на безусловную смерть в недрах комиссии.

Также резкий протест со стороны кадетской Думы вызвал проект трудовиков об основном земельном законе, который выдвигал то положение, что аграрный вопрос могут разрешить лишь народные представители, избранные на основании четыреххвостки. Кадетское большинство отказалось даже от передачи этого проекта в аграрную комиссию.

Мы не можем входить здесь в подробную оценку программы трудовиков. Отошлем читателя к работам Ленина, в которых он прекрасно выяснил утопический и реакционный характер требования народнических партий и в то же время об‘ективную революционность этого движения в борьбе с крепостническим помещичьим землевладением. Словами о социализации, отмене частной собственности на землю и т. п. ими прикрывалось вполне здоровое стремление крестьян овладеть помещичьею землею.

Пожалуй, в первой Государственной думе интересны не эти оппозиционные речи.

Интересны даже реакционные речи. Разумеется, все помещики доказывали весь вред передачи земель крестьянству и всю святость частной собственности на землю. Но поскольку над ними висел дамоклов меч аграрной революции, т.-е. угроза потерять „в с е“, они вынуждены были заявлять даже о согласии на частичное отчуждение частновладельческих земель. Конечно, это не было даже жалким намеком на ночь 4 августа 1789 г., когда французские дворяне отказались от своих привилегий и своих земель, так как последние фактически уже были отняты у них крестьянами. Но все-таки весьма показательны заявления таких помещиков, как князя Волконского (Рязанская губ.) [3], Стаховича и других о согласии на удовлетворение нужды малоземельных, но, конечно, слова об отчуждении помещичьего землевладения они проглатывали. „Я категорически и не колеблясь стою

---

[1] Полн. стенографические отчеты перв. Гос. думы, стр. 588.
[2] Там же, стр. 683.
[3] Там же, стр. 462.

за увеличение площади крестьянского землевладения"—заявлял Стахович [1].

Даже фальшь этих помещичьих речей и та является характерной для того напряженного революционного настроения, которое еще всецело сохранялось в первой половине 1906 г.

Итак, отражая хотя и через кривое зеркало аграрное движение, первая Дума бесспорно шла к принятию кадетского законопроекта о частичном принудительном отчуждении частновладельческих земель.

Дворянство заволновалось. 21—28 мая оно собралось на свой „военный совет"—открылся первый с'езд уполномоченных дворянских обществ. Помещики и слышать не хотели об отчуждении своих земель. Они потребовали роспуска Думы, обуздания потворствующей революции печати и введения военного положения [2].

Судьба Думы была решена. Как мы уже отмечали выше, 8 июня Совет министров решил Думу распустить, лишь выбрав для этого соответствующий момент и соответствующий предлог. 19 июня появилось правительственное сообщение по аграрному вопросу, раз'яснявшее крестьянам, что отчуждение частновладельческих земель принесет вред самим крестьянам, что им будет лучше, если земля останется у помещиков, а не у них.

Дума выработала известное обращение к народу по аграрному вопросу, что и послужило поводом к ее роспуску. 8 июля депутаты Думы, направляясь на заседание, нашли двери Таврического дворца запертыми.

Итак, правительству понадобился добрый месяц для того, чтобы осуществить разгон Думы. Это об'ясняется тем, что правительство боялось, как бы этот акт не вызвал нового под'ема революционного движения. Разгоняя Думу, правительство пыталось опереться на буржуазию, бросив ей подачку в виде предложения некоторым видным членам буржуазных партий вступить в министерство. Как пишет Витте—„правительство в то время явно растерялось, так что генерал Трепов вел переговоры даже с кадетской партией, с Милюковым во главе, о сформировании кадетского министерства". Столыпин не сочувствовал этому проекту, но все же и он вступил в переговоры с общественными деятелями о персональном вхождении в Совет министров. Перипетии этих переговоров в свое время были освещены в печати. О них говорит и Витте в своих воспоминаниях и Шипов [3]. Однако, эти переговоры успехом не увенчались.

Первая Дума была распущена. Страхи правительства в ожидании сильного под'ема революционного движения не оправда-

---

[1] Стенографические отчеты первой Гос. думы, стр. 996.
[2] Первый с'езд уполномоченных дворянских обществ.
[3] Шипов. „Думы о пережитом", стр. 445—457.

лись. Народ, если не безмолствовал—аграрное движение еще было в полном разгаре, один за другим происходили террористические акты, наконец, произошло крупное восстание в Свеаборге,— то все же это были лишь последние всплески революционной волны. Было очевидно, что аграрное движение идет на убыль. Государственная дума так мало была связана с народными массами крестьянскими и рабочими, что роспуск ее не вызвал сильного народного движения, которого опасалось правительство.

К осени еще более упало аграрное движение, сократилось и движение в городах. Как констатировал второй дворянский с'езд, собравшийся в середине ноября, „деревня, выздоравливает от революции". Несомненно, господствующие классы мало чему научились на уроке революции 1905 г. Единственно, что они и вынесли из этого урока, то разве гибельную для них веру в спасительность полицейских мер. Но как мы отмечали выше, наравне с мерами репрессии правительство намечало и некоторые меры предотвращения возможности новой аграрной революции.

В период между первой и второй думой правительство спешит провести ряд законодательных актов, которые были намечены в конце 1905 и в начале 1906 г. Эти акты правительство проводит по 87 статье, так как оно имеет весьма мало надежд на то, чтобы они были приняты второй Государственной думой, которая избиралась на тех же основаниях, что и первая. В период за август и ноябрь появляется целый ряд важнейших законодательных актов.

Прежде всего правительство попыталось успокоить крестьянское движение передачей Крестьянскому банку для продажи малоземельным части казенных и удельных земель. 12 августа появился указ о передаче удельных земель и 27—казенных. Земли, сосредоточенные, таким образом, в государственный фонд, продаются в порядке постепенном наиболее малоземельным крестьянам, начиная с дарственников. Продажа производится с понижением против номинальной стоимости на 20%[1].

Для осуществления всех этих мероприятий была образована комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Гурко, которая и составила все законопроекты (образована постановлением Совета министров 9 августа 1906 г. под названием комиссии „для рассмотрения вопросов, касающихся уравнения прав крестьян с правами прочих сословий, а также способов снабжения малоземельных крестьян и упорядочения крестьянского землевладения").

Указы 12 августа и 27 августа были рассмотрены этой комиссией, вопрос же о кабинетных землях был из'ят из ведения этой комиссии и рассматривался особым совещанием министров.

6 октября появился указ об отмене некоторых ограничений

[1] Дело земского отд. М. в. д. 1906 г. № 46, часть II, лист 16.

в правах крестьян с другими сословиями, главным образом, при поступлении на службу и в учебные заведения.

Но самое важное—этой комиссией был окончательно средактирован и подготовлен указ 9 ноября.

1 октября 1906 г. этой комиссией от Министерства внутренних дел за № 23074 за подписью товарища министра Гурко и управляющего земским отделом Литвинова был направлен проект указа с соответственной об'яснительной запиской в Совет министров. В этой записке указывалось, что по указу 12 и 27 августа крестьянам передается около 9 милл. (фактически было передано всего около 3 милл. десятин), но что этой земли является явно недостаточно для устранения крестьянского малоземелья, что необходимо принять меры к под'ему мелкого крестьянского хозяйства. И вот на первый план выдвигается землеустройство. Проект комиссии не только предоставляет право свободного выхода из общины, но и премировал их дополнительными излишками, которые могли быть оставлены у укрепленцев против того, что им причиталось бы при новом переделе. Мотивировалось это тем, что представляется вообще невозможным определить доли выплаченного выкупа, а, с другой стороны, тем, что отрезки земли ломали бы хозяйство—„все это привело бы к тому, говорит об'яснительная записка, что отдельные домохозяева, из боязни понести значительные убытки, будут во многих случаях воздерживаться от заявления о выходе из общины“ [1]. Оставление же излишков „по средней первоначальной выкупной цене за десятину считается справедливым и для общества и для выделяющихся“. Также довольно обстоятельно мотивирует оно и введение института личной, а не семейной собственности,—по мнению дворянской комиссии, „семейная собственность подрывает авторитет отеческой власти“.

Проект министерства внутренних дел вызвал серьезное возражение со стороны министра финансов Коковцева, а главным образом со стороны главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова. В заседании Совета министров 10 октября Коковцев, Васильчиков и князь Оболенский возражали против проведения указа по 87 статье и, ссылаясь на прежнюю политику по поддержанию общины, предлагали повременить с ее уничтожением. Они настаивали на передаче его на рассмотрение Государственной думы, где будут представители крестьян, голос которых, по их мнению, надо выслушать.

Более обстоятельные возражения против проведения указа 9 ноября из министров выставил главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Васильчиков. Он решительно возражает против проведения этого указа, который он опреде-

---

[1] Отношение М. в. д. в Совет министров от 1 октября 1906 года, за № 23074, стр. 23.

ляет, как „смертный приговор над общинным началом“ по 87 статье. „Будучи убежденным сторонником того мнения, что община не заслуживает далее покровительства“, он все-же не согласен с решительностью Министерства внутренних дел и ссылается на резолюцию царя, наложенную еще в 1902 году на докладе Псковского губернатора о вреде общины. Резолюция эта гласила: „все это верно, но я никогда не решусь одним почерком пера упразднить общину“. Князь Васильчиков считает, что проведение уничтожения общины возбудит общественное мнение и увеличит число сторонников общины, у крестьян же „посеет семейный раздор и междоусобицу в селениях“, „выиграют лишь отдельные крестьяне которых закон застанет в положении beati possedentes“, которые закрепят такие наделы, которыми они владеют [1]. Эти возражения против указа 9 ноября показывают, что даже в среде господствующего класса некоторыми вполне отчетливо сознавалась совершенно излишняя стремительность в проведении землеустройства, которое, как мы увидим далее, несомненно революционизировало значительные группы крестьянства.

Однако, большинство Совета министров, именно 7 человек, во главе со Столыпиным, высказались за немедленное издание этого указа. Их основной аргумент сводился к тому, что „общинные и семейные владения надельным имуществом препятствуют укреплению в широких слоях правильных взглядов на частную собственность вообще“ [2]. Этим правительство об‘ясняло аграрное движение и в частной собственности видело оплот против него. Разумеется, восторжествовала точка зрения большинства. 9 ноября 1906 г. на особом журнале Совета министров царь написал: „согласен с мнением председателя и семи членов“ [2], таким образом появился в свет указ 9 ноября.

Центр тяжести изданного указа заключается в его первой статье, гласившей, что „каждый домохозяин, владеющий надельною землею на общинном праве может во всякое время требовать укрепления за собою в собственность причитающейся ему части из означенной земли“. Как мы уже говорили, в целях поощрения крестьян к выделу, в тех общинах, где в течение 24 лет не было переделов, там укрепляется в собственность вся земля (статья 2). Там же, где были переделы в течение 24 лет, там уплачивается обществу за излишки „по первоначальной средней выкупной цене“ (статья 3). Укрепленцы сохраняют за собою „право пользования в неизменной доле теми сенокосными, лесными и другими угодиями, которые переделяются на особых основаниях“ (статья 4). Право выдела предоставлено требовать

---

[1] Отношение главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова в Совет министров 19 октября 1906 г., за № 208.

[2] Особый журнал Совета министров от 10 октября 1906 г. „О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования“.

одной пятой числа домохозяев или 50 человекам в общества, где более 250 домохозяев. При общих переделах общество обязано удовлетворить требование о выделе даже отдельным домохозяевам. Статья 13 предоставляет право обществу уплачивать деньгами в том случае, если выдел невозможен. Однако, насколько нам известно, случаи оплаты деньгами были очень редки, так как невозможность, благодаря соответствующему давлению администрации, легко превращалась в возможность.

Согласно ст. 1 раздела III указа подворные участки составляют личную собственность домохозяев, общую же в том случае, если владельцы не состоят в родстве по прямой нисходящей линии.

Однако, как мы подчеркивали, разрушение общины отнюдь не являлось главной целью правительства. Это было скорее средство к тому, чтобы расселить крестьян на хутора и участки, поэтому вопрос о выделе к отрубным участкам составляет основное содержание четвертого раздела указа. Для перехода от чересполосного землепользования к участковому всего общества необходимо постановление двух третей его.

По существу, как видит читатель, этот проект не вносит ничего нового по сравнению с основными положениями, установленными еще в особом совещании, под председательством Витте, а затем, в начале 1906 года, в междуведомственных комиссиях, подготовлявших пересмотр крестьянских законоположений во время премьерства Витте, хотя последний впоследствии резко критиковал указ 9 ноября. Столыпинское правительство, пишет он в воспоминаниях, „принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских — по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев (преимущественно дворян, численность которых Столыпин исчисляет в 700.000 на 150 милл. населения), чтобы более не было дворянских погромов. Как это сделать? Очень просто — крестьяне - собственники будут защищать помещичью собственность".

Прямым следствием указа 9 ноября был указ от 15 ноября о праве залога надельных земель. Вопрос о праве залога надельных земель был поднят еще в ноябре месяце 1905 г., при выработке манифеста о расширении деятельности Крестьянского банка. Расширение деятельности Крестьянского банка было невозможно без выдачи ссуд под залог надельных земель. Нужно сказать, что и вопрос о залоге надельных земель вызывал то же самое возражение, что и указ 9 ноября. Именно тот же князь Васильчиков [1] подает особое мнение, с возражением против этого указа.

Любопытен следующий эпизод при проведении этого указа. Министр финансов Коковцев отказывал в отпуске кредитов по

[1] Дело Совета министров по проекту правил о выдаче ссуд под залог надельной земли. 1906 г. Из архива б. Государственного совета.

указу от 15 ноября на том основании, что, дескать, Дума его, наверное, отклонит. После соответствующего окрика Столыпина, сопротивление Коковцева было сломлено [1].

Указ 9 ноября, а также и указ 15 ноября начинали собою мероприятия по буржуазному реформированию деревни. Ведь все это являлось ни чем иным, как чисткой под капитализм. Уничтожение общины должно было открыть путь к интенсификации. Мобилизация надельного землевладения должна была чисто капиталистическим путем разрешить кризис малоземелья,—именно переходом земли от бедноты к сельской буржуазии. Далее—ставка на сильных—раскалывание деревни должно было обуздать слабых. Мелкие собственники должны были явиться оплотом против социализма, который для дворянства являлся синонимом революции. Такова была помещичья программа.

---

[1] Переписка министра финансов Коковцева со Столыпиным об отпуске кредитов, согласно указа 15 ноября (дело Сов. мин. 1906 г).

ГЛАВА II.

Указ 9 ноября в Государственной думе и Государственном совете.

Теперь рассмотрим, как было встречено помещичье законодательство во второй Государственной думе, в которую правительство и внесло на утверждение указ 9 ноября.

Нужно сказать, что правительство никаких особых надежд на вторую Думу в этом отношении не возлагало. Это прекрасно выявил второй дворянский с‘езд, который считал, что земельный вопрос в Думе может быть решен лишь тогда, когда будет изменен избирательный закон. Дворяне высказывали свое возмущение тем, что на выборах по закону 11 декабря 1905 г. элемент собственности был придавлен элементом пролетарским. — „На избирательном с‘езде—говорит с возмущением дворянин Дубенский—можно было услышать от владельцев нескольких сажен земли возмутительную аттестацию крупных владельцев“. И дворяне, давая правительству директиву на изменение избирательного закона, предлагали твердо заявить, что „Россия есть страна собственников и что пролетарскому направлению, созданному законом, в ней нет места“.

Однако, пока что правительство не решалось осуществить эту директиву. Ему пришлось во второй Думе выслушать от „владельцев нескольких сажен возмутительную аттестацию крупных владельцев“ и даже играть в „либерализм“. Разумеется, здесь дело было не только в личном лицемерии Столыпина, чему, например, Витте приписывает не соответствующее значение. Стоит только прочесть воспоминания Витте или Шипова, чтобы представить себе, какие страхи испытывало правительство при разгоне первой Думы. Угроза под‘ема революционного движения, а аграрное движение летом еще было в полной силе, едва не осуществила мечты кадет о министерстве из общественных деятелей. Мы имеем в виду переговоры Столыпина с кадетами и октябристами. Хотя, как утверждал второй дворянский с‘езд, „деревня и выздоравливала от революцион-

ной болезни", но еще не выздоровела. И зимой, и в начале весны 1907 года, правительство еще стояло под угрозой нового под'ема аграрного движения. Только летом в 1907 г. стало очевидно, что аграрное движение почти-что прекратилось.

Вот всему этому и обязана история тем, что на свет божий появилось второе издание первой Государственной думы—вторая Дума, издание несколько исправленное и дополненное. Оно было прежде всего дополнено левыми партиями, главным образом, социал-демократами, которые приняли участие в выборах во вторую Думу. Она была дополнена и правыми. Если Витте обвиняли в диллетантизме в вопросах внутреннего управления, так как он не оказал административного давления на выборы первой Думы, то этого упрека уже нельзя было сделать Столыпину. И если последнему все же не удалось создать послушного правительству большинства, чего при существовавшем избирательном законе действительно нельзя было сделать, то, бесспорно, он содействовал дополнению Думы правыми.

Вторая Дума, так же как и первая, естественно, центр внимания сосредоточила на аграрном вопросе. В официальном органе писали: „Государственная дума своим отношением к земельному вопросу ясно покажет, может ли она и желает ли она работать на благо страны", т.-е. на благо помещичьего государства, а так как правые видели, что вторая Дума „не желает работать на благо страны" в помещичьем смысле этого слова, то они и старались вызвать Думу на скорейшее рассмотрение аграрного вопроса с тем, чтобы этим сорвать Думу. Теперь разгон Думы был для правительства уже привычным делом, и может быть, как реванш своей трусости в момент разгона первой Думы, Столыпин бросил в лицо второй—„не запугаете".

Правительство вскоре же после открытия первой Государственной думы внесло в нее указ 9 ноября. Об'яснительная записка к этому указу старалась в своих об'яснениях сгладить его наиболее острые углы, с тем, чтобы привлечь на свою сторону буржуазные круги думы. В этой об'яснительной записке указывается, что указ 9 ноября вовсе не является способом искусственного уничтожения общины. Записка убеждает членов Думы в том, что „никакие искусственные меры не поддержат общины, а принесут ей только вред". Где община в состоянии умирания—„ускорение процесса разложения представляется лишь желательным, ибо процесс этот по необходимости всегда мучителен и болезненен". „Что же касается общин жизнеспособных... то разрушить такие общины, вообще, едва ли возможно, раз существование их обусловливается действительными потребностями и опирается на правосознание и твердый хозяйственный быт и уклад крестьян" [1].

[1] Дело земского отд. М. в. д. 1906 г., № 35. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования (указ 9 ноября).

Записка старается убедить Думу, что указ 9 ноября отнюдь не приведет к обезземелению крестьян. „Опыт применения статьи 165 положения о выкупе решительно опровергает такое опасение". „По сведению Министерства финансов по 46 губерниям за 28 лет с 1861 по 1890 г.г. было досрочно выкуплено немного более полпроцента общей надельной площади; при чем лишь одна пятая укрепленной земли была продана" [1].

Однако, Думу менее всего интересовало рассмотрение представленного правительством законопроекта. Дума фактически обсуждала вопрос об отчуждении помещичьего землевладения.

Прения по аграрному вопросу открыли правые, именно, князь Святополк-Мирский начал атаку на левые партии, за их проекты об отчуждении помещичьих земель. Резко протестуя против последних, он старается направить внимание Думы на указ 9 ноября. Корень зла, конечно, он видит не в малоземельи, а „в общинном хозяйстве нашего крестьянства" и в недостатке землеустройства. Нападают правые на общину и за ее будто бы вредное „морально-интеллектуальное влияние". „Зависимость нашего крестьянина от общины, полное отсутствие самостоятельности и свободы действий имеют следствием своим отсутствие инициативы, понижение трудоспособности и энергии, косность, полный застой в смысле земельных улучшений и перехода к более совершенным хозяйственным формам" [2]. Примерами из истории ликвидации общины в Западной Европе старается убедить в высокой полезности этого, при чем он подчеркивает роль помещиков в этой ликвидации. Он не постеснялся даже поставить в пример „удивительную плодотворную деятельность английских лордов" [3], которые, как известно всем из истории, сгоняли крестьян с их земель и запускали поля под пастбища. Свои исторические экскурсы представитель правых кончает панегириком помещикам. „Слишком ясно, говорит он, что повсюду эта реформа совершена под руководством и при содействии местных помещиков или частных владельцев, этих единственных во всякой стране с крестьянской земельной общиной представителей культурной земельной собственности, носителей идей земледельческого прогресса, духа инициативы и хозяйственной самостоятельности". Поэтому, этот князь взывает к Думе не итти на ликвидацию помещичьего землевладения, так как это значило бы выбросить „культурные силы земледелия" [4]. Помещики „должны цениться на вес золота", иначе „крестьяне окажутся в положении стада без пастыря" [5].

---

[1] Отношение М. в. д. председателю Гос. думы от 5 апреля 1907 г. № 10903.

[2] Стенографические отчеты второй Государственной думы, стр. 699.

[3] Там же, стр. 703.

[4] Стенографические отчеты второй Государств. думы, стр. 706.

[5] Там же, стр. 699—707.

Крестьянские депутаты дали прекрасную отповедь представителям тех „пастырей“, которые нещадно стригли крестьянские „стада“. Разумеется, крестьяне не могли удовлетвориться передачей удельных и казенных земель Крестьянскому банку для продажи по „шкуродерским ценам“, как выразился один депутат, уничтожением общины и насаждением хуторов.

Крестьяне понимали, что то улучшение хозяйства, о котором говорило правительство, не для них. Мелкое крестьянское хозяйство—не жилец на этом свете, оно непрерывно разоряется всем ходом капиталистического развития. Поэтому среднее и беднейшее крестьянство не могло сочувственно отнестись к той ставке на форсирование капиталистического развития в деревне, которую ставило правительство. Как мы старались показать в своей работе об аграрном движении 1905 и 1906 г.г., крестьянин-середняк в массе является ярым врагом капиталистических новшеств, которые, в конечном счете, его разоряют. Хутора и отруба, которыми манило его правительство, для него мало подходящи. На мелких участках вести рациональное хозяйство невозможно. Покупать землю он не в состоянии даже при помощи Крестьянского банка, так как платежи были крайне обременительны. Для крестьянина единственный выход—это взять землю. Это настроение крестьян довольно верно отразилось в речах крестьянских депутатов во второй Государственной думе. Как говорил представитель одной из самых революционных губерний — Саратовской; „господа дворяне, вы думаете, что мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли. Знайте, что всякий родившийся человек должен быть с землею. Но у нас вы ее отняли, поэтому у вас опять неприкосновенная и священная собственность“... „Бог сотворил человека и вручил ему землю, но у нас ее нет; почему это? Я прямо скажу и откровенно: украли у нас землю, мы пришли сюда взять ее... земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять“ [1]. Или, как говорил крестьянин из Полтавской губ., оперируя известным евангельским текстом: „мы просим, а нам не дают, и стучим—не дают, что же, придется двери ломать и отбирать. Господа, не допустите двери ломать, отдайте добровольно, и тогда будет воля, свобода, и вам будет хорошо и нам“ [2].

Даже правые крестьяне выступали с не менее революционными требованиями в отношении земли. Депутат Минской губ. которая, как правило, давала черносотенных крестьянских представителей, все же заявил: „я, крестьянский депутат, избранный русско-крестьянским сословием, и пришел сюда защищать веру,

---

[1] Там же, стр. 1143—1144.
[2] Там же, стр. 1955.

царя и отечество и требовать земли... Крестьяне желают, чтобы им земли дали, но чтобы это было по справедливости, а не так, как хотят это многие революционеры". И вот, этот черносотенный крестьянин обращается с просьбой к помещикам: „уступить крестьянам часть земли"... Все некрестьянские земли и покупные Крестьянским банком „нужно разделить безземельным и малоземельным крестьянам поровну, но наделять уже конечно не по селениям, а по хуторам" [1]. Положительное отношение минского крестьянина к хуторам и отрубам вполне понятно, если мы примем во внимание, что в Минской губ. были для них весьма благоприятные условия.

В конечном счете эти же настроения крестьян отражали и мелко-буржуазные партии, которые входили во вторую Думу.

Несомненно, экспроприирующей ролью капиталистического развития и определялось отношение к указу 9 ноября мелко-буржуазных групп Думы, начиная от эс-эров и кончая народными социалистами.

Несомненно, в межеумочном положении мелкой буржуазии при капиталистическом строе заключается ключ к пониманию отношений ее партий к указу 9 ноября. Обострение капиталистических процессов, которое вызывалось новым законодательством, грозило экспроприацией значительной части среднего крестьянства; продажа же земли по высоким ценам не могла удовлетворить и зажиточные круги крестьянства, так как высокие цены означали уплату ею ростовщической ренты помещикам. С холодком отнеслась сельская буржуазия и представлявшие ее правые „социалистические" партии к выходу на отруба и хутора. Как мы указывали, мелкому крестьянину хутора и отруба не нужны из-за малоземелья, сельская же буржуазия, как мы убедимся впоследствии, не склонна была выходить на хутора особенно в центральных районах России, так как это лишило бы ее возможности пользоваться общественными выпасами для своего более многочисленного скота, затруднило бы пользование наемным трудом и вообще затрудняло возможность эксплоатации своих односельчан.

Поэтому, мелко-буржуазные партии вслед за крестьянами прежде всего настаивают на отчуждении частновладельческих земель. Это свое требование они окрашивали в своеобразный социалистический цвет, переливавшийся всеми цветами утопической радуги. Они отстаивали идеи о возможности социализации без социализма в условиях капиталистического хозяйства. Я не буду останавливаться на общеизвестной критике этих утопических проектов, строящихся на экстерриториальности сельского хозяй-

[1] Стенографические отчеты второй Госуд. думы, стр. 1616—1617.

ства в смысле подчинения особым законам не капиталистического развития в стране с господством капитализма. Также как не буду останавливаться на критике идеализации общины, так как к этой критике трудно было бы что-нибудь добавить после классических работ Плеханова и Ленина. Но, бесспорно, в этом „неприятии капитализма“, в этих утопических планах земельного устройства, как доказал Ленин в своих работах, было здоровое ядро крестьянской буржуазной революции.

Весьма любопытно отношение кадет к указу 9 ноября. Однако, мы считаем более удобным разобрать это отношение при характеристике их позиции в третьей Государственной думе, где она выявлена более четко. Тем более, что во второй Государственной думе, которая существовала хотя и при последнем, но все же еще сильном аграрном движении, им пришлось центр тяжести в своих прениях перенести на вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель.

Во второй Думе правильную оценку указу 9 ноября дали социал-демократы, выдвинув в противовес ему проект конфискации всех некрестьянских земель, впрочем, согласно решению меньшевистского большинства последнего партийного с‘езда не национализации, а муниципализации. Лидер меньшевиков Церетелли произнес ряд горячих обличительных речей, которые, бесспорно, имели известное агитационное значение. Церетелли повторил кадетскую фразу: „власть законодательная да подчинит себе власть исполнительную“, на что не без ехидства ему было отвечено: „дай бог нашему теляти волка поймати“.

Итак, все партии левее октябристов, о последних речь будет впереди, выступили с явно-отрицательным отношением к указу 9 ноября, обсуждая вопрос не о разделе общинных земель, что предлагалось правительственными законопроектами, а о разделе помещичьих земель. Явно, не только указ 9 ноября ожидал провал, но Дума грозила последовать примеру первой и выставить вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель.

Разгон Думы сделался неизбежным. На истории разгона я останавливаться не буду. Поводом, и разумеется только поводом, к роспуску послужил арест социал-демократов по обвинению к подготовке покушения на высочайшую особу. Правительство теперь уже не боялось разгона и не боялось изменить избирательного закона. Летом 1907 г. уже было очевидно, что революция на исходе. 3 июня 1907 г. появляется указ о роспуске Думы и о новом избирательном законе. „Собственники получили перевес не только над пролетариями, но и над мелкими собственниками“. Выборы ручной Думы были гарантированы. Ручная Дума гарантировала узаконение незаконнорожденного указа 9 ноября. Конституционный этикет мог быть соблюден.

Любопытно, что правительство здесь принимает целый ряд мер воздействий на общественное мнение. Для иллюстрации при-

ведем следующую переписку из одного секретного дела Министерства внутренних дел. Вскоре после разгона Думы, в газете „Речь“ появилась заметка, что в одной из волостей Сольвычегодского уезда „крестьяне категорически отказались подписать предложенный земским начальником благодарственный адрес премьеру по поводу роспуска второй Думы“. Столыпин наложил резолюцию: „что это за чепуха—запросить губернатора. Доложить мне“. На посланный запрос шифрованной телеграммой губернатор сообщает, что „известие газеты „Речь“ вымышленно“, но насколько оно вымышленно, видно из его письменного донесения, в котором он сообщает, что адрес предложил не земский начальник, а будто бы часть крестьян, но „за недостаточно ясно выраженным желанием схода, остался без исполнения“ [1].

Полагаем, что истинная картина фабрикации адресов даже при „недостаточно ясно выраженном желании схода“—очевидна.

Выборы в третью Думу дали правительству послушное буржуазно-помещичье большинство. „Дума была не выборная, а подобранная“, с возмущением говорит Витте [2] и рассказывает, как московская полиция проводила в Думу Гучкова. Правительство получило полную поддержку со стороны октябристов. „Как бы состоялось между вожаками большинства Думы и Столыпиным такое соглашение: вы, вожаки Думы, можете играть себе в солдатики, я вам мешать не буду, тем более, что здесь я уже совсем ничего не понимаю, а зато вы мне не мешайте вести кровавую игру виселицами и убийствами, под вывеской полевых судов, без соблюдения самых элементарных начал правосудия“ [3].

Черносотенный реакционный характер третьей Думы гарантировал легкое и безболезненное прохождение указа 9 ноября. Чтобы поставить Думу перед совершившимся фактом, правительство напрягает все усилия к тому, чтобы к моменту обсуждения законопроекта в Государственной думе община была так „растащена“, чтобы ее уже невозможно было собрать. В целом ряде циркуляров Министерство внутренних дел раз‘ясняет подведомственному ему чиновничеству всю важность форсирования уничтожения общины к открытию третьей Государственной думы. Как мы будем говорить во второй части нашей работы, чиновники постарались, да и само крестьянство, в особенности в тех районах, где община уже сама умирала, поспешили скорее из нее выйти. В общем, Столыпин мог похвастаться к концу 1908 г. целым миллионом вновь созданных земельных собственников. Правые и националисты в думских прениях и в прениях в аграрной комиссии изложили те аргументы, которые мы встречали в дворянских записках и которые были высказаны представителями

---

1 Дело Земск. отд. М. в. д. 1907 г., № 55, 26 л.
2 Витте. „Воспоминания“ т. II, стр. 382.
3 Там же, стр. 401.

правительства и представителями правых партий. Ничего нового в трактовку вопроса они не внесли. За ними всецело плелись и октябристы. Нужно иметь в виду, что в октябристскую партию в значительном количестве входили капиталистические помещики южных черноземных районов в России, где было развито крупное капиталистическое помещичье хозяйство. Разумеется, эти помещики всецело были за разрушение общины, так как это обещало им принести не только под'ем крепкого крестьянства, но и пролетаризацию низов, что несомненно, увеличивало столь необходимую для них резервную армию труда и удешевляло заработную плату. Несомненно, горячими сторонниками уничтожения общины были представители крупной промышленной буржуазии, входившие в партию октябристов. Они всецело разделяли помещичьи аргументы о всей пользе насаждения частной собственности на землю и восприняли их резко отрицательное отношение к общинному землепользованию. Последнюю точку зрения прекрасно выявил известный промышленник Крестовников в брошюре: „Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после окончания выкупной операции?" [1]. В этой брошюре, основные положения которой им были изложены в докладной записке, которую он представил в особое совещание Витте, он выступил горячим сторонником индивидуализации землевладения.

Несомненно, здесь дело было не в одной только апологии частной собственности, что вполне свойственно буржуазии. В указе 9 ноября крупная буржуазия видела прежде всего открытие пути к под'ему сельского хозяйства, которое так было необходимо ей для углубления внутреннего рынка, укрепления финансов и укрепления внешней торговли, особенно ее активного баланса, державшегося на массовом экспорте продуктов сельского хозяйства. Помимо этого, весьма сочувственно относилась буржуазия к той пролетаризации населения, освобождению рабочих от земли, которое неизбежно должно было усиливаться, благодаря свободному выходу из общины и свободной продаже земли. Приток рабочих из деревни обещал буржуазии дешевую заработную плату. Все это заставило промышленников весьма активно выступить на защиту указа 9 ноября.

Докладчиком аграрной комиссии выступил октябрист, помещик черноземной (Воронежской) губ., Шидловский. Как и все помещики, он старается прежде всего доказать, что корень зла заключается не в малоземельи и помещичьей эксплоатации, а в низком уровне техники. „Крестьянство, как говорил он, верит в пространство, как в единственного целителя всех недугов" [2]. Между тем, всех некрестьянских земель 46 милл. деся-

---

[1] Крестовников. Могут ли быть переделы надельной земли крестьян после окончания выкупной операции 1908 г.

[2] Стенографические отчеты третьей Думы, вторая сессия, т. I, стр. 175.

тин, всего же мужского крестьянского населения 44 милл., следовательно, на одну душу приходится по одной десятине, „и вот это-то и есть та десятина, за счет которой должно быть достигнуто всякое благополучие“, иронизирует этот помещик над крестьянскими требованиями земли. За эту элементарную арифметику, как мы увидим далее, Шидловский был вполне достойно высмеян социал-демократами. Считая малоземелье лишь симптомом, а не причиной болезни, он считает, что „непроизводительность и неорганизованность труда являются главными причинами наступившего у нас кризиса“. Шидловский пытается подкрепить указ 9 ноября установлением его преемственности с положением 1861 года, которое у буржуазии и помещиков пользовалось известным уважением, в особенности у первых, как первая буржуазная брешь в крепостном хозяйстве. Он повторяет вслед за об‘яснительной запиской Министерства внутренних дел, аргументы о том, что указ не уничтожает насильственно общины и вовсе не приведет к пролетаризации крестьян. Он заканчивает горячим апофеозом личной собственности. Выступивший затем, от фракции правых, могилевский архиерей Митрофан также всецело поддержал указ 9 ноября. Характерно, что от правых в защиту указа выступает именно архиерей, т. е. представитель духовенства, которое обычно всегда преклонялось перед консервативностью общины. Признавая, что „община является изначальным явлением в нашей истории“ и удобна для „учителей народа“, должен был признать, что „теперь это преимущество использовано людьми, которые, вытесняя природных учителей, стараются сеять смуту среди них, привить крестьянам чувства ненависти, зависти и мщения“. Все последующие октябристы и правые выразили лишь то, что говорили и выступавшие первыми их лидеры [1].

Заслуживает особого рассмотрения тактика кадет. Со стороны кадет, как партии буржуазной, казалось бы, можно было ожидать вполне сочувственного отношения к столыпинской реформе, как расчищающей дорогу капиталистическому развитию. И в сущности, как мы в этом убедимся далее, у кадет не было принципиальных возражений против указа 9 ноября. У них лишь было брюзжание по поводу стремительности, насильственности реформы и угрозы пролетаризации крестьян. Когда читатель стал бы просматривать речи кадет по отношению к указу 9 ноября, то он бы нашел, прежде всего, формальную критику действий правительства, придирчивое препирательство с оппонентами по вопросу об юридической правомерности указа, мелочную критику указа и т. п. Однако, разумеется, дело было не в этом. Не случайно, разумеется, и не без влияния на ее дальнейшую судьбу было то, что кадетская партия одним из своих истоков имела

[1] Стенографические отчеты третьей Думы, вторая сессия, т. I.

земские с‘езды. Она родилась из земского либерализма. Между прочим, известно, что земский либерализм культивировался, главным образом, помещиками нечерноземных губ., в которых основным условием существования передовых капиталистических хозяйств являлось наличие мелкого крестьянского хозяйства, которое поставляло рабочую силу в помещичье хозяйство. Если, например, английским помещикам необходимо было раздавать маленькие клочки земли своим батракам, чтобы прикрепить их к земле и к своему хозяйству, то русским помещикам нечерноземной полосы необходимо было всеми мерами поддержать мелкое крестьянское хозяйство, задержать его пролетаризацию, задержать его в деревне от ухода в города, где он мог найти для себя и лучший заработок, и лучшие условия жизни. Совершенно очевидно, что указ 9 ноября ускорил бы продажу мелкими крестьянами их наделов, ускорил бы их уход в города. Несомненно, этой своей стороной указ явно нарушал интересы этих помещиков.

Не была убедительной для этих помещиков аргументация правых и октябристов (которые составлялись, главным образом, из помещиков черноземных губ.), о политической неблагонадежности крестьян. В нечерноземных губ., особенно в промышленных, как известно, аграрное движение было сравнительно слабо, разгромы имений были очень редки. Движение, под влиянием городов, носило скорее политический характер—столкновение с властями, неплатеж налогов и т. п.

Вот это влияние помещиков нечерноземной полосы, несомненно, сказывалось в оценке кадетской партией указа 9 ноября. Не случайно, что кадетскими лидерами в аграрной комиссии являются Родичев и Петрункевич—одни из виднейших тверских помещиков. Кроме того, особенно в первый период кадетской партии, на ее программу несколько влияло ее мелко-буржуазное крыло,—те мелко-буржуазные попутчики, которые к ней примкнули в самый разгар революционного движения 1905 г. В аграрном вопросе это течение, возглавляемое Чупровым, отражавшим настроения третьего земского элемента и так называемой трудовой интеллигенции, ближе всего примыкало к право-народнической точке зрения. Это течение, как опиравшееся на слои, ближе всего стоящие к мелкому крестьянскому хозяйству, вполне естественно восприняло и его идеологию. Не случайно, что эти слои в теоретическом отношении питались идеями германских ревизионистов об особых путях развития сельского хозяйства и об особых преимуществах мелкого хозяйства над крупным. Это крыло всецело стояло на народнической точке зрения и в отношении к общине. В последнем отношении показательна та полемика, которая велась по вопросу об общине, на страницах „Речи“, вскоре после появления указа 9 ноября, между Кутлером, противником общины, и Чупровым, ее сторонником.

Итак, с одной стороны, интересы крупного землевладения нечерноземной полосы, с другой—влияние мелкобуржуазных попутчиков и, как мы увидим далее, боязнь кадетскими заправилами усиления классовой борьбы в деревне,—все это привело кадет к критике указа 9 ноября. Как мы уже указывали, кадеты в основе были согласны с принципом личной собственности. Говоря об апологии правительством частной собственности, Шингарев выявил с ней полное согласие. „Я лично думаю,—говорил он,—что в этих взглядах есть много справедливого, глубокого и, что в этих взглядах отражаются течения общечеловеческой мысли и деятельности, их надо признать, в значительной степени верными“ (рукоплескания справа, возгласы „браво“) [1]. Также и другой оратор, кадет Родичев, признавал: „что в настоящее время для русского народа необходимо основанное на личном праве владение“ [2].

Как мы указывали, у кадет было лишь только левое крыло, опиравшееся на мелкую буржуазию, которое критиковало столыпинское законодательство и с принципиальной стороны. Эту точку зрения выразил А. И. Чупров в брошюре „По поводу указа 9 ноября“, изданной после его смерти сыном в 1908 г. В последней брошюре, составленной из статей, в которых Чупров полемизировал с Кутлером, Чупров доказывает преимущества общинного землевладения над личным. Однако, несомнено, эта мелко-буржуазная часть кадет оставалась в меньшинстве. Большинство же кадет, как партии прогрессивного капитала, несомненно, в хозяйственной оценке общины и частной собственности, мало чем отличалась от столыпинской оценки.

Разногласие здесь было не программное, а тактическое.

Принципиально, соглашаясь со всей пользой введения частной собственности на земли, они, как более умные и дальновидные реакционеры, не могли согласиться со столыпинской тактикой.

„Я именно думаю,—говорил Шингарев,—что насаждение личной собственности, блага культуры и порядка настолько ценное сокровище, что чрезвычайно рисковано подвергать их неумелым экспериментам“ [3]. „Не упрекайте нас,—восклицал он,—что мы будто бы желаем задержать развитие крестьянства, что мы против личной собственности, против культурного хозяйства, но мы только требуем осуществления этого планомерно, продуманно, не спешно путем комкания“ [4]. Более всего отпугивает кадет от указа 9 ноября его стремительность и разжигание им классовой борьбы в деревне. Приводя данные о громадном про-

---

[1] Стенографические отчеты третьей Думы, второй сессии, т. I. стр. 239.
[2] Там же, стр. 463.
[3] Там же, стр. 262.
[4] Там же, стр. 270.

центе насильственных выделов, Шингарев восклицает, „какой элемент раздора, смуты, вражды и столкновения внесен в крестьянский мир, какое страшное, разлагающее, раз'едающее начало внесено в деревню“ [1]. „Смута внесена в деревню, смута внесена в сельское общество и еще больше смута внедряется в самую семью, где отец идет против сына, а сын пойдет против отца“ [2]. „Практическое осуществление этого указа, говорит Родичев, в русскую деревню внесло такое начало, которым разрушается правовое сознание деревни, порождается бесконечное количество неразрешимых споров“ [3]. Кадеты видят как раз оборотную сторону указа 9 ноября. Правительство видело в нем возможность создания „крепкого крестьянства, как основы переустройства царства на крепких монархических началах“. Кадеты видели в нем, прежде всего, перспективы создания безземельных, пролетаризации населения—„наростает грозный вопрос—вопрос об этих безземельных, как с ними справится наша будущая Россия,“—с тревогой спрашивает Шингарев [4], и перед глазами кадет встает грозный призрак пролетариата.

А так как буржуазия на собственном опыте знала, что такое пролетариат, как политическая сила, то она отнюдь не склонна была форсировать его развития, форсировать в размерах, превышающих потребность капитала в резервной армии труда.

С этой точки зрения, именно с точки зрения раскалывания деревни, внесения в нее классовой борьбы, им казалось, что указ грозил тяжкими последствиями. Она, понятно, не могла предвидеть того, что раскалывание деревни направо в целях организации буржуазии весьма скоро сменится раскалыванием налево в целях организации бедноты и пролетариата, что было сделано в 1917 и 1918 г.г., но, несомненно, они чувствовали, что с этой стороны, как говорил Шингарев, „положение создается тревожное“, грозящее собственническому миру крупными потрясениями. Поэтому с этой точки зрения кадеты и протестуют против опасного столыпинского эксперимента. Он ими расценивается, не как акт успокоения, а как акт возбуждения. Поэтому-то Родичев так и бичует Столыпина за его защиту 130 тысяч крупных земельных собственников в ущерб 150 милл. крестьянской массы. Поэтому кадеты, в своей полемике с правительством, на эту сторону и обращают основное и главное внимание. В противоположность классовой раз'единяющей политике правительства, его хирургическим приемам, к.-д. защищают терапевтические средства, они выступают в защиту политики социального мира и в защиту мелкого крестьянского хозяйства. Поэтому еще во второй Думе

---

[1] Стенографические отчеты третьей Думы, второй сессии, т. I., стр. 263.
[2] Там же, стр. 270.
[3] Там же, стр. 485.
[4] Там же, стр. 267.

Шингарев призывает правительство к политике невмешательства в земельные дела крестьян. Как он будет предлагать в третьей Государственной думе: „оставим общину в покое, оставим этот исторический процесс итти так, как он идет, он вне нашей власти, его нельзя регулировать законодательными установлениями, нельзя хозяйственно-бытовой уклад, определенную культурную форму хозяйства, регулировать бумажными законами“ [1]. Такой почти исторический, марксистский почти подход к общине об‘яснялся тем, что они не хотели форсировать разорение мелкого крестьянского хозяйства—дайте, мол, капиталу самому сделать то, что ему необходимо, „община сама умирает — дайте ей спокойно умереть“, говорил Шингарев во второй Думе [2]. Поскольку кадеты главную причину революции видели не в общине, как правительство, а в земельном голоде деревни, поэтому и во второй и в третьей Думе они настаивают по причинам, которые мы выяснили выше, на утолении земельного голода крестьян. Поэтому вопрос об отчуждении частновладельческих земель составляет основное содержание кадетских речей во второй Думе. И в третьей Думе, когда к.-д. уже начали отказываться от своего требования, все же, нет да и нет, проскользнет оно в речи того или иного депутата.

Прекрасным доказательством нежелания кадет форсировать уничтожение общины является кадетский проект закона о выходе из общины. Как говорил Шингарев, кадеты не хотели оставить пустое место на месте указа 9 ноября. Если во второй Думе они предлагали его просто отклонить, то теперь они его лишь видоизменяют, хотя так, что он теряет всякое свое значение. Кадеты предложили допустить выход из общины с землей лишь с согласия общества, при чем оно имело право вместо земли уплатить деньгами. Кроме того, на заявление домохозяев о желании выйти из общины общество имело право не отвечать в течение целых трех лет, и лишь после этого желающий мог обратиться в суд. Явно, кадеты преследовали цель замедлить процесс разрушения общины и пролетаризации в селениях. Этим они безусловно весьма близко подошли, хотя и с другого конца, к охранительной политике Плеве, то-есть политике 80 и 90 годов, и, по справедливому замечанию некоторых критиков, их проект мало чем отличался от проекта редакционной комиссии Стишинского.

В своей критике указа 9 ноября трудовики не отмежевались от кадет. И они дополнили их лишь повторением обычных народнических аргументов в защиту общины.

Социал-демократы подчеркивали чисто-буржуазный характер столыпинского законодательства, и его реакционные цели. Лидер с.-д. меньшевиков, Гегечкори связал вопрос о выходе из общины

---

[1] Стенографические отчеты третьей Гос. думы, ч. I, стр. 239.
[2] Стенографические отчеты второй Гос. думы, стр. 1135.

с вопросом о свободе коалиции и установлении демократического строя. „Община,—говорил он,—должна быть свободным добровольным союзом свободных земледельцев-граждан“ [1].

В земельной комиссии повторились в основном прения пленума.

Дума не только приняла указ 9 ноября, но и утвердила те поправки, которые внесла земельная комиссия. Именно были внесены пункты 1—8, которые говорили об обязательном укреплении в собственность земли в тех общинах, в которых не было переделов в течение 24 лет. Кроме того, Дума внесла известную 56 статью, по которой ограничивалось право скупки земли укрепленной крестьянами в одни руки. Последняя поправка была вызвана тем, что в первые годы действия указа 9 ноября наметилась значительная скупка земель бедноты кулаками. Об этом с тревогой доносили в Министерство внутренних дел многие губернаторы. Указывая на то, что это революционизирует крестьян, они требовали соответствующих директив.

С этими поправками указ поступил в Государственный совет. В земельной комиссии Государственного совета и в самом Государственном совете указ встретил возражения с двух крайних флангов—со стороны крайних правых, представляемых ярославским помещиком Уваровым, и „левых“, представляемых кадетом Мануйловым и М. Ковалевским.

Крайние правые и не случайно, конечно, представляемые помещиками нечерноземной полосы, выступили против указа по соображениям реакционных традиций. „Задуманная ломка, говорил Уваров, не принесет славы и пользы нашему отечеству. Куда пойдут все эти бездомные голыши, если даже состоятельные, выделившиеся крестьяне гонят своих сыновей из дома“. И он взывает к страху перед пролетариатом и общиннофильским традициям дворянства. Выступавшие против указа М. Ковалевский и Мануйлов также обращали внимание на угрозу пролетаризации и были против форсирования разрушения общины. Ковалевский даже пугал правительство тем, что быстрая пролетаризация населения может привести к сужению внутреннего рынка. Мануйлов отстаивал добровольный выход из общины и стоял за обеспечение интересов обеих сторон крестьянства и выделяющихся из общины и остающихся в ней [2]. Вообще, как и его коллеги в третьей Думе, Мануйлов выразил общее сочувствие целям проекта, но считал, что указ в настоящем виде не удовлетворяет этим целям [3].

Резкую критику указ встретил в лице Витте. Понятно, он, как вырабатывавший его основы в особом совещании, и как принимавший участие в бытность свою премьером

---

[1] Стенографические отчеты третьей Гос. думы, 2 сессия, т. I, стр. 322.
[2] Стенографические отчеты Гос. сов. 5 сессия, стр. 1150.
[3] Там же, стр. 1155.

в конце 1905 и в начале 1906 г. в подготовке этого указа, не мог выступить с принципиальной критикой его. Он сочувственно относится к введению собственнического начала в России, которое, по его мнению, должно поднять силу и культуру России— „так на это смотрят и наши заграничные друзья и наши кредиторы“ (!) [1].

Однако, в оценке самого указа 9 ноября он близко подходит к кадетской позиции. „По взмаху пера шаблонно и однообразно на всем громадном пространстве Российского государства“, хочет, по его мнению, осуществить правительство выход из общины [2]. Как будто он сам в Государственном совете 18 марта 1906 года не был во главе тех, которые считали необходимым издать этот указ только в виде временных правил, и издать накануне самого открытия Государственной думы [3]. Теперь он всецело повторяет кадетские доводы о революционизирующем влиянии указа. Он предвидит возможность новых аграрных волнений. Указ, по его мнению, „к сожалению, в будущем может грозить значительными и даже крупными революционными осложнениями“ [4].

Единственный пункт, который вызвал значительное возражение многих из Государственного совета, это был пункт об уничтожении семейной собственности и введении личной. Конечно, дворянству трудно было порвать с усиленно поддерживаемой в прежнее время семейной собственностью, вредность которой не выступала так осязательно, как вредность общины. Столыпину самому пришлось в заседании 26 марта 1910 года выступить с защитой личной собственности и поддержать в совете поредевших ее сторонников.

Наконец, после всех этих перипетий, указ прошел через Государственный совет, был утвержден царем и превратился в закон 14 июня 1910 г.

Как мы уже выяснили выше, закон 14 июня отличался от указа 9 ноября своими первыми восемью статьями, которые устанавливали обязательность перехода к личной собственности тех общин, в которых не было переделов в течение 24 лет.

Как гласит статья 1 этого закона, „общества и имеющие надельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения землей, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению“. Таким обществам лишь только остается право требовать себе удостоверительные акты (ст. 4). Что касается обществ и сел, производящих общие переделы, то в отношении их всецело сохранялись те положения, которые были установлены указом 9 ноября. Именно статья 1 этого указа, которая предоставляла право сво-

---

[1] Стенографические отчеты Гос. сов., 5 сессия, стр. 1145.
[2] Там же, стр. 1145.
[3] См. выше, стр. 30.
[4] Витте. „Воспоминания“, т. II, стр. 260.

бодного укрепления земли, без изменений составила статью 9 нового закона. В отношении порядка выдела устанавливалось, что, если после подачи заявления общество в течение 30 дней не примет приговора о выделе, то „возложенные на сход обязанности исполняются на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и об‘являет свое постановление“. Высшей инстанцией для разбора споров является уездный с‘езд. Далее мы убедимся, насколько злоупотребляли своею властью земские начальники, которые, исполняя соответствующую директиву Министерства внутренних дел, не останавливались перед явными нарушениями закона, в целях принуждения общества к выделу.

В отношении права требовать выдела, последнее было предоставлено каждому домохозяину, при чем для общества выдел был обязателен: а) при общих переделах, б) если требовала выдела одна пятая всех домохозяев или 50 человек в тех обществах, которые имели более 250 домохозяев, в) если выдел возможен и не связан с особыми неудобствами.

Так же, как и по указу 9 ноября, участки укрепляются в личную собственность.

Укрепившим землю в личную собственность, предоставляется полная свобода в праве распоряжения укрепленными участками в отношении их продажи, сдачи в аренду, залога и т. п. Только в отношении скупки 56 статьей было введено ограничение в покупке наделов: в центральных районах России допускалась скупка в одни руки не свыше шести надельных указных участков, на юго-западе трех, в Бессарабии двух.

Непосредственным дополнением указа 9 ноября и закона 14 июня 1910 г. было положение о землеустройстве, сделавшееся законом 29 мая 1911 г. Это положение составилось еще в 1906 г. и существовало в период рассмотрения в Думе в виде временных правил.

В следующих главах мы будем говорить о тех результатах, которые имело столыпинское законодательство. Для их понимания нам необходимо рассмотреть еще, как это законодательство проводилось в жизнь.

ГЛАВА III.

Правительственные мероприятия по проведению в жизнь указа 9 ноября.

Мы рассмотрели историю выработки указа 9 ноября, борьбу партий вокруг него в Думе и, наконец, его превращение в закон 14 июня 1910 г.

Теперь нам нужно рассмотреть его осуществление. До сих пор мы говорили о выработке статей закона, теперь надо посмотреть его осуществление в жизни. Нам нужно рассмотреть те мероприятия, которые вытекали из рассмотренных нами в первых главах работы указа 9 ноября и закона 14 июня 1910 г. Как мы старались показать выше, в центре правительственной реформы стояло разрушение общины и индивидуализация землевладения. Этим путем правительство думало толкнуть крестьянство к интенсификации своего хозяйства и в то же время создать крепкое зажиточное крестьянство и тем предотвратить возможность новой вспышки аграрной революции. Как мы говорили выше, помимо землеустройства в узком смысле этого слова, правительство пошло на частичную передачу казенных и удельных земель через Крестьянский банк и содействовало переходу части помещичьих хозяйств через тот же банк в руки крестьянства. Кроме того, правительство пыталось бороться с земельным утеснением, путем переселения избыточного населения в Сибирь. Но несомненно, из всех этих мероприятий на первом месте по своему значению стояло землеустройство, и на нем мы сосредоточим основное наше внимание.

Для осуществления всей землеустроительной политики были организованы уездные и губернские землеустроительные комиссии. В 1906 году было открыто 184 уездных землеустроительных комиссии. В 1909 г. действовало уже 38 губернских и 411 уездных землеустроительных комиссий. Нужно сказать, что в начале их организации правительство натолкнулось на весьма отрицательное отношение крестьян и даже части землевладельцев к их

целям и задачам. Например, в 1906 г. из числа 184 уездов, в которых началась организация землеустроительных комиссий, в первую очередь отказались от выборов своих представителей земства в 11 уездах и крестьяне в 15 уездах. А в двух уездах (Симферопольском и Бердянском Таврической губ.) отказались и те и другие.

Как мы указывали, правительство придавало особенно большое значение проведению землеустройства перед обсуждением указа 9 ноября в Государственной думе и Государственном совете. В целях оказания давления, в ноябре 1906 г. правительство посылает целый ряд чиновников центральных учреждений в места действия землеустроительных комиссий. Командируемые, согласно данной им инструкции [1], должны были внушить, что „даже самое широкое приобретение земель в силу ограниченности земельного фонда может удовлетворить только наиболее скромное вожделение в этой области". „Поэтому правительство, как оно фальшиво об этом заявляет, не уклоняясь от содействия увеличению крестьянского землевладения, поскольку это необходимо и осуществимо без нарушения права собственности и общих государственных интересов, в то же время стремится вызвать на местах сознание необходимости изменить условия крестьянского землепользования, всячески содействуя индивидуализации крестьянского хозяйства, как первого шага к поднятию его культуры" [2]. И вот поскольку последнему оно придавало исключительное значение, то оно и постаралось всеми средствами форсировать индивидуализацию крестьянского землевладения и расселение его на хутора и отруба.

Прежде всего, правительство озаботилось созданием заинтересованности в землеустройстве административного персонала— местного чиновничества, начиная от губернатора и кончая волостным писарем. Это видно из целого ряда циркуляров, которыми засыпает Министерство внутренних дел местных губернаторов, особенно в первые годы действия землеустройства, когда правительство всячески ускоряло выдел из общины в связи с предстоящим обсуждением указа в Государственной думе. В этих циркулярах оно старается всячески внушить местным губернаторам, что землеустройство „должно составить предмет особливого внимания начальников губерний" [3]. Министерство внутренних дел щедро награждает администраторов, в районе действия которых идут успешно землеустроительные работы, и карает неуспешных. Применялись сцециальные награды лиц, „проявивших усиленную деятельность при проведении в жизнь указа 9 ноября". „К высокоторжественным дням", в которые обычно раздавались всякие

---

[1] Дело Земск. отд. М. в. д. 1906 г., № 89.

[2] Поручение лицам, командируемым в землеустр. ком. (Одобрено Особым совещ. министров).—Дело Земск. отд. М. в. д. № 89 за 1906 г. 19 л.

[3] Дело Земск. отд. М. в. д. 1908 г. № 1 с циркулярами.

награды, теперь составляются специальные списки чиновников, особенно постаравшихся по проведению указа 9 ноября. Против фамилий стоят такие реплики: „утверждено с‘ездами столько-то приговоров о выходе из общины“, или „отличная и энергичная деятельность“, или „за хутора и ликвидацию“ (т. е. ликвидацию купленных крестьянским банком помещичьих земель путем продажи их крестьянам), или „прекрасно идут выделы“ [1]. Такие же награды сыплются и по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. Учреждается особый наградной знак за землеустройство (в конце 1912 г.), который раздается всем высшим сановникам, а также и членам Государственной думы, „потрудившимся над проведением законодательных актов о землеустройстве“.

Нечего говорить, как под влиянием нажима сверху, усердствовали местные администраторы. Рвение их заходило так далеко, что, как рассказывает Литвинов в своем отчете по командировке в районы деятельности землеустроительных комиссий Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губ. в 1906 г. [2], некоторые из членов землеустроительных комиссий настаивали на принудительном переводе крестьян из общины на хутора. Или, например, один губернатор предписал земским начальникам „понуждать должностных лиц крестьянского управления к укреплению и выделу к одним местам их собственные земли, а в случае отказа—увольнять“ [3]. Итак, мы видим, что усердие местных землеустроителей было поставлено на должную высоту.

Как же проводился на местах выдел из общины?

Как мы указывали в начале настоящей работы, уже в самом указе 9 ноября и в законе 14 июня заключался ряд таких мер, которыми привлекались крестьяне к выходу из общины. Важнейшее значение имела, конечно, возможность укрепления земли по фактическому владению, т.-е. с укреплением тех излишков, которые оказывались у отдельных крестьянских дворов после последнего передела.

Вот эти-то владельцы излишков часто и являются пионерами в выходе из общины. Они именно и являются точкой опоры столыпинских землеустроителей, опираясь на которых они и будут переворачивать весь деревенский общинный мир.

Для производства выдела в обязательном порядке, согласно закона 14 июня, так же, как и согласно указа 9 ноября, нужна была одна пятая общего количества домохозяев или 50 человек в тех обществах, в которых было более 250 домохозяев. И вот на создание этого-то законного числа выделенцев и обращается

[1] Дело Земск. отд. М. в. д часть 1 и 2—1906-1908 г.г. о наградах лиц, проявивших особенно усиленную деятельность по проведению в жизнь указа 9 ноября.

[2] Дело Земск. отд. М. в. д. 1906 г. № 89.

[3] Дело Земск. отд. М. в. д. 1909 г. № 5. 6 л.

главное внимание землеустроителей. Когда же этого числа не набиралось, то землеустроители не останавливались осуществлять землеустройство вопреки соблюдения указанного законом числа желающих домохозяев. После отмеченных нами выше мер поощрения землеустроителей вполне понятным становится то, что говорит в отчете по ревизии местного землеустройства управляющий земским отделом Литвинов [1]: „С самого начала землеустроители впали в ошибку, полагая, что надо сразу произвести разверстание возможно большего количества населения. В этих целях... было внесено в план большое количество таких разверстаний, относительно коих не было даже выражено в законной форме согласие общества, в том расчете, что, когда крестьяне увидят осуществление разверстания в натуре, то никаких протестов с их стороны не последует. Между тем, как замечает Литвинов, на деле оказывалось, что результаты получались совсем обратные". Каковы были эти обратные результаты, об этом мы будем говорить далее, при описании крестьянских волнений на почве применения указа 9 ноября.

У Литвинова и в отчетах других ревизоров, в многочисленных крестьянских жалобах встречается очень много указаний на неправильное составление приговоров и подтасовку мненийкрестьян.

Прием, при помощи которого землеустроители заставляли общество согласиться на выдел, заключался в том, что землеустроители склоняли некоторых крестьян обещанием укрепить излишки и дать лучшую землю при выделе из общины. Затем выделенцам, действительно предоставлялись лучшие участки земли. Как говорил Литвинов, землеустроители старались „путем невыгодных для общества выделов побудить его к скорейшему общему разверстанию". Вот, например, как описывает землеустройство газета „Русские Ведомости" [2]. „Астрономические цифры произведенных землеустроительных работ об'ясняются следующим: идя навстречу землеустройству, население только выбирает из двух зол меньшее. В каждой общине найдется, конечно, несколько домохозяев, по тем или иным причинам желающих выделить свою землю. И вот, пользуясь такими одиночными хозяйствами, землеустроители ставят перед общинниками альтернативу: или все переходите на отруба, или мы будем выделять отрубщикам лучшую и удобно расположенную землю. Один, два опыта в этом отношении, и община сдается на капитуляцию".

Косвенным образом дает директиву на выдел укрепленцам лучших участков земли и само Главное управление землеустройства и земледелия. Как на пример, сошлемся на „совершенно

---

[1] Отчет зав. зем. отд. М. в. д. Литвинова—по ревизии землеустроительного дела в Херсонской губ., произведенной в июле 1909 г. (дело Г. у. з. и з. по деп. гос. зем. имущ. 1910 г., № 6106 с секр. перепиской. 98 л.).

[2] „Русские Ведомости" 21 марта 1914 г. из отдела „Провинц. жизни и печати" заметка—„Как делается землеустройство".

доверительное" отношение директора департамента государственных земельных имуществ Риттиха смоленскому губернатору 15 декабря 1911 г. [1] В этом секретном отношении он обращает внимание на случаи, когда землеустроительные комиссии „проектируют выделы, в случае несогласия общества, в условиях невыгодных для выделяющихся, почему дела эти, за несогласием самих выделяющихся на эти условия, не получают завершения". В целях привлечения крестьян Риттих рекомендует выполнить выделы „при соблюдении справедливых интересов общества, на тех условиях, на которые будут согласны сами выделяющиеся". Как видим, директива выявлена достаточно определенно. Истинный смысл „соблюдения справедливых интересов общества" коментариев не требует дле тех, кто знаком с бюрократическим жаргоном.

Активное содействие землеустроителям оказывает и полицейская власть. Всех крестьян, противодействующих проведению указа 9 ноября, правительство удаляет путем административной высылки. Вот, например, описание типичного случая из запроса нескольких членов Государственной Думы [2]. Описывая ход землеустройства в Нижегородской губ., они указывают, что „землеустроители в тех случаях, когда крестьяне почему либо не желают выходить на отрубные участки, входят с представлением к нижегородскому губернатору о применении к ним наказания в административном порядке по положению об усиленной охране, и губернатор Шрамченко широко применяет карательные меры под видом наказания за противодействие проведению в жизнь указа 9 ноября". Члены Думы приводят в доказательство целый ряд фактов ареста отдельных крестьян.

Как проводилось на месте землеустройство, прекрасно характеризуется одним чиновником, об‘ехавшим в конце 1909 г. ряд губерний. Установив плачевное положение вновь созданных хуторов, автор отчета Клопов [3] говорит про Орловскую губ.: „местные землеустроительные учреждения, повидимому, мало задумываются над вопросом о том, как будут жить эти крестьяне; работу ведут очень быстро, строгими предписаниями и распоряжениями энергично подгоняют друг друга и заботятся лишь о том, чтобы насадить возможно большее число хуторов. Отрубные хозяйства здесь не в почете и допустимы лишь на худой конец. „Нужно немного принудительных мер—это лучше", говорил мне один непременный член. А принудительные меры, как я узнал от другого непременного члена, заключаются, например, в том, что заявившим желание выделиться из общины крестьянам отво-

[1] Дело Комитета по зем. делам 1912 г. по жалобам крестьян на действия землеустроительных учреждений.

[2] Дело Глав. упр. зем. и землед. Комитет по зем. делам 1909 г. № 5581.

[3] Дело Канц. Ком. по земл. делам. 1909 г., № 5586. Сообщение Клопова об осмотре хуторских поселков. 26 л.

дят лучшие участки земли, проводя это, не ожидая приговора крестьян через с'езд земских начальников. После нескольких таких операций общинники по необходимости переходят на хутора. Однако, продолжает этот чиновник, существует не мало упрямцев, которые настойчиво продолжают сидеть на надельной земле, не взирая на уговоры и соблазны к переходу на хутора. Очевидно, инстинкт самосохранения диктует им осторожность, ибо, заключает этот чиновник, нельзя допустить мысли, чтобы человек отказывался от лучших форм жизни в пользу своих несомненно худших". Он советует прислушиваться к голосу крестьян и „благую реформу 9 ноября проводить с последовательностью и осторожностью, подсказываемыми самой жизнью".

Однако, осторожность в планы землеустроителей, подгоняемых сверху, отнюдь не входила. Как пишет Литвинов в цитированном докладе,—„из рассмотрения дел об обязательных выделах, производившихся в Александринском уездном с'езде [1], нельзя не прийти к заключению, что и здесь... дела эти разрешаются с'ездом слишком формально, без того живого отношения к этим делам, какое требуется их сущностью. Землеустроители недостаточно подробно и внимательно осматривают землю, над которой оперируют, недостаточно принимают меры к склонению сторон к миролюбивому соглашению и, повидимому, задались целью всячески удовлетворять домогательства выделяющихся, хотя бы с нарушением интересов общества, предполагая таким путем принудить последнее к скорейшему разверстанию всей надельной земли. Но нельзя упускать из виду, что если последнее соображение, в сущности совершенно незаконное, может в некоторых случаях достигать намеченной цели, зато оно, замечает Литвинов, сокращает число добровольных выделов, ибо выделяющиеся при таких условиях делаются крайне требовательными и не склонными к соглашению с обществом". Литвинов приводит в пример дело одного крестьянина, который сам соглашался на более или менее справедливый обмен своего участка на выделяемый ему, но землеустроители нарезали ему земли и больше и лучшей, с тем, чтобы этим принудить общество к выделам. Разумеется, Литвинову подавали жалобы, но, как он меланхолически замечает, „срок на обжалование постановления с'езда уже истек. И в дальнейшем дело исправить затруднительно".

Между прочим, „срок обжалования истек"—является стереотипной резолюцией, которая заканчивает дела по жалобам. Нужно отметить, что дело велось так, что крестьяне не могли в срок подать жалобу. Если же жалоба и подавалась, то расследование поручалось тем же, кто осуществлял землеустройство, т.-е. тем,

[1] Отчет Литвинова по ревизии земл. дела в Херс. губ. в июне 1909 г. Дело Г. у. з. и з. ком. по земл. делам 1910 г., № 6106 с секретн. перепиской. 77—78 л.

на кого подавали жалобу. В этом отношении типичен следующий рассказ того же Литвинова. Был составлен неправильный приговор сходом, на котором не было и половины законного числа домохозяев. Крестьяне подали жалобу. „Расследование по поводу этих жалоб производили на месте земский начальник, непременный член землеустроительной комиссии и вице-губернатор. Но нельзя не заметить, признается Литвинов, что все перечисленные должностные лица, не указывая на главные причины недоразумения в этом деле, предполагали совершенно неправильно агитацию“ [1].

Вот это-то приписывание волнений крестьян, по поводу явно насильственных и незаконных действий властей, агитации—было лишь основанием для того, чтобы пустить в ход полицейский аппарат. Наиболее ярые противники выхода из общины, „как агитаторы“, арестовывались или в административном порядке высылались из пределов губернии. О высылке в административном порядке в архиве департамента полиции мы нашли целый ряд донесений губернаторов. Для примера возьмем отношение пермского губернатора от 29 ноября 1911 г., в котором он сообщает о высылке из Красноуфимского уезда нескольких крестьян, в том числе одного, который „агитировал среди крестьян против выхода из общины и подсовывал жалобу на земского начальника и непременного члена губернской землеустроительной комиссии, обвиняя их в том, что они, будто бы, под угрозами заставляют крестьян выходить из общины“. Вот за эту-то „будто бы“ ложь на него и обрушилась административная кара.

Выделенцы во всех случаях насильственных, обязательных выделов находились под охраной полиции. Как пишет черниговский губернатор в своем отношении в Министерство внутренних дел, от 19 мая 1910 г., за № 1401, при возникновении бес порядков на почве применения указа 9 ноября, он „посылал должностных лиц и отряд стражников“ с тем, „чтобы дать понять крестьянам, что насильничество над хуторянами, с верой переходящими к новым формам землевладения, не будет допущено в губернии, что власть не позволит запугивать этих предприимчивых людей и что ни один волос с их голов не упадет безнаказанно“ [2]. А насчет того, чтобы „волосы не падали с голов хуторян“, в законе существовали жестокие кары, которые распространялись и на противодействие землеустройству.

По статье 1445 уложения о наказаниях „за угрозы лишить кого-либо жизни, или произвести поджог, когда к тому было присоединено требование выдать или подложить в назначенное для того место сумму денег или вещь, или письменный акт, или что

---

[1] Отчет Литвинова, 92 л.

[2] Отнош. черниг. губ. в М. в. д. 19 мая 1910 г., № 1401 (из дела ком. по земл. делам 1910 г., № 6106 с секретной перепиской).

либо иное, или же принять на себя какие-либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого-либо законного права (т.-е. выхода на хутора и отруба—С. Д.) виновные приговариваются: к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на время от 4 до 6 лет". В некоторых случаях присяжные заседатели были более мягки по отношению к крестьянам, чем бы то требовалось правительству, поэтому оно не передавало дела в суд, а предпочитало действовать в административном порядке. Для иллюстрации приведем следующее, совершенно секретное отношение новгородского губернатора в Министерство внутренних дел [1], в котором он „отрицательное отношение крестьян к указу 9 ноября" об'ясняет политической агитацией и требует применения мер в порядке положения об охране. Как говорит этот губернатор, не осуществить эти меры—„значит ослабить имеющуюся ныне у меня возможность оказывать правительственным начинаниям в области землеустройства энергичную и внушительную поддержку, без которой в Новгородской губ. может произойти в этом столь исключительной важности деле серьезное замешательство". Министерство внутренних дел отклонило предложенное губернатором обязательное постановление, по которому „виновные в распространении ложных слухов и сведений или недопущении или препятствии к осуществлению указа 9 ноября подвергаются штрафу в 500 руб. или аресту на три месяца". Министерство отклонило, конечно, не по тем соображениям, что это являлось насильственной мерой, а лишь потому, что в распоряжении губернатора и без того имелись достаточные средства для административного воздействия на население. „Издание же подобного обязательного постановления способствовало бы укреплению мнения, что реформа насильственна"(!).

О том, что правительство было в курсе всего административного произвола на местах,—это, конечно, не вызывает сомнения так же, как и то, что этот произвол, несмотря на ряд лицемерных циркуляров о мирном проведении реформы, производился с ведома центральной власти. Вот как, например, управляющий ведомством землеустройства и земледелия описывает ход землеустроительного дела в Поволжских губерниях; во всеподданнейшем докладе 7 июля 1908 г., Кривошеин констатирует, что в отличие от предыдущего года „землеустроительные учреждения по Волге проникнуты твердою, в некоторых случаях почти фанатическою, уверенностью в правильности и жизненности поставленной правительством задачи... Нередко приходится сдерживать, дабы предупредить крайности в виде стремления, например, не отдать ни одной пяди земли иначе, как в хуторское или отруб-

[1] Отнош. новг. губ. в М. в. д. от 6 окт. 1910 г., № 2972. Там же, 118 л.

ное владение“ [1] (Это-то в губерниях, где, из-за условий водоснабжения, крестьяне категорически отказываются от выхода на участки!). Кривошеин не прибавил, конечно, какими циркулярами, наградами усердствующих землеустроителей и карами неусердствующих была достигнута „фанатическая уверенность в правильности поставленной правительством задачи“.

Так относилось правительство к усердию своих чиновников.

А как же относились к этой фанатической старательности крестьяне, на спинах которых упражнялись эти чиновники?

Об этом более подробно поговорим в конце работы, при очерке аграрного движения на почве применения указа 9 ноября. Пока же отметим, что в многочисленных жалобах, поступающих от крестьян, несется вопль о творимых насилиях. Для иллюстрации приведем телеграмму на высочайшее имя крестьян одного из уездов Черниговской губ. [2]. „Земский начальник, мировой посредник, сельские власти принуждают нас, крестьян, в числе восьмидесяти домохозяев, насильно выходить на отрубные участки. Командированный комиссией для нарезки земли выходящим на отруба землемер наносит нам, общинникам, обиды действием и арестом за то, что мы не желаем и не даем согласия на выход в отрубные участки“. Они просят царя „не распространять на нас закона относительно отрубных участков. Мы обладаем малым количеством земли, и применение его разорит нас. Кроме того, лучшие участки земли забирают состоятельные крестьяне, оставляя нам непригодные“.

Чтобы закончить очерк принудительных мер правительства, дадим в заключение вопль одной помещицы по поводу действий местной власти. На имя управляющего делами комитета по землеустроительным делам Риттиха поступило от помещицы Гродненской губ. следующее письмо:

„Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Александр Александрович.

„Что же делают местные власти. Ведь это же издевательство над народом и умышленное направление его к революции. Прилагаемую бумагу только-что получила от тех гродненских крестьян, которые были у вас со мною (в приложенном прошении крестьяне говорят о вопиющем насилии над ними). Здесь им обещали помощь и справедливость. А там... прочтите, что они пишут. Ведь необходимо же спасти сделанный посев. Это вы обещали и приказали при мне. Вместо этого старшина позволяет хуторянам превращать посеянные полосы в пастбище...

---

[1] Всеподданнейший доклад Кривошеина 7 июля 1908 г. „Землеустр. дело в Поволжских губ. и предстоящие мероприятия по землеустройству“ (из всепод. докладов за 1908 г.).

[2] Телеграмма на высочайшее имя уполномоченных села Свинарки Уманского уезда, Черниговской губ., 22 сентября 1910 г. из дела комитета по землеустр. делам. 1910 г. № 6106. 137—138 л.л.

и притом вечные аресты ездящих в Петербург. Чего же хотят местные губернаторы, чтобы высшая власть не мешала им самоуправничать.

„Александр Александрович, вы знаете мои убеждения..., но, видит бог, когда я читаю подобные письма, я понимаю тех, кто берется за вилы и топоры... И уверяю вас, что надо много энергии, чтобы написать вам и только... потому, что из груди рвется вопль негодования... подумайте, что чувствуют крестьяне, которых здесь обласкали, а там сажают в тюрьму за то, что они искали помощи у вас... помогите... прежде всего, конечно, освободить арестованного... А затем прикажите же вашему непременному члену осмотреть хутора, а не решать вопросы голословно.

„Знаете, чего я боюсь? Что, в конце концов, начнется резня между хуторянами и общинниками... А что это значит, вы и сами понимаете... Ведь крамола пользуется подобными старшинами и т. п. местными царями и богами. А может быть местные и сами кадюки (кадеты. С. Д.), умышленно доводящие народ до расстрела и бунта, чтобы сеять ненависть к власти.

„Ради бога, дорогой Александр Александрович... помогите. И прежде всего уничтожьте аресты за агитацию против отрубов. Ведь это же возмутительное беззаконие!

„Простите, что пишу, волнуясь... с трудом сдерживаю себя. Что же делают с крестьянами?! Нам же мешают превратить их в дельных и мирных граждан. Если это только глупость, то неужели отсюда ее нельзя обуздать. Но мне чудится, что это подлость... система заговорщиков... И потому мне страшно за будущее.

„Простите, дорогой Александр Александрович, и ради самого бога, помогите. Если это гродненский губернатор ставит вам палки в колеса, мешая мирному землеустройству тем, что раздражает народ изготовлением подложных подписей и сажанием в тюрьму протестующих, то... я поеду к А. А. Макарову (министр внутренних дел—С. Д.) просить защиты.

„Если же это ваши непременные члены и землемеры, то обуздайте же их и прикажите обуздать и старшин, которые, конечно, за трешницу (три рубля. С.Д.) прикажут или запретят все, что угодно. С понятным волнением жду от вас весточки. Вы так избаловали меня своей добротой и любезностью, что надеюсь, простите и это письмо страшно расстроенной, но глубоко уважающей вас старухи. Е. Шабельская. 28/V—1912 г.“

Письмо, несомненно, истеричное. Но нервные люди иногда лишь острее и ярче подчеркивают действительность.

Разумеется, Риттих не замедлил в сверх любезном ответе этой помещице и послал запрос губернатору, потому что, действительно, как пишут крестьяне, над ними учинялось ничем не прикрываемое насилие. Губернатор же ответил, что все обстоит

благополучно, „недовольство же разверстанием навеяно извне и является плодом какой-то агитации“. Конечно, ответом губернатора вполне удовлетворились, и жалоба крестьян была оставлена без последствий, несмотря на то, что, как мы видели, они имели сильную „протекцию“.

Вполне понятно, что в конце концов, в этом селе вспыхнуло восстание. Крестьяне разгромили и избили хуторян.

Производя такой сильнейший нажим на крестьянство, правительство старалось все-таки создать известное положительное общественное настроение. Хотя немного, но все же с буржуазным общественным мнением оно считалось.

Правительство отпускает специальные средства на пропаганду аграрных мероприятий. Так, в деле № 114—1905 г. в архиве земского отдела Министерства внутренних дел (с совершенно секретной перепиской) мы находим отношение главноуправляющего землеустройством и земледелием, князя Васильчикова, от 3 октября 1906 г. за № 439 к Столыпину „об отчислении, согласно резолюции царя, из кредита текущего года по § 13 ст. 1 на известное его императорскому величеству употребление, в мое распоряжение 100.000 руб. на издание книг и брошюр, устанавливающих правильный взгляд на аграрный вопрос и раз‘ясняющих сущность распоряжений правительства“ [1]. Между прочим в делах комитета по землеустроительным делам мы нашли целый ряд бумаг, показывающих, как щедро вознаграждался специальными денежными наградами трубадур землеустроительной политики Кофод.

Правительство усиленно распространяет литературу и газеты, „устанавливающие правильный взгляд на правительственные мероприятия“. По всем волостям бесплатно рассылаются правительственные газеты и листки. Некоторые губернаторы, как, например, костромской, заставляли подведомственные им волостные правления выписывать черносотенные газеты, об‘ясняя это необходимостью „противодействовать левой печати“ [2].

Однако, не всегда это им удавалось. Как курьез, приведем случай, когда две волости отказались от получения „за ненадобностью“ правительственной газеты „Россия“, которая рассылалась бесплатно. Столыпин „обратил внимание на этот факт“, полетел запрос—результаты понятны [3].

При таком проведении землеустройства, понятно, правительство всячески боролось с гласностью в газетах и с попытками отдельных лиц и учреждений произвести обследование землеустройства. Мы имеем целый ряд распоряжений и Министерства

[1] Отнош. кн. Васильчикова к Столыпину от 3/X—1906 г. № 439, из дела зем. отд. М. в. д. 1905 г., № 114, с совершенно секретной перепиской.

[2] Отнош. костром. губ. в М. в. д. 27/IX—1907 г., № 6290, из дела зем. отд. М. в. д. № 55—1911 г., по газетным вырезкам.

[3] Дело зем. отд. м. в. д. 1911 г., № 55, по газетным вырезкам.

внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия о том, чтобы не допускались никакие частные обследования.

Правительство старалось широко рекламировать землеустроительное дело. Мы помним, как оно старалось его количественным успехом оказать давление на законодательные учреждения и на буржуазное общественное мнение. Однако, и эта агитация и рекламирование не обходились без курьезов. Как пример, приведем случай, в свое время нашумевший в печати с царскосельской выставкой 1911 г. На последней была демонстрирована модель хутора некоего крестьянина Рокка, только что вышедшего из общины на участок. Хутор поражал своим благоустройством и благополучием. Когда же корреспондент „Речи“ поехал посмотреть на место, то оказалось, что модель являлась полной фальсификацией. Правительство попыталось вывернуться. Была послана специальная комиссия для обследования этого хутора. Но здесь произошел новый скандал. Оказывается, что накануне обследования были посланы рабочие приводить этот хутор в порядок по модели, что опять стало достоянием печати [1].

Мы не будем останавливаться на других мерах воздействия, как подкуп печати (например, подкуп „Нового Времени“ об‘явлениями), организация поездок заграничных профессоров по землеустроенным хозяйствам и т. п.

---

[1] Дело СПБ. губ. землеустр. комиссии по ходат. царскосел. уездной земл. ком. об ассигновании кредита на расходы по участию ком. в предполагаемой выставке в Царском селе.—Переписка по делу хутора Рокка.

ГЛАВА IV.

Экономические предпосылки осуществления столыпинской реформы.

Предпосылки разложения общины.

Мы рассмотрели методы внеэкономического воздействия правительства при проведении реформы. Однако, менее всего именно этими мерами насилия определялся ее успех. Насилие являлось лишь повивальной бабкой нарождавшегося аграрного капитализма. Предпосылки развития последнего нам и предстоит рассмотреть в настоящей главе. Столыпинская реформа явилась результатом того экономического развития, которое совершалось в русской деревне за период между двумя революциями. Поэтому прежде чем рассматривать столыпинскую реформу и ее экономические результаты, мы остановимся на экономическом развитии деревни. Сначала выясним экономическое состояние деревни после 1906 г., на фоне его рассмотрим проведение столыпинского землеустройства, а затем уже, в свою очередь, исследуем обратное влияние реформы на экономику. В самом деле, что составляет основное содержание рассматриваемой нами реформы? Это разложение общины, создание хуторов и мобилизация землевладения. Как мы постарались показать в нашей работе „Очерки русской революции", выпуск I—„сельское хозяйство"—„община является необходимой организацией крестьянства, пока оно ведет экстенсивное хозяйство с выгонным скотоводством. От общины крестьянство переходит к другим формам землепользования и в частности к хуторам и отрубам, лишь только тогда, когда, благодаря развитию капитализма, наростает потребность большей интенсификации хозяйства, введения многопольной системы вместо трехполья, замены выгонного скотоводства содержанием скота на дворе, так как куда выгоднее оказывается, бывшие выгоны распахивать и засевать их кормовыми травами. Но в условиях капитализма потребность в интенсификации, в ломке трехполья явится лишь тогда, когда, с одной стороны, рынок пред'явит большие требо-

вания на продукты сельского хозяйства, и потому будет выгодно капиталистическое хозяйство с интенсивными культурами, а с другой, когда крестьянство накопит необходимые капиталы, чтобы обзавестись нужным инвентарем для проведения агрикультурных улучшений... Успех реформы определялся исключительно возможностью крестьян перейти к высшим формам хозяйства. Поэтому, прежде чем перейти к уяснению результатов реформы, мы посмотрим, насколько в России, в рассматриваемый момент, были благоприятные условия для перехода крестьянства к интенсивному капиталистическому хозяйству.

Сельско-хозяйственный под'ем.

Несомненно, после 1906 г. общая обстановка для развития капитализма в деревне была весьма благоприятна.

Накануне войны в России наблюдался значительный и промышленный и сельско-хозяйственный под'ем.

Длительная промышленная депрессия 1900—1910 г.г. сменилась довольно бурным промышленным под'емом 1910—1914 г.г., мало уступающим по своему размаху и размеру под'ему конца 90 г.г.

Несомненно, развитие промышленности и развитие сельского хозяйства находились в теснейшей взаимной связи. Разложение капитализмом крестьянского хозяйства создавало рынок для продуктов промышленности. Накопляемые в сельском хозяйстве капиталы дополняли общее туземное накопление. Активный торговый баланс, основанный на экспорте продуктов сельского хозяйства, обеспечивал промышленности устойчивость в международной торговле. Но если сельское хозяйство питало промышленность, то, в свою очередь, последняя имела решающее значение для под'ема сельского хозяйства. Несомненно, индустриализация страны имела громадное значение для всей эволюции сельского хозяйства в меж-революционный период.

Рост железнодорожного строительства укреплял связь сельского хозяйства с внутренними и внешними рынками, способствуя внедрению капитализма в деревню. Рост индустриального населения и связанный с ним рост городов создавал внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства.

Как не очевидно влияние индустриализации страны на под'ем сельского хозяйства, а тем самым и на развитие капитализма в сельском хозяйстве (в условиях капиталистического строя общее развитие сельского хозяйства тождественно его капиталистическому развитию), находятся исследователи, которые пытаются отрицать это влияние, более того, пытаются даже утверждать, что индустриализация страны ведет за собою разложение сельско-хозяйственного капитализма. К таким исследователям относится Н. Н. Суханов, который в своей работе „К вопросу об

эволюции сельского хозяйства", вышедшей в первом издании в 1909 г., выдвигает теорию о разложении сельско-хозяйственного капитализма, под влиянием индустриализации страны. Мы не беспокоили бы прах этой книги — для наших времен 15 лет большой срок если бы автор не повторил основных своих положений в недавно вышедшей его работе „Очерки по экономии сельского хозяйства". Суханов пытается, как он говорит, „индуктивным" методом доказать, что сельско-хозяйственного капитализма в России нет, а где он есть, то там он разлагается и разлагается под влиянием развития индустриального капитализма. О том, как Суханов „установил" отсутствие капитализма в дореволюционном русском сельском хозяйстве, об этом мы поговорим как-нибудь специально, пока же остановимся на вопросе о влиянии индустриального капитализма на разложение земледельческого. „Развитие производительных сил и развитие капитализма,—говорит Суханов,—вступают в конфликт с земледельческим капитализмом и разрушают его".

Как же это по Суханову происходит? Оказывается так. Индустриализация страны вызывает рост промыслов, а через это отлив рабочих рук от сельского хозяйства и под'ем заработной платы, что заставляет капиталистическое хозяйство совершенно отказываться от наемного труда. В доказательство Суханов приводит таблицу на странице 387, в которой сопоставляются два ряда цифр, показывающих размеры хозяйств по районам и процент „промышленников", т.-е. крестьян, уходящих в промыслы. Не говоря уже о целом ряде погрешностей в составлении таблицы, она сама по себе отнюдь не доказывает того, что хотел бы ею доказать Суханов. Из-за того, что хозяйство мельчает от южных и юго-восточных окраин к нечерноземному центру, вовсе не следует, что в этих районах капитализм разлагается. В Тульской губ. крестьянское землевладение и крестьянское землепользование мельче, чем в Новороссии, но от этого капитализм там вовсе не разлагается, а весьма успешно развивается, хотя благодаря малоземелью диапазон его развития слабее, чем в многоземельных районах.

Таким образом, Суханов историю подменяет географией. Но этого мало. Суханов из всего индустриального развития взял только промыслы, между тем промыслы отнюдь не могут представлять собою весь индустриальный капитализм. Пролетаризация населения, вылущивание „промышленников" из земледельцев, это лишь одна сторона развития капитализма. Суханов, пространно толкуя о влиянии индустриального капитализма на сельское хозяйство, ни одним словом не обмолвился о другой стороне этого влияния—углублении внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства, повышении земельной ренты и предпринимательской прибыли. А между тем последняя с лихвою компенсирует капиталистическому хозяйству повышение расхода

на заработную плату. Суханов ни одним словом не обмолвился о том, что индустриальный капитализм, отнимая живой труд от сельского хозяйства, возвращает его в конденсированном виде— в виде сельско-хозяйственных орудий и машин.

Только благодаря тому, что Суханов влияние промыслов выдавал за влияние всего индустриального капитализма в сельском хозяйстве и не понял того, что не промыслы ведут за собою измельчание хозяйств, а обратно, что пролетаризация крестьян толкает их в промыслы, тогда как в многоземельных районах их труд поглощается сельским хозяйством, именно поэтому Суханов и пришел к такому парадоксальному выводу, что индустриализация страны ведет за собою разложение сельско-хозяйственного капитализма, что капитализм производственный никогда не овладеет сельским хозяйством, и пришел к весьма мрачным политическим выводам [1].

Итак, под'ем промышленности стимулировал развитие сельского хозяйства.

Под'ем сельского хозяйства выразился, прежде всего, в значительном росте посевных площадей, в распашке новых площадей земли на юге, юго-востоке и в Сибири. Рост последних можно видеть из следующей таблицы [2]:

Всего под посевом в 1901—1916 г. было в тысячах десятин:

Пятилетия.	Нечерноземная полоса.	Черноземная полоса.	Итого по центр. районам России.	Северный Кавказ.	Сибирь.	Степной край.	Итого по южн. и вост. областям России.	Итого по всей России.
1901—1905 .	15.390,5	48.414,7	63,805,2	4.682,8	3.401,1	2.867,9	10.951,8	74.757,0
1906—1910 .	15.231,0	49.908,0	65.139,0	5.603,3	4.173,8	3.473,3	13.250,1	78.389,1
1911—1915 .	15.607,0	52.270,4	67.877,5	6.876,1	5.800,0	4.673,3	17.356,4	85.233,9

Приняв величину посевной площади в 1901—1905 за 100, получаем:

1901—1905 .	100	100	100	100	100	100	100	100
1906—1910 .	99,0	103,0	102,1	119,6	123,3	121,1	120,9	104,8
1911—1915 .	101,4	107,9	106,4	146,8	175,3	155,4	158,4	114,0

[1] Ник. Суханов. К вопросу об эволюции сельского хозяйства, стр. 372.

[2] Сельское хозяйство в России в XX веке, под редакцией Н. П. Огановского, стр. 102.

Из таблицы видно, как быстро после 1905—1906 г.г. росли посевные площади на южных и юго-восточных окраинах России и в Сибири, в так называемой русской Америке. В то время, как в центре России мы видим едва заметный рост, главным образом, за счет мелиораций, отвоевание пашни из-под леса, кустарников, болот, оврагов и т. п. (+ 6,4%), южные и восточные области России увеличивают свои запашки на целых 58,4% и тем повышают общероссийский размер посевных площадей (+ 14,0%). Однако, рост производительных сил в сельском хозяйстве шел не только путем роста посевных площадей, но и путем повышения производительности имеющейся пашни, т.-е. повышением урожайности.

Начиная с 1909 г. (за исключением 1911 г.), имели место высокие урожаи.

Для сравнения возьмем данные об урожайности, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Урожайность в пудах с одной десятины по важнейшим хлебам за период 1891—1915 г.г. по 47 губ. Европ. России была такова:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.
1891—1895	42,8	40,4	42,5	42,3
1896—1900	46,4	36,4	44,6	42,6
1901—1905	48,5	44,4	47,6	49,1
1905	34,5	31,3	33,2	43,9
1907	44,0	33,3	45,5	48,4
1908	44,4	37,5	47,2	48,6
1909	51,1	65,4	61,1	62,6
1910	49,6	47,5	53,8	57,7
Среднее за				
1906—1910	44.7	41,0	48,2	52,2
1911	40,7	29,4	42,6	49,8
1912	58,3	42,5	55,4	55,3
1913	55,2	58,2	62,3	63,8
1914	49,5	40,5	42,3	43,6
1915	61,3	50,4	53,3	50,5
Среднее за				
1911—1915	53,0	44,3	51,2	52,6

Как видим, урожайность по годам по важнейшим хлебам правильно возрастает. Особенно высокий под'ем урожайности падает на годы 1912—1915 г. Не отстают, даже перегоняют в росте урожайности такие хлеба, как просо, которое с 27,6 пудов на десятину в 1891—1895 году поднялось до 47,1 пуда в 1911—1915 г., или гречиха, для которой соответственные цифры будут 24,9 пуд.

и 36,0, а также и технические культуры, как пенька, лен, сахарная свекловица и т. п.

Под'ем сельского хозяйства в России несомненно отражал общий мировой под'ем, в чем легко убедиться, если сельское хозяйство России сравнить с сельским хозяйством других стран.

Рост посевной площади, особенно в производящих районах, значительное повышение урожайности, само собой разумеется, значительно увеличили общую валовую продукцию в России. Валовой сбор важнейших хлебов в 47 губ. Европейской России за период 1891—1915 г.г. в тысячах пудов равнялся:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.
1891—1895	921.048,4	439.459,3	504.495,8	244.398,4
1896—1900	1.054.404,1	494.439,9	575.066,0	262.543,3
1901—1905	1.137.108,0	726.290,3	641.159,2	336.920,1
1906	819.643,3	565.877,7	458.316,6	311.413,9
1907	1.031.715,4	559.623,3	617.988,1	354.674,8
1908	997.723,4	625.471,1	634.232,2	382.433,4
1909	1.161.272,4	968.672,7	819.920,8	492.421,3
1910	1.112.367,1	909.836,0	743.055,9	475.388,6
1906—1910	1.024.544,3	726.696,2	654.702,7	403.266,4
1911	944.688,9	558.948,8	582.204,4	411.352,8
1912	1.350.663,3	776.580,2	734.037,4	458.148,2
1913	1.299.122,9	782.313,5	841.569,3	563.330,6
1914	1.156.909,3	059.119,0	589.223,2	401.347,7
1915	1.357.553,3	873.385,7	671.059,9	418.160,0
1911—1915	1.221.787,5	812.069,9	683.618,6	450.467,9

Приняв валовой сбор 1901—1905 г.г. за 100, получаем для последующих лет рост урожая в следующих относительных величинах:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.
1891—1895	88,2	60,3	78,7	72,5
1896—1900	92,7	67,3	89,7	77,8
1901—1905	100,0	100,0	100,0	100,0
1906—1910	90,1	100,1	102,1	119,6
1911—1915	107,4	111,8	106,6	133,7

Приведенная таблица показывает, что более дешевые хлеба, как рожь, овес, возрастают весьма незначительно (+ 7,4% и + 6,6%), тогда как дорогие хлеба—пшеница и особенно ячмень, являвшиеся главными экспортными хлебами, увеличиваются, первый на 11,8%, второй на целые 33,7% против пятилетия 1901—1905 г.г., при чем ячмень обгоняет в росте два предшествовавших пятилетия.

Непрерывный рост сельско-хозяйственного производства, несомненно, стоял в теснейшей связи с значительным возрастанием рынка для продуктов сельского хозяйства, который развивался и благодаря индустриализации страны и росту городов и благодаря дифференциации деревни. Значительнейшая часть всей сельско-хозяйственной продукции обращалась и реализовалась на внутреннем рынке.

Какую громадную роль играет рынок в интенсификации сельского хозяйства, можно видеть из следующей таблицы об изменении системы полеводства, в зависимости от расстояния места производства от рынка сбыта. Например, в средней полосе Самарской губ. мы можем наблюдать следующий переход от залежного зернового хозяйства к паровому хозяйству, с одновременным усилением животноводства по мере приближения места производства к рынку.

Расстояние до пунктов сбыта в верстах.	% пара к посеву.	% залежи к посеву.	На 100 дес. посева коров.	На 100 д. посева свиней.
0	32,4	3,7	10,4	6,6
0—25	21,4	25,9	9,9	5,5
25—50	22,2	33,7	9,8	—
50—100	12,5	62,5	7,1	3,0
100 и более	0,5	—	4,4	1,4 [1]

Вот этот-то все время возрастающий спрос на продукты сельского хозяйства и развитие внутреннего рынка и стимулировали дальнейшее развитие производства.

О том, что спрос непрерывно возрастал, показывают цены которые в течение XX века все время непрерывно шли в гору.

Средние цены на продукты сельского хозяйства на внутренних рынках.

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Лен.	Пенька.	Мясо.	Масло коровье.
1890—1899	62,1	83,4	4,69	3,0	4,44	13,67
1900—1909	71,8	96,3	5,89	3,90	5,80	15,29
1910	70,3	99,3	6,35	4,51	6,19	16,51
1911	79,1	112,1	4,93	4,93	6,05	16,77
1912	89,8	124,2	5,01	5,40	6,77	17.83
1913	75,6	108,6	4,62	4,93	7,14	17,39
1914	79,7	102,2	3,87	5,26	7,18	17,84
1910—1914	78,9	109,3	4,96	5,01	6,66	17,27

[1] Таблица составлена Баскиным (заимствую из работы Челинцева—„Теоретические основания организации крестьянского хозяйства“, стр. 66).

Приняв средние цены 1890—1899 г.г. за 100, получаем:

Годы.	Рожь.	Пшеница.	Лен.	Пеньки.	Мясо.	Масло коровье
1890—1899	100	100	100	100	100	100
1900—1909	115,6	115,4	125,5	130,0	131,8	111,8
1910—1914	127,0	131,0	105,7	167,0	151,3	126,3

Как видим, таблица отчетливо показывает, что цены значительно возрастают к 1913 г., с какого года начинается вновь некоторый упадок. Поднятие цен было почти равномерно для всех основных продуктов сельского хозяйства. Но несомненно, наибольшую повышательную тенденцию из зерновых обнаруживала пшеница, для которой были весьма благоприятные условия сбыта на европейских рынках, в виду некоторого упадка экспорта хлеба из заокеанских стран. Также значительно повышаются в цене продукты технических культур, прежде всего пенька и продукты животноводства, как мясо, коровье масло, шерсть, кожа и т. п. Только на лен цена падает.

Рост цен значительно повысил ценность урожая. Если в 1891—1900 г.г. средняя ценность урожая одной десятины земли составляла только 25 руб., то в следующее десятилетие она дошла до 40 руб., а в 1910—1915 г.г. поднялась до 52 руб. В первые годы после революции были несколько облегчены и платежи крестьянства, именно, были сложены выкупные платежи и часть недоимок, что составляло около 50 руб. на душевой надел.

Все это, несомненно, способствовало накоплению капитала в руках сельской буржуазии. Увеличиваются вклады в ссудо-сберегательные кассы—денежность крестьянства значительно возрастает.

Показателем накопления капиталов в руках сельской буржуазии могут служить данные о суммах местных вкладов, как в ссудо-сберегательные, так и в кредитные товарищества:

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
	миллионов рублей.		
Сссудо-сберегат. т-ва. . . .	154,3	173,2	224,7
Кредитные т-ва	87,9	135,0	199,2
Всего	242,2	308,2	423,9 [1]

Несомненно, в результате выявившегося под'ема начала быстро развиваться кооперация, растет агрономическая помощь населению и т. п.

[1] Б. Д. Бруцкус. „Аграрный вопрос“, стр. 97.

Кооперация и агрономическая помощь.

Внедрение капитализма в сельское хозяйство и общий под'ем его после революции 1905—6 года дали толчок сильнейшему росту и развитию кооперации.

Кооперация постепенно начала захватывать различные отрасли сельского хозяйства. К началу текущего столетия сельскохозяйственных обществ было всего 286; в 1908 г. уже до 2.967. Как раз в 1908 г. Департаментом земледелия был издан нормальный устав сельско-хозяйственных товариществ, принятие которого облегчало получение разрешения на их учреждение. После этого начинается необыкновенно быстрое развитие кооперации. Если по данным 1906 г. сельско-хозяйственных товариществ было всего 39, то в 1913 г. уже 1.164, из которых 845 было специальных, т.-е. обслуживающих определенную отрасль сельского хозяйства или избирающих определенный способ развития сельского хозяйства.

С.-х. под'ем дал колоссальный толчок росту кооперативного движения и сельско-хозяйственной кооперации, в частности. Уже к концу 1915 г. сельско-хозяйственных кооперативов имелось, не считая кредитных товариществ, 10.350, из них сельско-хозяйственных обществ—6.000, сельско-хозяйственных товариществ 1.650 и маслодельных артелей—2.700. Большое развитие кредитной кооперации вполне понятно. Развивающееся крестьянское хозяйство требовало средств, а эти средства можно было достать или у ростовщиков или в кооперации. Для характеристики деятельности кредитной кооперации и установления ее связи с сельско-хозяйственным производством дадим следующее распределение кооперативных ссуд. Так, в 1912 г. они распределялись следующим образом: на сельско-хоз. нужды 65,7%, кустарно-ремесленные—6,6 и проч.—27,7. Однако, нужно сказать, что значительная часть ссуд шла крайне непроизводительно. На покупку скота, сельско-хозяйственных орудий, на покупку семян, уходило не более $^1/_3$ всего количества ссуд, на сельско-хозяйственные нужды, большая же часть шла на покупку земли и ее аренду, т.-е. на самое непроизводительное потребление. Несомненно, кооперация сыграла даже за короткое время своего существования громадную роль в под'еме и развитии крестьянского хозяйства. Она была глубоко прогрессивным фактором постольку, поскольку прокладывала в деревне путь к наименее паразитическому виду капитализма—кооперативному и тем самым способствовала переходу крестьянства к более интенсивному хозяйству. Конечно, в капиталистических условиях кооперацию ни в коем случае нельзя противопоставлять, как это делают многие теоретики кооперативного движения, капитализму. Поскольку она строилась на чисто капиталистических основах товарного оборота, кредитной сделки, а также наемного труда и других капиталистических

процессов, она являлась самым верным и самым лучшим агентом капитала в его завоевании сельского хозяйства, пока там еще не победила крупная машина и пока там, вместо крупного производства, господствует мелкое. Разумеется, в условиях победы пролетарской революции, национализациип ромышленности торговли и банков, роль кооперации радикально меняется [1].

Одновременно с ростом кооперации развивается агрономия и агрономическая помощь. Так, в 1895 году на всю Россию земский агрономический состав насчитывал всего 134 лица, а правительственный всего—14 лиц, и это—на всю Россию! В 1906 году первых было 593, вторых — 141, в 1915 г. земских — 3.266, казенных—1.365, т.-е. всего—4.631. Абсолютно цифра не велика, но темп возрастания, несомненно, значителен.

Разумеется, мы не склонны в развитии кооперации и агрономии видеть причину, которая сама по себе вызывает под‘ем хозяйства. Кооперация и агрономическая помощь лишь сопутствующие факторы, правда, значительные по своей роли, но отнюдь не являющиеся перво-причиной.

Итак и рост кооперации и развитие агрономической помощи, а главное, благоприятная рыночная кон‘юнктура—все это в сильнейшей степени стимулирует капиталистическое развитие деревни. Мы начинаем наблюдать рост применения сельскохозяйственных машин, удобрений и т. п. Сельское хозяйство начинает изменяться в сторону интенсификации.

Интенсификация сельского хозяйства.

Рынок стимулирует интенсификацию сельского хозяйства.

Благоприятная рыночная кон‘юнктура способствует не только общему под‘ему сельского хозяйства, но и изменению полеводства в сторону введения интенсивных культур. Изменения в полеводстве характеризуются следующей таблицей, заимствованной нами у Н. П. Огановского:

На 100 десятин всего посева было:

Районы.	Зерновых культур.		Корнеплодов.		Масличных.		Бобовых.		Кормовых трав.	
Нечерноземная полоса.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.
Запад (Белоруссия)	80,9	76,5	8,8	10,7	5,6	6,5	1,7	1,2	3,0	5,1
Центр.	82,9	80,2	6,3	7,3	6,9	7,4	1,4	1,1	2,5	4,0
Северо-восток .	93,3	93,3	1,5	1,3	3,7	3,5	1,4	1,2	0,1	0,7
Итого по нечерн. полосе	86,3	84,4	5,1	5,8	5,5	5,6	1,5	1,2	1,6	3,0

[1] См. статьи Ленина о кооперации.

Районы. Черноземная полоса.	Зерновых культур. 1901—1905 г.	1913 г.	Корнеплодов. 1901—1905 г.	1913 г.	Масличных. 1901—1905 г.	1913 г.	Бобовых. 1901—1913 г.	1913 г.	Кормовых трав. 1901—1905 г.	1913 г.
Запад	87,8	85,8	7,0	8,1	2,0	1,6	2,0	2,5	1,2	2,0
Центр	90,6	88,5	4,0	4,5	2,5	3,9	2,5	2,5	0,4	0,6
Юго-восток .	97,4	97,4	1,2	1,4	0,9	0,6	0,4	0,2	0,1	0,4
Итого по черноз. полосе . . .	92,5	91,4	3,6	4,0	1,8	2,2	1,6	1,7	0,5	0,7
Всего по Европейской России.	91,0	89,7	3,9	4,4	2,6	3,0	1,7	1,5	0,8	1,4

Перед нами картина начавшейся интенсификации хозяйства. Как видим, распространение интенсивных культур идет по России с северо-запада на юго-восток. Наибольшего успеха травосеяние достигает в западном районе нечерноземной полосы, значительно менее оно в черноземной полосе, где условия наиболее благоприятны для развития рыночного зернового хозяйства.

Помимо введения в севооборот травосеяния, что является одним из основных показателей для ломки трехполия, и перехода к интенсивному плодосмену, весьма характерен для начавшейся интенсификации рост посевов масличных растений и корнеплодов.

Для того, чтобы еще более подчеркнуть рост этих культур, возьмем данные о валовом сборе по пятилетиям масличных, как лен, конопля и подсолнух.

Валовой сбор в тысячах пудов в 1901—1915 г.г. составлял:

Пятилетия.	Нечерноземная полоса. Абсолют.	Отн.	Черноземная полоса. Абсолют.	Отн.	Итого по Европейской России. Абсолют.	Отн.
1901—1905	17.158	100,0	26.187,3	100,0	43.345,0	100,0
1906—1910	18.939	110,3	24.098,1	92,0	43.037,8	99,2
1911—1915	19.932	116,1	51.806,8	197,8	71.738,9	165,4

В нечерноземной полосе посевы масличных, т.-е. главным образом, конопли и льна возросли на 16,1%. Зато в черноземной полосе значительно развиваются посевы подсолнуха (+97,8%) и особенно велик был этот рост в последнее пятилетие накануне войны.

Из корнеплодов правильное поступательное движение обнаруживает картофель, но особенно сахарная свекловица.

Валовой сбор картофеля в тыс. пудов 1901—1915 г. составлял:

Пятилетия.	Нечерноземная полоса.		Черноземная полоса.		Итого по Европейской России.	
	Абсолют.	Отн.	Абсолют.	Отн.	Абсолют.	Отн.
1901—1905	334.552,8	100,0	554.316,0	100,0	888.868,8	100,0
1906—1910	342.362,7	102,6	609.149,7	109,8	951.512,4	107,4
1911—1915	434.606,1	129,9	750,989,9	135,4	1.185.596,0	133,3

Как видим, картофель обнаруживает весьма значительный рост. За десятилетие его валовой сбор увеличился на целую треть. Но еще большее расширение посевов и повышение валового сбора дает сахарная свекловица. Имеющиеся сведения о посевах свекловицы в 10 губ. (Киевской, Подольской, Харьковской, Черниговской, Полтавской, Курской, Орловской, Тульской, Воронежской и Херсонской) дают следующую картину роста валового сбора:

Пятилетия.	Сбор в тыс. пудов.	
	Абсолют.	Отн.
1901—1905	380.620,5	100
1906—1910	473.184,2	124,3
1911—1915	558.793,1	146,8

Особенно значительное увеличение валовой продукции было в Курской и Харьковской губ., причем, посевы и валовой сбор в крестьянских хозяйствах обнаруживают значительно больший рост, чем в помещичьих. В 1904—1905 г.г. у крестьян было 15,4% всей посевной площади под сахарной свекловицей, а в 1911—1912—23%.

В связи с введением в севооборот интенсивных культур, изменяется и общий строй полеводства. Показателем может служить хотя бы увеличение посевов за счет толоки. Для иллюстрации приведем следующую таблицу по Полтавской губернии [1].

На 100 десятин пахоты своей и нанятой было:

	Под посевом		Под толокой		Перелож. сенокос	
	1900	1910	1900	1910	1900	1910
В мелких хозяйствах (до 50 десят.) . .	79,0	85,1	17,5	12,8	3,5	2,1
В крупных хозяйствах (свыше 50 десят.) .	57,8	79,8	25,9	12,6	16,3	7,6

Таблица показывает значительную интенсификацию сельского хозяйства, как в крупном, так и в мелком хозяйстве. В обеих

[1] Третья с.-х. перепись Полтавской губернии 1910 г.

группах хозяйств и крупных и мелких, особенно же в первых, за десятилетие значительно повысилась площадь земли под посевами и сократилась под толокой. Это говорит за значительно лучшее использование земельной площади.

Рост производительности русского сельского хозяйства был тесно связан с ростом применения сельско-хозяйственных машин, удобрений и т. п., что можно видеть из следующей таблицы ввоза и внутреннего производства в тыс. рублей.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Ввоз . . .	18.300	20.000	24.600	37.600	39.000	57.875	63.620
Производство . .	20.000	24.000	29.600	35.000	41.000	61.500	67.540
Всего .	38.300	44.000	54.200	72.600	80.000	119.375	131.160 [1]

В течение XX века плуг почти окончательно завоевал сельское хозяйство и значительно вытеснил соху.

О росте применения удобрения можно судить по следующим цифрам перевозок по железным дорогам искусственных удобрений в тыс. пудов:

	Абсолютно.	Относит.
1901—1904	13.250	100
1905—1909	17.880	134
1910—1914	32.320	242 (!)

Как мы будем говорить далее, привоз сложных машин и удобрений говорил о развитии преимущественно крупных капиталистических хозяйств. Но мы пока сейчас берем сельское хозяйство в целом. Далее мы будем говорить о дифференциации сельского производства.

Итак, и рост посевных площадей и данные о валовом сборе и, наконец, обзаведение крестьян лучшим инвентарем—все говорит за начало значительного под‘ема сельского хозяйства. Однако это было лишь начало—не более. Что в сельском хозяйстве еще не совершилось радикального переворота, говорят данные о животноводстве. Не менее важное значение, чем рост посевов специальных культур, имеет развитие продуктивного животноводства, т.-е. перегон зерна и кормов в мясо, развитие которого является одним из показателей интенсификации сельского хозяйства.

Сравнение земских материалов по скотоводству с переписью 1916 г. [2] показывает лишь незначительный рост как

[1] А. В. Чаянов. «Капиталы крестьянского хозяйства и его кредитование при аграрной реформе». 1917 г., стр. 17.

[2] См. «Сельское хозяйство в XX в.» стр. 220 и сл.

крупного рогатого скота, так и мелкого, особенно свиней по всем районам. Особого увеличения животноводства не наблюдается. Движение скота по 60 губ. и областям России представляется в следующем виде:

Годы.	Лошадей рабоч. (4 л. и бол.).	Лошадей нерабоч. (мол. 4 лет).	Крупного рогатого скота.	Овец, баранов, коз.	Св ней.
1905	17.837.999	5.219.033	36.215.437	45.799.511	11.536.346
1914	18.739.817	4.887.571	34.717.820	37.804.159	12.033.100

Таблица показывает некоторый рост рабочих лошадей, но в то же время уменьшение молодняка. Что касается остальных видов скота, то крупный рогатый скот и мелкий, кроме свиней, дает общее понижение и довольно значительное для овец, баранов и коз.

Это движение скота особенно ярко видно из сопоставления количества голов скота, приходящегося на сто жителей сельского населения:

Г о д ы.	Лошадей.	Крупного рог. скота.	Овец, баранов, коз.	Свиней.
1905	22	35	45	11
1914	20	29	32	10

Как видим, по всем без исключения видам скота наблюдается сокращение в расчете на 100 жителей населения. Именно сокращением животноводства и определялся отмеченный нами выше значительный рост цен на мясо и другие продукты животноводства. Сокращение скота несомненно указывает на известный кризис в сельском хозяйстве, именно кризис экстенсивного хозяйства. С наступлением кризиса трехполья, не хватает кормовых средств на содержание скота. Естественно, крестьянин должен сокращать животноводство, и, именно, недостаток кормов прежде всего и толкает крестьянина на введение в посев клевера, трав, пропашных культур и т. п., что и влечет за собою изменение севооборота, а тем самым и ломку трехполья.

Постольку, поскольку этот переворот еще не совершился, а лишь совершался, в массе крестьянство еще сохраняло трехполье, естественно ему кормов не хватало, и оно должно было уменьшать в хозяйстве количество скота. И это сокращение, конечно, сильнее всего коснулось овцы, которая является принадлежностью экстенсивного хозяйства. Увеличение свиней в абсолютных цифрах, при незначительном уменьшении в относительных, показывает начало переворота в крестьянском хозяйстве — развитие свиноводства является одним из признаков начавшейся интенсификации в сельском хозяйстве.

Чтобы закончить рассмотрение идущего в сельском хозяйстве развития, остановимся на товаризации сельского хозяйства.

Мало того, что все больше производится продуктов сельского хозяйства. Все больший и больший процент общей продукции поступает на рынок.

Товаризация сельского хозяйства прекрасно выявляется ростом перевозок продуктов сельского хозяйства по железным дорогам Европейской России с 1901 по 1914 г., в среднем по пятилетиям:

	1901—1904.	1905—1909.	1910—1914.
Хлебные грузы.	991.000	1.062.000	1.226.200
В том числе:			
Рожь	103.631	111.922	90.842
Пшеница	249,889	275.674	314.297
Ячмень	69.684	95.076	127.269
Отруби	44.315	47.908	60.728
Семена кормовых трав	3.197	4.503	5.886
Лен, кудель, пенька, пакля	6.091	7.300	7.702
Мясо	13.100	15.440	19.540
Яйца	11.275	12.940	15.560

Таблица отчетливо показывает, как растет общая товаризация русского сельского хозяйства. Как видим, на 23% повышается движение хлебных грузов, причем больше всего хлеба теперь поглощает внутренний рынок. Как мы будем говорить далее, экспорт на внешний рынок сокращается. Таблица нам показывает еще и то, что значительно изменяется и структура внутреннего рынка, именно все больше и больше выпадает из торгового оборота рожь, которая сокращается более чем на 10%, и значительно возрастает пшеница, которая вытесняет рожь и на внутренних рынках в городах, которые начинают более потреблять белого хлеба, чем черного. Показательно, что растут в торговом обороте такие хлеба, как ячмень, и отруби (за три пятилетия провоз ячменя увеличился почти вдвое). Отчасти это об'ясняется развитием русского животноводства, а главным образом, развитием европейского животноводства, в особенности германского, которое накануне войны пред'являло все больший и больший спрос на русские кормовые хлеба. Для нас очень важно, что весьма значительно возрастают посевы кормовых трав, что очевидно из таблицы, которая показывает возрастание движения грузов семян кормовых трав за последнее пятнадцатилетие более чем в полтора раза.

Мы не будем загружать порайонным рассмотрением грузооборота, но он ясно выявляет растущее территориальное разделение труда.

Нечерноземная полоса постепенно освобождается от невыгодного для нее зернового хозяйства. Северо-запад и северо-восток продолжают специализироваться на развитии молочного хозяйства и льноводства. В центральном промышленном районе растет применение травосеяния, растут посевы льна и картофеля, который идет на технические цели. В центральной черноземной полосе наметилась специализация в посевах конопли и отчасти картофеля. Юго-запад специализируется на посевах сахарной свекловицы. На юге и юго-востоке развиваются посевы пшеницы, ячменя и подсолнуха. Кроме того, там развивается торговое бахчеводство и садоводство.

Несомненно, это были лишь только более или менее заметные признаки того территориального разделения труда, которое для своего осуществления может потребовать целые десятилетия. И те изменения в полеводстве, которые мы констатировали, это лишь начало большого хозяйственного процесса. За межреволюционный период никакого экономического переворота в русской деревне не произошло. Наметилась лишь тенденция к этому перевороту.

И вот эта-то тенденция к переходу по разным районам к высшим формам хозяйства и предрешала особый успех столыпинского землеустройства в одних местах и неуспех в других. Поскольку в данном районе земледелия намечался переход в деревне к более совершенным способам хозяйства, постольку при прочих равных условиях разлагалась община, из нее выделялись хутора и отруба. Но поскольку интенсификация только намечалась, и далеко еще не охватила крестьянской массы и поскольку она с неодинаковой силой проявлялась в разных районах, постольку реформа не дала тех результатов, которых ожидали от нее реформаторы.

Несомненно, капитализация сельского хозяйства сыграла не последнюю роль в подготовке мировой войны. Нужно сказать, что продукты сельского хозяйства играли важнейшую роль во всем нашем экспорте. Именно на продуктах сельского хозяйства и основывается активный баланс России во внешней торговле. Между тем, на внешних рынках русскому сельскому хозяйству приходилось выдерживать весьма сильную конкуренцию других стран, особенно за-океанских. Если мы возьмем вывоз таких важнейших экспортных хлебов, как рожь и пшеница, то за последнее 10-летие он систематически падал, тогда как ввоз в страну, исключительно сельско-хозяйственную, непрерывно возрастал. Если взять чистый вывоз (т.-е. вывоз—минус привоз) 1901—1905 г. г. за 100, то в 1911—13 г. г. будем иметь:

Пшеница	83	Гречиха	200
Рожь	43	Кукуруза	153
Овес	73	Ячмень	180
		Просо	100

Как видим, русская пшеница, а особенно рожь и овес, т.-е. главные экспортные хлеба, все больше и больше теряли свое значение в нашем экспорте. Растет вывоз кормовых хлебов, которые закупаются Германией для своего животноводства.

Все большее и большее значение приобретала в нашем экспорте Германия. В $^0/_0{}^0/_0$ от общей суммы экспорта ввоз в Германию 4 главных хлебов составлял по пятилетиям с 1886—90 г.г. по 1913 г.

ГОДЫ:	Германия.	Голландия.
1886—1890	12,6	11,0
1891—1895	11,9	10,5
1896—1900	17,7	17,9
1901—1905	18,3	20,5
1906—1910	25,3	22,1
1911	34,4	21,8
1912	30,0	23,6
1913	31,9	24,1

Вывоз в Голландию об'ясняется, конечно, не тем, что голландцы много потребляли русского хлеба, а тем, что Голландия являлась лазейкой для провоза русского хлеба в Германию, во-первых, более дешевым морским фрахтом, а во-вторых, минуя заградительные пошлины, установленные на русско-германской границе. Принимая во внимание, что большее количество хлеба, ввозимого в Голландию транзитом, шло в Германию, мы поймем, какую важную роль играл германский рынок в русском экспорте. Между тем, другие рынки непрерывно теряли свое значение. Так, если в 80 годах в Англию ввозилось 42,8$^0/_0$, в отношении ко всему экспорту, то в 1913 г. всего 10$^0/_0$. Вот эта-то роль Германии в русском экспорте и об'ясняет, почему германский рынок привлекал к себе внимание русских аграриев. Этим-то и об'ясняется, что русское правительство так деятельно готовилось к пересмотру договора к 1917 г., подготовляя для него не столько документальный и статистико-экономический материал, сколько военное снаряжение, пулеметы и пушки, которые должны были аргументировать доводы дипломатов, а в случае нужды их и заменить. Замену оружия критики критикой оружием напряженно ждала та и другая империалистическая страна. Мы не склонны думать, что только из русского зерна выросла мировая война, однако, несомненно, оно являлось одним из важнейших факторов иностранной политики русского царизма по отношению к Германии.

Нужда в аргументации оружием особенно остро стала тогда, когда в 1913 и 1914 г.г. начался новый кризис хлебных цен, который грозил пошатнуть и русское и немецкое юнкерское хозяйство. В этих условиях заградительные пошлины для русских помещиков имели исключительное по своей важности значение. Однако, приходится считаться с тем, что и в отношении Германии сказывались различные интересы различных групп русских помещиков. Наибольшим шовинизмом отличались владельцы капиталистического хозяйства, входившие отчасти в кадетскую партию, но, главным образом, в партию октябристов. Что касается правых, то они рекрутировались главным образом из крепостников, капиталистические помещики к ним входили лишь с русских окраин из Бессарабии, с юго-запада и западного края, которые весьма были заинтересованы в защите своего экспорта. Но была значительная группа крайне правых помещиков из придворных сфер, связанных с полукрепостным землевладением, которые менее всего были заинтересованы в экспорте хлеба, зато довольно сильно были связаны узами реакции с германским юнкерством. Вот эта-то придворная знать и составляла ту германофильскую придворную партию, которая во время русско-германской войны угрозой сепаратного мира не давала спокойно спать империалистическим кругам русской буржуазии и помещиков.

Мы рассмотрели общие суммарные данные о развитии сельского хозяйства в России. Они были для нас необходимы, для того, чтобы показать тот общий экономический фон, на котором должна была развиваться столыпинская реформа. Однако, мы чрезвычайно мало поняли бы в столыпинской реформе, если бы оперировали только суммарными данными о развитии сельского хозяйства в XX в. Для хода столыпинской реформы решающее значение имела дифференциация крестьянства.

Дифференциация крестьянства.

В условиях товарного хозяйства нет и быть не может равного развития всех крестьянских хозяйств. Если те суммарные данные, которые мы приводили выше, дифференцировать по различным группам крестьянства, то мы увидим, что под'ем для одних хозяйств означал разложение и пролетаризацию для других. Выше мы приводили данные о росте посевной площади. Теперь нам нужно рассмотреть, как эта посевная площадь распределялась среди различных групп земледельческого населения.

Прежде всего, часть этой посевной площади находилась в руках помещиков „хозяйств не крестьянского типа“, как их именуют некоторые статистики. Эти хозяйства в подавляющем большинстве являлись чисто капиталистическими батрацкими хозяй-

ствами. Так как столыпинская реформа имела основное значение в отношении надельных земель и крестьянства, как сословия, то нам придется заняться рассмотрением, главным образом, положения этой основной массы крестьянства, которая вошло в сферу деятельности столыпинского правительства.

Для периода действий столыпинской реформы мы возьмем данные земских переписей, сведенные в одну таблицу Н. П. Огановским.

По переписям в 33 уездах 10 губ. земельная дифференциация представляется в следующем виде:

беспосевных	12,6%
до 2 дес.	24,5%
от 2 до 10 дес.	48,0%
от 9 до 15 "	11,2%
и свыше 15 "	3,7%

Такова статика. Что касается динамики, то и здесь непрерывно идет углубление дифференциации крестьянства. Так как динамика расслоения неоднократно подвергалась нападкам со стороны многих исследователей, то нам придется на этом остановиться несколько подробнее.

Хотя материал по динамике крестьянского хозяйства чрезвычайно скуден, так как повторных земских переписей было чрезвычайно мало, а где они и были, то там они не всегда и везде оказываются сравнимыми, но и имеющиеся скудные данные с несомненностью дают материал об увеличении дифференциации крестьянства.

Затруднение заключается в том, что, в силу целого ряда методологических приемов, земские переписи часто затушевывают, а не вскрывают имеющуюся налицо дифференциацию крестьянства, чем и пользуются обычно народники для ее отрицания.

Одним из обычных приемов является группировка крестьянских хозяйств по скоту. С усовершенствованием техники крестьянского хозяйства, например, с введением легкого плуга, потребность в тяговой силе значительно сокращается. Поэтому, само собой разумеется, и сокращается количество рабочего скота. Например, хозяйство, имеющее 4—5 лошадей, начинает ту же самую площадь земли обрабатывать с помощью 2—3-х лошадей. Через это, при группировке по скоту, обнаруживается убыль верхних групп крестьянства, что обычно дает основание говорить или об отсутствии дифференциации в деревне, или о сползании вниз. Тогда как, на самом деле, сокращение скота в данном случае является признаком не упадка хозяйства, а результатом его развития.

Возьмем, например, движение крестьянских групп по обеспечению лошадьми за период с 1896—1900 г. по 1912 г.

Количество крестьянских дворов по группам:

	1896—1900		1912 г.	
	Число дворов.	%	Число дворов.	%
Безлошадные	3.242.462	29,2	4.237.624	31,3
с одной лошадью	3.361.778	30,3	4.325.290	31,0
с 2-мя лошадьми.	2.446.731	22,0	3.009.318	24,2
с 3-мя лошадьми.	1.047.900	9,4	1.018.164	7,5
с 4-мя и более.	1.013.416	9,1	917.007	6,0
Всего . . .	11.112.287	100.0	13.507.403	100,0

Таблица показывает довольно слабую динамику расслоения. Как видим, безлошадные возросли всего с 29% до 31,3%, четырехлошадные же верхи сократились с 9,1% до 6,0%. Между тем, сокращение многолошадных вовсе не свидетельствует о том, что верхи сократились. Это говорит лишь за то, что при усовершенствовании сельско-хозяйственных машин они имеют возможность сокращать тяговую силу.

Также обычно скрывается дифференциация тем, что далеко не всегда в перепись попадают те слои деревни, которые уходят из деревни в города или, как то случается с сельской буржуазией, переселяются на купчую землю.

Например, после производства первой переписи, часть крестьян пролетаризовалась и ушла в города, другая часть купила землю и на нее выселилась. Понятно, при производстве переписи эти две группы зарегистрированы не будут, что несомненно будет затушевывать происходящую в действительности дифференциацию. Впрочем, в некоторых земских обследованиях регистрировались и ушедшие из данного общества, что давало возможность восстановить действительную картину дифференциации. Но весьма многие игнорируют дифференциацию населения по линии ухода пролетаризующегося крестьянства в города и сельской буржуазии на купчую землю. Понятно, что благодаря этому они ни о чем другом не могут говорить, как только о нивелировке.

Вот эти-то поправки нужно иметь в виду, когда мы подходим к имеющимся материалам по дифференциации крестьянства.

Дифференциация непрерывно углублялась в деревне и не могла не углубляться при том громадном различии, какое имелось в хозяйственной мощи низших и высших групп деревни. Для иллюстрации возьмем несколько примеров из земских переписей и бюджетных обследований.

Выше мы уже привели данные о распределении крестьянских хозяйств по посевной площади и по лошадности. Теперь обратимся к другим хозяйственным элементам.

Если довольно значительна дифференциация в отношении живого инвентаря, то она не менее и в отношении мертвого.

Сельская буржуазия сосредоточивает в своих руках и большее количество инвентаря. По материалам переписи Самарской губ. имеем следующую таблицу количества инвентаря у различных посевных групп, при разбивке селений по размерам посевной площади.

Местности с посевом.	На 100 хозяйств.			
	Жатв. маш.	Молотилок.	Веялок.	Сеялок.
До 7,1 десят.	2,6	2,5	11,2	1,0
„ 7.2—10,2 дес.	3,8	3,5	19,3	1,6
„ 10,3 и более.	12,1	4,9	32,0	4,2

Таблица показывает, что у сельской буржуазии, которой, как правило, всегда было больше всего в многопосевных обществах, сосредоточивается большее количество с.-х. машин. Однако, несмотря на то, что у деревенских верхов больше машин и они лучшего качества, они обходятся им относительно значительно дешевле, чем бедноте. В последнем легко убедиться при учете стоимости сельско-хозяйственных орудий на десятину пашни.

По данным бюджетного обследования, Старобельского у., Харьковской губернии, в 1915 г. стоимость с.-х. орудий и машин была такова:

При посеве десятин.	Стоимость с.-х. орудий на хозяйство в среднем в рублях.	Стоимость с.-х. орудий на 1 дес. в среднем в рублях.
0	3,42	6,06
0,01— 3,0	10,1	2,65
3,01— 7,0	38,2	4,80
7,51—15,0	52,7	3,01
15,0	115,1	3,54
среднее.	50,0	3,55

При подавляющем количестве сельско-хозяйственных орудий в более крупных хозяйствах (3,4 руб. в самом мелком хозяйстве, 115,1 руб. в более крупном, свыше 15 дес.), стоимость их на десятину колеблется в тех же хозяйствах от 6,6 руб. в мелком, до 3,55 р. более крупном. Гораздо более бесцельно растрачивается в мелком хозяйстве и труд, именно — в три-четыре раза более, чем в крупном. Оказывается, расход рабочей силы в южных губерниях в расчете на одну десятину составлял в хозяйствах до 5 дес.—22,5 дней; свыше 25 дес.—6,1. Таким образом, мы видим, что труд в земледелии на каждую десятину расходуется тем больше, чем хозяйство меньше. Разница в обеспечении землей и инвентарем приводит к громадной разнице в про-

дукции—низшие выступают потребителями, высшие производителями. По той же анкете оказывается, что расход зерна в $^0/_0$ в среднем в году на хозяйство составлял [1]:

В хозяйствах.	Было потреблено семьей.	На продажу—покупку соответственно.	Всего продано на 1 хозяйство в руб.
До 2-х дес.	173,3	— 183,4	3,4
2— 4	75,0	— 25,9	27,0
4— 6	53,1	— 2,8	48,2
6— 8	35,3	21,3	75,4
8—10	30,7	31,2	100,6
10—12	25,3	32,3	148,7
12—16	24,1	38,4	174,6
16—20	20,0	45,3	284,6
20—30	16,2	48,1	421,6
свыше 30	11,9	55,4	876,7
в среднем.	20,7$^0/_0$	44,8$^0/_0$	221,8

Как видим, чем крупнее хозяйство, тем более оно выступает в качестве производителя зерна, чем меньше—тем оно все больше выступает в качестве его потребителя.

В высшей группе, имеющей свыше 30 дес. посева, было потреблено всего 11,9$^0/_0$ зерна в году, продано 55,4$^0/_0$ на 876,7 руб.; в низшей группе, менее 3 дес, потреблено 173,3$^0/_0$, куплено 183,4$^0/_0$ и продано на 3,4 руб. Средние же цифры будут 20,7, 44,8$^0/_0$, 221,8 р. Аналогичные данные имеем мы и в отношении продажи об'емистых кормов и продуктов животноводства.

Вот характерная таблица по Полтавской губ. [2], показывающая наличное количество разного рода хлебных запасов, по данным обследования 1916 года, у различных групп хозяйств.

Имелось в среднем на одно хозяйство:

Менее 1 дес.	1—2	2—3	3—6	6—9	9—15	15—25	25—50	50—100	100—250	250—500
4	16	17	32	53	111	238	381	519	994	1.774

Перепись производилась в июне мес. 1916 г., когда излишки составили 5$^0/_0$ всего валового сбора. Таблица показывает, насколько различны были хлебные запасы у различных групп сельских хозяев, от 4-х пуд. в низшей группе до 7.640 пуд. в высшей.

[1] Челинцев. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 12.

[2] Статистический справочник по Полтавской губ. за 1917 г.

Количественное различие в размерах средств производства, размерах продукции приводит к качественному. Высшие группы превращаются в сельскую буржуазию, нанимающую батраков, низшие—в сельский пролетариат и полупролетариат, продающий ей свою рабочую силу.

Верхи увеличивают свое землевладение покупкой и арендой земли, для обработки которой они нанимают батраков.

Вот характерная таблица из земского обследования по Самарской губернии [1].

Группы хозяйств.	% хозяйств, имеющих купчую землю.	Купчей земли на 1 хозяйство.	% хозяйств с постоянными наемными рабочими.	Число батраков на 1 хозяйство (нанимающее).	Постоян. рабочих, на 100 рабочих своей семьи.
Беспосевные . . .	0,7	—	—	—	—
С посевом до 3-х десятин	5,3	0,2	0,6	0,3	0,2
3,1—9,0	10,6	0,6	1,0	0,1	0,9
9,1—15,0	18,9	2,0	7,1	1,0	4,7
15,1—21,0	36,1	4,3	15,5	1,0	9,2
21,1—30,0	36,3	6,3	27,5	1,1	15,0
30,1 и более . . .	46,2	16,3	61,5	1,9	42,2

Таблица более чем показательна для буржуазизации деревни. Сельская буржуазия на 46,2% своего состава имеет купчую землю. Она работает не своим трудом, а трудом батраков. Количество батраков увеличивается на каждое хозяйство от низшей группы к высшей, при чем характерно: чем крупнее хозяйство, тем больше оно имеет наемной рабочей силы в расчете на 100 душ своей семьи. Если в низшей группе на 100 душ своей семьи приходится 0,2 батраков, то в высшей—42,2. Таблица настолько выразительна, что приводящий ее Баскин—горячий сторонник теории мелкого трудового хозяйства—должен признать, что эта таблица „особенно сильно подчеркивает мелко-капиталистический характер хозяйств высшей посевной группы“.

Также убеждают в качественной дифференциации крестьян данные об аренде.

---

[1] Материалы по оценке земель Самарской губернии, вып. I. Самара 1913 г., стр. 32.

По анкете Харьковского общества сельского хозяйства, мы имеем следующие данные об арендных платежах и расходе на наем рабочей силы в процентном отношении к сумме всех денежных расходов в среднем на 1 хозяйство по группам землепользования [1]:

Группы хозяйств по размерам землепользования.	В среднем на 1 хоз. арендных платежей в $^0/_0{}^0/_0$ к сумме денежных расходов.	Расход на наем батраков в $^0/_0{}^0/_0$ ко всей сумме денежных расходов.
До 2-х дес.	3,7	2,4
2— 4	3,1	3,8
4— 6	5,9	2,9
6— 8	4,0	6,6
8—10	8,2	5,4
10—12	8,0	4,5
12—16	11,3	8,6
16—20	9,4	10,7
20—30	11,0	9,0
более 30	10,7	14,0
в среднем	9,1	7,9

Как видим, в высшей группе, даже в процентах ко всему денежному расходу, почти в три раза больше расходуется на аренду земли, а на наем батраков—в шесть раз.

Чем крупнее хозяйство, тем больше затрачивает оно на расширение площади эксплоатируемой земли. Что это было расширение капиталистического хозяйства, об этом свидетельствуют приводимые в параллельной графе данные о расходе на нем батраков.

Крестьянское хозяйство явно выступает перед нами особенно в южных губерниях, где капиталистическое развитие зашло довольно далеко, как резко разграниченное на ряд группировок, на полюсах которых находится сельская буржуазия, с одной стороны, а с другой, сельский пролетариат и предпролетариат. Также о значительной дифференциации крестьян свидетельствуют и промыслы сельского населения. Так, по Полтавской губ. в 1910 г. процент хозяйств, живущих промыслами, составлял в низшей группе (1 дес.) 66,0$^0/_0$, в высшей—1,2$^0/_0$. По Таврической губ. в Бердянском уезде соответственные цифры будут 72,5$^0/_0$ и 24,5$^0/_0$. Несомненно, сильное развитие промыслов в низах говорит о выталкивании их в область индустрии. О закабалении низов говорят данные о соотношении денежных приходов и расходов, которое устанавливает значительный дефицит в хозяйствах мелких.

По отдельным группам крестьянских хозяйств соотношение денежных расходов и приходов представляется в следующем виде по анкете Харьковского Общества сельского хозяйства [2].

[1] Челинцев. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 102—108.

[2] Челинцев. Там же, стр. 140.

Группы хозяйств.	Денежный расход без кредита.	Денежных поступлений без займов.	Процент промысловых поступлений в отношении поступлений от сельского хозяйства.	Поступлений больше или меньше.
До 2-х дес.	(238,0)	(212)	177,1	— 26,0
2—4	285,2	286,6	124,7	+ 1,4
4—6	345,4	284,4	99,2	— 65,0
6—8	437,7	412,4	50,7	— 20,5
8—10	418,5	418,4	33,7	+ 0,4
10—12	445,1	485,3	33,4	+ 40,2
12—16	623,5	631,9	36,8	+ 8,4
16—20	705,7	763,1	14,3	+ 57,4
20—30	933,9	1.155,2	21,7	+121,3
больше 30	1.758,1	1.770,0	7,0	+ 11,9
в среднем	646,1	678,5	30,2	+ 32,4

Как видим, доход в хозяйстве прямо пропорционален количеству земли, которое находится в распоряжении той или иной группы. Таблица отчетливо показывает, что в то время как низшие группы, благодаря ничтожнейшему доходу от сельского хозяйства, фактически переходят в область промыслов, т.-е. пролетаризуются, высшие группы главным источником дохода имеют сельское хозяйство. Поступление от промыслов у них дает всего 7%, при чем и промыслы у них совсем иного порядка, чем у низших групп. Низшие группы занимаются главным образом батрачеством или работой в качестве наемных рабочих в области индустрии, торговли и транспорта, в высших же группах промыслы составляют обычно занятие торговлей, владение мелкими предприятиями по переработке продуктов сельского хозяйства и т. п.

Чем мельче хозяйство, тем дешевле оно продает свои продукты, тем скорее оно подпадает под экспроприирующее влияние торгового капитала. Не обходится здесь дело без ростовщического капитала. Беднота более всего прибегает к займам, уплата долгов в низшей группе в несколько раз более, чем в высшей. И это, несмотря на то, что последняя в неизмеримое число раз сильнее первой.

Несомненно и после 1905 г. всецело сохранялось экспроприирующее значение налогов и платежей крестьянства, которые возросли на 50%, как об этом говорят, например, материалы подворной переписи Полтавской губ. Там платежи крестьян на душу населения с 1910 г. по 1913 г. увеличились с 7 р. 53 к. до 9 р. 07 к.

Несомненно, налоги имели громадное пролетаризующее значение. Вот, например, характерный эпизод из практики взимания налогов в Витебской губ.:

В архиве Министерства внутренних дел имеется интересная переписка в связи с заметкой в газете „Современное Слово“, от 6 апреля 1911 г., в которой описывалось, как в Полоцком уезде, Витебской губ., при взыскании недоимок, власти за пол-цены продавали приехавшим с ними покупщикам крестьянский скот, а у одного крестьянина за недоимку отдали сына в работники и заставили сдать землю в аренду. На запрос Министерства внутренних дел, витебский губернатор, конечно, „опровергал“ эту заметку, на самом деле ее всецело подтвердил. С более красочными подробностями, вот как описал он этот случай: недоимщики, крестьяне Онуфрий Филиппов и Иван Белый, не желая продажи своего скота, сами (!), без всякого давления (?) старшины и писаря, предложили отдать—первый в аренду половину участка своей земли, а второй в работники своего 13-ти-летнего сына, которого он по своему личному желанию и отдал на службу пастухом к дворянину Бернатовичу сроком на 1 год, за плату 17 рублей“ [1].

Случай более, чем характерен. Здесь в обнаженном виде описывалось то, что было обычным явлением в деревне. Налоги заставляли бедноту сдавать свои наделы сельской буржуазии, продавать ей же свой скот и поставлять рабочую силу помещикам.

Итак, подведем итоги:

Развитие капитализма, выразившееся в общем под‘еме и интенсификации сельско-хозяйственного производства, улучшении сельско-хозяйственной техники и наконец в углублении денежных отношений в деревне, благодаря все более и более увеличивавшейся товаризации сельского хозяйства, сопровождалось дальнейшим увеличением дифференциации крестьянства—ростом деревенской бедноты, пролетариата и сельской буржуазии, прибирающей к своим рукам бедняцкие хозяйства.

Столыпинская реформа, как раз и шла по линии именно этого капиталистического развития деревни.

Мы рассмотрели дифференциацию крестьянства именно потому, что она имела громаднейшее значение для всей столыпинской землеустроительной политики. Сельская буржуазия, чем более она развивается и более накопляет капиталы—тем скорее переходит к более совершенному хозяйству, которое уже не мирится с устаревшей общиной. Буржуазия явится одним из активнейших участников выхода на хутора и отруба. И с другой стороны—пролетаризация населения также в сильнейшей степени будет способствовать успеху реформы. Беднота будет свои наделы укреплять и продавать их той же сельской буржуазии.

---

[1] Отношение витебского губернатора в М. в. д. от 25 октября 1911 г., № 14622. Из архива М. в. д. Дело с газетными вырезками за 1911 г.

ГЛАВА V.

Община в конце XIX и начале XX в.в.

Разложение общины и укрепление земли в собственность.

Мы рассмотрели экономические предпосылки разложения общины, именно, процесс интенсификации сельского хозяйства по районам, и кроме того, меры административного воздействия, этой повивальной бабки столыпинской реформы. Разложение общины находилось в теснейшей зависимости от ее состояния в момент реформы. Нужно сказать, что к моменту действия землеустройства, община хотя и разлагалась, но еще была сильна во многих районах. Вот картина распространения общинного владения по районам.

Процент общинного землевладения по отношению ко всему крестьянскому:

Восточная степь . . .	98,4	Украина	80,4
Крайний север . . .	98,0	Бессарабия	77,0
Великорусский запад (густо населенный)	97,1	Белоруссия	39,0
Великорусский запад (мало населенный)	96,5	Левобережная Украина	33,0
Великороссия . . .	95,8	Правобережная „ . .	13,9
Пермский край . .	93,0	Литва	0,0
Новороссия	88,9	Прибалтийский край.	0,0

Как видим, общинное владение было распространено сплошь почти по всей Великороссии и Новороссии. Подворное владение—в Прибалтийских и Западных губерниях, исключая Могилевскую и Витебскую губ., где рядом с подворным встречается и общинное владение. Однако, не все общины были „живые". По обследованию Кочеровского (1897—1902 г.г.), количество общин, производивших переделы в 190 уездах 35 губ., составляло от 51,2% до 83,1% [1]. Данные анкеты Вольно-экономического обще-

[1] См. Кочеровский. „Русская община". СПБ.

Переделы по данным Вольно-экономического общества[1]:

ГУБЕРНИИ.	Общин с общими и частными переделами.	С общими переделами.	Всего общин, в которых есть сведения о времени передела.	Последние переделы были: До 1882	%%	1883—1894	%%	1895—1906	%%	1907—1910	%%	Год неизвестен.	%%	% дворов, вышедших из общины.
Воронежская	45	42	41	—	—	2	4,9	36	87,8	3	7,3	1	—	7,3
Тамбовская	46	30	30	2	6,7	5	16,7	18	59,9	5	16,7	—	—	10,6
Рязанская	40	33	31	3	9,7	9	2,9	15	48,4	4	12,9	2	—	12,2
Тульская	28	16	13	3	23,2	1	7,6	8	61,5	1	7,6	3	—	18,4
Орловская	24	17	16	2	12,5	5	31,3	7	49	2	12,5	1	—	15,4
Итого по 5 губ Центрально-чернозёмного района	183	138	131	10	7,6	22	16,8	84	64,1	15	11,4	7	—	9,9
Казанская	13	11	10	—	—	1	9,1	7	63,6	2	18,2	1	9,1	4,8
Нижегородская	57	51	46	—	—	13	25,5	23	45,1	10	19,6	5	9,8	16,4
Симбирская	39	36	36	—	—	4	11,1	23	63,9	9	25,0	—	—	18,2
Пензенская	74	71	65	1	1,4	14	19,6	27	38	23	32,4	6	8,5	15,7
Саратовская	20	18	18[2]	—	—	—	—	14	77,8	4	22,2	—	—	11,3
Итого по 5 губ. средне-волжского района	203	187	175	1	0,5	32	17,1	94	50,3	48	25,6	12	6,4	15,2
Итого по 10 губ.	386	325	306	11	3,7	54	17,6	178	58,1	63	20,6	19	—	—

[1] Таблица составлена на основании материалов работы И. В. Чернышева. Община после указа 9 ноября 1906 г.
[2] У Чернышева пропуск: надо 18.

ства 1910 и 1911 г. говорят, что в районах центрально-земледельческом и средне-волжском еще господствовала в момент указа 9 ноября 1906 г. „живая“ община. Всего было обследовано 397 общин. О переделах в 6 общинах ничего не было известно. Из 391 обследовательных общин 83,1% были с переделами общими, и 9,2 с частными переделами и 7,7% без переделов. После об‘явления указа были произведены переделы в 63 общинах из 306, или 20,6%. Распределение переделов по губерниям и годам можно видеть из таблицы, приведенной на 99 стр.

Таблица прежде всего показывает довольно значительное количество переделов в конце XIX и начале XX века. Это как будто не вяжется с установленным нами выше фактом разложения общины. Однако, наличие переделов в этот период как раз является характерным именно для разложения общин: они являются ее последним пароксизмом. Дело в том, что в общинах, при чересполосном владении, переделы были почти единственным средством помимо выхода на хутора и отруба, для устранения таких недостатков землепользования, как крайняя чересполосица и мелкополосица, с чем должны были бороться сами крестьяне. Этим об‘ясняется, что даже в северо-западном районе, т.-е. в районе наибольшего разложения общины в конце XIX и начале XX века, наблюдался известный рецидив переделов, но, как правильно пишут производившие обследование в Псковской губ. [1], обычно вслед за переделами следовал и выдел хуторов, или вернее, выдел хуторов требовал переделов, особенно у тех, которые оставались в общинах.

Поэтому, чем больше был процент выделившихся домохозяев в данной губернии, тем больший процент падает на количество переделов, даже после 1907 г. Это вызывалось, несомненно, и тем, что крестьяне спешили с переделами в виду угрозы отдельных домохозяев укрепить за собою излишки земли и в виду необходимости урегулировать землепользование.

Царское правительство всячески противодействовало переделам после 1907 г. В совершенно секретном циркуляре Столыпина и директора департамента полиции Трусевича от 26 августа 1907 г. за № 8282, в котором они „знакомят“ местную власть с „задачами правительства“, наряду с указаниями „избавить службу от лиц нетерпимых“ и как бы выговором за то, что „при подавлении беспорядков наблюдается вялость и нерешительность“, и наравне с указанием на необходимость надзора над учительством земских школ, чтобы „они не уклонялись от преподавания закона божия и от сопровождения детей в церковь“,—требуется „внимательное отношение к указу 9 ноября, дабы уже до вне-

---

[1] Хуторские расселения на надельных землях Псковского, Островского и Холмского уездов, Псковской губ., по обслед. 1907 г., Псков, 1909 г., стр. 13.

сения в Госуд. думу он был испытан на местах". Одновременно препровождается конфиденциальное обращение Центрального комитета партии с.-р., от 10 августа 1907 г., в котором с.-р. призывают к уничтожению частной собственности на землю и реставрации общины. „Переделы—говорится в этом воззвании—это лучший ответ на указ 9 ноября". Губернаторам рекомендуется энергичная борьба с переделами. В делах мы находим очень много материалов по переписке в связи с преследованием приговоров крестьян о переделах[1]. Итак, приведенные данные Вольно-экономического об-ва говорят, несомненно, о живучести общины в центральных земледельческих и средневолжских губерниях. В западных губерниях община почти отмерла.

В отношении общинного землепользования, Россия представляла собою большое разнообразие. Кочеровский вполне правильно устанавливает, что в одних районах община была уже в прошлом, в других — в настоящем, а в третьих — именно в районе перехода от подсечной системы к трехполью, даже в будущем. В тех районах, где еще в полном расцвете было экстенсивное трехполье, и где община была не только крепка в настояшем, но и имела будущее, крестьянам совершенно чужд был указ 9 ноября. Для примера возьмем одну из северных губ., Олонецкую, где община еще была в полном цвету. Пудожской уездной земской управой в 1907 году был организован опрос волостных правлений об отношении к общине и указу 9 ноября. Все волости поголовно высказались отрицательно по отношению к новому землеустройству. Большинство считает „общинное землепользование целесообразным". Как формулирует один ответ: „недостатков в существующем землепользовании население волости не замечает, ибо переделы земли с их последствиями бывают редко, и возможность от сего крестьянину лишиться своей улучшенной земли и перейти на худшую также редкое явление. Чересполосное пользование не представляет пока никаких неудобств, в виду некультурного ведения землепашества, без всяких новейших приспособлений и сельско-хозяйственных орудий, как-то: плугов, жатвенных машин и других[2]. Как видим, здесь вполне правильно выявляется сущность общины, именно ее связь с экстенсивным хозяйством. Понятно, что на вопрос об осуществимости указа 9 ноября волостные правления отвечают: одно—„весьма затруднительно", другое—„невозможно", третье—„трудно" и т. п. или „нет надобности, так как население никаких препятствий в общинном владении не встречает".

Мы взяли, как иллюстрацию, Олонецкую губернию, потому что там община была наиболее крепка и там ярче была подчеркнута

[1] Из дела канцелярии земского отдела М. в. д. за 1907 г. с совершенно секретной перепиской.

[2] Доклад Пудожской уездн. зем. упр. в очередное уездн. зем. собрание Заимствую из дела ком. по земл. делам, 1908 г., № 243.

неприменимость указа 9 ноября в тех районах, где еще в полном расцвете было экстенсивное хозяйство и была крепка община.

То же отрицательное отношение встретил указ 9 ноября и на юго-востоке. Как пишет в своей записной тетради один из чиновников, ездивших вместе с Литвиновым для ревизии землеустроительного дела, в восточных губ.: „община крепка, и с этим нужно считаться, так как крестьяне не хотят индивидуализации". „Большинство крестьян в комиссиях защищают переделы", что чиновник об'ясняет тем, что „идея равенства прочно укоренилась". Один из членов казанского губернского совещания заявил, что „крестьяне не понимают различия в формах землепользования, и все их стремления сводятся к тому, чтобы получить землю возможно дешевле и разделить между собою" [1].

И по данным Вольно-экономического общества в центральных районах при обсуждении указа 9 ноября к нему в большинстве случаев крестьяне относились отрицательно. По анкете Вольно-экономического общества об отрицательном отношении имеется 89 показаний, а о положительном всего 7 показаний [2]. Основной причиной отрицательного отношения к указу 9 ноября является то, что, по мнению крестьян, община кое как дает „жить" и малоземельным крестьянам. В Тамбовской губ. крестьяне несогласны были выходить из общины, потому что тогда и „куру негде будет водить". В Рязанской губ. „к новому закону отнеслись, как к заразной болезни", так как и „теперь у нас стало много безземельных, а дальше будет и больше"... В Пензенской губ. высказывается опасение, что „выделившиеся собственники могут скоро остаться на птичьих правах".

Крестьяне от революции 1905 г. ждали прирезки земли, а получили лишь право на свою собственную землю. „Выходи от своей до своей, это очень близко—не разгуляешься",—говорили крестьяне в Пензенской губ.

Крестьяне понимали классовый смысл всего столыпинского законодательства. Как говорили в Пензенской губ. [3], „у помещиков конечно цель та —насадить более собственников и тем умножить себе товарищей, чтобы в будущей борьбе сделать перевес против малоземельных крестьян. Цель единственная—захватить землю (по милости указа 9-го ноября), но никак не для улучшения хозяйства; и этот захват, конечно, приведет к непримиримой вечной вражде; пройдет время, создадутся несчастные безземельные, которые, вместо защитников отечества, будут непримиримыми врагами". Так пишет из Пензенской губернии корреспондент-крестьянин, который, наивно повторяя трафаретные

---

[1] Из черновых записок, исправленных рукою Литвинова, о ходе земл. дела в Казанской, Симбирской, Саратовской и др. приволжских губерниях. Из дела зем. отд. М. в. д. 1906 г., № 89 по командировке Литвинова.

[2] Чернышев. Община после указа 9 ноября 1906 г., ч. I.

[3] Там же, ч. II, стр. 137.

фразы о защите отечества, уже стихийно чувствует приближающуюся возможность нарушения гражданского мира—превращение империалистической войны („защита отечества") в гражданскую („будут непримиримыми врагами").

Поэтому, вполне понятно, крестьяне считали этот указ „обманом", как об этом сообщают из Нижегородской губ.

В Тульской губ. говорили, что „новый закон сделан для того, чтобы путать мужиков", „чтобы они грызлись из-за своей земли и забыли о барской земле"[1].

В Средне-Волжском районе отрицательное отношение к указу отмечалось 75 показаниями, а положительное 16 и вполне понятно, что, в результате этого, 116 показаний отмечали принудительный характер выделов, а добровольный только 39[2].

Между прочим в отношении к указу 9 ноября проявляли некоторое недовольство и зажиточные крестьяне. Именно они были недовольны тем, что по этому закону все „бродяжничающие могут взять и продать землю" (Пензенская губ.).

Вот в этих районах крепкой общины нужны были чисто хирургические приемы столыпинских землеустроителей для того, чтобы заставить крестьян перейти к индивидуальным формам владения, да и то, как мы увидим далее, эти приемы оказывались малоуспешными. Крестьян еще легко можно было убедить в укреплении земли в частную собственность, но зато крайне трудно было заставить перейти на участки, особенно же на хутора, почему и процент их в этих районах был невелик.

Совсем другая картина наблюдалась в тех районах, где община умирала. Например, на северо-западе, где крестьянство переходило к травосеянию и потому заменяло трехпольное хозяйство многопольным, крестьяне, не ожидая правительственных землемеров, сами разбивались на хутора, так что правительству пришлось даже запретить это из опасения, что самовольные разверстания будут производиться без соблюдения правил землеустройства.

„Самочинное", по терминологии правительства, землеустройство в западных районах вполне понятно. Еще до революции 1905 г. в Псковской губ. и других западных губерниях крестьяне „самотеком" стали выходить из общины на хутора и отруба. Как сообщается в работе М. Н. Кислякова „Раздел общинных земель в Холмском уезде, Псковской губ.", осенью 1906 г. Псковская губернская управа получила сведения, что в Холмском уезде в последние годы было обнаружено сильное движение в сторону раздела деревенской общинной земли на подворные участки". Объяснялось это „омертвелостью общинных форм"[3]. Со времени осво-

[1] Чернышев, ч. I, стр. 104.
[2] Там же, ч. II, стр. 137.
[3] Кисляков. „Раздел общинных земель в Холмском уезде, Псковской губ.", стр. 2.

бождения там не было ни одного передела. Было лишь общее пользование пастбищами и выгонами и переверстание пополосно покосов, и леса, если таковой имелся.

Вполне понятно, что в этих районах для того, чтобы побудить крестьян к выходу из общины, не нужно было даже и административного давления. Как мы читаем в той же работе, „во время исследования было обращено внимание также на то, не было ли оказано влияние в этом деле (т.-е. в выделе из общины) со стороны местного начальства, но, как оказалось, начальство держалось совершенно в стороне от этого движения". Заметим, что в этих районах наблюдалось даже отрицательное отношение местных помещиков к землеустройству, были случаи, что земские начальники являлись противниками землеустройства, за что их, разумеется, удаляли. Наконец, в ряде западных губерний наблюдался отказ помещиков от участия в землеустроительных комиссиях. Правительство об'яснило это, конечно польской национальностью этих помещиков, которые, дескать, не хотели содействовать такой важной государственной мере. Дело здесь, разумеется, было не в национальности, а в том, что нечерноземным помещикам это землеустройство не было выгодно. Они могли опасаться, что раздел общинных земель и сверстание в хутора и отруба не только могли сократить спрос крестьянства на помещичью аренду, но и лишить помещиков столь необходимых для них батраков, так как близость городов облегчала отход пролеризующегося крестьянства в города [1].

Насколько в этих районах помещики не сочувствовали реформе. настолько охотно на них шли сами крестьяне. Соседи друг другу помогали при переходе на участки, особенно при переносе усадьбы. В большинстве случаев, хотя, конечно, не всегда, достигалось согласие противоположных сторон. Основная причина, которая побуждала крестьян переходить на участки, это было стремление к улучшению хозяйства. Как говорили крестьяне одной из деревень, „клевер стали сеять, завели плуги, камни убирать стали". Больше всего крестьянам нравилось удобство единоличного пользования,—„так что тебе никто не мешает, нет бабских ссор" [2].

Однако, и в этих районах выход из общины далеко не был безболезненным. При обследовании хуторов Псковского и Островского уездов, на вопрос хуторянам об отношении деревни к их выделу, было получено 29 ответов, которые можно распределить на следующие три группы: первая—8 ответов, указывающих, что деревня не препятствовала выходу—„сразу согласилась"; вторая—9 ответов: деревня согласилась сразу, лишь только полу-

---

[1] Сравни выше. стр. 52 — 54,—отношение помещиков к указу 9 ноября 1906 г.

[2] Кисляков, Цит. соч., стр. 9.

чила деньги или водку, и третья—12 ответов—что деревня сильно противилась, прежде чем согласилась. Из 12-ти последних ответов в большинстве также указывается на оплату окончательного согласия общества водкой или деньгами: „пришлось пропоить 40 рублей, прежде чем позволили выйти“; или „деревня не соглашалась дать землю по последнему переделу, а хотела дать по ревизской разверстке. Пришлось, включая плату землемеру, заплатить деревне 200 рублей“; или „в течение 6-ти лет не дозволяли выйти; только после усиленных возлияний (водкой) дали приговор на выдел“. Характерен следующий ответ: „пришлось пропоить 24 рубля: когда просил о выходе—$^1/_4$ ведра, при составлении приговора—$^1/_2$ ведра, домой пришли—$^1/_4$ ведра, пошли землю обмерять—$^1/_2$ в., к земскому начальнику пошли—$^1/_2$ в. и т. д.“ [1]. Счет расходов сельской буржуазии на выдел более чем выразителен. Однако, нужно заметить, иногда деревня не всегда и за водку шла на выдел. Как сообщает один хуторянин, „деревня обманывала его несколько раз, обещая после каждого угощения водкой его выделить, чтобы затем требовать нового угощения“ [2]. А одному пришлось просить 15 лет, пока его выпустили.

Как видно, сельской буржуазии приходилось каждый раз откупаться от односельчан, при чем характерно, что средством откупа или точнее подкупа являлась водка. Ясно, насколько должна была удешевить выдел столыпинская реформа, когда уже не приходилось считаться с односельчанами, когда сельская буржуазия получила могучего союзника в виде администрациии.

Вот эта-то крепость общины в одних районах и слабость в других предопределили быстроту и успешность ее разрушения в одних местах и медленность разложения в других.

Выдел из общины.

К 1 января 1916 г. выделились из общины 2.008.432 домохозяина, на площади 14.122.797 десятин. Кроме того, по закону 14 июня 1910 г. (статьи 1—8) получили удостоверительные акты, в общинах, где не было переделов в течение 24 лет, 469.792 домохозяина на площади 1.796.410 десятин. Итого вышло из общины и укрепило землю в личную собственность 2.478.224 домохозяина на площади в 16.919.208 дес. Если же к выделившимся и получившим удостоверительные акты прибавить еще 2.000.000 домохозяев на площади 14.000.000 дес., которым предстояло получить удостоверительные акты, то процесс разложения общины будет довольно интенсивным.

[1] Хуторские расселения на надельных землях Псковского, Островского, Холмского уездов, 1909 г., стр. 17.

[2] Там же, стр. 18.

Выход из общины по годам рисуется следующими данными:

ГОДЫ.	Число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в собственность.	Число домохозяев, окончательно вышедших из общины.
1907	211.922	48.271
1908	840.059	508.344
1909	649.921	579.409
1910	341.884	342.245
1911	242.328	145.567
1912	152.397	122.314
1913	160.304	134.554
1914	120.321	97.877
1915	36.497	29.851
Итого . . .	2.755.633	2.008.432

Как видим, наибольшей высоты выход из общины достиг к 1909 году, после же 1909 г. он начал систематически падать. С началом же войны он почти совсем сошел на нет. Под‘ем выхода из общины в 1908 и 1909 г.г. об‘ясняется, конечно, тем, что с общиной порвали как раз те, которые в этом были наиболее заинтересованы. Волна этих выходов, однако, очень скоро спала.

Падение укреплений отчасти компенсировалось выдачей удостоверительных актов, да и то выдача последних, как это видно из следующей таблицы, после 1911 года непрерывно понижалась.

Выдача удостоверительных актов:

ГОДЫ.	Число домохозяев, заявивш. требов. о выд. удост. акт.	Число домохозяев, получивших удостоверит. акты.
	в т ы с я ч а х	
1910	53,8	8,2
1911	252,2	167,3
1912	117,5	108,7
1913	102,2	97,8
1914	68,0	65,3
1915	24,3	22,5
Итого на 1 янв. 1916	618,0	469,8

Как мы отмечали выше, укрепление земли в личную собственность находилось в тесной зависимости от капитализации отдельных районов. По районам разложение общины и освобождение земли для товарного оборота выражается следующей таблицей [1].

[1] Таблица составлена на основании отчетов М. в. д.

Укрепление земли в личную собственность за время с издания указа 9-го ноября по 1-ое мая 1915 г. по данным Земского Отдела М. в. д. [1].

РАЙОНЫ:	Общее число домохозяев, заявивших требования об укреплении земли в частную собственность.	Общее число домохозяев, укрепление за которыми окончательно состоялось.	% отношение числа домохоз. укреп. землю. К числу домохозяев, заявив. требов.	% отношение числа домохоз. укреп. землю. К числу владеющих землею на общинном праве.	Площадь окончательно укрепленной земли.	% отношение укрепленной земли ко всей площади надельн. землевладения.
Юго-Западный	16.212	15.948	98,4	48,6	77,987	50,7
Новороссийский . .	402.688	339.659	85,1	42,7	2.495.757	34,2
Белорусский	169.024	145•101	82,8	33,8	1.138.784	30,4
Центр-Черноземный .	643.824	460.249	75,1	27,6	2.057.303	17,5
Нижне-Волжский . .	323.059	227.150	58,6	21,7	2.843.142	12,2
Средне-Волжский . .	508.770	330.745	64,2	19,1	1.829.325	11,8
Центрально-Пром. .	293.883	219.445	73,2	16,7	1.378.464	12,9
Малороссийский . .	178.177	124.715	75,4	16,5	651.462	13,8
Приозерные	98.808	69.179	69,2	12,7	773.245	10,4
Северный	29.469	14.975	50,8	6,5	137.458	3,7
Итого	2.738.985	1.991.757	70,8	21,8	13.939.934	16,4

Таблица показывает, что на первом месте по укреплению земли в личную собственность идут районы с сильно развитым капиталистическим хозяйством, не даром на первом месте стоит Юго-западный район, представляемый Киевской губернией, как известно отличающейся высоким развитием капитализма, благодаря связи сельского хозяйства с свекло-сахарным производством.

Второе место занимают Новороссийский район и Белоруский также с весьма сильно развитым капитализмом.

Сравнение процента домохозяев, укрепивших землю, и процента укрепленной земли показывает, что во всех районах, за исключением Юго-западного, укрепление совершалось более малоземельными крестьянами, так как процент укрепивших домохозяев больше, чем процент укрепленной ими земли.

Сопоставление по отдельным районам выделов с индустриализацией данного района, несомненно, показывает некоторую связь этих двух процессов. Если взять процент выделившихся из общин домохозяев и сопоставить его с приростом населения го-

[1] Отличие сведений Министерства внутреннних дел от сведений Главного управления землеустройства и земледелия заключалось в том, что первые охватывали 40 губерний, вторые 45. Кроме того, Министерство внутренних дел сведения получало от земских начальников, уездных с‘ездов, уездных землеустроительных комиссий, а Главное управление землеустройства и земледелия—только от уездных землеустроительных комиссий.

родов, который является одним из признаков индустриализации страны, то получается определенная связь. Районы, занимающие одно из первых мест по величине процента укрепленной в личную собственность земли, в то же время являются районами наибольшего процента прироста городского населения за тот же период. Впрочем, не всюду наблюдается такая правильность, в виду эмиграции населения: может быть, что выходцы из центрально-черноземного района будут уходить в города Новороссии или же в города Центрально-Промышленного района, следовательно индустриализация и рост городов в одних районах будут оказывать влияние на другие районы.

Сопоставление процента выделившихся с количеством переселенцев несомненно указывает на некоторую связь и этих двух процессов. Районы наибольшего переселенческого движения дают и больший процент укрепленцев, что определяется, несомненно большей пролетаризацией населения.

Только что рассмотренная таблица показывает лишь укрепление земли в личную собственность. Однако, как мы указывали выше, этим дело разрушения общины не ограничивалось. К укреплению земли в личную собственность нужно прибавить домохозяев, получивших удостоверительные акты, и тех, которые, согласно статье 1—8 закона 14 июня 1910 года, считались перешедшими к единоличному владению, им оставалось только получить удостоверительные акты.

В таком случае получаем следующую таблицу [1]:

РАЙОНЫ.	Число всех общинников.	Число домохозяев, получивших удостоверительные акты на 1/V—1915 г.	% домохозяев, укрепивших землю и получивших удостоверительные акты.	% домохоз., укреп. землю и получ. удостов. акты вместе с теми, кот., согл. ст. 1-8 зак. 1910 г. счит. перещ. к подв. влад.
	В тысячах			
Белорусский	261,6	27,5	63,3	79,5
Приозерный	510,3	45,6	21,1	54,7
Центрально-Промышленный	1.709,9	159,5	24,4	50,1
Северный	315,3	7,3	9,3	23,0
Приуральский	1 258,9	14,4	6,0	17,5
Всего в нечерноземной полосе	4.056,0	264,3	18,8	40,4
Малороссийский Юго-Западн.	716,7	33,8	24,3	45,3
Центрально-Черноземный	1.912,9	92,8	28,9	52,0
Средне-Волжский	2.012,0	17,1	17,3	22,9
Новороссийский	973,4	46,4	44,1	53,4
Нижне-Волжский	505,1	12,4	35,7	41,2
Всего по черноземной полосе	6.120,1	202,5	27.5	41,0
Итого по 40 губерниям Европейской России	10.176,1	456,8	24,1	40,8

[1] Огановский. „Революция наоборот“, стр. 99.

Как видим, процент общего числа укрепивших дворы и получивших удостоверительные акты составляет примерно 24,1% общего количества общинников, если же к получившим удостоверительные акты и выделившимся из общины прибавить тех, которые, согласно статьям 1—8 закона 14 июня 1910 года, считались перешедшими к подворному владению, то получим значительно большую интенсивность разложения общины. Потенциальная возможность разрушения общины, как видим, достигла по всем районам внушительной цифры 40%, по отдельным же районам, как Белорусский, она достигла почти 80% или по Новороссийскому—53%. Однако, как мы увидим далее, это было скорее потенциальное, чем реальное уничтожение, впрочем чрезвычайно важное по своему значению. Именно укрепление земли в собственность давало возможность ее покупать и продавать, что имело громаднейшее значение для капитализации сельского хозяйства.

Выход по отдельным губерниям может отчасти характеризоваться следующей таблицей, составленной нами на основании данных анкеты Вольно-экономического общества.

ГУБЕРНИИ	% дворов, вышедших из общины.	Из них %% Укрепивш. чересполосно.	Из них %% Вышедш. на х. тора и отруба.	Среднее колич. земле-влад. на двор.	Во скольких полосах надельн. земля.
Тульская	18,2	77	33,0	5,4	3— 45
Орловская	15,4	51,8	48,2	6,7	1— 40
Рязанская	12,2	77,3	22,7	8,1	2—110
Тамбовская	10,6	89,7	10,3	8,5	3— 30
Воронежская	7,3	84,1	15,9	9,6	1— 42
Итого	9,9	79,4	20,6	8,9	1—110
Симбирская	18,2	69,1	30,9	6,4	5— 42
Нижегородская	16,4	49	51	8,1	6— 99
Пензенская	15,7	87,9	12,1	6	2— 90
Саратовская	11,3	—	—	13,2	4— 40
Казанская	4,8	—	—	9,8	4— 48
Итого	15,2	75,2	24,8	7,7	2 — 99

Рассматривая эту таблицу, мы видим, что районы с наибольшим процентом выделов дают и наибольший процент единоличных хозяйств. Об'ясняется это тем, что как раз пионерами землеустройства и были единоличные хозяйства зажиточных крестьян, которые за собой тащили и всех остальных общинников. Кроме

того, есть несомненная связь выделов с предшествующим развитием подворного землевладения. Где было больше подворных хозяйств ранее, т.-е. чем сильнее было предшествующее разложение общины, тем сильнее были выходы в 1906—14 г.г.

В отношении связи выделов с малоземельем и многоземельем обнаруживается, что при прочих равных условиях выход идет более интенсивно в районах малоземельных, чем многоземельных. Об'ясняется это скорее тем, что в малоземельных районах, вне всякого сомнения, более интенсивно идет процесс пролетаризации крестьянства—с одной стороны, и с другой—малоземелье сильнее всего выявляет кризис трехпольного хозяйства, который заставляет крестьян стремиться к интенсификации хозяйства. Последнее же неизбежно влечет за собою разложение общины.

Теперь остановимся на связи выделов из общины с развитием капитализма в каждом районе. Как мы видели выше при рассмотрении по районам количества вышедших из общины, эта связь обнаруживалась уже одним тем, что первые места по $^0/_0$ укрепленцев занимали районы с наиболее развитым капитализмом. Для более обстоятельного доказательства связи выделов с капитализацией сельского хозяйства возьмем, например, следующие, произведенные Мозжухиным [1] интересные сопоставления укрепления земли в собственность с общим экономическим состоянием отдельных районов.

Мозжухин все губернии, в которых производилось землеустройство, разбивает на следующие 4 группы:

I группа — южные губернии: Екатеринославская, Таврическая, Харьковская и Херсонская.

II группа—губернии, идущие сплошною полосою через Поволжье и Центральный земледельческий район; сюда вошли Саратовская, Симбирская, Казанская. Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Рязанская, Орловская и Тульская.

III группа—губернии Центрально-Промышленного и Северо-Западного района — общинные: Нижегородская, Владимирская, Ярославская, Московская, Калужская, Тверская, Псковская и Петербургская.

IV группа — 9 окраинных губерний Севера и Востока: Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская и Астраханская.

Сопоставляя по этим группам цифры, показывающие количество надельной земли на двор, средние земельные цены, т.-е признаки, показывающие вместе с цифрами о дифференциации крестьян, степень капитализации района, с данными о проценте дворов, укрепивших землю, и количеством укрепленной земли на двор, Мозжухин получает довольно большую правильность, пока-

[1] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком у., Тульской губ. М. 1915 г., стр. 34—37.

зывающую определяемость выделов из общины степенью капита лизации каждого района.

Группы губерний.	Количество надельной земли на двор в 1905 году [1].	Средняя цена земли в 1906—1908 г.г. [2].	% крестьянских дворов в 1912 г. [3]. безлошадных.	с 1 лошадью.	с 2 лош.	с 3 лош.	с 4 лош.	Сумма крайних групп.	Рабочих лошадей на один лошад. двор.	% дворов, укрепивших землю.	Количество укрепленной земли на 1 дв. на 1/I 1914 г.
I	8,5	172,3	33,3	16,1	28,3	8,1	14,2	45,5	2,1	40,3	6,8
II	7,7	122,6	32,6	31,5	19,5	4,4	6,7	39,6	1,4	22,2	4,8
III . . .	9,4	76,3	33,4	46,6	14,9	4,0	1,5	34.9	1,2	17,0	3,1
IV	18,5	33,1	21,8	41,5	21,3	7,8	7,6	29,4	1,5	7,3	10,7

Сопоставление цифр, показывающих расслоение крестьянства в отдельных районах, которое выражается количеством крайних групп в каждом районе, с количеством дворов, укрепивших землю, устанавливает тесную связь между этими двумя явлениями. Чем выше дифференциация крестьян, чем больше в районе крайних групп, т.-е. пролетариата и сельской буржуазии, тем больше в районе % дворов, укрепивших за собой землю. В южных степных районах мы имеем 45,5% крайних групп и 40,3% укрепивших дворов. В северных и восточных губерниях сумма крайних дворов равняется 29,4%, соответственно процент укрепивших дворов падает до 7,3%.

Также чрезвычайно характерной для районов с большим % укрепленцев является высокая цена на землю, которая в южных степях достигает 172 рублей за десятину, тогда как в северных и восточных 33,1 руб. Высокие земельные цены являются, несомненно, одним из признаков высокой капитализации районов. Капитализм в своем развитии всегда стимулирует под'ем земельных цен, хотя и сам часто падает их жертвой.

Между прочим связь отмеченных нами выше признаков с процессом капитализации районов, повидимому, не вполне понимает автор приведенной нами таблицы. Причину разложения общины Мозжухин видит в самих по себе высоких земельных ценах, малом количестве земли и значительной дифференциации крестьянства [4].

Мозжухин оперирует симптомами и не вполне отдает себе отчет в тех процессах, которые проявляются в этих симптомах,— симптомы он принимает за самые причины.

---

[1] Статистика землевладения 1905 года. Сводный том.
[2] Материалы по статистике движения землевладения, 1908 г.
[3] Военно-конская перепись 1912 г.
[4] Мозжухии, Цит. соч,. стр. 36.

Отмеченный нами выше факт связи процента выделенцев с высоким процентом крайних групп вполне совпадает и с последующим исследованием связи выделов с продажей надельных земель. Ниже мы приводим заимствованную у того же Мозжухина таблицу, которая показывает, что чем выше процент продавших землю, тем выше процент укрепленцев.

Группы губерний.	Число продавцов земли на одну губерн. в 1908—1912 г.г.[1] от до	в среднем.	Среднее число домохоз., укрепивших землю к 1 января 1915 года[1]	Среднее число домохозяев, получив. удостоверит. акты к 1 янв. 1913 г.[2]	Итого вышло из общины.	Из них продали свой надел.
			В тысячах:			
I—3 г.	свыше 40	46.3	105.6	10.39	115,5	40,1
II—6 г.	20—40	32,0	82,6	4,67	87,3	36,7
III—5 г.	10—20	14,3	43,1	6,32	49,4	28,9
IV—14 г.	5—10	6,9	39,5	3,98	43,5	15,9
V—8 г.	До—5	3,5	15,2	2,79	18,00	19,5
по 36 г.	— —	14,7	47,3	4,70	52,00	28,2

Список губерний, вошедших в группы, таков:

I. Херсонская, Екатеринославская, Курская.

II. Харьковская, Таврическая, Самарская, Тамбовская, Орловская и Ставропольская.

III. Воронежская, Рязанская, Тульская, Пензенская и Псковская.

IV. Симбирская, Тверская, Саратовская, Смоленская, Нижегородская, Могилевская, Казанская, Новгородская, Ленинградская, Московская, Пермская, Уфимская, Черниговская и Калужская.

V. Витебская, Владимирская, Вятская, Костромская, Область Войска Донского, Оренбургская, Ковенская, Ярославская и Вологодская.

VI. Олонецкая и Астраханская.

Хотя приведенная таблица по методу своего составления внушает довольно большие сомнения,—уж очень сомнительно сваливание в одну кучу совершенно противоположных по своему характеру губерний,—но все же она дает довольно интересные совпадения.

Мы видим, что среднее число домохозяев, укрепивших землю, правильно убывает параллельно с рядом среднего числа продавцов своей земли, причем чем больший % укрепивших землю, тем и больший % продавших из них свою землю. Это нам указы-

[1] По данным Сборника статистических сведений Министерства юстиции за 1908—1912 г.г.

[2] По данным Известий земского отдела. М. в. д.

вает на несомненную связь всего столыпинского землеустройства с процессом дифференциации крестьянства и прежде всего его пролетаризацией.

Итак подведем итоги.

Разложение общинного массива началось как раз с окраин, с северо-запада, где развивается травосеяние, с юго-запада, с особо значительным развитием капиталистических посевов сахарной свекловицы, и с юга и юго-востока, где развивалось товарное земледелие, выбрасывавшее большое количество хлеба на внутренние и внешние рынки. А известно, что торговый капитал, даже вне зависимости от перехода к многополью, разлагал общину тем, что дифференцировал крестьян. Община горела как раз с двух концов: со стороны сельской буржуазии, которая отнюдь не склонна была лишаться своих лучших земель во время переделов и со стороны пролетаризующегося крестьянства, которое или делалось батраками или уходило в города и потому было заинтересовано в укреплении земли, в целях продажи своего участка.

Вот этим-то и об'ясняется, что 57% всех вышедших из общины пришлось на 14 губ. юга, юго-востока и северо-запада. И только 43% на остальные 33 губернии. Однако, в этих районах укрепление земли в частную собственность далеко не означало ликвидацию экстенсивного хозяйства. Так, по данным подворной переписи, произведенной самарским земством в начале 1911 г. [1], из общего числа укрепивших за собою землю только 6,5% выделились на отруба, а на хутора только 2,9%, остальные же 90,6% из числа укрепивших не порвали окончательно своих связей с общиной. Аналогичные данные мы имеем по Харьковской и Таврической губ. О том, что в этих районах замирание общины отнюдь не являлось ее смертью, а лишь только летаргией, это доказывает тот факт, что в 1917 году с революцией община моментально возродилась. Об'ясняется это тем, что без общинных переделов крестьяне не могли бы освоить перешедшие к ним не крестьянские земли.

Итак, мы видим, что разрушение общины далеко не захватило всего ее массива. Разрушение локализовалось лишь в районах наибольшей капитализации сельского хозяйства.

Принудительные выделы.

Различная капитализация отдельных районов влияла на состояние общины, а тем самым и на ход ее разрушения. В зависимости от предшествовавшего состояния общины реформа проходила или более или менее безболезненно, или же, наоборот, с очень значительными потрясениями в крестьянском хозяйстве,

[1] Материалы по оценке земель Самарской губ., вып. I. Самара. 1913 г.

при сильнейшем нажиме администрации. В районах отмирающей общины, как, например, на Северо-западе, этот процесс был скорее эволюционным, в районах же Юга, Юго-востока, где община была еще крепка и где на помощь сельской буржуазии приходило административное воздействие столыпинских властей, там этот процесс был действительно революционным. Он сопровождался даже значительными вооруженными столкновениями крестьян с полицией и с землеустроителями, о чем мы будем говорить далее.

В районах с сильно разложившейся общиной выделы производились в „добровольном порядке", тогда как в районах еще достаточно сильной общины в принудительном.

Как мы читаем в официальном отчете Главного управления землеустройства и земледелия [1], „обязательные помимо согласия общества выделы имеют место только в тех случаях, когда общины сознательно отклоняют все способы соглашений и когда проведение обязательного выдела является необходимым для доказательства, что предоставленные законом отдельным крестьянам права их на землю являются действительными и не зависят от воли мира".

Таково было официальное, конечно лживое, об'яснение. А что происходило на самом деле, вот что пишет тоже официальный, но не напечатанный отчет о ревизии производимого на местах землеустройства [2]. Подлоги, насилия, неправильное производство выделов, вызывало возмущение крестьян. Например, в Елисаветградском уезде установлено, так же как и во многих других, неправильное составление приговоров,—нет законного числа подписей, а между тем эти приговоры были утверждены уездными землеустроительными комиссиями. В 7 селениях сами землеустроительные комиссии должны были отказаться от разверстания, так как не было правильно составленных приговоров. „В самом внесении этих разверстаний в план землеустроительных работ, замечает автор отчета, допущена была поспешность (!), об'ясняемая желанием, как губернского, так засим и уездного начальства провести как можно больше разверстаний".

Однако, несмотря на то, что пишущий об этом управляющий земским отделом Литвинов знал о имевших место злоупотреблениях, все же „по совету местных людей не приостановил разверстания". „Следует думать,—говорит он,—что крестьяне, когда увидят на плане те участки, кои каждому из них будут проектированы, выскажутся за принятие проекта", очевидно потому, что

---

[1] „Землеустройство" (1907—1910 год) СПБ. 1911 год (Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 года).

[2] Доклад Упр. зем. отд. М. в. д. Литвинова о землеустроительном деле на надельных землях в Херсонской губ. по данным ревизии, произведенной в июле 1909 г., 82 л.

у них не будет другого выхода. То же самое в Александровском уезде отмечено, что землеустроительные комиссии „обыкновенно склоняются в сторону выделяющихся без достаточного обсуждения всех условий выдела и часто игнорируют интересы общества“ [1].

Вот этим-то и об‘ясняются как обязательные выделы, так и то, что число „ходатайств“ о выделе значительно обгоняет фактические выделы.

В делах Земского отдела Министерства внутренних дел имеются данные, рисующие перипетии укрепления земли в собственность, начиная от „ходатайства“ об укреплении и кончая постановлением с‘езда об утверждении выдела. Погубернские данные приведены в приложении (см. приложения, № 2), здесь же мы приводим только порайонные данные.

Эти данные выражаются таблицей, помещенной на 116 стр.

Таблица чрезвычайно характерна. Как видим из общего количества заявивших „ходатайства“ об укреплении, довели дело до конца только 72,2$^0/_0$ по всем районам, причем наибольший процент дает Белорусский район (86$^0/_0$). Затем следуют Новороссийские губернии (83,4$^0/_0$). В некоторых районах, например, в Приуральском—лишь 46,2$^0/_0$, в Северном же только пятьдесят. Такая большая разница между количеством „заявивших“ требование об укреплении земли и количеством действительно укрепивших землю несомненно об‘ясняется тем, что в первую рубрику, как это мы видели выше из отчета Литвинова, попадали те, кто и не думал выделяться. Вот что сообщают об этом опрошенные Вольным экономическим обществом крестьяне корреспонденты. Например, из Тамбовской губ. крестьяне жалуются, что „земские начальники даже притесняли и всячески понукали к укреплению“. Из Тульской губернии писали: „что те волостные писаря, в волости которых оказывалось более укреплений в собственность, были у земских начальников на хорошем счету“. Волостной писарь по приказанию земских начальников силой заставлял крестьян составлять приговоры на укрепление в собственность земли. Крестьяне долго не желали, но им пригрозили, что будут присланы казаки, и они, кроме того, будут привлечены к ответственности по какой-то статье, карающей неисполнение указа 9 ноября тюремным замком, а нето и Сибирью. „Земский многих подстрекнул“—„земский всячески понукал, земский даже притеснял“. Вот ответы крестьян на вопрос о роли администрации [2].

Такими приемами составления „ходатайств“ и об‘ясняется, что почти до 4$^0/_0$ всех заявивших желание об укреплении отка-

---

[1] Доклад Литвинова, 88 л.

[2] Чернышев „Община после 9 ноября“, ч. I, стр. 133, 104, 127, 46.

Укрепление земли в личную собственность за время с издания указа 9 ноября по 1 сентября 1914 г. по 40 губ. Европейской России [1].

РАЙОНЫ:	Общее число домохозяев, заяв. требование об укреплении земли в личн. собственность.	Из числа указанных в первой графе. Отказались от заявл. об укреплении до обсуждения его сходом.	%	Получили от общества приговор об укрепл.	%	За отказом общества или несоставлением приговора в месячный срок обратились к зем. начальникам.	%	Прекращено земским нач. по желанию заявивших (из граф 4 и 6).	%	Окончательно состоялось постановл. уездного с'езда об укрепл.	%	Площадь укрепленной земли.
Центр.-Промышл. .	289.284	13.629	4,7	129.802	44,9	143.199	49,5	11.229	3,9	215.166	74,4	1.353.526
Белорусский . . .	168.800	6.374	3,8	127.959	75,8	32.555	19,3	1.112	0,7	145.191	86,0	1.134.741
Приозерный . . .	97.778	4.015	4,1	22.734	23,3	70.372	71,9	6.419	6,6	68.040	69,6	763.865
Приуральский . .	93.520	15.883	17,1	9.982	10,7	61.260	65,5	6.904	7,4	43.166	46,2	539.251
Северный	28.933	2.401	8,3	3.746	12,9	22.624	78,2	3.156	10,9	14.552	50,2	133.998
Итого по нечерноземной полосе .	678.315	42.302	6,2	294.223	43,4	330.010	48,7	28.820	4,2	486.115	71,5	3.925.381
Центр. - Черноземн.	610 453	18.264	2,9	167.653	27,5	421.824	69,1	52.587	8,6	449.511	73,6	2.017.142
Средне-Волжский .	500.497	26.301	5,3	61.334	12,3	408.541	81,6	31.441	6,3	321.942	64,3	1.790.120
Нижне-Волжский .	317.408	12.059	3,8	38.399	12,1	260.267	82,0	18.008	5,7	220.604	69,5	2.768.332
Новороссийский .	399.678	7.301	1,8	114.640	28,7	273.580	68,5	7.482	1,8	333.210	83,4	2.466.447
Юго-Западный . .	16.135	2	0,0	14.196	87.9	1.920	11,9	73	0,5	18.555	98,2	77.603
Малороссийский .	176.242	6.114	3,5	27.738	15,7	34.477	19,6	5.296	3,0	122.844	69,7	643.879
Итого по черноземной полосе . . .	2.020.413	70.041	3,5	423.960	21,4	1.400.609	69,3	114.887	5,7	1.464.666	72,4	9.763.523
ВСЕГО. . .	2.698.728	112.343	3,8	718.183	24,2	1.730.619	58,3	143.707	4,8	1.950.781	72,2	13.688.904

[1] Таблица составлена нами на основании материалов, заимствованных из дела М. в. д Земского отдела, „Со сведениями о выходе из общины по донесениям губернаторов".

зались от своих „ходатайств“ даже до обсуждения вопроса на сходе, причем в Приуральской области этот $^0/_0$ достиг внушительной цифры 17,1$^0/_0$.

Что касается $^0/_0$ получивших „добровольное согласие“ общества, если даже добровольность понимать в буквальном смысле слова, мы видели, какова была на самом деле эта добровольность, так и то $^0/_0$ их не велик. По всем районам эти добровольные выделы составляли всего 24,2$^0/_0$ всех домохозяев, заявивших „ходатайство“. В черноземных губерниях этот $^0/_0$ падает до 12$^0/_0$ в Средне-Волжском и Нижне-Волжском районе и до 15$^0/_0$ в Малороссийском. В нечерноземных губерниях добровольные выделы составляли по всей полосе 43,4$^0/_0$, отдельные районы, как Приуральский, дает 10$^0/_0$ и Северный 12$^0/_0$, тогда как Белорусский, например, дает до 75,8$^0/_0$. Впереди всех идут Юго-Западные губернии, или, вернее, Киевская губ., которая представляет этот район, где этот процент равняется 87.

Характерно, что даже после поступления дел к земскому начальнику многие должны были отказаться сами. Как мы увидим в очерке аграрного движения на почве применения указа 9 ноября, этот отказ, в большинстве случаев, являлся результатом активного воздействия остающихся в общине на выделенцев. По отношению к ним применялись все виды имевшегося в распоряжении крестьян аграрного террора.

Хотя правительство и весьма энергично боролось против этих „малодушных“, которые уступали давлению общины и тем по мнению правительства подрывали его престиж, все же $^0/_0$ отказавшихся от землеустройства уже после поступления дела к земскому начальнику достигал по всем районам почти 5$^0/_0$, колеблясь от 0,5 в Малороссийском районе, до 10,9$^0/_0$ в Северном районе. Должны отметить, что этот процент, как и все предыдущие, взят по отношению к общему числу домохозяев, заявивших „ходатайство“ об укреплении земли в личную собственность, если же взять $^0/_0$ по отношению к домохозяевам, обратившимся за отказом или саботажем общества к земскому начальнику, то этот процент надо увеличить примерно вдвое.

Что касается распределения по районам обязательных выделов, то в отношении их наблюдается картина, обратная той, какую мы наблюдали в отношении добровольных выделов.

Обращает на себя внимание большое количество принудительных выделов, особенно в южных и юго-восточных районах. Неправильности в составлении приговоров о выделе привела к тому, что имеется большое число отказавшихся от производства выдела во всех инстанциях.

Причины выдела.

Что же заставляло крестьян выходить из общины, каковы были главные побудительные мотивы?

Оказывается, причины, которые заставляли крестьян укреплять за собой землю, были весьма различны. В ответах корреспондентов на анкету Вольно-экономического общества указывается на три основных мотива—на боязнь потерять имеющийся излишек земли при ближайшем переделе, на стремление продать землю и, наконец, на желание вести „самостоятельное" хозяйство [1].

Те же данные подтверждаются анкетой, произведенною в 1909 г. „состоящим при Московском обществе сельского хозяйства Комитетом о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах" [2].

Полученные ответы указывали следующие мотивы укрепления:

	Число ответов.	% к итогу.
Для продажи	73	52,5
Чтобы при переделе земля не отошла к другим	38	27,3
Для улучшения хозяйства	26	18,7
Для лишения сыновей права на получение земли	2	1,5
Итого	139	100,0

Как видим, наибольший % числа ответов—52,5% указывает на стремление к продаже, как на одну из основных причин желания укрепить землю в собственность. Далее идут боязнь потери лишнего участка земли при ближайшем переделе. Лишь только 18,7% укрепляют землю в целях улучшения хозяйства.

Примерно анологичные показания мы имеем даже и для такого благоприятного для столыпинского землеустройства района, как Северо-Западный. Вот показания о причинах выхода отдельных домохозяев из общины, приводимые в земском обследовании по Псковской губ. [3].

---

[1] Чернышев „Община после указа 9 ноября", ч. I, стр. 48, 106, 128, ч. II, стр. 106.

[2] Таблица приведена у Н. П. Огановского „Революция наоборот". Петроград, 1918 год, 27 стр.

[3] Хуторские расселения на надельных землях Псковского, Островского и Холмского уезда, Псковской губ. Псков. 1909.

Причины выхода из общины.	Число показаний.	% к итогу.
1. Неудобство чересполосицы и общинных порядков и преимущество углового (участкового) землепользования	28	55,0
2. Желание продать землю	9	17,6
3. Влияние купчих земель на хозяйственную жизнь общины [1]	5	9,8
4. Прочие причины	9	17,6
Итого	51	100,0

Как видим, в Псковской губ. интересы улучшения хозяйства играют бо̀льшую роль, чем в центрально - черноземном районе. В то время как в последнем эта категория хозяйств составляет всего 18,7%, здесь она превышает половину—55,0%.

В тех же материалах по Псковской губ. мы находим интересные данные о причинах выхода из общины по годам до 1907 года, когда землеустройство проводилось без всякого воздействия властей, скорее даже при их противодействии, и после 1907 года.

Число показаний о причинах перехода целых общин на угловые владения.	До 1907 г. абс.	До 1907 г. %	В 1907 г. абс.	В 1907 г. %
1. Неудобство общинных порядков и чересполосицы и преимущество углового землепользования	7	33,3	13	31,7
2. Желание продать землю	9	42,9	6	14,6
3. Пример окрестных деревень	2	9,5	10	24,5
4. Влияние административн. властей	1	4,8	9	21,9
5. Прочие причины	2	9,5	3	7,3
Итого	21	100,0	41	100,0

Что достопримечательно в этой таблице, так это влияние административных властей. Если до 1907 года есть на этот счет одно показание, то в 1907 года имеется 9 показаний. В отношении других причин выдела в обоих случаях довольно большое место занимает стремление к продаже земли, однако этот фактор имел значительно большее влияние до 1907 г., чем после 1907 г. (42,9% против 14,6%). К сожалению, в этой таблице совершенно нет указаний на укрепление земли в целях получения

[1] „Влияние“ это заключалось в том, что крестьян, имевших купчую землю, односельчане не пропускали через свои наделы, запахивали их землю и т. п.

лучшей земли, или же сохранить за собой излишки. В Северо-западных губ., где общинные переделы уже отошли в область предания, последние мотивы конечно особой роли играть не могли. Излишки, как это мы увидим далее, имели значение главным образом в районах еще живой общины.

Более подробные данные о мотивах разверстания мы имеем в работе Мозжухина по обследованию землеустройства в 3 волостях Богородицкого уезда, Тульской губернии, которое он произвел в 1913 году.

Ответы крестьян о тех причинах, которые побуждали их к выделу из общины, сведены им в двух таблицах: Мозжухин разделяет выделы земли отдельными домохозяевами и разверстание целых обществ. И действительно, разделять эти два вида землеустройства безусловно необходимо. Выделы отдельных домохозяев, как общее правило, производились в интересах более зажиточных крестьян. По отношению к этим выделенцам правительство оказывало всяческие льготы в смысле укрепления большего количества земли, высшего качества и более удобно расположенной. Расчет в предоставлении этих льгот был простой. Как мы увидим далее, укрепление отдельных домохозяев должно было служить угрозой для общинников потерять лучшие земли. Этим об'яснялся обычный прием землеустроителей, заключавшийся в том, что льготами отдельным домохозяевам при сепаратных выделах, заставляли итти на разверстание целое общество.

Для иллюстрации этих льгот приведем следующую таблицу [1], показывающую, насколько выгодней было расположение участков земли при отдельных выделах.

$^0/_0$ дворов, получивших землю в расстоянии от усадьбы:

Виды землеустроительных работ.	Менее 1/2 в.	1/2—1 в.	1 1/2—2 в.	2 1/2—3 в.	Свыше 3-х в.
При выделах	29,4	24,5	31,4	8,2	6,5
При разверстаниях	12,5	18,7	31,3	22,5	15,0

Как видим, при выделах 53,9$^0/_0$ выделившихся домохозяев получили землю в расстоянии меньше, чем 1 верста от усадьбы, тогда как при разверстаниях 31,2$^0/_0$. Что касается более дальних участков, то при выделах свыше 2 1/2 верст расстояния от усадьбы получили 14,7$^0/_0$, тогда как при разверстании 37,5$^0/_0$, т.-е. в 2 1/2 раза более. Если мы примем во внимание, что ближняя к усадьбе земля обычно была наиболее удобной и удобренной, то будет понятно, что значат эти версты.

Эти версты выражали качество земли и ее удобства, а тем самым из верст превращались в рубли и десятки рублей большего или меньшего дохода, который получали в результате землеустройства крестьяне.

---

[1] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком у., Тульской г., стр. 168.

Как видим, премия за выдел отдельным домохозяевам была довольно-таки реальной, из-за которой можно было и пренебречь неизбежной в таких случаях враждой общинников, если последняя, конечно, не переходила пределов словесности и не влекла за собой членовредительства или уничтожения имущества. Последнее, как мы увидим далее, в деревне было не редкостью по отношению к „столыпиновцам“, как называли этих выделенцев крестьяне.

Итак, возвратимся к вопросу о тех мотивах, которые заставляли отдельных крестьян укреплять за собой землю. Возьмем сначала приведенную Мозжухиным [1] сводку ответов, опрошенных им в Богородицком уезде, Тульской губ. 79 крестьян, выделивших землю *отдельно*.

Мотивы выдела земли отдельным членам общины.	Число домохозяев, давших показания. Абсол.	Число домохозяев, давших показания. % к итогу.	Ими выделено земли. Всего наделов.	Ими выделено земли. На каждый двор десятин.
1. Выделились в целях удержания за собой возможно большего количества общинной земли:				
а) те, у которых были мертвые души	20	25,3	75	6,3
б) те, у которых предстояло уменьшение земли при переделе	11	13,9	40	6.2
в) те, с кого земля была бы совсем „снята“ при переделе	3	3,8	3	1,7
г) те, которые при выделе получили землю на новые души до передела, при чем общество согласилось дать землю при условии выселения на отведенные дальние земли	7	8,9	30	7,3
Итого	41	51,9	148	6,1
2. Выделились в виду хозяйственных преимуществ отрубного владения	18	22,8	73	6,5
3. Выделились против желания, в том числе и по приговору общества	13	16,5	55	7,2
4. Выделились, чтобы получить ближайшую удобренную землю	2	2,5	6	5,1
5. Выделились из-за неподчинения детей	2	2,5	3	2,6
6. „Пошел за людьми“	1	1,3	2	3,4
7. Мотивы не известны	2	2,5	3	2,6
Всего	79	100	290	6,4

[1] Мозжухин, цит. соч., стр. 155.

Как видим, при выделах отдельным членам общины интересы улучшения хозяйства были лишь только у 22,8% всех дававших ответы домохозяев, у подавляющего большинства цели совершенно иные. Выделялись главным образом в целях получения или большего количества земли—51,9%, или, чтобы получить ближайшую удобренную землю, 2,5%. Против желания выделилось 16,5%. Такова картина причин выдела отдельных членов общины. Несколько иная картина, хотя в общем совпадающая, при *разверстании целых обществ* [1].

Мотивы выдела при разверстании целых обществ.	Число домохозяев, давших показание. Абсол.	% к итогу.	Ими выделено земли. Всего наделов.	На каждый двор десятин.	
1. Руководились соображениями о преимуществах отрубного землевладения	20	24,7	79	6,7	
2. Желали удержать максимум общинной земли:					
а) имели „мертвые души"	5 } 7	6,2 } 8,7	20 } 27	6,8	} 6,6
б) боялись уменьшения душевого надела при переделе	2	2,5	7	6,0	
3. Хотели примежевать надельную землю к участкам банковской земли, купленной раньше	2	2,5	6	5,1	
4. Боялись, что благодаря начавшемуся захвату лучшей земли первыми, заявившими о выделе членами общины, прочим достанется только плохая земля	10	12,3	40	6,8	
5. „Как мир хочет"	5	6,2	8	2,7	
6. Против желания	32	39,5	89	4.2	
7. Неизвестные мотивы (не могли их об'яснить)	5	6,2	11	3,7	
Итого	81	100	258	5,4	

Как видим, так же как и в первом случае интересы улучшения хозяйства занимают значительно меньший %, всего 24,7.

Зато при разверстании стремление удержать землю (или ее увеличить за счет остальных домохозяев) играет значительно меньшую роль, против 51,9% при выделах, лишь 8,7% при разверстании. Здесь скорее стремятся нето что захватить чужую землю, а боятся как бы не потерять свою. Боязнь захвата лучшей земли отдельными домохозяевами при сепаратных выделах и получения худшей земли были руководящим соображением у 12,3% опрошенных домохозяев. Характерно, что при разверстании больше $^1/_3$, именно 39,5%, выделялись против же-

[1] Мозжухин, цит. соч., стр. 159.

лания. К ним еще нужно прибавить 6,2%, которые шли пассивно за миром, делали так, как „мир хочет“.

В приведенных 2 таблицах для нас чрезвычайно важно земельное обеспечение отдельных категорий выделяющихся домохозяев. Прежде всего оказывается, что при выделах отдельных домохозяев земельное обеспечение было значительно выше, чем при разверстании целых обществ. В первом случае на двор приходилось 6,4 десятины, а во втором—5,4. Одно это уже доказывает, что при выделах пионерами в разрушении общины выступали более зажиточные крестьяне.

Что касается причин укрепления отдельными отрубами, то оказывается, что в обоих случаях, как и нужно было ожидать, в целях улучшения хозяйства выделялись более сильные крестьяне. Например: при разверстании при среднем земельном обеспечении — 5,4 десятины на двор, у этой группы имелось 6,7 десятины, т.-е. на 25% выше.

Также в целях удержания или захвата большего количества общинной земли в обоих случаях за небольшим исключением выделялись более зажиточные.

Что касается выделенцев против желания, то при разверстании в эту категорию входили менее обеспеченные слои (на двор 4,2 против среднего 5,4), а они, оказывается, составляли почти 40% всех выделенцев. При разверстании насилие более зажиточной группы над менее зажиточной очевидно. Зато при выделах картина скорее обратная. Так, в число выделенцев против желания попадали более зажиточные—об‘яснялось это тем, что крестьяне вынуждали их переселяться на более худшие земли, что, несмотря на сопротивление администрации, им иногда и удавалось.

В обоих случаях, т.-е. и при выделах и при разверстаниях, пассивным элементом, который шел за миром, „за людьми“, являлись исключительно деревенские низы. В среднем на такого домохозяина приходилось: при выделах—3,4 десятины, разверстаниях — 2,7, что составляло вдвое меньше против среднего землевладения.

Так как стремление к захвату общинной земли—„излишков“—играло выдающуюся роль во всем землеустройстве—при выделах этим соображением руководилась добрая половина всех укрепленцев,—то на роли излишков мы остановимся подробнее.

Роль излишков.

Особенно обильный материал относительно излишков мы имеем по Центрально-черноземному и Средне-волжскому районам который собран в анкете Вольно-экономического общества [1]. Очень часто корреспонденты указывают на земельные излишки

[1] Чернышев. Община после указа 9 ноября, ч. I, стр. 47; ч. II стр. 61—62.

против семейного состава, как на стимул к выделу, и одновременно конечно и как на яблоко раздора между крестьянами.

„Только бы получить при переделе лишней земли, а то и я выйду из общины“—говорят крестьяне Тульской губ. [1].

Собранные анкетою данные показывают, что в 10 губ. примерно у 20% всех укрепивших, о которых имеются сведения, земельный надел не соответствовал семейному составу. Отчасти это об'яснялось, конечно, увеличением, при выделе худшей земли, случалось даже уменьшение, благодаря выделу лучшей, но в большинстве случаев здесь имело место укрепление „мертвых душ“,—излишков, которые и служили премией для выделяющихся.

„Укрепляют пашню без перемерия, на совесть укрепляющего, а также на совесть сельского старосты и уполномоченных от общества, а потому и происходит неправильное, т.-е. неравное наделение во время нового передела; были прибавки за водку, яко бы накидывалось на неудобную землю, в таком виде и осталась пока у укрепившего“—пишет корреспондент-крестьянин из Задонского уезда, Воронежской губ. [2].

Наличие излишков особенно часто имело место при обязательных выделах в центральных районах, в районах крепкой и сильной общины. В Северо-Западном районе, как пишут производившие обследование, наблюдалась картина обратная. Очень часто выделяющиеся брали землю меньшую, лишь бы только общество допустило выдел. „Охотно взял бы меньше, лишь бы выпустили—говорили желавшие укрепиться“ [3]. Но все же, как отмечают производившие обследование, более или менее поровну приходилось земли, при разверстании целых селений. При выделах отдельных домохозяев излишки были значительно чаще, даже до 1907 года, обычно выделявшиеся получали земли больше, так как им давали „на заполье“. За излишки платили деньгами, или водкой, что являлось, весьма часто практиковавшимся в русской деревне, средством, которым пользовались богачи в целях подкупа бедноты.

Но если в прежнее время выделяющиеся должны были компенсировать общество хотя бы водкой, то теперь общество фактически ничего не получало. В этом отношении интересно раз'яснение Правительственного Сената (указ 2-го департамента от 13 октября 1909 года, № 68—29). Согласно этому раз'яснению, „отказ домохозяина от оплаты стоимости излишка укрепленной уже земли дает обществу право отыскивать от такого домохозяина следуемую сумму только по суду, но не дает право на отобрание излишка“, и что, „согласно статьи 20 положения о

---

[1] Чернышев, цит. соч., ч. I, стр. 47.
[2] Там же, ч. I, стр. 19.
[3] Хуторские расселения на подворных землях Псковского, Островского и Холмского уездов, Псковской губ., стр. 29.

крестьянах, взыскания по судебным решениям не могут быть обращены на надельную землю". Понятно, что при этих условиях законодательного и административного благоволения к укрепленцам последние фактически ничего не платили. На это указывает ряд корреспондентов в анкете Вольно-экономического общества [1]. Как сообщает один корреспондент из Богородицкого уезда, Тульской губ., „режут больше того, что приходится выходящим, об этом никто не имеет права сказать. Сказавший сажается под стражу земским начальником или волостным старшиной" [2].

Чтобы покончить вопрос об излишках, остановимся на том; в чью же пользу, в конце-концов, шли эти излишки, какая группа деревни больше всего ими воспользовалась. В этом отношении чрезвычайно показательно распределение домохозяев, имеющих излишки, по группам общин различных по размерам землевладения.

Процент показаний о несоответствии укрепляемого надела составу семьи [3]:

ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩИН.	Центрально-Земледельч.		Средне-Волжские.	
	% к общему числу всех обществ.	% показаний о несоответствии укрепленного надела составу семьи.	% к общему числу всех общин.	% показаний о несоответствии укрепленного надела составу семьи.
до 5 дес.	14,7	10,3	19,6	20,5
» 5—7½ дес.	42,1	25,8	30,8	25,6
» 7½—10 »	20,8	24,3	24,8	29,4
» 10–15 »	18,6	55,1	18,2	38,4
» 15—20 »	1,6	16,3	4,3	45,2
свыше 20 »	2,2	—	2,3	32,3
Всего	100	34,4	100	31,3

Таблица более чем выразительна. Только в самых многоземельных общинах процент несоответствия падает, но и то достаточно велик. А в общем, чем более обеспечено общество землею, тем больше процент несоответствия, а из земских материалов мы знаем, что как раз в этих обществах имеется более всего зажиточных крестьян, и эти зажиточные более всего и пользовались излишками.

[1] Чернышев. Община после указа 9 ноября, ч. I, стр. 50, 78; часть II, стр. 29.

[2] Там же, часть I, стр. 107.

[3] Таблица составлена нами на основании материалов, приведенных в работе Чернышева „Община после указа 9 ноября 1906 года", ч. I, стр. 145, 158; ч. II, стр. 130.

Итак, подведем итоги причинам выхода крестьян из общины. Мы видим, что менее всего играло роль укрепление в целях улучшения своего хозяйства. Главное значение имело стремление к сохранению или захвату общинных земель и прежде всего укрепление излишков, которые, как правило, попадали в руки сельской буржуазии. Из этого факта некоторые исследователи народнического толка делали вывод о нежизненности столыпинской реформы. По их схеме полагалось бы, очевидно, чтобы все 100% укрепляли в целях улучшения хозяйства. На самом деле это растаскивание общинной земли как раз и было характерно для капиталистического развития деревни. Не только в России, но и в других странах землеустройство являлось средством экспроприации земель у беднейшего крестьянства. В этом отношении чрезвычайно показателен пример Англии, где землеустройство выявилось в „знаменитом" огораживании, и во Франции, где сеньоры в момент землеустройства захватывали крестьянские общинные земли. В России процесс захвата крестьянских земель помещиками в сущности вполне завершился к 1861 г., когда в момент, так называемого, „освобождения крестьян" помещики одновременно освободили их от значительной доли земли. Теперь при землеустройстве общинные земли расхватывает сельская буржуазия. И, разумеется, возможность увеличения своего землевладения и должно было быть для нее основным мотивом к укреплению земли. Это было в порядке вещей „нормального" капиталистического развития, связанного, как всегда, с голым насилием и массовой экспроприацией беднейшего населения.

Кто выделяется.

Теперь нам необходимо перейти к вопросу о том, какие социальные слои в деревне больше всего прибегали к землеустройству. Отчасти ответ на этот вопрос дало нам предшествовавшее рассмотрение вопроса о причинах выдела из общины.

Укрепление в сущности шло по двум основным четким классовым линиям. В целях улучшения хозяйства и отчасти захвата общинной земли укрепляли буржуазизующиеся слои деревни, хотя и не всегда. Часто и средняк в укреплении и выделе на участки искал спасения от грозящей ему пролетаризации, неизбежной при нерациональном мелком производстве.

В целях продажи укрепляло преимущественно пролетаризующуюся часть крестьянства. „За выход на укрепление стоят более всего богатые и не порядочные (беднота с точки зрения зажиточных была „непорядочной"). Первые купить, вторые продать", так пишет корреспондент крестьянин из Мокшанского уезда Пензенской губ.[1].

[1] Чернышев. Община после указа 9 ноября, ч. I, стр. 38.

Однако, эти четкие классовые линии в значительной мере перепутывались укреплениями по мотивам, которые в зависимости от местных условий были свойственны различным слоям деревни. Мы имеем в виду, например, укрепление в целях сохранения излишков—„мертвых душ“, в целях получения лучшей земли, обещанием которой пользовались правительственные чиновники в целях приманки первых выделенцев. Хотя выше мы и указывали, что излишки и получение лучшей земли было более всего использовано сельской буржуазией, но несомненно, это все же смазывало чисто классовые тенденции в укреплении, придавало ему характер, если и не обще-крестьянского явления, то, во всяком случае, давало основание говорить о значительнейшем участии в нем всех слоев деревни.

Однако, несомненно, крайние группы перевешивали. Вот, например, данные по Самарской губ., Самарскому уезду, за 1911 год [1].

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	% укреплен. земли к общей площади.
Без посева	53,2
До 3-х десятин	30,7
» 3,1— 9,0 десятин	31,3
» 9,1—15,0 »	29,5
» 15,1—21,0 »	54,4
» 21,1—30,0 »	39,4
от 30,1 и более	42,1

Таблица показывает больший процент укрепления крайними группами—беспосевными и многопосевными. При выделе в средних группах в 30%, в крайних группах мы имеем 40—50%.

Чтобы дать картину, кто выделялся из общины, возьмем приведенные в работе Чернышева данные о том, какие именно слои более всего выделялись из деревни.

По 10 губ. Центрально-черноземного района и Средне-Волжского мы имеем следующую таблицу распределения выделенцев по их зажиточности.

РАЙОНЫ.	Богатые.		Бедные.		Средние.		Всякие.		Неизвестно какие.		Всего ответов.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Центрально-черноземный 5 губерний [2]	3	2,6	28	23,4	21	17,7	56	47,0	11	9,3	119	100
Средне-Волжский 5 губерний [3]	8	6,0	26	19,5	30	22,6	69	51,9	—	—	133	100
Всего	11	4,4	54	21,4	51	20,2	125	49,6	11	4,4	252	100

[1] Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губ., Самарский уезд, 1911 год. Самара. 1913 год.

[2] Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская.

[3] Казанская, Пензенская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская.

Таблица, конечно, не полна. На 10 губ. мы имеем всего 252 ответа. Так что эти показания не могут считаться абсолютно достоверными. Но все же и они дают кое-какое представление. Прежде всего характерно, что ответы о выделе из общины „всяких“ по Центрально-черноземному составляют 47,0%, по Средне-Волжскому—51,9% всех ответов, т.-е. около половины опрошенных корреспондентов затруднились дать точный ответ о классовом характере выделявшихся из общины. Если же перейти к более определенным показаниям, то здесь обращает на себя внимание значительный % указаний на выдел богатых и бедных. В обоих районах эти 2 группы или близки или превосходят % показаний о выделе средняков. Например в Центрально-Черноземном районе на 17,7% показаний о выделе средняков имеется 23,4% показаний о выделе бедноты и 2,6% о выделе богачей, т.-е. на две крайних группы падает 26% общего числа показаний против 17,7 показаний относительно средняков. Как видим, и эти данные показывают, что значительно преобладают в Центрально-Черноземном районе крайние группы крестьянства, так как известно, что в большинстве районов все-таки средняки занимают больший %, чем беднота и богачи, вместе взятые.

В Средне-Волжском районе соотношение в выделе между средними и крайними группами крестьянства, оказывается опять-таки в пользу крайних, однако здесь обращает на себя внимание больший % показаний о большем участии в выделах сельской буржуазии. Против 2,6% в Центрально-Черноземном районе имеется 6,0%, т.-е. вдвое больше. Чтобы покончить с этой таблицей, заметим, что, если в Средне-Волжском районе действительно была сильна буржуазия, и потому преобладал выдел богатых, то в Центрально-Черноземном районе преобладал выдел бедных, что было понятно в виду большего малоземелья данного района и большего потому выхода пролетаризующегося крестьянства в города.

Еще более капиталистический характер выдела из общины показывают данные о распределении выделяющихся по размерам землевладения.

РАЙОНЫ.	Многоземельные.		Малоземельные.		Всякие.		Неизвестно какие.		Всего ответов.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Центрально-Черноземный 5 губерний	31	28	37	32	27	24	19	16	114	100
Средне-Волжский 5 губерний	33	21	42	27	52	33	29	19	156	100
Всего	64	24	79	29	79	29	48	18	270	100

Последняя таблица более показательна, чем первая. Если крестьянину не всегда удавалось точно определить выделяющихся по их общему положению на „богатых“ и „бедных“, то в отношении земли и земельного обеспечения это ему было сделать значительно легче. Во второй таблице на показания о выделе „всяких“ падает 29%, именно—в Центрально-Черноземном районе 24% общего числа ответов, в Средне-Волжском 33%. Зато значительнее процент указаний на выдел многоземельных и малоземельных. На первых по Центрально-Черноземному району указывают 28% всех ответов, по Средне-Волжскому 21%. Еще больше процент показаний на выдел малоземельных — 32% в первом районе и 27% во втором. Так же как и в предыдущем случае, процент показаний на выдел малоземельных выше в Центрально-Черноземном районе, что об'ясняется, очевидно, более сильной пролетаризацией крестьянства и более сильным отходом в города. Последняя таблица не оставляет никаких сомнений относительно преобладания в выделах 2 крайних групп деревни, именно многоземельных и малоземельных.

Чтобы покончить с вопросом о выделяющихся, дадим еще таблицу с показаниями корреспондентов на характер выделяющихся домохозяев, в отношении ведущих хозяйство и бесхозяйственных:

Районы:	Ведущие хозяйство.		Бесхозяйственные.		Всякие.		Неизвестно какие.		Всего ответов.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Центр.-Черноземный (5 губ.)	34	29,3	14	12,0	53	45,7	15	13,0	116	100
Средне-Волжский (5 губ.)	67	42,6	10	6,3	56	35,8	24	15,3	157	100
Всего	101	37,0	24	8,8	109	39,9	39	14,3	273	100

Эта таблица дает почти ту же закономерность, что и предыдущие. Процент ответов о том, что выделяются „всякие“, в Центрально-Черноземном районе достигает 45,7% в Средне-Волжском 35,8%. В отношении ведущих хозяйство и в отношении бесхозяйственных между этими районами отношение обратно пропорциональное: в Центрально-Черноземном районе меньший % ответов указывает на выдел ведущих хозяйство — 29,3% против 2,6%. Зато больший % падает на выделение бесхозяйственных—12% против 6,3% в Средне-Волжском.

На вопрос о том, что из себя представляют эти бесхозяйственные, дает ответ следующая таблица об их составе:

Районы:	Ушедшие из общины.		Старики.		Вдовы.		Всего ответов.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Центр.-Черноземный (5 губ.)	45	39,4	36	31	33	29,6	114	100
Средне-Волжский (5 губ.)	28	21	58	45	43	34	129	100
Всего	73	30,0	94	38,7	76	31,3	243	100

Таблица устанавливает связь между выходом из общины и пролетаризацией населения—отходом в города. Как видим, громадный %—почти 40 в Центрально-Черноземном районе и 21% в Средне-Волжском—составлялись из тех, которые уже ранее ушли из общины. Остальные рекрутировались из разоряющихся хозяйств, или вымирающих, как хозяйства стариков и вдов.

Итак, рассмотрение приведенных в материалах Вольно-экономического общества данных о распределении выходцев из общины убеждает нас в том, что выделение шло по линии капиталистического развития деревни. Выделялась сельская буржуазия, или кандидаты в нее, и выделялись одновременно деревенские низы, которые пролетаризовались и уходили в города. При этом нужно заметить, что если среди только укреплявших землю в собственность, но не выходивших на хутора и отруба значительную часть составляли деревенские низы, то, несомненно, среди выходивших на хутора и отруба, как в этом мы убедимся далее, главную роль играла сельская буржуазия. Это подтверждают почти все имевшие место обследования вновь устроенных хозяйств. Крестьяне, желавшие только удержать у себя землю, не могли явиться пионерами землеустройства — для этого им было бы достаточно только укрепить за собой землю. „Пионеры землеустройства — в большинстве случаев наиболее интеллигентные и энергичные представители крестьянства“ — „лучшие (с буржуазной точки зрения. *С. Д.*) люди“ [1], т.-е. сельская буржуазия.

На это же указывают, между прочим, и ответы корреспондентов Вольно-экономического общества. Как пишут рязанские зажиточные крестьяне—„для порядочного трудолюбивого хозяина, любителя потрудиться на своей полосе, жить в общине тяжело“. Приходится работать на „дармоедов“, которые могли воспользоваться его трудом при новом переделе [2]. Или, как пишут из Тамбовской губ., „за выход вместе с „бездомниками“ и бобылями стоят богатые многосемейные, мечтающие на отдельной вечной земле жить маленькими помещиками“ [3]. „Выселяются более плутоватые“, говорит один корреспондент. Для крестьян в отношении героев первоначального накопления предприимчивость и плутоватость едино суть.

Однако далеко не всегда зажиточность является обязательным условием стремления выйти из общины. Ряд крестьян утверждал, что богатым крестьянам выгодно жить именно в общине. „Чья ватага скота ходит по зеленям—многосемейного, имеющего много скота, мужика более богатого“, пишут из Воро-

---

[1] Мозжухин. Цит. соч., стр. 156, 157.
[2] Чернышев. Цит. соч., ч. I, стр. 82.
[3] Там же, ч. I, стр. 48.

нежской губ. На тот же факт преимущественного выпаса скота богачами на общинной земле указывают и пишущие из Пензенской губ. [1].

Даже у самой буржуазии наблюдается двойственное отношение к общине и к хуторам: „общинное владение полезно для скота, а подворное для порядка“, говорят зажиточные крестьяне [2].

Или, как пишут из Воронежской губ.: „мироеду незачем было спешить уходить из общины, ибо разрушение общины и значило для него разрушение условий его благосостояния. Стоят за выход те, которые не мироедничают—богатые и бедные крестьяне, мироедам укрепление не нравится“ [3].

Однако возможность скупить наделы у укрепленцев заставляет мироедов иногда быть горячими сторонниками укрепления. Как пишет один крестьянин из Ливенского уезда Орловской губ., „за укрепление никто не стоит, еще богатые поощряют к этому в надежде поживиться“, т.-е. купить укрепленную землю.

Тот же факт не особо сочувственного отношения к выходу из общины со стороны кулаков отмечают и официальные правительственные обзоры. Так, говоря об условиях деятельности уездных землеустроительных комиссий в 1907—1908 годах, отчет [4] указывает, что „серьезными противниками расселения на хутора и разверстания на отруба являются обычно, с одной стороны, малоземельные крестьяне, а с другой—богатые. Противодействие малоземельных вызывается тем, что они, имея меньше земли, из выгонов извлекают не менее выгод, чем их многоземельные однообщественники“. „Богатые домохозяева,—продолжает отчет,—не сочувствуют расселению потому, что у многих из них имеются в селениях ценные, иногда каменные, хозяйственные постройки, перенос которых на новые места обошелся бы слишком дорого“. Заметим однако, что ссылка на трудность и дороговизну переноски для сельской буржуазии ее построек не вполне удовлетворительна. Как показывают бюджетные обследования, хотя у сельской буржуазии действительно постройки значительно лучше, чем у остального крестьянства, зато, в расчете на единицу имеющейся в распоряжении хозяйства земельной площади, сельской буржуазии постройки обходятся в несколько раз дешевле, чем деревенским низам. Так что зажиточному крестьянину было даже легче перенести свои капитальные постройки, чем бедному крестьянину свою хату.

Дело было не в одних постройках. Как раз‘ясняет далее официальный отчет, „многие из зажиточных крестьян имеют свои лавки и арендуют наделы менее обеспеченных крестьян

[1] Чернышев, там же, ч. II, стр. 38.
[2] Там же, ч. II, стр. 38.
[3] Там же, ч. I, стр. 167.
[4] „Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий“ 1907—1908 г. СПБ. 1909, стр. 17.

односельцев, преимущественно безлошадных и не имеющих достаточного числа взрослых работников. С точки зрения таких лиц, конечно, расселение отрицательно отразится как на размере оборота их торговли, так и на возможности продолжать аренду, так как на вновь образуемых хуторских участках все земли обрабатываются самими владельцами".

Противником расселения является не только местная буржуазия, но и пришлая. „Кроме того, противниками расселения,—продолжает отчет,—по отзывам некоторых губернских комиссий, являются проживающие в деревнях лица не-крестьянского сословия, которые, прочно устроившись во многих селениях западного края, обзавелись недвижимостью в роде домов, а иногда и участками усадебной земли. Расселение крестьян грозит им убытком, и они употребляют все свое влияние, чтобы воспрепятствовать изменению существующего выгодного для них порядка" [1].

Итак, мы видим, что у зажиточных крестьян к выделению побуждало прежде всего стремление из‘ять землю из-под угрозы передела и свести ее к одному месту в целях улучшения хозяйства и „для большего порядка"; кроме того, за выделы говорило также и стремление скупить наделы у бедноты и округлить свои владения за ее счет. Против же укрепления—угроза лишиться, в случае расселения, возможности эксплоатировать своих односельчан и кроме того лишиться выпаса своего более обильного скота по общинным выгонам.

Вот это-то разнообразие мотивов, говорящих у сельской буржуазии за выдел и против выдела, и дает весьма противоречивые сведения об участии сельской буржуазии в разрушении общины.

Если значительную роль в укреплении играло буржуазизующееся крестьянство, то не меньшую, если не большую—его пролетаризующаяся часть.

Прежде всего поспешили порвать с общиной те крестьяне, которые еще ранее ушли в города на заработки и поддерживали с деревней лишь номинальную связь. „С какою целью укрепляли,—ясно: трудящийся народ укрепляет, продает и себя преображает: уходят на переселение, а другие, лодыри, продают и пропивают, а дети остаются безземельными навсегда", как пишет крестьянин корреспондент из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии [2].

Вот этому-то „преображению" крестьян в безземельный пролетариат и весьма помогало укрепление. „За выход из общины стоят большей частью бобыли и бездомники, не пользующиеся землей, как средством жизни", к ним же присоединяются „вдовы

---

1 „Обзор деят. уездн. земл. ком.", 18 стр.
2 Чернышев. Цит. соч., ч. I, 48 стр.

и сироты женского пола“, от которых неминуемо при переделах отобрали бы землю [1]. Но встречались и такие, которые уже несколько лет как ушли из деревни, и за ними после последних переделов земля и не числилась. Однако, несмотря на это, они приезжали и требовали выделения причитающейся им земли [2]. Как пишут из одного уезда Тульской губ. [3], „ушедшие стараются из всех сил вернуть ее (землю) с тем, чтобы продать, затрачивают на эти бесполезные попытки время и последние средства, давая доход бессовестным „аблакатам“, как известно, не отказывающимся от какого бы то ни было дела“. „Конечно, общество отказывает давать землю „таким аферистам“, которые не отбывали мирские повинности, а приехали за землей“. Но через это самое в обществе происходит несогласие. Дело доходит до суда. Но суд им помочь не может. Как отмечает один корреспондент из Воронежской губ., „а кто не взял в этот (т.-е. последний передел), тому нет и по суду“ [4]. Впрочем, где суд бессилен, иногда помогает водка. „За водку охотно дают“, сообщает корреспондент из Тамбовской губ. [5].

Если мы примем во внимание установленную выше роль излишков для укрепления земли, то для нас будет понятно, что *три основных деревенских элемента растаскивали общину: 1) прежде всего зажиточные крестьяне, стремившиеся к развитию своего хозяйства, 2) пролетаризующееся крестьянство, вынужденное землю укреплять, чтобы ее продать, и, наконец, 3) владельцы излишков земли, независимо от их классового происхождения, хотя, как мы отмечали выше, в большинстве своем излишки все же шли в пользу сельской буржуазии, а не деревенской бедноты. И вот достаточно было кому-либо из этих трех элементов, в подавляющем большинстве случаев зажиточному крестьянину, вырвать из общины свой надел, как сразу приходили в движение все остальные ее элементы, и она быстро рассыпалась. Даже те крестьяне, которые предпочли бы по причине или обилия скота, или по каким-нибудь иным причинам остаться в общине, должны были из нее скорее бежать, чтобы не лишиться лучших общинных земель, которые обычно захватывались первыми выделенцами. Вот секрет необычайно быстрого разложения общины.*

---

[1] Чернышев. Цит. соч, ч. I, стр. 48.
[2] Там же, ч. I, стр. 107 и ч. II, стр. 36, 106
[3] Там же, ч. I, 49 стр.
[4] Там же, ч. I, 22 стр.
[5] Там же, ч. I, 49 стр.

Итак в разрушении общины было две основные, чётко выявленные классовые силы — это сельская буржуазия, стремящаяся к развитию и улучшению своего хозяйства, и деревенская беднота, которая пользовалась указом для того, чтобы ликвидировать свое хозяйство и уйти в города.

Этим-то и об'яснялось, что в первую голову разлагаются общины в тех районах, где с большей силой идет дифференциация крестьян, и наибольший процент выделяющихся падает на районы наиболее обостренного капиталистического развития.

ГЛАВА VI.

Землеустройство и участковое землепользование.

В предыдущей главе мы рассмотрели разрушение общины и укрепление земли в личную собственность.

Однако, для капитализации сельского хозяйства имело значение не только вовлечение земли в товарный оборот путем укрепления ее в частную собственность, но и устранение тех недостатков землепользования, которые были связаны с общиной. Поэтому обратной стороной процесса разрушения общины, хотя и не всегда и не везде, было насаждение участкового землепользования.

Как мы указывали в начале нашей работы, с уничтожением общины правительство связывало насаждение хуторов и отрубов.

Известно, какие громадные неудобства для земледелия создались при общинном землепользовании (впрочем эти неудобства большей частью свойственны и подворному землевладению). Эти неудобства создались в результате стихийного процесса землеустройства, когда крестьяне, при помощи столь несложного инструмента, как простая сажень, а то и „лапоть", производили обмер участков и их распределение по мельчайшим полоскам в целях достижения наибольшей равномерности в качестве распределяемой земли.

В результате создались такие громадные неудобства, как чересполосица, мелкополосица, дальноземелье и т. п. недостатки землеустройства. Наконец, пастьба скота по пару и выгонам требовала сохранения трехполья с принудительным севооборотом, а также общности пользования землей.

Пока хозяйство было экстенсивным, т.-е. пока не приходилось вывозить на поля много удобрений и не было в севообороте трудно транспортируемых пропашных культур, как картофель, свекловица и т. п., пока весь урожай из дальнего поля умещался на паре-другой возов, недостатки сложившегося землеустройства не давали себя так остро чувствовать, наоборот, возможность пастьбы скота по пару и выгонам компенсировала эти недостатки. Они не так остро чувствовались еще и потому, что крестьянское хозяйство еще долго сохраняло полунатуральный характер и ремесленную организацию, основанную преимущественно на рабочих силах крестьянской семьи.

В условиях слабо развитого наемного труда крестьянство в своей массе работало силами своей семьи, „собственными мускулами“, которые, если и не считались „божьими“, то во всяком случае не включались в калькуляцию так, как включается расход на наем рабочей силы в хозяйстве с батрацким трудом.

Между тем с развитием денежных отношений, с образованием хозяйств сельской буржуазии, которая начала пользоваться наемным трудом, несомненно в свои права вступили законы прибыли и капиталистического накопления. Прежде всего улучшение хозяйства было для буржуазии невозможно без гарантии устойчивости землепользования, невозможно при наличии переделов. Так же необходимость повысить производительность труда и одновременно понизить издержки производства заставляет сельскую буржуазию требовать прежде всего правильной организации земельной площади.

Не может быть и речи о рентабельности хозяйства, когда земля разбита на десятки мелких полос, отстоящих от усадьбы на расстоянии, измеряющемся верстами. Только при хищническом расхищении своего труда и труда своей семьи мог крестьянин преодолевать эти неудобства землеустройства. Капиталистическое же хозяйство стремится свести полосы в возможно более широкие полосы, вплоть до одного участка, и приблизить землю к усадьбе или усадьбу к земле, смотря по обстоятельствам.

Последнее значительно сокращает издержки производства и повышает рентабельность хозяйства. „В наших русских условиях,—пишет один из русских экономистов [1],—трата времени на переход от усадьбы до места работы при вспашке, бороньбе и посеве в процентах к полезной работе в поле выражается следующей таблицей:

Расстояние от усадьбы в саженях.	Затрата в % к полезной работе.
100	1,8
200	3,4
300	5,3
400	7,2
500	9,0
600	11,1
700	13,1
800	15,3
900	17,6
1.000	20,0
2.000	50,0
3.000	100,0“

[1] А. А. Мануйлов, Конспект курса организации сельско-хозяйственного предприятия, стр. 8.

Соотвественно с излишней тратой рабочей силы, конечно, уменьшается и рента. Например. Тюнен дает таблицу падения ренты по мере удаления поля от усадьбы: когда расстояние между полем и усадьбой ничтожное, то рента достигает 1.180 талеров; при увеличении же расстояния примерно до 2 верст, рента равняется нулю. Несомненно, еще больше уменьшает ренту и чересполосица, которая вызывает значительную потерю в земле на межняках и т. п.

Именно с этой стороны и оценивались удобства сверстания земли в хутора и отруба. Эту мысль прекрасно отображает один из отзывов о вновь устроенных *хуторянах* в Карачевском уезде, Орловской губ. [1]. „Хуторяне—пишет корреспондент Вольно-экономического общества,—уже живут хорошими богатыми хозяевами, так как работа у них под руками, и, можно сказать, один раз мажет колеса дегтем в лето, и урожай свозится в скирды почти за один день погоды“.

Если приблизить усадьбу к земле или землю к усадьбе заставляет необходимость экономить на издержках транспорта и рабочей силы, то сверстывать землю в возможно меньшее количество участков заставляет прежде всего применение машин. Нам неоднократно встречались указания, что стремиться к уничтожению мелкополосицы заставляло применение плуга.

Известно, что на узкой полосе с ним „негде поворачиваться“. Мы уже оставляем в стороне необходимость сократить потери на межняках.

Итак, капитализация сельского хозяйства, стремление к наибольшей рентабельности заставляет сельскую буржуазию переходить на участки, создавать возможно лучшую конфигурацию своей земли, что и достигалось землеустройством.

Однако было бы неправильно полагать, что только сельская буржуазия должна была переходить на участки. И среднее крестьянство должно было стремиться также к повышению производительности своей земли землеустройством, так как это несомненно отдаляло его пролетаризацию. Как раз эту экономическую необходимость в землеустройстве и учитывало правительство, когда оно, на-ряду с уничтожением общины, придавало важнейшее значение сверстанию полос в одно место, устранению чересполосицы, дальноземелья и т. п.

Поэтому-то укрепление земли в личную собственность было тесно связано с землеустройством, в частности с насаждением хуторов и отрубов.

Несомненно, с хозяйственной стороны хутора представляют собою большое преимущество, именно, сверстанием земли в одно

---

[1] Чернышев. „Община после указа 9 ноября“. Часть I, стр. 132.

место они открывают перед домохозяином наибольшую возможность в отношении улучшения своего хозяйства. Однако, далеко не всюду хутора оказываются возможными. Развитие их зависело прежде всего от условий водоснабжения, удобной дорожной сети и т. п. Кроме того, важнейшее значение для перехода на участки имеет, как мы отмечали выше, переход крестьянства от трехпольного хозяйства к плодосмену. Последний же имеет место лишь тогда, когда рынок пред‘являет требование на продукты интенсивных культур. Если же не было отмеченных нами условий для образования хуторов, то, несомненно, все попытки правительства вне-экономическим путем заставить крестьян перейти на участки обычно кончались неудачей. Помимо этого, задерживающую роль в развитии участкового землепользования играли крестьянское малоземелье и безденежность. Последняя не только затрудняла переход на участки, но и вообще ограничивала возможность перехода к интенсивному хозяйству.

Ход столыпинского землеустройства.

Этим об‘ясняется, что далеко не всюду и везде правительству удавалось создавать хутора и отруба. Оно должно было произвести довольно большие работы и по групповому землеустройству.

Виды землеустроительных действий.	Число дворов.	% к итогу.	Площадь в десятинах.	% к итогу.	За 1907—14 г. % единолич. устроенных дворов.	За 1907—14 г. % отведен. им площади.	За 1915 г. % единолич. устроенных дворов.	За 1915 г. % отведен. им площади.
Разверстание на хутора и отруба целых селений	723.286	31,7	7.080.451	36,4	99,6	99,6	99,1	99,1
Выделы отдельных домохозяев	359.512	15,7	3.710.145	19,1	3,7	3,2	100,0	99,8
Выдел селений	722.808	31,7	6.144.775	31,6	3,7	3,2	3,1	2,7
» выселков и отд. селений	74.588	3,3	708.328	3,6	15,7	12,5	5,5	4,2
Разверстан. общих дач.	27.537	1,2	294.680	1,5	46,7	27,0	26,2	22,7
Уничтожение чересполосицы	177.839	7,8	339.904	1,7	4,7	6,8	2,0	2,2
Раздел общих угодий	17.712	0,8	52.008	0,3	16,3	14,7	13,3	9,3
Отграничение земель	177.086	7,8	1.132.561	5,8	4,5	6,6	17,9	4,8
Всего	2.280.368	100	19.462.852	100	51,7	59,5	44,0	47,8

Итоги землеустроительных работ к 1915 году выражаются следующими цифрами: общее количество „ходатайств“ об укреплении земли в личную собственность и землеустройстве равнялось—5.793.000 дворов, закончено было подготовкою из них лишь 3.509.000 дворов, или 60,6% общего числа домохозяев, заявивших требование о землеустройстве. Площадь же землеустроенной земли равнялась 31.626.000 десят. надельной земли, или одной четверти всей надельной земли в 47 губерниях, где проводилось землеустройство [1].

Распределение же землеустройства по видам произведенных работ на 1 января 1916 года, в отношении уже юридически законченных землеустроительных дел, можно видеть из таблицы, приведенной на предыдущей (138) стр.

Таблица показывает, что выдел отдельных домохозяев охватил всего 15,7% землеустроенных дворов и 19,1% устроенной земли. Наибольший процент составляло разверстание на хутора и отруба целых селений. По числу устроенных дворов этот вид землеустройства составлял 31,7%, а по числу устроенной земли 36,4%, остальное землеустройство больше, чем на 50%, падает на прочие виды землеустройства, не связанного непосредственно с насаждением единоличных хозяйств. Процент единолично устроенных дворов только по 2 первым рубрикам, именно разверстанию на хутора и отруба целых селений и выделу отдельных домохозяев, достигал 99, а то и целых 100%. При прочих видах землеустройства процент единолично устроенных хозяйств не велик. Если при отдельных видах землеустройства, например при разверстании общих дач, процент единоличных хозяйств достигал внушительной цифры 46,7%, то этот вид землеустройства сам занимал ничтожное место. Он составлял 1,2% числа всех землеустроенных дворов и 1,5% количества устроенной земли. Характерно, что при разверстании на отруба и хутора целых селений и при выделе отдельных домохозяев % захваченной этим видом землеустройства площади земли был больше, чем % захваченных им дворов. Это показывает, что как раз в сферу действия этого вида землеустройства были вовлечены более многоземельные, т.-е. более зажиточные крестьяне, чем при прочих видах землеустройства. Таковы итоги распределения землеустройства по его видам. Что касается движения землеустройства по годам, то в его развитии мы наблюдаем существенно иную тенденцию развития по годам, по сравнению с выделами из общины, что можно видеть из следующей таблицы:

---

[1] Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк деятельности за десятилетие за 1906 4/III 1916 г.г.

Площадь размежеванной земли в тысячах десятин [1].

ГОДЫ.	Единоличное землеустройство.	Групповое землеустройство.	ВСЕГО.
1907	142	121	263
1908	525	265	790
1909	1.373	984	2.357
1910	1.899	1.252	3.151
1911	2.102	1.169	3.271
1912	2.062	1.644	3.706
1913	2.366	2.042	4.408
1914	2.083	1.862	3.945
1915	1.403	1.922	3.325

Если при выделе из общины падение начинается с 1910 года, то при землеустройстве количество землеустроенных дворов нарастает и падает лишь с 1914 года. Большая устойчивость в движении землеустройства по сравнению с движением выделов очевидна. Выделы из общины в первые годы в сильнейшей степени стимулировались, с одной стороны, правительственными мероприятиями, а, с другой стороны, тем, что в первые годы столыпиновщины должны были стремиться к выходу из общины все те, которые были заинтересованы в срочной продаже своих надельных участков или в обратном приобретении чужих.

Между тем, землеустройство было настолько необходимо в русской деревне, что оно не только не падало, но продолжало развиваться.

В отношении исполнения землеустроительных работ они не всегда поспевали за ходатайствами; так в 1912—1916 г. г. процентное отношение числа землеустроенных хозяев к общему числу поступивших ходатайств составляло 39—47% [2]. Возможно, сложность землеустроительных работ и об‘ясняла этот факт отставания землеустройства от заявленных ходатайств. Возможно, именно этим отставанием и об‘ясняется, что землеустройство продолжало увеличиваться и после 1910 года, когда укрепление фактически пало.

Что касается распределения землеустроительных работ по районам, то оно выражается следующей таблицей:

---

[1] Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк деятельности за десятилетие 1906 4/III 1916 г.

[2] Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 года.

Общее количество землеустроительных работ на 1-ое января 1916 года[1].

РАЙОНЫ.	Утверждено землеустроит. проектов на 1 января 1916 г.		Число крестьянских дворов по переписи 1916 г.	% % землеустр. дворов к общ. числу в 1916 г.	Отведено в единоличное владение на 1/I 1915 г.		
	Число домохозяев.	Площадь у них десятин.			Число домохозяев.	Площадь в десятинах.	% единолично устр. хоз.
Белорусский . .	148.515	1.474.892	1.075.868	13,7	130.998	1.335.864	87,4
Приозерный . .	121.835	1.683.728	665.645	18,2	79.712	856.288	61,5
Центрально-Промышленн. . .	363.178	2.694.788	1.602.790	22,6	84.628	807.011	23,6
Северный . . .	45.254	400.122	356.558	12,7	7.989	99.392	15,9
Приуральский .	59.600	573.510	1.265.867	4,7	16.261	244.344	28,9
Юго-Западн. . .	112.620	554.617	1.516.529	7,4	88.710	497.933	70,2
Малороссийский.	219.521	1.087.243	1.291.935	17,0	139.325	817.640	57,8
Центрально-Черноземный . .	371.589	2.331.124	2.252.349	16,5	137.929	868.911	33,3
Средне-Волжск.	462.102	3.284.620	2.273.180	20,3	156.431	1.521.293	33,7
Нижне-Волжск.	104.272	2.330.908	715.248	14,2	86.789	1.973.796	75,9
Новороссийский.	277.074	2.459.492	2.015.893	13,2	227.371	2.016.699	80,5
Итого[2] по всем районам Европ. России	2.285.560	18.875.044	14.631.862	15,6	1.156.143	11.039.201	54,7

Как видим, распределение по районам землеустроительных работ несколько иное, чем рассмотренное нами выше распределение выделов и укрепления земли в личную собственность. Землеустройство захватило районы с наибольшим развитием чересполосицы и мелкополосицы—недаром по проценту устроенных дворов первое место занимал наиболее страдавший недостат-

---

[1] Таблица составлена на основании отчетов М. в. д., Г. у. з. и з. и переписи 1916 г.

[2] Итог. преуменьшен, так как нами не включены данные по Ковенской и Гродненской губерниям, где в 1916 году перепись не производилась.

ками землеустройства Центрально-Промышленный район (22,6%), и за ним следовали Средне-Волжский (20,3%), Приозерный (18,2%), Малороссийский (17,0%) и Центрально-Черноземный (16,5%)—районы с средним или ниже среднего процентом единолично устроенных хозяйств. Значительно отстали от них по землеустройству районы, шедшие первыми по выделам и первыми по % единолично устроенных хозяйств—Юго-Западный (всего 7,4% землеустроенных дворов), Новороссийский (13,2%), Белорусский (13,7%). Это показывает, что укрепление земли в собственность и землеустройство далеко не всегда совпадали между собою. В районах еще крепкой общины было большое требование крестьян на групповое землеустройство и весьма малое на укрепление земли в собственность. Только такие районы—как Северный и Приуральский — дают малый процент и устроенных хозяйств вообще и единолично устроенных.

Таковы общие итоги по всем видам землеустроительных работ. Теперь перейдем к рассмотрению устройства хуторов и отрубов во время этих землеустоительных работ.

Участковое землепользование.

Мы рассмотрели землеустройство и условия развития участкового землепользования; теперь посмотрим, каковы были результаты столыпинского насаждения хуторов. Мы помним, что для насаждения участкового землепользования правительством были сосредоточены большие усилия. Хутора и отруба прежде всего насаждались на банковских землях, продаваемых крестьянам из того фонда, который был сосредоточен путем передачи банку казенных и удельных земель и путем скупки у помещиков. Вторым способом создания хуторов и отрубов было создание их на надельных землях.

Общая картина хуторизации России выражается приведенной на следующей (143) странице таблицей [1].

Землеустройство и развитие участкового землепользования шло по двум основным линиям—землеустройство на надельной земле и землеустройство на банковских и казенных землях. Как видим, подавляющая часть хуторов и отрубов была создана на землях сельских обществ. По отношению к общей площади участкового землепользования хутора и отруба на надельной земле составляют 80,2% по всем районам.

На землях крестьянского банка устроено до 2.942.313 десятин или 19,3% всей площади под участковым землепользованием. Здесь зависимость, понятно, обратная: чем больший в районе процент участковых хозяйств создан на надельных

[1] Таблица составлена на основании материалов, приведенных в работе П. Н. Першина—„Участковое землепользование в России“.

Участковое землепользование.

РАЙОНЫ.	На землях сельских обществ. Число владельцев.	Площадь десятин.	% к общ. пл. участков. землепользов.	На землях крестьянского банка. Площадь десятин. Хуторами.	%	Отрубами.	%	Всего десятин.	% к общей площади участкового землепользования.	На землях казны. Число сделок.	Площадь десятин.	% к общ. пл. участков. землепользов.	Общая площадь участкового землепользования. Десятин.	%
Центрально-Черноземный	148.550	932.486	66,9	149.983	34,0	290.943	65,9	440.926	31,6	758	19.247	1,3	1.392.659	100
Средне-Волжск.	169.168	1.646.862	60,3	116.171	10,8	955.685	89,1	1.071.856	39,2	735	10.546	0.3	2.729.294	100
Нижне-Волжск.	128.169	2.743.272	86,6	32.390	8,8	332.574	91,1	364.964	11,5	1.893	56.392	1,7	3.164.628	100
Новороссийский	240.573	2.104.784	83,6	69 673	23,8	221.888	76,1	291.561	11,5	8.127	120.120	4,7	2.516.535	100
Юго-Западный .	84 046	470.465	97,8	72.219	48,6	76.372	51,4	148.591	30,9	359	1.336	0,3	481.191	100
Малороссийский	152.570	858.192	80,4	67.054	32,5	138.995	67,5	206.049	19,3	296	3.303	0,3	1.067.544	100
Итого по черноземной полосе .	923.023	8.756.061	77,1	557.490	20,1	2.016.457	77,9	2.523.947	22,2	12.168	210.944	1,9	11.351.851	100
Центрально-Промышленный . . .	92.813	782.408	91,1	49.552	66,4	25.080	33,6	74.632	8,7	110	1.573	0,2	858.613	100
Белорусский . .	139.952	1.422.523	85,2	188.417	77,5	54.567	22,5	242.954	14,6	592	4.276	0,3	1.668.683	100
Приозерный . .	83.867	904.641	93,1	43.685	66,2	22.281	33,8	65.956	6,7	99	1.541	0,2	972.148	100
Приуральский .	17.204	259.996	87,9	9.542	28,2	24.319	71,8	33.861	11,4	279	3.809	1,3	295.899	100
Северный . .	8.628	106.281	99,1	808	87,5	115	12,5	923	0,9	3	23	1,1	107.227	100
Всего по нечерноземной полосе .	342.464	3.475.849	89,1	292.004	69,8	126.362	30,2	418.366	10,7	1.083	11.222	0,3	3.902.259	100
Итого по Европ. России.	1.265.487	12.231.910	80,2	799.494	27,2	2.142.819	72,8	2.942.313	19,3	13.251	222.166	1,5	15.254.420	100

землях, тем меньше на банковской и казенной. Наибольший процент хуторов и отрубов на банковской земле создан в Центрально-Черноземном и Средне-Волжском районах, особенно много в последнем, где имеется до миллиона дес. под участковыми хозяйствами, или 39,2% общей площади участковового землевладения в данном районе. Наименьший % участковых хозяйств на банковских землях дает нечерноземная полоса. Здесь площадь земли под участковыми хозяйствами на банковской земле составляет лишь 0,7% участкового землепользования, величина совершенно ничтожная. Она ничтожна не только по относительной своей величине, но и по абсолютной: в то время как в черноземной полосе на банковской земле создано до 2½ миллион. десятин, в нечерноземной—менее ½ миллиона. Как мы убедимся в этом далее, причина заключалась в том, что земельный фонд крестьянского банка был довольно значителен в черноземной полосе, особенно в Приволжских губерниях, и чрезвычайно ничтожен в остальных районах. Не даром на один Средне-Волжский район падает больше чем ½ общего количества участкового землепользования на банковской земле по всем остальным районам Европейской России.

Что касается землеустройства на казенных землях, то оно занимает чрезвычайно скромное место: именно в черноземной полосе оно составляет—210.944 десятин, а в нечерноземной всего 11.222. Величина в 222.166 дес. для всей России является весьма незначительной, в проценте ко всему участковому землевладению составляющей по всем районам лишь 1,3%.

Хутора и отруба на банковской земле.

Сначала рассмотрим хутора и отруба, созданные на землях крестьянского банка.

В виду обширности вопроса, деятельность крестьянского банка мы выделили в особый отдел, в главе о мибилизации землевладения. Здесь же мы дадим лишь итоги только в отношении хуторов и отрубов.

Через банк насаждались исключительно хутора и отруба. Как гласит один из журналов заседаний Главного комитета по землеустроительным делам, от 26 января 1907 г.: „одною из главных задач землеустроительных органов является распродажа земли с таким расчетом, чтобы из имеющегося фонда обеспечить безбедное существование возможно большего числа крестьянских хозяйств... на возможно меньшей площади земли". По мнению комитета, этой цели и служат хутора, которые, „давая владельцам возможность применять по своему выбору наиболее интенсивные приемы и способы обработки угодий, требуют, в виде общего правила, меньшего для получения благоприятных хозяйственных

результатов количества земли, чем другие менее совершенные формы землепользования“.

Деятельность банка за годы 1906—1916 выразилась в создании до 280.000 хуторов и отрубов на площади в 2.942.313 дес. По районам, наибольшее распространение хутора получили в Северо-Западном районе, где они составляли до двух третей всех насажденных участков. В других районах, несмотря на все старания администраторов, отруба значительно преобладали над хуторами, составляя большую часть среди земель, проданных банком на участки.

Итоги развития хуторов и отрубов на банковской земле выражаются следующей таблицей [1]:

Количество хуторов и отрубов, проданных в единоличную собственность.

Годы.	Хутора. Число.	% к общему числу единоличн. сделок.	Количество земли, десятин.	% к общей площади единоличн. сделок.	Отруба. Число.	% к общему числу единоличн. сделок.	Количество земли, десятин.	% к общей площади единоличн. сделок.
На земле из имений банка:								
1909	10.486	27,2	133.742	30,9	28.042	72,8	298.745	69,1
1910	11.705	23,6	171.220	24,1	37.828	76,4	539.987	75,9
1911	10.355	25 8	154.697	24,4	29.822	74,2	472.057	75,6
1912	7.205	31,2	115.614	33,3	15.887	68,8	231.799	66,7
1913	7.418	34,0	128.135	33,0	14.390	66,0	259.770	67,0
1914	5.541	37,0	99.392	36,4	9.462	63,0	173.463	63,6
1915	2.721	42,4	51.127	44,0	3.698	57,6	64.942	56,0
На земле, купленной при содействии банка.								
1910	5.795	39,1	88.276	57,5	9.034	60,9	65.245	42.5
1911	7.546	36,8	116.100	53,4	12.978	63,2	101.368	46,6
1912	7.431	43,6	117.014	61,0	9.626	56,4	74.883	39,0
1913	6.814	46,8	109.858	64,3	7.746	53,2	61.003	35,7
1914	5.235	53,8	86.123	70,4	4.502	46,2	36.290	29,6
1915	2.010	48,0	39.141	68,7	2.178	52,0	17.865	31,3

Таблица показывает общее падение числа создаваемых хуторов и отрубов, начиная с 1910—11 г., при чем оказывается, что отруба скорее падают, чем хутора. Если взять процентное отношение хуторов и отрубов к общему числу единоличных сделок, то процент создаваемых хуторов все время возрастал; например,

[1] Таблица составлена на основании отчетов крестьянского поземельного банка за 1909—1915 г.г.

на землях крестьянского банка он повысился с 27% в 1909 году до 42% в 1915 г. и на землях, купленных при содействии банка,—с 39% до 48%. Соответственно, конечно, падает процент создаваемых отрубов. Об'ясняется это несомненно нажимом со стороны правительства, стремившегося как можно больше создавать хуторов, а не отрубов. Что касается соотношения хуторов и отрубов по площади занимаемой земли, то стоит посмотреть на % устроенных хозяйств и на % имеющейся у них земли, чтобы убедиться, что хутора были значительно крупнее отрубов.

Как мы увидим далее, в первые годы деятельности банка последний служил правительству средством, чтобы хотя отчасти создать видимость помощи малоземельным. Последнее привело к тому, что до 1910 г. банк вынужден был при ликвидации земель довольно много продавать их крестьянским обществам и товариществам. После 1910 г. продажа единоличным владельцам начинает значительно преобладать над количеством участков, проданных товариществам и обществам.

Однако, многие создаваемые банком хутора оказывались номинальными. Вот что пишут, например, из Севского уезда, Орловской г.[1]: „Выселения на купленные в банке участки были номинальные, так как банк отдавал землю из'явившим желание выселиться на хутор. И вот эти хуторяне настроили хат без окон и живут в деревнях“.

Вот, например, еще один из анекдотических случаев землеустроительной практики. В делах Главного управления землеустройства и земледелия[2], в одной из частных корреспонденций, мы читаем следующее описание поездки товарища министра внутренних дел Лыкошина для осмотра хуторов в Симбирской губ.: „Поехал он посмотреть на хутора, живут ли там крестьяне, или нет. Это недалеко от Симбирска, есть имение (Марьинка), но за два дня до его приезда там были пустые дома; тогда вставили рамы, кое-что поделали и наняли за поденную плату крестьянских баб и крестьян временно пожить в пустых избах, только на время приезда начальства. А крестьяне и не думают жить на хуторах“. Автор письма об'ясняет, что „крестьяне не живут больше потому, что нет воды, а это сделано неопытными ликвидаторами, да и цель они преследуют—только продать и набить цену на десятину“.

Хутора и отруба на надельной земле.

Что касается выделения хуторов и отрубов из общины, то на 1-е января 1916 г. размежеванных хозяйств оказалось 1.265.487, на площади в 12.231.910 дес., т.-е. 8—10% крестьянских дворов.

---

[1] Чернышев. Община после 9 ноября 1906 г., ч. I, стр. 135.

[2] V-ое отделение Экономич. секции. Дело Г. у. з. и з. 1910 г. № 6,106 с секретной перепиской.

Так же, как и на банковых землях, здесь значительно преобладают отруба над хуторами. При чем хутора более распространены на северо-западе и в незначительном количестве по остальным районам.

Итог распространения на надельных землях участкового землепользования по районам следующим образом выражен в „отчетных сведениях о деятельности землеустроительной комиссии на 1 января 1916 г.“ [1]: „Если по карте Европейской России соединить Петроград прямой линией со Ставрополем губернским, то все 23 губ., расположенные к западу от этой линии, с прибавлением к ним Самарской, Уфимской, составят район преимущественного распространения единоличного землеустройства“.

По проценту единолично-устроенных дворов к общему числу землеустроенных дворов эти губернии в нисходящем порядке распределяются таким образом: Ковенская губ. из общего количества землеустроенных дворов имеет 99,8% устроенных хуторами и отрубами, Виленская—97,4%, Волынская—95,7%, Витебская—92,9%, Могилевская—89,1%, Бессарабская—88,9%, Самарская—88,5, Екатеринославская—87,1, Херсонская—87,0, Смоленская—86,5, Псковская—83,3, Минская—81,5, Таврическая—81,5, Полтавская—79,1, Подольская—78,9, Киевская—70,6, Петроградская—70,6, Ставропольская—65,6, Гродненская—61,9, Харьковская—59,0, Курская—58,6, Орловская—56,8, Уфимская—54,5, Новгородская—53,5, Черниговская—52,0. На северо-восток от этой черты условия совершенно другие: здесь процент участкового землепользования значительно меньше, здесь среди землеустроенных хозяйств преобладают чересполосные.

Развитие хуторов и отрубов находилось в теснейшей зависимости от капитализации отдельных районов и роста интенсификации крестьянского хозяйства. В работах Прокоповича, Лосицкого, Чернышева и Першина мы найдем довольно большой материал, неопровержимо свидетельствующий о том, что развитие участкового землепользования связано с товаризацией крестьянского хозяйства, развитием капиталистических отношений и ломкой трехполья.

Способ, каким образовывались участковые хозяйства, находился в теснейшей зависимости от местных условий. Северо-западные губернии дают значительное количество разверстаний целых обществ, юг, юго-восток—индивидуальные выделы, которые, как мы убедимся далее, об'яснялись тем, что основная масса участников общины отнюдь не хотела еще с ней порывать на тех условиях, на каких проводило землеустройство царское правительство. В этих районах выход из общины был наиболее болезненным и сопровождался довольно сильным крестьянским движением.

---

[1] Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 года, стр. 16.

Способ образования участковых хозяйств виден из следующей таблицы [1] землеустройства на надельных землях:

Районы.	Процент участковых хозяйств, образованных при: разверстан.	выделах.	других видах работ.	% земли общего пользования.	Из общего числа участкового владения образовано хуторов [2]: Число	%
Черноземная полоса:						
Центрально-Черноземный	42,4	46,7	9,9	6,1	5.623	8,5
Средне-Волжский	29,9	64,7	5,3	7,4	6.450	4,5
Нижне-Волжский	34,6	64,8	0,6	7,6	2.347	6,7
Новороссийский	65,6	30,0	4,3	6,9	46.850	36,6
Юго-Западный	78,6	0,1	21,2	1,9	2.768	56,8
Малороссийский	70,6	14,4	15,0	5,5	3.461	2,3
Итого по черноземной полосе	53,6	36,8	9,4	5,9	64.731	19,2
Нечерноземная полоса:						
Центрально-Промышл.	77,2	18,8	4,0	11,9	1.070	5,0
Белорусский	91,7	7,8	9,6	1,0	9.163	63,4
Приозерный	85,6	9.5	4,9	7,9	22.475	35,6
Приуральский	52,4	44,3	3,2	5,0	2.202	12,8
Северный	71,9	22 0	6,0	2,5	955	11,1
Итого по нечерноземной полосе	75,7	20,5	4,3	5,6	35.865	25,6
Итого по всем районам	64,6	28.6	6,9	5,7	100.596	22.4

Как видим, способы образования участковых хозяйств в различных районах весьма различны. Черноземная полоса дает 53,6% участковых хозяйств, образованных при разверстании, и 36,8%—при выделах. В нечерноземной полосе первых—75,7% и вторых — 20,5%. По проценту особо большого количества участковых хозяйств, образованных при выделах, обращают на себя внимание такие районы, как Средне-Волжский (64,7%) и Нижне-Волжский (64,8%). Из нечерноземной полосы выделяются Приуральский—44,3 и Северный—22,0. Особенно ничтожен % отдельных выделов из черноземной полосы в Юго-Западном районе 0,1% и в Малороссийском 14,4%, а из нечерноземной полосы в Белорусском—7,8%, Приозерном—9,5%. Распределение участ-

[1] Таблица составлена по материалам, приведенным в работе Першина: „Участковое землепользование в России".

[2] Графа не полна, так как по ряду губерний отсутствуют данные о количестве образованных хуторов (см. в конце Приложение № 5).

ковых хозяйств по способу их образования несомненно находится в тесной зависимости от степени капитализации каждого района, а тем самым и от степени разложения общины. Не случайно, конечно, что выделы ничтожны в Юго-Западном районе, Белорусском и Приозерном. Там не нужны были такие хирургические меры для разрушения общины, которые применялись в районах ее полного господства, как в Нижне-Волжском, Средне-Волжском, Центрально-Черноземном и Приуральском.

Чтобы покончить с только что приведенной таблицей, заметим, что из общего количества выделенной на участки земли осталось в общем пользовании в черноземной полосе 5,9, в нечерноземной—5,6. Это оставление земли в общем пользовании об'яснялось тем, что для скота приходилось оставлять луга и выгоны в общем пользовании. Иногда оставлялся в общем пользовании лес, который невозможно было раздробить на мельчайшие участки. В отношении распределения районов по проценту земли, оставленной в общее пользование, наблюдаем ту же закономерность, что и в отношении способа образования участковых хозяйств. Опять-таки наибольший процент дают те же приволжские губернии, наименьший—Юго-Запад и Белоруссия.

Что касается процента образованных хуторов к общему числу участкового владения, то в черноземной полосе мы имеем 19,2%, в нечерноземной—25,6%.

Наибольший процент образованных хуторов в черноземной полосе дает Юго Западный район—56,8%, Новороссийский—36,6. В нечерноземной—Белорусский—63,4% и Приозерный—35,6%. В остальных районах распространение хуторского землепользования весьма не велико. Минимум дают из черноземной полосы Малороссийский—2,3%, Средне-Волжский — 4,5 и Центрально-Черноземный—8,5. Из нечерноземной полосы последнее место по % образованных хуторов занимает Центрально-Промышленный район—5% и Северный—11,1%.

Кто выселялся на хутора и отруба?

Теперь перейдем к рассмотрению того, какие же слои деревни переселялись на хутора и отруба. Если обратиться к показаниям самих крестьян, собранным в анкете Вольно-экономического общества, то оказывается, что на хутора более всего выселяются зажиточные многоземельные крестьяне. Для малоземельных хутора и отруба „были неподходящи“.

„За выход из общины стоят особенно богатые—они сводят прямо свою землю в хутора и отруба, а бедному на 1 десятине ничего не поделать“, — пишет корреспондент из Ливенск. у., Орловск. г.

Малоземельным и при общине и при подворно-участковом землевладении — одинаково плохо. „Не знаем, как лучше — пе-

рейти ли, или же лучше остаться всем в общине; как ни думай, а с обеих сторон плохо: на одной десятине в общине плохо и на отрубе плохо". (Корсунск. у., крестьянин) [1].

„Беднякам не до хуторов. На хуторах у них дойдет до того, что избу скоро поставить негде будет" (Тамбовск. г.).

„На малом участке крестьянин весь свой посев не только лошадью или коровой, но даже курами вытравит" (Тамбовск. г.) [2].

„Какой же это будет хутор, если корова ляжет, а телку лечь негде" (Тамбовск. г.).

„Средний размер хутора, на котором „можно жить", всегда значительно выше среднего надела по губерниям. Так, по Воронежской г. средний размер хутора определяется в 15 — 30 дес., при среднем наделе у крестьян Воронежской г. – 6—8 дес. на двор" [3].

И, действительно, показания корреспондентов всецело подтверждаются и имеющимися цифровыми данными.

Вот, например, характерная таблица об укреплении земли в Самарской губ., в Самарском уезде по обследованию 1911 года [4].

Группы хозяйств.	Укреплено земли:							
	Всего дес.	% к общей площади во владении каждой группы.	В том числе: Черес-полосн. десятин.	% %	Отрубами десятин.	% %	Хуторами десятин.	% %
Беспосевных . . .	447,8	53,2	374,1	83,2	41,9	10,1	30,9	6,7
До 3-х десят. . .	769,4	30,7	656,8	85,3	112,6	14,7	—	—
3,1— 9,0 . . .	2.883,1	31,3	2.623,7	91,0	184,4	6,4	75,0	2,6
9,1—15,0 . . .	1.608,1	29,5	1.403,3	87,2	135,6	8,5	69,2	4,3
15,1—21,0 . . .	567,2	54,4	494,3	87,1	72,9	12,9	—	—
21,1—30,0 . . .	411,0	39,4	338,8	82,4	57,0	13,9	15,2	3,7
30,1 и более . . .	338,1	42,1	322,9	95,5	—	—	15,2	4,5

Таблица показывает, что значительный % земли укрепили беспосевные группы и укрепили хуторами и отрубами. Это об'ясняется тем, что многие из них сводили свою надельную землю на участки лишь для того, чтобы ее было можно дороже продать. Укрепленная земля и сведенная в хутор или отруб ценилась вдвое дороже, чем чересполосная. Далее большой процент хуторов и отрубов создан более многопосевными группами.

И по другим данным, сравнение хуторян и общинников показывает, что первые несомненно рекрутировались из более сильных крестьян. Как по земельному обеспечению, так и по лошад ности они стоят выше общинников.

---

[1] Чернышев. Цит. соч. стр. 89.
[2] Там же, стр. 169.
[3] Там же, стр. 170.
[4] Подв. перепись кр. хоз. Самарск. г. (1911), Самарск. уезда.

Несомненно, на хутора выделялись, если не самые верхи, то во всяком случае более зажиточное крестьянство. Об этом свидетельствуют, например, данные по Епифанскому уезду, Тульской губ. [1], на основании которых мы приводим следующую табличку, сравнивающую экономическое положение хуторян и общинников.

	У хуторян.	У общинников.
Десятин посева на одно хозяйство	7,6	4,19
„ „ „ одну рабочую лошадь	4,3	4,58
% хозяйств без лошадей	12,0	39,08
Лошадей на одно хозяйство	1,64	0,91
% хозяйств с промыслами	48,0	73,06
% „ арендующих	2,0	44,0
Арендовано на одно хозяйство	5,3	3,49

Аналогичные данные мы имеем и по другим районам.

Возьмем следующие, приведенные в работе Мозжухина таблицы об обеспечении землею хуторян и отрубников по сравнению со всем остальным местным деревенским населением по различным губерниям.

По уездам нечерноземной полосы будем иметь следующие данные по землевладению различных категорий хозяйств.

Приходилось земли на 1 двор:

	Псковская губерния:							
	Торопецкий уезд. [2]	Псковск. уезд. [3]	Островский у. [3]	110 хутор. Псковск. губерн. [4]	Новгородск. губ. [5]	Костромск. губ. [6]	Тверская губ. [7]	Московская губ. [8]
У хуторян	13,4	12,9	13,7	23,9	8,5	11,8	23,6	10,7
У отрубников	—	9,4	10,6	—	—	10,0	13,0	6,5
У проч. крестьян	10,7	10,4	10,6	9,2	8,3	10,1	14,4	7,5 [9]

[1] Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г.г. Епифанский уезд. Часть 2-я. Тула, 1916 г., стр. 107.

[2] Неймарк, цит. соч., стр. 16.

[3] Хуторские расселения на надельных землях Псковск., Островск. и Холмск. уездов, Псковск. губ., 1907 г., стр. 16.

[4] Результаты исследования 110 хозяйств мелкого единоличного владения Псковск. губ., Псков, 1910, стр. 7.

[5] „Личное владение надельной землей Череповецк., Устюженск. и Кирилловск. уезда, Новг. губ.“, стр. 48—50.

[6] „Землеустроенные хозяйства Костромской губ.“ за 1907—1913 г.г., выпуск 2.

[7] „Землеустройство в Вышне-Волоцком уезде, Тверской губ.“, стр. 626—627.

[8] Вычислено Мозжухиным по работе: „Личное крестьянское землевладение Московской губ.“, стр. 45.

[9] Эта цифра взята из „Статистики землевладения 1905 года“.

Как видим, в нечерноземных губерниях всюду без исключения размеры хуторских хозяйств значительно превосходят общее земельное обеспечение всех остальных крестьян. Что касается отрубников, то они по размерам своего землевладения почти не выделяются из общинников. У них не только не бо́льше земли на двор, но даже и несколько меньше.

Аналогичную картину мы имеем и по губерниям в черноземной полосе. Приведем таблицу, составленную тем же Мозжухиным.

Приходилось земли на двор:

	Полтавск. губ. [1]	Тамбовская губерния [2]. Моршан. уезд.	Тамбовск. уезд.	Борисоглебск. у.	Козловск. уезд.	Уфимская губ. [3]	Казанск. г., Лаиш. у. [4]
У хуторян	26,7	12,3 (вместе с отрубниками)	14,8	14,2	14,1	25,54	16,7
У отрубников	—					31,0	—
У проч. крестьян	7,7	7,2	7,8	8,6	7,7	16,0	6,1

В черноземных губерниях всюду хутора значительно превосходят по своим размерам землевладение всех остальных крестьян. Например, в Полтавской губ. хутора почти в 3½ раза крупнее хозяйств, оставшихся в общине, в Уфимской губ. в 1½ раза, в Казанской более чем в 2½ раза. Что касается отрубов, то сведения о них мы имеем по Тамбовской и Уфимской губ.; хотя в Тамбовской губернии хутора и отруба указаны вместе, однако мы знаем, что здесь число хуторов было не велико— преобладали отруба. Оказывается, что и здесь размеры отрубов почти в 2 раза превышают средний размер местного крестьянского хозяйства. В отношении Уфимской губ. отруба превышают, оказывается, не только размер местных крестьянских хозяйств, но даже и размеры хуторов. Об'ясняется это тем, что местное зажиточное крестьянство по гидротехническим и топографическим условиям предпочитало отруба хуторам.

Чтобы покончить вопрос с земельным обеспечением хуторов и отрубов, дадим следующую выразительную таблицу, составленную Мозжухиным на основании материалов обследованных им трех волостей Богородицкого уезда [5]. Средний размер земле-

[1] Третья подворная хозяйственная перепись Полтавской губ., 1910 г., стр. 237—238.

[2] Юрин. „Хутора и отруба Тамбовской губ.", стр. 33.

[3] „Хутора Уфимской губ.", стр. 25.

[4] Терентьев. „Обследование хуторских и огородных хозяйств в Лаишевском уезде", 1910 г. Казань, 1911 г.

[5] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской г.. стр. 200.

владения на 1 двор составлял у хуторян 18,48 дес., у отрубников—9,26 и у всего населения—7,3 дес.

По группам хозяйства распределялись следующим образом:

	Процент дворов, имевших:					
	до 3-х десятин.	3—6	6—12	12—20	свыше 20.	Всего.
У хуторян	—	5,7	34,3	25,7	34,3	100
У отрубников . . .	12,5	35,2	30,5	10,9	10,9	100
У всего населения	19,1	33,9	32,7	10,3	4,0	100

Таблица, вне всякого сомнения, показательна для Центрально-Черноземного района и особенно для хуторян на банковской земле. Хуторяне заметно рекрутируются из деревенских верхов. Хуторян с размером земли до 3 дес. совсем нет. От 3 до 6 только 5,7%, тогда как среди остального населения 53%. Основная масса хуторян рекрутируется из хозяйств, имеющих свыше 12 дес. Отрубники которые создавались почти исключительно на надельной земле, представляют собой значительно менее обеспеченные хозяйства. Среди них с землевладением до 3 десятин мы находим уже 12,5%, в верхних же группах, свыше 12 дес., всего 21,8%. Но и то они значительно превосходят остальных крестьян, у которых в низшей группе до 3 дес.—19,1%, а в высшей группе свыше 12 дес.—14,3%.

Мозжухин [1], конечно, не прав, об‘ясняя разницу в земельном обеспечении более всего разницей в размерах семьи и в различном рабочем составе. Оказывается, средняя семья у хуторян 9,2 чел., у отрубников—6,9 и столько же у всего населения [2]. О том, что дело здесь не в семье, так как размер семьи не на много разнится у различных групп, а у отрубников и общинников даже одинаков, доказывают данные о характере земельного обеспечения отдельных групп. Оказывается, отрубники, а особенно хуторяне, лучше всего обеспечены землей за счет купчих земель. В хозяйствах 3 волостей Богородицкого уезда, Тульской губ., на 100 дес. земли во владении находилось земли:

		Купленной:			
	Надельной.	у крест. банка.	у помещиков.	у крестьян.	Всего.
У хуторян	34,1	52,2	9,6	4,1	100
У отрубников . . .	63,7	22,6	3,7	10,0	100
У всего населения	81,2	18,8		—	100

Распределение земли по группам владения с несомненностью нам показывает, что разница в земельном обеспечении отнюдь не зависит от размеров семьи. Процент надельной земли пра-

[1] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губ., стр. 193 и 196.

[2] Там же, стр. 184.

вильно возрастает от хуторян ко всем остальным крестьянам. Надельная земля у хуторян занимает всего 34,1% всей их земли, а у всего населения—81,2. Оказывается, половина их земли куплена у крестьянского банка, у помещиков и даже у крестьян. В отношении отрубников мы имеем примерно ту же картину, хотя и более слабо выраженную. У отрубников оказывается однако значительно больший процент земли, купленной у крестьян (10%). У хуторян этот процент значительно ниже (4,1%).

Аналогичные данные о значительном преобладании у хуторян купчей земли мы имеем и по всем другим районам, так как значительная часть хуторов была создана на купчей банковской земле. Вот, например, данные по Симбирской губ. за 1913 год [1]:

Группы хозяйств.	Хуторяне и поселковцы.				Общинники.			
	Удобной земли на 1 хозяйство.	В том числе в %%			Удобной земли на 1 хозяйство.	В том числе в %%		
		надельн.	купч.	аренд.		надельн.	купч.	аренд.
До 4,0 дес.	—	—	—	—	3,1	76,6	—	23,4
4,1—6,0	5,3	38,7	48,8	12,5	5,2	68,5	6,5	25,0
6,1—8,0	7,4	5,8	92,5	1,7	7,2	63,6	15,7	20,7
8,1—10,0	9,2	2,9	93,0	4,1	9,3	49,1	29,9	21,0
10,1—15,0	14,3	10,2	83,3	6,5	12,3	36,1	32,9	31,0
15,1—20,0	17,9	9,1	83,9	7,0	17,2	32,4	32,4	35,2
20,1—30,0	24,3	12,8	61,9	25,3	24,2	34,3	52,3	13,4
30,1 и более	41,3	14,5	51,6	33,9	33,3	8,6	22,3	69,1
В среднем	13,0	9,3	80,6	10,1	10,6	41,4	28,0	30,6

Сравнение хуторян и общинников показывает, что первые представляют собою уже чисто буржуазное землевладение. Надельная земля играет у них более, чем скромную роль—по всем группам—всего 9,3%, тогда как у общинников—41,4% всего землевладения. Все их хозяйство построено, прежде всего, на купчей земле—80,6% и отчасти на арендованной—10,1%. Распределение %% купчей и арендованной земли по группам показывает,

[1] Краткие бюджетные сведения по хутор. и общин. крест. хоз. Симбирск. губ. (обследование 1913 года), Симбирск, 1916 год.

в отношении первой, т.-е. купчей, как будто бы падение купчей земли отчасти за счет надельной, а больше всего—за счет аренды. Например: у высшей группы надельной земли—14,5%, купчей—51,6% и арендованной—33,9%. Больше всего, как видим, купчей и арендованной. Несколько больший процент надельной земли по сравнению, например, с низшими группами, кроме самых низших, показывает, что сила и мощь этих хозяйств сложилась еще на надельном землевладении. У общинников % надельной земли правильно падает от низших групп к высшим. Хозяйства зажиточного крестьянства перемещаются с надельной земли на купчую и арендованную, но его купчее землевладение еще значительно уступает хуторянам, созданным на банковской земле.

Что хуторяне представляли собой более сильное крестьянство, вне всякого сомнения, доказывается и тем, что и по владению живым и мертвым инвентарем они стоят значительно выше остального крестьянства. Вот, например, данные по Псковской губ. [1].

Приходилось на двор голов крупного скота:

	Псковский уезд.	Островский уезд.
В участков. хоз.	4,9	6,7
В среднем по уезду	3,3	4,3

Разница между участковыми и общинными хозяйствами здесь как будто и не велика, но здесь, как мы видели двумя страницами выше, была невелика и разница в обеспечении землей. В Псковском уезде у хуторян было лишь на $2^1/_2$ десятины земли больше, чем у всего остального населения, а в Островском на 3,1 дес. В других районах, например в Симбирской губ. [2], Полтавской — разница в обеспечении скотом значительно больше.

О том, что здесь расслоение было „не только количественное, но и качественное“, как любят выражаться народники и неонародники, свидетельствуют данные о применении наемного труда различными группами землеустроенных хозяйств.

Например, по бюджетному обследованию Симбирской губ. [3], мы имеем следующую выразительную таблицу о применении наемного труда хуторянами и общинниками.

[1] Хуторские расселения на надельных землях Псковского, Островского, Холмского уездов, Псковской губ. Псков, 1909 г. стр. 16.

[2] Краткие сведения по хуторским и общинн. крестьянск. хоз. Симбирской губ. (1913 год).

[3] Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губ. (обследование 1913 года), Симбирск, 1916 год.

Группы хоз.	Хуторяне и поселковцы.					Общинники.				
	% хоз., прибегающих к найму.		Расход на наем батраков.			% хоз., прибегающих к найму.		Расход на наем батраков.		
	Сроковых.	Поденных.	На 1 хоз. в руб.	% ко всему денеж. расх.	На 1 дес. в руб.	Сроковых.	Поденных.	На 1 хоз. в руб.	% ко всему денеж. расх.	На 1 дес. в руб.
До 4-х дес. . . .	—	—	—	—	—	5,0	40,0	8,08	3,2	2,60
4,1 — 6,0 . . .	—	50,0	8,47	2,4	1,6	3,8	50,0	7,83	3,4	1,50
6,1 — 8,0 . . .	—	77,0	9,19	3,5	1,24	3,3	50,0	7,47	2,5	1,04
8,1 — 10,0 . . .	5,0	70,0	23,08	6,7	2,50	—	71,4	10,78	3,5	1,17
10,1 — 15,0 . . .	9,5	71,4	27,55	6,1	1,92	3,6	75,0	36,93	8,3	3,00
15,1 — 20,0 . . .	8,3	83,3	44,13	8,2	2,47	8,0	84,0	63,78	10,2	3,71
20,1 — 30,0 . . .	16,7	83,3	53 82	7,2	2,21	42,9	100,0	95,78	12,1	3,54
30,1 и более . . .	—	—	—	—	—	25,0	100,0	210,03	17,3	6,31
В среднем	7,0	73,2	28,04	6,3	2,13	6,5	64,3	31,84	7,8	3,00

Сравнение хуторян и общинников показывает, что как по найму сроковых, так и поденных рабочих, хуторяне стоят на первом месте (в среднем % хуторян, прибегающих к найму сроковых рабочих,—7,0, поденных — 73,2, тогда как у общинников соответственные цифры будут: 6,5 и 64,3). Однако, расход на наем батраков у хуторян оказывается ниже против общинников: 28 руб. на хозяйство против 32 руб. у общинников. Или в %%: 6,3 по отношению ко всему денежному расходу против 7,8. Это показывает, что общинники при чересполосном владении должны несколько больше тратить на наем батраков. Для сравнения мы перевели стоимость рабочей силы на 1 десятину посева; оказывается, в расчете на десятину хуторяне расходуют на рабочую силу значительно меньше (2 руб. 13 к., против 3 руб. у общинников). Это вскрывает одну из причин стремления сельской буржуазии на хутора и отруба. Сверстание земли в одно место дает возможность значительно повысить производительность труда, а тем самым и сократить расход на заработную плату.

Аналогичные данные о применении наемного труда мы имеем, например, и в произведенном Мозжухиным обследовании 3 волостей Богородицкого уезда, Тульской губ. [1]:

---

[1] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губ., стр. 197.

	% хозяйств, нанимающих рабочих:				На одно хозяйство наним. рабочих приходилось:		
	Сроковых.	Сдельных.	Поденных.	Всего.	Сроковых рабоч.	Сдельн. платы.	Поденщины.
У хуторян	11,4	22,9	57,1	62,9	1,8	10,9	58,6
У отрубн.	17,2	48,4	50,0	76,6	0,8	14,6	28,8
У всего насел.	5,9	51,5	12,1	56,4	1,2	19,4	19,4

Таблица показывает, что значительно больший % участковых хозяйств пользуется наемным трудом, чем у общинников, однако и здесь участковые хозяйства, особенно хутора, в расчете на одно хозяйство и на единицу площади, батраков нанимают даже меньше. Причина эта заключается не в том, как полагает Мозжухи, что они лучше обеспечены своими рабочими силами, но главным образом в том, что труд их значительно производительнее, благодаря близости земли. Выше (см. стр. 136) мы отмечали, что как раз необходимость экономить в расходе на наем батраков и являлась одной из причин сильной тяги сельской буржуазии на участки. Этим-то и об'ясняется то, что сроковыми рабочими более всего пользуются отрубники, точнее—больший процент их хозяйств. Зато, по количеству сроковых рабочих, хуторские хозяйства имеют на одно хозяйство значительно больше, чем отрубники и общинники. Заметим, что и среди оставшихся в общине довольно много (1,2) приходится в среднем сроковых рабочих на одно нанимающее хозяйство. Как мы выше выясняли, многие из зажиточных крестьян по целому ряду причин находили для себя более выгодным оставаться в общине. Они то и дают показания о найме сроковых рабочих, но, как видим, число их невелико, всего 5,9% всех хозяйств, тогда как хуторян, имеющих сроковых рабочих, насчитывалось 11,4%, отрубников—17,2%.

Хуторяне прибегают к поденному найму более, чем отрубники и чем все остальное население. Об'ясняется это несомненно опять-таки тем. что, благодаря более удобному расположению земли, потребность в наемном труде у них значительно меньше. Только для больших полевых работ им не хватает сроковых рабочих и приходится широко применять поденный наем. По числу поденщин, хуторяне стоят на первом месте.

Чтобы закончить вопрос о том, что из себя представляли пионеры землеустройства, посмотрим, из кого они вербовались. В этом отношении весьма показательны данные о их занятиях до землеустройства. На этот счет мы имеем следующую таблицу [1]:

[1] Мозжухин, Там же, стр. 184.

	Число хозяйств, занимавшихся до выдела:			
	У хуторян.		У отрубников.	
	Абс.	%	Абс.	%
Одним земледелием	26	74,3	73	57,0
Земледелием и промыслами	5	14,3	48	37,5
Только промыслами	4	11,4	7	5,5
Итого	35	100	128	100

Сравнение хуторян и отрубников показывает, что среди хуторян все-таки большая часть, почти 3/4 общего числа, занимались только земледелием. У отрубников, занимающихся только земледелием, было 57%. Это показывает, что на хутора шла почти исключительно сельская буржуазия, которая до того ничем кроме земледелия не занималась. Но все же показательно, что остальная четверть хуторян до того занималась и «промыслами», в том числе 11,4% исключительно «промыслами». Это доказывает, что на землю оседала и мелкая торговая буржуазия. Из земских бюджетных обследований нам известно, что промыслы у деревенских верхов обычно и составляли мелкую торговлю, или мелкие самостоятельные предприятия—мельницы, маслобойни и т. п. У отрубников процент занимающихся только промыслами значительно меньше, всего 5,5%. *Итак, приведенные данные с несомненностью убеждают нас в том, что тенденция землеустройства была совершенно очевидна. Это—насаждение мелкой сельской буржуазии. Вне всякого сомнения, на хутора и отруба шли не средняки и, конечно, не бедняки, а преимущественно более зажиточные.* Выдел более сильных крестьян несомненно влиял и на дальнейшее успешное развитие вновь созданных хозяйств.

Последним нам сейчас и предстоит заняться.

Правительственная помощь при землеустройстве.

Однако, прежде чем приступить к рассмотрению положения вновь созданных хозяйств, нам необходимо вкратце остановиться на правительственной помощи при землеустройстве.

После 1906 года внимание правительства сосредоточилось главным образом на землеустройстве. Агрономическая помощь ему лишь сопутствовала.

О размерах расходов правительства на землеустройства и агрономическую помощь можно судить по следующей таблице[1]:

---

[1]) Комитет по землеустроит. делам. Краткий очерк деятельности за десятилетие 1906 4/III 1916 г.

Расходы на землеустройство в тысячах рублей.

Годы.	На содержание землеустроит. организаций.	На помощь крестьянам при землеустройстве.
1907	2.349	76
1908	4.818	824
1909	7.515	3.948
1910	10.109	4.287
1911	10.995	5.182
1912	12.158	5.980
1913	13.517	6.519
1914	14.115	5.128
Итого . .	75.576	31.944

Расходы на землеустройство и агрономическую помощь были постыдно малы. Даже в годы наибольшей помощи крестьянству в государственном бюджете расходы на крестьянское землеустройство составляли не более 4%, тогда как на армию и флот 43,6%. Кроме того, правительство куда более в смысле устойчивости положения рассчитывало на полицейские нагайки, чем на улучшение крестьянского благополучия. Недаром расходы на полицию вдвое превышали расходы на агрономическую помощь населению. На полицию в расчете на 1 крестьянский двор в среднем в год приходилось 4 рубля, тогда как на агрикультурную помощь крестьянству всего два рубля. Ничтожность расходов правительства на помощь крестьянству выступает еще рельефнее, если сравнить их с цифрами, приведенными на страницах 205—206, показывающими размер ссуд, выдаваемых крестьянским банком на покупку помещичьих земель, и тех сумм, которые расходовал сам банк на их покупку. Правительство не жалело денег на передачу их при посредстве крестьянского, дворянского и других банков в руки дворянства. Сумма денег, переданных таким образом дворянам, превышал в миллиард рублей. Стоит, сравнить эту колоссальную сумму миллиард рублей, выброшенную кучке помещиков—с 100 миллионами, отпущенными на землеустройство и агрономическую помощь многомиллионному крестьянству, чтобы видеть, насколько ничтожны были суммы, отпускаемые царским правительством, для под'ема и развития крестьянского хозяйства. На отдельные агрономические мероприятия приходились буквально крохи, по сравнению с прочими государственными расходами, например, на содержание армии, флота и администрации и т. п.

„Помощь" при землеустройстве заключалась прежде всего в том, что все подававшиеся по земельным делам прошения, жалобы, заявления и т. п. были свободны от всяких сборов. Крестьяне обязаны были доставлять лишь подводы, материалы для межевых знаков и помещение для землемеров. Чтобы побудить к переходу к новым формам землепользования, выдавались ссуды,

согласно правилам 17 марта 1907 года, пересмотренным 17 ноября 1908 г. и наконец утвержденным законом 16 июня 1912 г. под названием „Правила о ссудах и пособиях из средств казны при землеустройстве". Ссуды выдавались не только на перенос построек и на мелиорации, но и на оборудование и улучшение хозяйства. Полагалось выдавать ссуды в размере до 150 р. на хозяйство и в особых случаях даже до 500 р. Безвозвратные пособия выдавались лишь в случае „показательного или общественно-полезного значения производимых хозяйственных улучшений". Однако нужно сказать, что фактически выдача ссуд была слишком невелика при тех действительных затратах, которые должен был крестьянин произвести при переходе к новым формам землепользования. В общем на 1 января 1915 года было выдано всего 30.668.000 рублей 299.699 домохозяевам, т.-е. в среднем на 1 домохозяина 102 рубля. Безвозвратных пособий было выдано: по 1914 г. 58.000 дворов на сумму 1.280.000 рублей, т.-е. в среднем на двор 22 рубля. Оказывается, даже и эту ничтожную сумму крестьянин получал в форме зачета стоимости произведенных землеустроительных работ (чаще всего прорытия колодцев и прудов), исполненных казной для нужд устраиваемого населения и разложенных на большое число дворов [1].

В общем ссудами воспользовались лишь около $^1/_6$ устроенных единоличных хозяйств, а безвозвратными пособиями лишь 4%. В среднем, как мы указывали выше, выдавалось 102 рубля на каждого домохозяина, получавшего ссуду, тогда как перенос одной усадьбы стоил несколько сотен, а на юге даже и тысяч руб. Это доказывается обследованием землеустроенных хозяйств, произведенным в 1912 году. Расход по переносу построек на одно хозяйство из 22.000 обследованных равнялся в среднем 238 рублям, тогда как ссуды получили всего в среднем по 105 р., т.-е. меньше половины (44%).

Остановимся теперь на агрономической помощи правительства при землеустройстве. Как мы видели выше, за все время землеустройства было ассигновано около 31 милл. рублей—из них 13 миллионов в распоряжение земств и 17 в распоряжение землеустроительных комиссий. В 1914 году районы землеустройства обслуживали всего 1.600 агрономов, около 800 специалистов и всего 2.000 агрономических старост. Содержание этого персонала поглощало большую часть всей ассигнованной суммы; кроме того 4.028 тысяч рублей шло на утройство прокатных и зерноочистительных пунктов; 3.360 тыс. рублей—на снабжение единоличных владельцев на ссудных началах сельско-хозяйстенными орудиями и посевным материалом. Было организовано 1.100 показательных хозяйств, 10.200 показательных полей и около 106.000

---

[1] Комитет по землеустроительн. делам, стр. 41—43.

показательных участков, на что было израсходовано 2.287 т. р. На животноводство, именно на организацию 4.170 случных пунктов для крупного скота и 3.600 рассадников мелкого скота, было израсходовано 1.885 тыс. рублей, На развитие специальных культур было ассигновано 963.000 рублей, за счет которых в районах землеустройства было организовано всего 5.000 показательных садов и виноградников, 1.750 показательных огородов и 430 показательных пасек. Особенно землеустроители заботились о введении специальных культур на мелких участках. Главный комитет по землеустроительным делам указывал местным землеустроителям, „что введение специальных культур является единственным способом удержать мелкие хозяйства в руках их владельцев“ [1]. Землеустроители не ошибались. Для того, чтобы крестьянину спастись от пролетаризации, ему необходимо было до бесконечности повышать свою „самоэксплоатацию“, и вводить „трудоемкие“ культуры, как выразился бы какой-нибудь представитель организационно производственной школы в изучении крестьянского хозяйства.

Помимо агрономической помощи правительство должно было конечно при землеустройстве производить гидротехнические работы, расход на которые в 1914 году составлял 2 миллиона рублей. На огнестойкое строительство, которому придавалось довольно большое значение, было израсходовано в 1911 году 1.949 тысяч, в 1915 году—4.300 тысяч.

Как курьез, отметим, что правительство, расселяя деревню на хутора и отруба, заботилось о том, чтобы крестьянство как-нибудь не ушло из-под идеологического влияния церкви. Здесь была и инициатива сверху—в виде ассигновок на постройку новых церквей, особенно в местах нового переселения, и инициатива снизу. Так, в журналах Комитета по землеустроительным делам за 1914 год мы находим проект „Саратовского Архиепископа“ об организации и оборудовании походных церквей, „для предоставления православным хуторянам возможности получать духовное утешение (!) в святых таинствах церкви“. Предприимчивый архиерей уже устроил несколько таких походных церквей. Комитет по землеустроительным делам, конечно, принял это предложение. Как докладывал царю председатель комитета Кривошеин—9/VI—1914 г. он „придавая первостепенное значение сохранению исконной связи (!) между православной церковью и сельским населением и не признавая возможности откладывать дело столь большой важности, как обеспечение крестьян близостью православных храмов“, своим распоряжением отпустил на это средства—пока 1.500 рублей. Конечно это решение Кривошеина получило высочайшую санкцию [2].

---

[1] Комитет по землеустроительным делам за 10 лет, 49 стр.
[2] Журнал Комит. по землеустроит. делам за 1914 г. Архив Гл. упр. з. и з.

Между прочим, характерно для всего дореволюционного помещичьего строя, что противоречия в деревне между помещичьей властью и крестьянами были так велики, что обслуживавший деревню „третий элемент" заражался крестьянской революционностью или по крайней мере оппозиционностью. Вследствие этого правительство сплошь и рядом ставило палки в колеса при работе и этих слабых агрономических, кооперативных и т. п. сил. Как пишет один из правительственных агентов, обследовавший землеустроительные работы на местах, „и эти слабые агрономические силы не могут функционировать правильно, вследствие сложившегося кругом недоверия к ним. Земства, продолжает этот агент, в вежливой форме забаллотировывают им жалованье, и они вынуждены оставлять службу" [1].

Это недоверие к третьему элементу приводило к тому, что „аграрная реформа" проводилась без агрономов. Ее главные деятели, это—агенты помещичьей власти земские начальники. Земский начальник — вот правительственный носитель агрономической „культуры" в деревне. Это одно из основных противоречий всей столыпинской „реформы." Как мы будем говорить далее, помещичье правительство после 1906 г. всячески содействовало развитию в деревне капитализма, но самым фактом своего существования оно являлось серьезнейшим препятствием для его развития. И этим-то об'ясняется, что как само крестьянство, так и связанные с ним работники деревни—агрономы, учителя и т. п. должны были быть настроены против правительства и правительство против них.

Как ни скудна была правительственная помощь, особенно, по сравнению с громадными средствами, выбрасывавшимися на помощь дворянству, все же бесплатность землеустройства, ссуды, хотя и скромная по своим размерам агрономическая помощь—все это несомненно не только способствовало развитию землеустройства и устройству хуторов и отрубов, но и давало владельцам последних возможность менее болезненно изжить переходный период. Принимая во внимание характер выходивших на хутора и отруба, их большую экономическую силу, и меры правительства по содействию в их устройстве—посмотрим, каковы были результаты землеустройства.

Результаты землеустройства.

Для изучения результатов землеустройства основным материалом являются правительственные обследования в 1913 году 12 уездов, в которых было описано 22.399 вновь устроенных хозяйств. Однако к материалам этого обследования приходится относиться с большой осторожностью. К большому сожалению

---

[1] Из отчета Клопова об осмотре землеустроительных работ в Таврической губ. в 1909 г. Дело Г. у. з. и з. 1910 г., № 5586.

нам не удалось найти в архивах дел, связанных с этим обследованием. Там осталась лишь самая незначительная переписка. А между тем, эти дела представляли бы несомненный интерес, так как известно, что не все материалы были опубликованы. Но уже и из самих опубликованных материалов очевидна тенденциозность этого обследования. За это говорит прежде всего выбор уездов для переписи. Правительство придавало этому обследованию исключительное значение. Оно считало, что для него „правильный выбор уездов, в которых надлежало произвести обследование, имел чрезвычайно важное значение“ [1].

Поэтому-то оно и постаралось соответственным образом „подобрать“ уезды. „Отброшены были уезды тех губерний, в которых единоличное землеустройство в первые годы существования землеустроительных комиссий не получило по тем или иным причинам широкого развития и где, следовательно, не имелось значительного об‘екта для обследования“ [2]. „Правильный выбор уездов“ понимался так, что выбирали уезды со специальной целью „показать товар лицом“ Любопытно, что „Николаевский уезд, Самарской губернии, был. особо избран, в виду частых ссылок в печати на крайне неудовлетворительное положение устроенных там единоличных хозяйств, и пролетаризацию населения в связи будто бы с землеустройством“. Если мы примем во внимание, что вся разработка производилась в центре, и на местах не допускались никакие выборки и сводки—(об‘яснено это было необходимостью того, чтобы места не могли „увлечься“ „каким либо односторонним подбором данных“ [3], то, конечно, у нас нет никакой гарантии в том, что материалы обследования не обрабатывались так, чтобы они действительно могли опровергнуть те самые явления при землеустройстве, которые были весьма невыгодны правительству. И на самом деле, обследование дает значительно более розовую картину действительности. Были выбраны районы, как раз с наибольшим распространением хуторов, т.-е. районы, где были наиболее благоприятны условия для землеустройства, и потому оно там дало больший эффект. Показательно, что из числа обследованных 19.015 хозяйств было 6.342 хутора и 12.673 отруба. „Таким образом, торжествующе заявляют обследователи, хуторские хозяйства составляют $^1/_3$ всех обследованных владений, что далеко превышает обычное представление о взаимоотношении общего числа хуторов и отрубов“ [4]. Однако, как мы видели выше, имеющиеся данные по всем районам показывают, что эти „обычные представления“ вполне правильны, тогда как „необычные предста-

---

[1] Землеустроенные хозяйства, сводные данные сплошного по 12 уездам обследования, стр. 6.

[2] Там же, стр. 7.

[3] Там же, стр. 4.

[4] Там же, стр. 16.

вления“ землеустроителей об‘ясняются соответствующим подбором 12 уездов. Действительно, в противоположность приведенному отношению числа хуторов к отрубам, как 1 к 2, мы по всем районам для всех земель имеем отношение 1 к 5. Также неправильны данные о числе хозяйств, образованных путем выделов и путем разверстаний. По 12 уездам участковых хозяйств на надельных землях образовано путем разверстаний—84%, путем же выдела—16%. Тогда как по 40 губерн. мы будем иметь для разверстаний,—64.6% и выделов—28,6% (см. об этом выше, стр. 148).

Итак, принимая во внимание все недостатки материалов, посмотрим, каковы были итоги землеустройства.

Рост расслоения крестьянства.

Прежде всего выясним, что из себя представляли устроенные хутора и отруба.

Распределение единоличных хозяйств в 12 уездах по происхождению владений было таково:

	Число хозяйств.	Площадь в десятинах.
На надельн. землях	17.567	201.153,8
На банковских	4.603	73.729
На казенных	229	5.077,2
Всего	22.399	279.960,0

Хутора на надельных землях имелись во всех уездах, кроме Епифанского, Тульской губ. На банковских же во всех, кроме Бердянского, Ржевского, Сычевского и Трокского. Что касается казенных земель, то участковые хозяйства были на них созданы лишь в Бердянском, Богодуховском и Николаевском уездах, в остальных—устроенных хозяйств на казенной земле не имелось.

На надельных землях по видам устроенные хозяйства распределялись следующим образом:

Группы хозяйств.	Число	%%
Хуторские хоз. (с перенесением из селений или вновь возведен. построек)	3.560	20,4
Хозяйства на стар. местах (с прирезанной к усадьбе землею)	1.245	7,1
Хозяйства с постройками в селениях с отрубными участками	9.358	53,2
Хозяйства, разделившиеся после землеустройства	323	1,8

Группы хозяйств.	Число.	%%
Хозяйства, владельцы которых живут вне предела обследованных владений	1.777	10,3
Хозяйства, продавшие полностью свои участки	1.284	7,2
Всего	17.567	100

Как видим, хутора в подлинном смысле этого слова, составляли 27,5% устроенных хозяйств, а отруба—53,2.

Для уяснения достигнутых в результате землеустройства хозяйственных улучшений, конечно, большое значение имеет время существования созданных участковых хозяйств.

В отношении участков, созданных на надельной земле, имеем следующие сведения о времени образования единоличных хозяйств

Год образования.	Число.	%%
1907—1908	1 499	8,5
1909	3.169	18,1
1910	9.562	54,4
1911	3.337	19,0
Всего	17.567	100%

Как видим, к моменту обследования, т.-е. к 1913 году более половины всех хозяйств существовало всего 3 года, 19%—2 года, при чем по некоторым уездам, например, Ржевскому и Красноуфимскому в 2 года существования насчитывалось более половины всех хозяйств, по всем уездам 4 года существования насчитывали—18,1%, а 5 лет—всего—8.5%.

В отношении земельного обеспечения созданных участковых хозяйств обследование дает следующие данные:

Уезды.	Число сельских жителей на 1 кв. версту.	Средний размер землевладения на одно хозяйство. Вообще по уезду (по данным ЦСК) 1905 г.	Обследованных хозяйств на надельных землях.	На обследов. землях крестьянск. банка и казенных.
Николаевский	22,4	21,8	41,9	29,4
Красноуфимский	16,4	17,2	20,4	19,9
Бердянский	50,2	16,5	13,8	20,4
Трокский	47,5	15,0	10,5	—
Островский	44,7	8,3	9,4	16 9
Сычевский	49,6	7,6	9,0	—
Ржевский	47,7	7,5	8,5	—
Орловский	67,3	5,9	6,9	12,4
Мологский	31,1	5,6	8,6	18,8
Богодуховский	65,9	5,3	6,5	8,3
Епифанский	65,5	4,6	—	11,1
Кременчугский	78,4	3,8	3,0	9,8 [1]

[1] Таблица составлена на основании: „Землеустроенные хозяйства“. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственного изменения в первые годы после землеустройства». Петроград, 1913 г.

Сравнение среднего размера землевладения у всех крестьян и у обследованных хозяйств на надельных землях и на землях крестьянского банка показывает, как общее правило, значительное превосходство по землевладению землеустроенных хозяйств. Больше всего разница в таких уездах, как в Николаевском, Красноуфимском, Островском и др. Наоборот, средний размер по уездам превосходит средний размер землеустроенных хозяйств на надельных землях в Кременчугском уезде, Трокском уезде и Бердянском. На банковских землях все без исключения устроенные хозяйства по земельному обеспечению значительно выше, против остальных крестьян.

Постольку, поскольку землеустройство было тесно связано с деятельностью крестьянского банка, естественно, как мы увидим далее, оно должно было значительно усилить сельскую буржуазию, так как увеличение землевладения почти всегда являлось шагом к созданию сельской буржуазии.

Но даже и в тех районах, где не было продано крестьянским банком ни одной десятины земли, и там оказывается значительное усиление сельской буржуазии. Вот, например, итоги землеустройства в Трокском уезде, Виленской губ., т.-е. как раз в районе с наибольшим развитием капитализма.

Здесь группировка хозяйств до и после землеустройства по подсчетам Рожкова [1] будет такова:

	Крупное хозяйство.	Среднее хозяйство.	Мелкое и пролетаризированное хозяйство.	Всего
До землеустройства . .	15,9	69,8	14,3	100
После землеустройства .	25,5	59,1	15,4	100

Как пишет приводящий эту таблицу Рожков, в результате землеустройства за 6 лет произошла, прежде всего, сильная пролетаризация и рост малоземельного крестьянства, далее развитие сельской буржуазии и, наконец, быстрое сокращение средних „трудовых крестьянских хозяйств", т.-е. в общем и целом рост классовых противоречий, быстрое и сильное развитие сельско-хозяйственного капитализма. Землеустройство дало ему сильнейший толчок.

Расслоение крестьянства после землеустройства по данным обследования 12 уездов было таково:

Распределение обследованных хозяйств в $^0/_0{}^0/_0$ по размерам устроенной площади на надельной земле [2]:

---

[1] Н. Рожков „Аграрный вопрос и землеустройство"—статья в журнале „Современный мир", 1916 г., № 3.

[2] Хозяйства взяты без разделившихся после землеустройства продавших, а также и тех, владельцы которых жили на стороне (всех их насчитывалось по всем уездам 16,7$^0/_0$).

Уезды.	До 5 дес.	5,1—10,0.	10,1—15,0.	15,1—25,0.	Свыше 25 дес.	Всего.
Николаевский	1,2	1,7	17,1	28,5	41,5	100
Красноуфимский	3,8	25,4	32,5	24,2	14,1	100
Бердянский	21,0	30,8	22,2	15,7	9,4	100
Трокский	16,1	37,6	26,9	15,1	4,3	100
Островский	19,3	41,4	25,2	10,8	3,3	100
Сычевский	29,0	48,1	20,6	9,2	1,5	100
Ржевский	26,2	42,4	18,1	11,7	1,6	100
Мологский	32,2	47,5	14,3	5,3	0,7	100
Орловский	48,1	33,0	11,9	5,6	1,4	100
Богодуховский	55,2	31,1	11,5	2,0	0,2	100
Кременчугский	78,8	17,6	2,3	1,3	—	100
В среднем	33,7	32,2	17,7	10,4	6,0	100 [1]

Достаточно посмотреть на эту таблицу, чтобы видеть, что с землеустройством расслоение деревни не только не кончалось, а лишь начиналось. Оказывается, по всем 11 уездам ровно $^1/_3$ всех хозяйств, оставшихся у земли и после землеустройства, имела до 5 десятин на хозяйство, т.-е. явно недостаточно для нормального ведения хозяйства. По отдельным уездам: Орловскому, Богодуховскому и Кременчугскому процент низших групп колебался от 48 до 79%. Как видим, кандидатов на будущий пролетариат было более чем достаточно. Также имелись налицо и элементы подлинной сельской буржуазии, особенно в таких многоземельных районах, как в Николаевском, Красноуфимском и Бердянском уездах, где количество хозяйств, имеющих свыше 15 десятин, колебалось от 25 до 70%—цифры более, чем внушительной.

Разница в земельном обезпечении имела громадное значение для всего последующего развития отдельных групп хуторян и отрубников. Если верхние группы могли воспользоваться всеми преимуществами землеустройства, то этого далеко нельзя сказать про деревенские низы. Возможность развивать свое хозяйство, или пролетаризоваться, что предопределялось мощностью хозяйств, выявлялась между прочим в отношении владельцев вновь устроенных хозяйств к своему собственному положению. У Мозжухина на этот счет мы находим следующую интересную таблицу [2]:

[1] Землеустроенные хозяйства. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственного изменения в первые годы после землеустройства. Петроград. 1913 год, таблица 4.

[2] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губ., стр. 277

	Отношение к новым формам землепользования.				
	Неизвестно.	Неопределенное.	Отчасти положительное, отчасти отрицательн.	Отрицательное.	Положительное.
Хуторяне	1	—	9	8	17
Отрубники	3	8	23	39	55
Всего	4	8	32	47	72
Тоже в %	2,5	4,3	19,0	28 8	44,8

Как видим, по существу довольна своим положением, т.-е. имеет шансы на развитие своего хозяйства, едва только половина, при чем более довольны хуторяне, чем отрубники; об'ясняется это большим многоземелием и большей их зажиточностью. Больше всего недовольны низы. До 3 дес. дают 37,5% недовольных всего числа домохозяев данной группы, от 3—6 дес.—29,8%, от 6—12—25,5%. от 12—20—23,5%, свыше 20—15,4%. Как видим, удовлетворение больше всего испытывает сельская буржуазия. Интересно проследить причины недовольства. Как на главную причину неудовольствия указывается на трудности со скотом—39,1%. Недовольны технической стороной землеустройства 32,2%; на недостатки расселения, дальность школы, скучность жизни на участках, особенно для женщин, жаловались 11,3%. Как видим, тяжелее всего приходилось бедноте.

Для сельской буржуазии землеустройство несомненно открывало большие возможности.

Показателем роста и развития сельской буржуазии может служить ее участие в учреждениях мелкого кредита.

По правительственному обследованию 12 уездов, мы имеем следующие данные:

	% хозяйств, участвующих в учреждениях мелкого кредита.	
	До землеустройства.	После землеустройства.
Николаевский	24,4	57,0
Красноуфимский	16,8	53,3
Бердянский	17,9	64,8

Сельская буржуазия значительно расширяет и применение наемного труда.

	% хозяйств, прибегающих к наемному труду.	
	До землеустройства.	После землеустройства.
Сычевский	33,2	41,0
Ржевский	33,1	37,0
Островский	30,0	45,6
Мологский	30,5	37,6
Орловский	12,1	16,0
Красноуфимский	65,7	76,4
Кременчугский	54,2	65,7
Богодуховский	29,5	40,4
Епифанский	34,5	68,5
Николаевский	25,3	43,8

Сведения о применении наемного труда показывают несомненно значительнейший рост и укрепление сельской буржуазии. Во всех без исключения районах процент хозяйств, нанимающих батраков, увеличился на треть, а то—на добрую половину, и это, несмотря на то, что при землеустройстве потребность в наемной силе значительно уменьшалась.

Итак, первый итог землеустройства был таков, что значительно увеличилась дифференциация крестьянства, усилилась сельская буржуазия, значительно возрос деревенский пролетариат и предпролетариат. На развитии последнего мы более подробно остановимся при рассмотрении мобилизации надельного землевладения. Пока же рассмотрим, какие изменения в хозяйстве сельской буржуазии произошли с землеустройством.

Условия развития землеустроенных хозяйств.

Несомненно, громадное значение землеустройства заключалось в том, что оно сверстывало разбросанные в десятках мест мельчайшие полоски в одно место и сближало землю с усадьбой. Мы уже отмечали, какое громадное значение это имело для повышения производительности труда и для прекращения той хищнической растраты сил и средств, которая была так велика при общинном землепользовании. Результат землеустройства в отношении мелкополосицы и многополосицы виден из следующей таблицы, приведенной в материалах по обследованию 12 уездов [1].

	Процент хозяев, имевших и имеющих надельную землю в кусках:										
	В 1-м	2	3	4—5	6—10	11—20	21—40	41—60	61—100	Свыше 100	Всего.
До землеустройства	3,9	2,1	3,8	14,5	26,9	20,2	16,1	6,0	4,4	1,5	100
После землеустройства . . .	26,4	48,9	17,7	—	—	—	—	—	—	—	100

[1] Землеустроенные хозяйства по 12 уездам, табл. 6.

Результаты достаточно наглядные. Если раньше подавляющая часть хозяйств имела землю в числе участков от 4 до 40, то теперь подавляющая часть от 1—2 участков.

В отношении приближения земли к усадьбе мы имеем следующую таблицу:

	Число хозяев в %, у которых самый отдаленный участок надельной земли находился и находится от усадьбы на расстоянии в верстах:							
	0,0	До 0,25	0,25—0,5	0,5—1,0	1,0—3,0	3,0—5,0	Свыше 5.	Всего.
У единоличных хозяйств, вообще:								
До землеустройства	2,4	0,8	4,2	14,7	28,9	12,6	36,4	100
После землеустройства	26,2	5,5	7,5	10,7	21,0	12,1	17,0	100
У хуторских хозяйств:								
До землеустройства	0,6	0,8	6,2	24,9	47,4	8,0	12,1	100
После землеустройства	70,0	3,0	5,1	8,4	8,4	1,6	3,5	100

И эта таблица достаточно наглядно иллюстрирует полезный эффект землеустройства, особенно при создании хуторов. Если до землеустройства 64,8 всех хозяйств имели участки земли на расстоянии большем, чем 1 верста, а 12,1% из них даже на расстоянии большем, чем 5 верст, то понятен будет эффект землеустройства, который дал 70% домохозяев, у которых земельный участок находится при усадьбе.

Несомненно, устранение чересполосицы, мелкополосицы и сближение усадьбы с землей имело громаднейшее положительное значение для развития хозяйств создающейся буржуазии. Устранение недостатков прежнего землеустройства значительно повышало производительность труда, позволяло вводить ряд существеннейших улучшений в хозяйство. И вот эти улучшения нам и предстоит сейчас рассмотреть. Однако с этой стороны дело обстояло не вполне благополучно, особенно в отношении хуторов и отрубов, созданных на банковской земле.

Несомненно, хутора отнюдь не дали того эффекта, которого ожидало правительство и не могли дать. Насаждая их, правительство рассчитывало на две взаимно-враждебные силы. Продавая землю крестьянам, правительство старалось всячески оградить интересы самих помещиков, и потому неимоверно взвинтило цены на продаваемые земли. Последнее же до крайности затрудняло создание крепкого зажиточного крестьянства и тем самым в значительной мере тормозило хозяйственное развитие. Вновь создаваемые хуторяне обязаны были выплачивать банку значительную ростовщическую ренту, которая, несомненно, тор-

мозила переустройство их хозяйства на новом месте. Например, по данным Симбирского[1] бюджетного обследования, платежи за купчую землю составляли до четверти общего валового дохода хуторян, выселившихся на купчую землю, что можно видеть из следующей таблицы:

Группы хоз.	Хуторяне и поселковцы.					Общинники.				
	Земли десятин на 1 хоз.	% купч. земли.	Денежн. расх. всего на 1 хоз. в руб.	Уплата за купчую землю. В рублях.	Уплата за купчую землю. В % ко всему ден. расх.	Земли десятин на 1 хоз.	% купчей земли.	Всего ден. расх. на 1 хоз.	Уплата за купчую землю. В рублях.	Уплата за купчую землю. В %.
До 4,0 дес.	—	—	—	—	—	3,1	—	249,31	—	—
4,1— 6,0	5,3	48,84	352,5	59,1	16,7	5,2	6,5	226,2	4,8	2,1
6,1— 8,0	7,4	92,5	261,0	70,8	27,1	7,2	15,9	297,3	10,2	3,4
8,1—10,0	9,2	92,9	340,7	91,1	26,7	9,3	29,9	310,8	16,5	5,3
10,1—15,0	14,3	83,3	452,2	109,9	24,3	12,3	32,9	441,4	30,5	6,9
15,1—20,0	17,9	84,0	540,8	142,5	26,3	17,2	32,4	623,9	45,8	7,3
20,1—30,0	24,3	61,9	750,6	160,8	21,4	24,2	52,3	794,3	130,3	16,9
30,1 — и более	41,34	51,6	729,2	113,0	15,5	33,3	22,3	1215,0	106,5	8,7
В среднем:	13,0	80,7	439,2	107,3	25,4	10,6	27,9	407,1	26,3	6,4

Достаточно посмотреть на 5 и на 10-ую графу, чтобы видеть, какую колоссальную часть крестьянского дохода поглощает уплата ростовщической ренты помещикам. У хуторян по всем группам уплата за купчую землю составляет 25,4% всего денежного расхода на каждое хозяйство. Цифра прямо-таки умопомрачительная. У общинников, понятно, расход на купчую землю гораздо ниже, — он составляет всего 6,4%. Столь громадные платежи у хуторян приводили к тому, что значительных улучшений они проводить не могли, так как создаваемая ими прибавочная стоимость отнюдь не могла капитализироваться в хозяйстве, а уходила в карман помещиков. Тяжелое „финансовое положение“ хуторян и отрубников прекрасно иллюстрируется следующей таблицей, показывающей задолженность землеустроенных хозяйств в трех волостях Богородицкого уезда, Тульской губ.:

[1] Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянск. хозяйствам Симбирской губ. (обследование 1913 г.). Симбирск, 1916 г.

Группы хозяйств[1].	Хутора. $^0/_0$ хозяйств, имеющих долги.	Величина долга на 1 хоз. в рубл.	Отруба. $^0/_0$ хозяйств, имеющих долги.	Величина долга на 1 хоз. в рубл.
До 3-х десят. . .	100	—	56,3	74,4
3—6 » . .	100	295	91,1	111,3
6—12 » . .	100	1.094	87,2	245,8
12—20 » . .	100	1.667	71,4	1.118,5
Свыше 20 » . .	100	2.312	85,8	1.542,8
Всего. . . .	100	1.567	90,6	408,4

Таблица показательна в том отношении, что все 100$^0/_0$ хуторян являются должниками, как мы увидим далее, главным образом крестьянского банка. Хотя, как мы будем говорить далее, этот долг является долгосрочным, все же крестьянам приходилось ежегодно вносить не только погашение по ссуде, но и следуемый $^0/_0$. Характерно, что хуторяне значительно более обременены долгами, отрубники же несколько меньше. Хотя в абсолютных размерах на высшие группы падает и больше долгу, зато, если перевести этот долг в расчете на единицу площади, то окажется, что больше всего обременены долгом низшие группы.

Весьма интересно выяснить, кто же является кредитором крестьян. Следующая таблица показывает распределение долга по различным кредиторам.

Группы хозяйств.	Процент долга к общей сумме задолженности. Крест. банку.	Землеустроит. комис.	Кредитн. Т-вам.	Сельск. Общ. за излишки.	Частным лицам.	Всего
	у хуторян					
До 3 десят. . .	—	—	—	—	—	—
От 3—6 » . .	81,4	—	18,6	—	—	100
6—12 » . .	81,6	12,6	3.7	—	2,1	100
12—20 » . .	85,9	9,9	2,8	—	1,4	100
Свыше 20 » . .	92 2	5 9	1,2	—	0,7	100
Всего. . . .	88,2	8,2	2,7	—	0,9	100
	у отрубников					
До 3 десят. . .	—	44 8	55 2	—	—	100
От 3—6 » . .	23.8	22,7	44,3	0,7	8,5	100
6—12 » . .	60,1	4,6	23 2	1,4	5.7	100
12—20 » . .	91,3	4,0	3,6	—	1,1	100
Свыше 20 » . .	90 6	1,4	5,4	—	2,6	100
Всего. . . .	75,7	6,5	13,3	1,3	3,2	100

[1] Мозжухин. Цит. соч., стр. 240.

Главным кредитором крестьян был крестьянский банк. Так как задолженность банку являлась задолженностью по купленной земле, т.-е. уплатой земельной ренты земельным монополистам, весь этот долг был крайне непроизводительным, который отягощал развитие хозяйств сельской буржуазии. Мы неоднократно отмечали и еще будем иметь возможность об этом говорить: задолженность сельской буржуазии, из‘ятие у нее прибавочной стоимости помещиками, является одной из причин ее оппозиционности по отношению к помещичьей власти.

Задолженность частным лицам, что весьма показательно, значительно больше у низших групп. Это доказывает их значительную зависимость от местного ростовщического капитала. У низших групп задолженность землеустроительным комиссиям и кредитным товариществам опять-таки значительно выше. Об‘ясняется это тем, что при абсолютно меньшем размере кредитования последними, долг у этих групп относительно выше, так как они меньше пользуются кредитом у крестьянского банка, так как не имеют возможности покупать землю.

Большая задолженность крестьянскому банку отнимала накапливаемую сельской буржуазией прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость не капитализировалась в сельском хозяйстве, а уходила на непроизводительное потребление помещиков. Это являлось несомненно одной из причин замедленного развития крестьянского хозяйства, даже хозяйств сельской буржуазии. Именно в высокой ипотечной задолженности и выявляется основное противоречие между капиталистическим способом производства и собственническими производственными отношениями.

Несомненно, этой высокой задолженности приходится приписать то, что хозяйства вновь созданных хуторян и отрубников не могли успешно развиваться. Почти все имеющиеся обследования хуторских и отрубных хозяйств указывают на очень слабый прогресс.

Немногим лучше было положение тех хуторян, которые вышли из общины. Им пришлось пережить особенно в первое время довольно болезненный период переходного хозяйства. Принимая во внимание отмеченное условие развития землеустроенных хозяйств, рассмотрим результаты землеустройства. Начнем с рассмотрения его влияния на животноводство.

Животноводство.

По 12 ти уездам в отношении хозяйств, созданных на надельных землях, имеются следующие сведения о сокращении животноводства после землеустройства:

Виды скота.	До землеустройства.	При обследовании.	Увеличение или уменьшение. (+) абсолютн. чис.	(—) в $^0/_0$-ах.
Лошади	23.794	22 821	— 973	— 4
Жеребята	2.561	3.487	+ 926	+ 36
Верблюды	392	718	+ 326	+ 83
Коровы	21.104	20 840	— 264	— 1
Быки и волы	4.294	3.472	— 822	— 19
Нетели, бычки и телята	9.762	13.918	+ 4.156	+ 41
Овцы и козы	45.137	29.873	—15.264	— 34
Свиньи	23.329	25.479	+ 2 150	+ 9
Птицы	207.023	208.040	+ 1.017	+ 0,5

Таблица показывает значительное сокращение овец и коз—на целых 34$^0/_0$. Незначительно сократились лошади—на 4$^0/_0$, количество коров осталось почти без перемен, Зато значительно увеличилось количество молодняка—жеребят на 36$^0/_0$, и молодняка рогатого скота на 41$^0/_0$. Последнее несомненно указывает на имеющуюся тенденцию после землеустройства к улучшению животноводства. Сокращение лошадей несомненно об'ясняется уменьшением потребности в тяговой силе, благодаря приближению земли к усадьбе. Сокращение же овцеводства в порядке вещей перехода от экстенсивного животноводства к интенсивному.

Однако, сокращение и увеличение животноводства далеко неравномерно распределялось по различным районам. На северо-западе мы действительно имеем сильное развитие интенсивного животноводства, на юго-востоке, наоборот, его значительное сокращение. Последнее можно видеть из следующей приводимой в работе Бруцкуса таблицы:

Увеличение (+) или уменьшение (—) численности голов на двор после землеустройства.

Уезды:	Рабочие лошади и верблюды.	Крупный рогатый скот.	Мол. крупн. рог. скота и лошадей.	Овцы и козы.	Свиней.
Мологский, Яросл. губернии	—	+ 0 3	+ 0,7	—	+ 0,5
Трокский, Вил. губ.	—	+ 0,2	+ 0,1	— 1,1	+ 0,6
Островский, Псковск. губ.	+ 0,1	+ 0,1	+ 0,6	— 0,8	+ 0,3
Орловский у.	—	+ 0,1	+ 0,3	— 0,5	+ 0,1
Ржевский, Твер. губ.	—	—	+ 0,2	— 0,5	+ 0,2
Сычевский, Смол. губ.	—	—	+ 0,2	— 1,2	+ 0,2
Богодуховский, Харьк. губ.	—	— 0,1	+ 0,2	— 2,0	—
Кременчугский, Полт. губ.	—	— 0,1	+ 0,1	— 0,6	—
Красноуфимск. Перм. губ.	— 0,1	— 0 2	+ 0,5	— 0,6	— 0,2
Бердянский, Тавр. губ.	— 0,2	— 0,2	— 0,1	— 0,6	—
Николаевский, Самар. губ.	— 0,4	— 0,9	—	— 1,7	—
Итого	—	— 0,1	+ 0,4	— 1,1	+ 0,1

Сопоставление движения животноводства по отдельным уездам показывает, что в отношении лошадей лишь только в Островском уезде, Псковской губ., на 0,1 увеличилось на двор количество лошадей. Во всех остальных уездах, наоборот, наблюдается значительнейшее сокращение, особенно в юго-восточных и южных, как в Николаевском, Бердянском и Красноуфимском. В отношении крупного рогатого скота и свиней имеется увеличение лишь в северо-западных и, отчасти, в центральных уездах России, в южных и юго-восточных опять-таки весьма значительное сокращение. Даже в отношении молодняка и то в противоположность всем остальным Бердянский и Николаевский уезды дают сокращение. Только в отношении овец и коз мы имеем сокращение по всем без исключения уездам.

Общее сокращение животноводства, конечно, вполне понятно. Вот данные о способах содержания скота, которые мы находим у Мозжухина. Из числа опрошенных им 35 хуторян только 4 содержат скот в стойле круглый год, 17 держат на привязи и на отгороженных лужайках своих участков. Один, кроме того, приарендовывает выгон, а 6 хозяев держат скот частью у себя на участке, частью же на общих выгонах, отведенных участникам землеустройства; четверо пасут скот только на общих выгонах, и только трое соединили свои участки так, чтобы пары приходились смежно, и пасут на них скот сообща. Но все же, как ни тяжело было первое время новым хуторянам приспособиться к содержанию скота без общественных выпасов, все же 32 домохозяина из 35 совершенно прекратили пастьбу по парам (234 стр.). Из числа 119 обследованных Мозжухиным отрубников трое держат скот на участке на привязи или свободно, 79 пасут на общих выгонах; двое пользуются мирским стадом, четверо отдали овец на выпас родственникам, 9 арендовали особые выгоны, 19, т.-е. менее $^{1}/_{6}$, соединили отведенные им при землеустройстве участки для совместной пастьбы по парам и лугам. Пожалуй, пример со скотом является самым лучшим доказательством всей нерациональности мелкого участкового землепользования. В работе Гофера—„Крестьянин, как производитель“ (приложенной к книге Каутского „Социализация сельского хозяйства“) [1] мы находим интересные сопоставления крупного и мелкого хозяйства в области земледелия, животноводства и т. п. Гофер весьма картинно описывает рациональную постановку животноводства в крупном хозяйстве и не только не рациональную, но прямо-таки комичную в мелком. Гофер ярко изображает мытарства мелкого крестьянина со скотом, который ему приходится пасти все лето на привязи по межнякам и небольшим лужайкам.

---

[1] Karl Kautsky. Die sozialisirung der Landwirtschaft. Mit einem Anhang von A. Hofer—Der Bauer als Erzieher. Berlin, 1921.

Несомненно, этими затруднениями со скотом особенно в первый период, когда вышедшие на участки хозяева большей частью лишились общинных выпасов и при медленном изменении полеводства еще не успели накопить достаточно кормовых средств для стойлового содержания скота, и об‘яснялось общее сокращение животноводства.

Если на северо-западе, где и ранее было развито травосеяние, крестьяне с переходом на участки быстро приспособились к стойловому содержанию скота, то в земледельческом центре, а особенно на юге и юго-востоке, где хозяйство еще не было к этому приспособлено, крестьянам пришлось просто сокращать свое скотоводство.

Особенно тяжело было положение отрубников, трудности которых в отношении выпаса скота усугублялись еще дальностью земли от усадьбы.

Этим об‘ясняется, что у отрубников животноводство сократилось еще более, чем у хуторян. Последние скорее приспособились к содержанию скота в новых условиях.

Увеличение (+) или уменьшение (—) колич. скота на двор, у хуторян и отрубников выражается следующей таблицей:

	Лошади (верблюды).	Крупный рог. скот.	Молодн. крупн. рог. скота и лошадей.	Овец.	Свиней.
Хутора	+ 0,1	+ 0,2	+ 0,8	— 0,8	+ 0,4
Отруба	— 0,1	— 0,2	+ 0,2	— 1,3	—

Сравнение хуторян и отрубников показывает, что по всем видам скота, за исключением овец, положение у хуторян значительно лучше, чем у отрубников. Об‘ясняется это несомненно тем, что хуторяне, с одной стороны, были сильнее, а с другой—более удобное расположение земли давало им возможность лучше устроиться со скотом, чем отрубникам.

Несмотря на общее уменьшение скота, все же, как среди отрубников, так и среди хуторян замечается некоторое сокращение процента бесскотных.

% бесскотных до и после землеустройства:

Уезды.	До землеустройства	После землеустройства
Островский	8,7	7,7
Мологский	22,2	16,6
Ржевский	7,1	9,7
Сычевский	9,5	11,6
Епифанский	10,9	4,7
Орловский	15,3	13,2
Богодуховский	20,0	22,1
Кременчугский	28,8	28,8
Красноуфимский	7,1	3,3
Николаевский	11,6	7,8
Бердянский	22,3	24,0

Только по 4-м уездам: Ржевскому, Сычевскому, Богодуховскому и Бердянскому наблюдается увеличение числа бесскотных, по остальным—некоторое уменьшение.

Уменьшение числа бесскотных для нас будет вполне понятно, если мы примем во внимание, что в таблицу не попали те хозяйства, которые после землеустройства свои участки целиком продали, и те, которые не жили на своей земле. Что касается оставшихся у земли, то несомненно они, как более сильные хозяева, должны были скорее обзавестись скотом, тем более, что и само землеустройство должно было этому способствовать.

Интересные данные о движении скота имеются по трем волостям Богородицкого уезда, Тульской губернии [1].

		Не вели хоз.	% дворов. Без скота.	Без лош.	Без коров.	Всего скота на 1 хоз. В переводе на крупн.	Стоимость в руб.
Хуторяне	В момент выдела	20,0	3,6	—	3,7	6,2	330,3
	» » исследования	—	—	—	5,9	5,5	554,2
Отрубники	В момент выдела	7,0	3,3	14,9	7,0	4,2	231,0
	» » исследования	—	1,6	24,3	15,1	3,4	243 4
У всего населения		—	13,2	22,7	17,3	3,5	192,7

Прежде всего отметим, что, если среди хуторян раньше не вели хозяйства совершенно 20%, а у отрубников 7%, то в момент исследования—оказывается—уже все начали вести хозяйство. Процент бесскотных у отрубников уменьшился почти в 2 раза. Вместе с тем заметно увеличение числа безлошадных у отрубников и увеличение числа бескоровных у обеих групп. Уменьшение скота по всем его видам довольно значительно у обеих групп. Не должен вводить в заблуждение тот факт, что возросла стоимость скота в расчете на одно хозяйство, Об'ясняется это тем, что за годы землеустройства значительно поднялись цены на все виды сельско-хозяйственных продуктов, в том числе и на мясо, так что, при уменьшении количества скота, стоимость его возрастала, но по причинам, лежащим вне данного хозяйства.

Понятно, сокращение скота далеко не одинаково распределялось по различным группам крестьянства.

На одно хозяйство приходилось в среднем скота [2]:

---

[1] Мозжухин, цит. соч., стр. 227—229.
[2] Там же, стр. 231.

Группы хозяйств.	Хуторяне. Во время выдела.	Хуторяне. Во время исследования.	Отрубники. Во время выдела.	Отрубники. Во время исследования.
До 3-х десятин	—	—	2,3	1,3
3—6 »	3,2	3,2	3,6	2,3
6—12 »	3,8	2,8	4,5	3,9
12—20 »	5,2	5,0	5,5	4,5
Свыше 20 десятин	9,1	9,2	7,2	6,9
Всего	6,2	5,6	4,3	3,5

Уменьшение скота идет по всем группам; однако, у хуторян большее уменьшение скота дают группы от 6 до 12 дес., по остальным же группам падение не велико, при чем характерно, что как раз низшая группа сохраняет скот на прежнем уровне, а высшая группа даже увеличивает на 0,1. Это лишь только доказывает более зажиточный характер хуторян, даже и менее обеспеченных землею. У отрубников картина несколько иная: наибольшее сокращение скота там дают как раз низшие группы. Это показывает, что там, как мы уже указывали выше, было не мало кандидатов и на деревенскую бедноту.

Итак, в отношении животноводства нам приходится отметить общий его кризис с землеустройством в связи с переходом от выгонного содержания скота к стойловому, при чем кризис слабо выражен на северо-западе и весьма сильно на юге и юго-востоке.

Техническое оборудование устроенных хозяйств.

Теперь рассмотрим, какие изменения произошли в отношении оборудования устроенных хозяйств мертвым инвентарем.

Здесь несомненно дело обстояло куда более благополучно.

	Число орудий на 100 хозяйств. До землеустройства.	При обследовании.
Плугов	59,7	83,6
Борон с железн. зубьями	141,1	144,5
Борон железных	5,1	12,0
Сеялок	1,7	3,4
Жаток и сенокосилок	8,3	11,9
Веялок и сортировок	19,8	26,2
Молотилок	3,1	5,1

Особенно увеличилось применение плугов. Если до землеустройства ими пользовалось около 60% всех домохозяев, то после землеустройства — 83,6%. Более, чем вдвое, увеличилось применение железных борон. Значительно расширилось употребление сложных машин, как жатки, сенокосилки, веялки и т. п.

Аналогичные данные об увеличении применения усовершенствованного инвентаря мы имеем и по земским обследованиям. Вот, например, таблица по земскому обследованию Симбирской губ.[1],

	% хозяйств с усовершенствованным инвентарем.	% хозяйств, удобряющих землю.
Хуторяне и поселковцы	86,1	94,4
Общинники	69,9	72,5
Всего	75,1	76,6

Мы видим, что как в отношении обеспеченности более усовершенствованным инвентарем, так и в отношении % хозяйств, удобряющих землю, хуторяне и поселковцы стоят выше общинников. Заметим только, что в отношении построек хуторяне, конечно, уступают общинникам. Например, по Симбирской губ. средняя стоимость построек у хуторян равнялась 262 рублям, тогда как у общинников—343 рублям.

Также значительный прогресс устанавливается и обследованием Мозжухина по трем волостям Богородицкого уезда, Тульской губернии [2].

		% хозяйств без инвентаря.	На одно хозяйство с инвентарем приходилось. Стоимость орудий.	Стоимость подвижного инвентаря.
Хуторяне	В момент выдела	23,6	63,2	58,3
	» » исслед.	—	104,0	66,0
Отрубники	» » выдела	22,7	27,2	39,5
	» » исслед.	16,4	47,9	44,0

В обзаведении инвентарем мы наблюдаем тот же прогресс, что и в обзаведении скотом, но любопытно, что среди отрубников и после землеустройства еще 16,4% было без инвентаря. В отношении улучшения инвентаря мы также замечаем известный прогресс. Стоимость орудий на одно хозяйство, также и стоимость подвижного инвентаря, т.-е. повозок и т. п.; значительно возросла. По видам сельско-хоз. орудий заметно значительнейшее увеличение количества плугов. У хуторян, например, после землеустройства почти все хозяйства обзавелись плугами. Хуторяне и отрубники обзавелись жатками и косилками, хотя и в значительно меньших размерах. Жаток на 10 хозяйств после землеустройства у хуторян приходилось 1,1, у отрубников — 0,3, косилок—1,3 и 0,6.

[1] Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губ. Симбирск, 1916 г.

[2] Мозжухин. Цит. соч., стр. 223.

Мы рассмотрели движение инвентаря у хуторян и отрубников, взятое в целом. Однако, несомненно, средние цифры значительно затушевывают действительность. Поэтому возьмем данные по группам. В таком случае % хозяйств без инвентаря и средняя стоимость инвентаря на одно хозяйство в трех волостях Богородицкого уезда, Тульской губ., выявятся следующей таблицей [1]:

Группы хозяйств по землевладению.	% хозяйств без инвентаря.				Средняя стоимость инвентаря на 1 хозяйство.			
	Хуторяне.		Отрубники.		Хуторяне.		Отрубники.	
	Во время выдела.	Во время исследов.	Во время выдела.	Во время исследов.	Во время выдела.	Во время исследов.	Во время выдела.	Во время исследов.
До 3 десятин . .	—	—	59,0	68,7	—	—	4	9,5
3—6 » . .	50,0	—	28,6	17,8	4	9,5	11	20,0
6—12 » . .	33,3	—	15,8	15,1	17,4	30,8	20,4	41,8
12—20 » . .	22,2	—	7,1	—	54,0	85,3	44,2	76,5
Свыше 20 десят. .	8,3	—	7,1	—	106,6	207,0	79	122,9
Всего . . .	23,6	—	29,7	16,4	63,2	104	27,2	47,9

Таблица показывает, что состав хуторян был далеко не однороден. Любопытно, что из числа самых мелких хуторян,—до 6 дес.,—50% было совсем без инвентаря, после же землеустройства они начали им обзаводиться. Несомненно, эти мелкие хуторяне отнюдь не являлись деревенскими низами. Иначе было бы совершенно непонятно, откуда вдруг у них появились средства не только на покупку земли,—большинство из них было образовано на банковской земле,—но и на обзаведение инвентарем. Оказывается, среди хуторян после землеустройства, в момент обследования, не оказалось ни одного хозяйства без инвентаря. Совсем обратные данные мы имеем в отношении низших групп у отрубников. Оказывается, самая низшая группа, до 3 дес., имела 59% хозяйств без всякого инвентаря. После землеустройства они не только не обзавелись инвентарем, но, наоборот, число без‘инвентарных среди них значительно увеличилось, именно с 59% поднялось до 68,7. И среди следующих групп, от 3 до 12 дес., и после землеустройства также сохранялись без‘инвентарные. Это как раз доказывает то, что среди отрубников было немало тех крестьян, которые в сверстании земли или искали возможности более дорого продать свои участки, или же это были те крестьяне, которые в выходе на отруба напрасно искали возможности избавиться от пролетаризации. Эта таблица показывает, что, как мы отмечали выше, хуторизацией России—процесс

[1] Мозжухин. Там же, стр. 224.

дифференциации отнюдь не кончался, а только начинался. В среде самих хуторян и отрубников было не мало кандидатов на сельскую буржуазию и не меньше кандидатов на будущий пролетариат.

Полеводство.

Теперь рассмотрим, каковы были изменения в полеводстве после землеустройства.

Почти все имеющиеся обследования хуторских и отрубных хозяйств указывают на весьма слабый прогресс среди вновь созданных хозяйств, но зато отмечают всюду достаточно выраженную тенденцию к улучшению.

Обследование Вольно-экономического общества отмечает, что во вновь созданных хозяйствах почти никаких заметных улучшений произведено не было [1], а иногда наблюдалось и ухудшение. Строй полеводства остался почти без изменения. Возможно, что отсутствие улучшений об'ясняется тем, что данное обследование производилось в 1911 г., т.-е. лишь через 5 лет после начала землеустройства, когда все созданные хозяйства насчитывали всего 2—3 года своего существования и, понятно, должны были переживать довольно болезненный переходный период.

Как говорит автор одной ревизии землеустроенных хозяйств, „теперешние (1909 г.) хутора ведут самый первобытный хищнический метод хозяйства". „Только наиболее передовые хозяева переходят к черному пару, т.-е. трехполью... вообще положение отчаянное"... „Я видел семьи,—говорит Клопов,—из 10 человек, сидящие на клочке в 2—5—6 десят. земли, затратившие последние гроши, добытые путем займа, на перенос своих хат, живущие впроголодь на покупном хлебе уже теперь (ноябрь 1909 г.) после обильного урожая. Какую-нибудь развалившуюся печь крестьянину не на что поправить. Доходов впереди никаких, и остаются неудовлетворенными его самые элементарные нужды. Многие сидят без воды, так как лужи, из которых они черпали воду, замерзли, на устройство же колодцев нет средств [2]. Такие картины можно наблюдать, например, на Змиевских хуторах Орловского уезда, образованных из деревень—Красной слободки, Дурново и других, т.-е. около самого административного центра губернии, где, как говорят, благосостояние крестьян неизмеримо выше, чем в остальных местах" (26 л.). „Нельзя удивляться,—заключает Клопов,—что на надельных землях крестьяне вообще трудно решаются переходить к хуторам" (27 л.).

---

[1] Чернышев. Община после 9 ноября 1906 года, ч. I, стр. 24—25, 124—127, 163, 174, ч. II, стр. 14, 85, 132.

[2] Дело Канцелярии комитета по землеустр. делам, 1909 г. № 5586. Сообщение Клопова об осмотре хуторских посеков, 26 л.

„Пусть оставляют меня без наград за малое число хуторов,— говорил мне один непременный член,—но я не могу заставлять крестьянина переносить его каменную постройку и поневоле соглашаюсь на отруба“... „Другой непременный член, энергичный, знающий, в высшей степени сердечно (!) относящийся к делу, оставляет службу едва ли не из-за малого числа заведенных у него хуторов... Никто из опрошенных мною крестьян не знаком со стойловым способом содержания скота, и не только не применяет его, но сомневается даже в практической его исполнимости. Попросту, на малоземельных хуторах не держат коров, овец и подавно“.

В более поздних обследованиях 1912—1913 года мы уже имеем целый ряд указаний на значительное улучшение в участковых хозяйствах. Вряд ли стоит говорить, что эти улучшения особенно рекламировались царским правительством, которое, как мы отмечали выше, производило специальные обследования в целях доказательства тех благ, которые принесло крестьянам землеустройство.

По правительственному обследованию мы имеем следующую таблицу, показывающую распределение посевной площади в землеустроенных хозяйствах по отдельным культурам.

	Сычевский.	Ржевский.	Островский.	Мологский.	Орловский.	Трокский.	Красно-Уфимский.	Кременчугский.	Богодуховский.	Бердянский.	Николаевский.
Свекла	—	—	—	—	0,4	0,4	—	0,2	0,8	—	—
Картофель	5,1	3,9	4,3	4,3	5,8	6,5	1,7	1,3	1,1	0,6	0,5
Конопля	—	—	—	—	1,4	—	0,3	0,5	0,7	—	—
Лен	30,9	29,9	20,6	19,8	—	3,6	3,0	—	—	—	—
Трава	33,6	26,0	25,1	23,9	10,3	8,0	6,6	3,1	0,8	0,1	0,3
Кукуруза	—	—	—	—	0,1	—	—	—	—	1,8	—
Подсолнух	—	—	—	—	—	—	—	0,6	0,2	0,2	0,6
Всего интенсивн. культ.	69,6	59,8	50,0	48,0	18,0	18,5	11,6	5,7	3,6	2,7	1,4

Таблица дает правильный ряд падения процента интенсивных культур с северо-запада на юго-восток. В уездах первого района преобладает травопольно-льняное хозяйство, во втором— на юго-востоке—чисто зерновое хозяйство.

Для сравнения состояния землеустроенных хозяйств с хозяйствами, оставшимися в общине, возьмем таблицу, показывающую процент интенсивных культур у хуторян и отрубников и в крестьянских хозяйствах по переписи 1916 г.

Уезды:	% интенсивных культур по обследованию в 1913 г.	В том числе: у хуторян.	у отрубников.	Тоже во всех крест. хозяйствах уезда в 1916 г.
Сычевский	63,6	70,1	69,5	64,4
Ржевский	59,8	59,8	56,8	43,4
Островский	50,0	49,2	51,1	43,1
Мологский	48,0	46,7	48,6	31,7
Орловский	19,5	19.5	15,6	12,3
Трокский	18,5	17,6	20,6	13,6
Красноуфимский	11,6	16,4	9,3	11,0
Кременчугский	5,7	7,5	5,6	7,8
Богодуховский	3,6	8,5	3,4	7,3
Бердянский	2,7	5,7	2,7	8,2
Николаевский	1,4	3,4	1,1	1,8

Сравнение хуторян и отрубников показывает, что в северных и центральных уездах нет определенной связи между формой землеустройства и развитием интенсивных культур, на юге такая связь замечается: процент интенсивных культур там на хуторах, хотя не высок, но заметно выше, чем на отрубах.

Что касается сравнения землеустроенных хозяйств с хозяйством всех крестьян в тех же уездах по переписи 1916 г., то при сравнении этих данных,—пишет приводящий эти цифры Бруцкус,—оказывается, что в 4 северных уездах и двух центральных процент интенсивных культур в землеустроенных хозяйствах выше среднего, наоборот, в 4-х южных уездах он ниже среднего. Повышение процента культур, характерных для интенсивного хозяйства, в северных и центральных уездах относится, главным образом, к расширению посевов трав, которые, хотя уже практиковались в крестьянских хозяйствах, но в меньшем масштабе. Наряду с этим в 4 северных уездах несколько расширилось льноводство, вероятно, за счет вновь поднятых свежих земель. Наоборот, картофель занимает в устроенных хозяйствах даже несколько меньшую площадь, чем в крестьянских хозяйствах; очевидно, перемещение полей было неблагоприятно для этой культуры. Понижение процента интенсивных культур связано в Кременчугском и Богодуховском уездах со сравнительно малыми посевами трав и корнеплодов в устроенных хозяйствах, а в двух степных уездах—с малыми посевами кукурузы и подсолнуха.

Эти соотношения культур в землеустроенных хозяйствах согласуются с приведенными данными о состоянии скотоводства: на северо-западе посевы трав дали возможность быстро укрепить потрясенное землеустройством скотоводство, на юге же травосеяния почти не было и там наблюдался известный кризис в животноводстве.

Само собой разумеется, что улучшения далеко неравномерно распределялись среди различных групп крестьянства. Малозе-

мельные не обнаруживают склонности к интенсификации, что можно видеть в следующей таблице, приводимой Неймарком в его обследовании хуторского расселения в Псковской губ.

Число хозяйств с системой полеводства:

Группы хозяйств.	В абсолютных цифрах.			В процентах.		
	3-х-польн.	4-х-польн.	Много-польн.	3-х-польн.	4-х-польн.	Много-польн.
До 5 дес.	43	1	—	97,7	2,3	—
5,1—10	172	13	3	91,5	6,9	1,6
10,1—15	154	28	7	81,5	14,8	3,7
15,1—20	75	24	10	68,9	22.0	9,1
20 и более	21	15	15	41,2	29,4	29,4
Всего . . .	465	81	35	80,0	14,0	6,0

Как видим, даже в Псковской губ., где вообще были благоприятные условия для перехода к многополью, % хозяйств с трехпольным севооборотом достигает 80%, с четырехпольным—14% и с многопольным всего 6%. Процент конечно небольшой. Но самое интересное, как изменение системы полеводства распространяется по отдельным группам. Оказывается, что более совершенные севообороты у низших групп хуторян наблюдаются только у 2,3%. Зато у высшей группы 58,8%. Это показывает, что вводить улучшения в мелких хозяйствах нет абсолютно никакой возможности. Нужно быть горячим сторонником земельных монополистов — помещиков, или же бестолковым народником, чтобы утверждать, что малоземелье является стимулом к интенсификации хозяйства. Отсутствие земли и необходимых средств является основной причиной, препятствующей развитию этих мельчайших хозяйств. При капитализме их судьба—не развиваться, а пролетаризоваться.

Зато сильно развивается сельская буржуазия. Интересные данные об улучшениях в зажиточных хозяйствах имеются в неоднократно цитированной нами работе Мозжухина по Тульской губ. Последний, полемизируя против тех исследователей, которые утверждали, что в землеустроенных хозяйствах никакого прогресса не замечается, указывает, что, если хутора и отруба даже и остались при прежнем трехпольи, то все же они ввели в него значительные улучшения, например ранний пар, более равномерное и усиленное удобрение, более тщательную обработку пашни и т. п. [1]. В системе полеводства также произошли существенные изменения, особенно у зажиточных хуторян. Мозжухин отмечает, что из опрошенных им 35 хуторян 15, т.-е. 40%, перешли к 4-х-польной и многопольной системе. Из числа

[1] Мозжухин. Цит. соч., стр. 245.

126 опрошенных отрубников то же самое наблюдалось у 17 хозяйств, или у 13,5%. Старое трехполье осталось у 10 хуторян— т.-е. у 30%, и у 68 отрубников, т.-е. 54%. Но одновременно с этим у 10 хуторян (30%) и у 41 отрубника (32,5%) севооборот не был установлен. Об'яснялось это тем, что при землеустройстве им досталась земля или только после овса или только после ржи, так что крестьянам приходилось приспособлять к этому свои посевы (241).

В отношении обработки полей Мозжухин установил улучшение обработки у 86% хуторян и у около 80% отрубников. Крестьяне увеличили глубину вспашки и, что особенно важно, значительно больше стали применять удобрения, и не только навозное, но и искусственное удобрение, как томасшлак. При чем, чем крупнее было хуторское хозяйство, тем больше оно употребляло навоза на единицу пашни.

По сравнению с общинниками хуторяне и отрубники действительно далеко ушли вперед. Так например, если взять ржаное поле, то хуторяне удобряли ежегодно до 45% пашни, отрубники 23,3%, общинники же 7%.

Также значительное улучшение в полеводстве отмечается и в других районах. Например, по Симбирской губ. под посевом люцерны у хуторян будет 2,04%, тогда как у общинников всего 0,11%. Понятно, что улучшение далеко неравномерно распространялось среди различных групп хуторян. По группам процент посева люцерны распределяется следующим образом:

Группы хоз.	% посева под люцерной по отн. к общей площ. посева.
4,1 — 6,0	—
6 1 — 8,0	0,25
8.1 — 10,0	0,54
10,1 — 15,0	0,82
15,1 — 20,0	3,70
20,1 — 30,0	3,43
30,1 и более	6,24
В среднем:	2,04

Как видим, разница в интенсивности хозяйства, если о последней судить по посевам люцерны, довольно значительна. В низшей группе площадь под травосеянием занимает всего 0,25%, в высшей—6,24% [1].

Соответственно с вводимыми в хозяйстве улучшениями должны были увеличиваться и урожаи. Вот несколько иллюстраций. Мозжухиным приводится, например, следующая таблица урожайности в участковых хозяйствах и общинных.

[1] Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам. Симбирской губ. (обследование 1913 года). Симбирск, 1916 года.

Урожай 1912 гoда в пудах с 1 десят.[1]

	Рожь.	Овес.	Просо.	Гречиха.	Горох.	Картоф.
Хутора	65,0	88,6	84,7	64,1	46,5	730,9
Отруба	44,6	72,8	39,4	64,6	54,2	660,6
По уезду	35,0	51,2	32,6	48,2	30,2	632,1

На общее увеличение урожайности указывает и правительственное обследование. Урожайность повысилась особенно в северо-западных уездах.

Также и в южных уездах, как в Бердянском и Николаевском, несмотря на то, что в них скотоводство после землеустройства значительно сократилось, и там урожаи значительно повысились:

Средние урожаи в пудах с десятины за 1912 и 1913 г.г.

Культуры.	Бердянский уезд.			Николаевский уезд.		
	В устроенных-хозяйств.	В сельск общ.	В 1-ых больше на:	В устроенных хозяйств.	В сельск. общ.	В 1-ых больше на:
Озимая рожь	—	—	—	37,3	27,2	10,1
Озимая пшеница	68 2	43.5	24,7	—	—	—
Яровая пшеница	—	—	—	50,6	31,3	19,3
Ячмень	68,8	53,7	15,1	—	—	—

Приведенные цифры показывают весьма значительное повышение урожаев, происшедшее в связи с землеустройством в южных уездах, несмотря даже на сокращение здесь животноводства. Как указывает приводящий эти цифры Бруцкус, при скромном значении удобрения в степях, сокращение пользовательного скотоводства не могло неблагоприятно отразиться на урожаях. Последние должны были повыситься вследствие своевременности обработки и улучшения мертвого инвентаря. На севере же удобрение истощенной или пустошной земли требует ряда лет, чтобы дать результаты.

Итак, подведем итоги изменениям, произведенным в полеводстве после землеустройства. Как мы видим, далеко не всюду и везде переход на участки приводил к переходу к интенсивному хозяйству. Последний, действительно, имел место на северо-западе, где для этого были весьма благоприятные условия. Совсем в ином положении оказались юг и юго-восток. Как это и устанавливается почти всеми исследователями, переход на участки, несомненно, ломал трехполье, но отнюдь не создавал многополья. В этих районах у большинства участковых хозяйств трехполье пока сменилось неурегулированным пестропольем.

[1] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губ., стр. 259.

Аренда до и после землеустройства.

Последнее, на чем нам приходится остановиться—это на влиянии землеустройства на арендные отношения. Обследование правительства по 12 уездам дает нам материал, который с несомненностью устанавливает факт сокращения найма земли после землеустройства. Об'ясняется это тем, что повышение производительности труда на той же площади пашни, которое было достигнуто землеустройством, несомненно понижало спрос на аренду, особенно по тем исключительно высоким, ценам, которые тогда господствовали.

Например, по 4 уездам центральной России, Рожков приводит следующую таблицу об аренде и сдаче земли:

	Крестьяне арендовали:		Крестьяне сдавали в аренду:	
	до землеустройства.	в 1913 г.	до землеустройства.	в 1913 г.
Орловский у.	1.803,9 дес.	767,6 дес.	415,1 дес.	525,1 дес.
Богодуховский у. . . .	2.654,8 »	2.157,9 »	1.399,6 »	2.779,7 »
Кременчугский у. . . .	6.098,0 »	2.974,1 »	234,9 »	830,1 »
Епифанский у. . . .	5.680,0 »	588,2 »	0,0 »	469,9 »

До землеустройства крестьяне всюду арендовали значительные по размерам площади земли.

После землеустройства, в Епифанском уезде аренда земли крестьянами у лиц других сословий сокращается более, чем в десять раз—с 5.680 дес. до 588,2 дес., в Кременчугском в 2 раза — с 6.098 дес. до 2.974 дес., в Орловском более, чем вдвое — с 1.803,9 дес. до 767,6, а в Богодуховском уезде, крестьяне в 1913 г. сдавали в аренду даже больше земли, чем сами арендовали. Рожков, приводя эти цифры, указывает, что в этих уездах полу-крепостного центра „землеустройство, если и не уничтожило вполне, то, во всяком случае, довело до допустимого при капиталистическом хозяйстве минимума крепостническую аренду“[1]. Если о „допустимом“ при капиталистическом хозяйстве „минимуме“ говорить не приходилось (вопреки мнению Н. Рожкова, столыпиновщина не устранила необходимости крестьянской революции и революционного уничтожения остатков крепостничества)[2], то, во всяком случае, сокращение кабальной аренды было на лицо.

В отношении распределения аренды и сдачи земли между хуторянами и отрубниками—мы имеем следующие данные по 3 волостям Богородицкого уезда Тульской губернии.

---

[1] Журн. „Соврем. Мир“ № 3. Н. Рожков. Аграрн. вопр. и землеустройство, 58 стр.

[2] См. Ленин. Собрание соч., т. XI, ч. II, стр. 410 и след.

Аренда и сдача земли.

	% дворов, арендующих землю.	% дворов, сдающих землю.	% арендов. земли —	% сданной земли —	Прирост площади землепользования на 1 хозяйство.
			к количеству ее во владении.		
Хуторяне	57,1	40,0	16,7	11,8	0,9
Отрубники	60,9	23,4	23,7	9,1	1,4
Все население	51,3	18,9	29,6	7,4	1,6

В отношении аренды земли на первом месте идут отрубники в отношении сдачи—хуторяне.

Обращает на себя внимание, что хуторяне дают довольно высокий процент арендующих дворов—57,1%, хотя меньший чем у отрубников—60,9% и опять-таки больший процент дворов, сдающих в аренду (40,0%). Большой % сдачи земли в аренду об'ясняется несомненно тем, что сдают низы, переселившиеся на хутора, или те хуторяне, которые не успели оправиться после землеустройства и потому, естественно, должны были сдавать ту землю, которую они не в силах обработать собственными средствами, тем более, что, благодаря землеустройству, арендная плата еще более возросла. По обследованию 12-ти уездов оказывается, что одна десятина надельной пашни в чересполосном владении стоила 10,4 руб., а в участковом — 17,1 руб., т.-е. больше на $^3/_4$.

Примерно эту же картину аренды и сдачи земли у землеустроенных хозяйств мы имеем, например, и в Симбирской губернии.

Оказывается, здесь среди хуторян процент арендующих дворов составлял 31,9, тогда как среди общинников—71,2, т.-е. почти вдвое меньше, тогда как в отношении сдачи в аренду картина была совсем обратная. Среди хуторян процент сдающих в аренду равнялся 36,1, тогда как у общинников всего 8,5.

Само собой разумеется, что аренда сосредоточивалась большей частью у зажиточных крестьян, что можно видеть из следующей таблицы [1]:

---

[1] Краткие бюджетные сведения по Симбирской губ.

Группы хозяйств.	Хуторяне и поселковцы.				Общинники.			
	Всего земли десятин на 1 хозяйство.	% арендованной земли.	Денежн. расход на аренду.		Всего земли десятин на 1 хозяйство.	% арендованной земли.	Денежн. расход на аренду.	
			В руб.	В % ко всему денежн. рас.			В руб.	В % ко всему денежн. рас
До 4,0 дес. . . .	—	—	—	—	3,1	23,41	17,20	6,9
4,1— 6,0 » . . .	5,3	12,48	17,15	4,8	5,2	24,98	26,86	11,8
6,1— 8,0 » . . .	7,4	1,69	4,0	0,1	7,2	20,68	25,52	8,6
8,1—10,0 » . . .	9,2	4,07	4,58	1,3	9,3	21,03	24,61	7,9
10,1—15,0 » . . .	14,3	6,54	12,50	2,7	12,3	30,97	56,02	12,9
15,1—20,0 » . . .	17,9	6,98	20,38	3,7	17,2	35,15	80,36	12,8
20,1—30,0 » . . .	24,3	25,30	97,83	13,0	24,2	13,43	49,16	6,1
30,1 и более » . . .	41,3	33,87	126,00	17,4	33,3	69,05	264,25	21,7
В среднем » . . .	13,0	10,09	19,57	4,4	10,6	30,68	46,43	11,4

Сравнение хуторян и общинников показывает, что у хуторян аренда земли играла значительно меньшую роль: именно, она составляла всего 10,09 всей посевной площади, тогда как у общинников—30,68. Об'яснялось это тем, что у хуторян основу их землепользования составляли купчие земли. Как видим, в высшей группе как у общинников, так и хуторян арендная пашня играет все большую и большую роль. В высшей группе у хуторян аренда составляет почти целую $^1/_3$ всего землепользования, а у общинников целых $^2/_3$. Переход от надельной земли к купчей земле и к арендной несомненно являлся положительным фактом в капиталистическом развитии деревни.

Однако, за возможность капиталистического развития буржуазия должна была выплачивать колоссальнейшую часть своего дохода помещикам. Вот данные о платеже за купчую и арендованную землю у хуторян и поселковцев Симбирской губ.:

Денежный расход на купчую и арендованную землю[1]:

Группы хозяйств.	% купч. и аренд. земли на 1 хоз.	Всего денежн. расх. на 1 хоз. в рублях.	В том числе на уплату за купчую и арендованн. землю.	%%
4,1— 6,0	61,32	352,51	76,24	21,5
6,1— 8,0	93,15	261,04	74,80	27,2
8,1—10,0	97, 4	340,67	95,64	28,0
10,1—15,0	89,80	452,19	122,38	27,0
15,1—20,0	90,92	540,78	162,87	30,0
20,1—30,0	87,21	750,60	258,64	24,4
30,1 и более	85,49	729,20	238,96	32,9
В среднем	90,77	439,18	126,60	29,8

Таблица более чем выразительна. Вновь созданные хуторяне и отрубники на 9/10 ведут хозяйство на купчей и арендованной земле. Однако, платежи за эту землю поглощают 29,8 всего их валового денежного дохода. Процент более, чем солидный.

Столь ростовщический процент уплаты за купчую и арендованную землю свойственен был не только Симбирской губ. Аналогичные данные мы имеем, например, по Полтавской губ. Вот небольшая таблица, показывающая рост арендных и продажных цен на земли по Полтавской губ. с 1906 до 1915 года[2].

Средняя арендная плата в году:

	Смешанных угодий.			Пахоты.		
	1906/1910	1911/1915	1915	1906/1910	1911/1915	1915
Арендн. цены	11,84	17,38	17,45	12,32	17,32	19,21
Продажн. цены	280	411	377	287	429	429

Как видим, за десятилетие действия реформы арендная плата увеличилась более, чем в полтора раза. Несколько меньше, но тоже значительно увеличилась и продажная цена на землю.

Вполне естественно, что в этих условиях арендная плата поглощала значительнейшую часть валового дохода.

Например, по Тульской губ., Мозжухин приводит следующую таблицу об отношении арендной платы за одну десятину к валовому доходу:

---

[1] Краткие бюджетные сведения по Симбирской губ.
[2] Статистический справочник по Полтавской губ.

Арендная плата за одну десятину.

Годы.	Рожь. В руб.	Рожь. В $^0/_0{}^0/_0$	Овес. В руб.	Овес. В $^0/_0{}^0/_0$
1908	13,21	44,4	11,75	58,5
1909	14,05	45,0	12,03	63,3
1910	13,64	57,1	13,17	80,1
1911	14,54	32,8	13,15	43,3
1912	15,98	64,7	14,58	51,0
В среднем за 1908/1912 г.г.	14,16	52,6	12,88	56,7

Арендная плата непрерывно в абсолютных величинах возрастает. В отношении к валовому доходу она также дает значительную величину; например, арендная плата за рожь в 1908 г. составляла $44{,}4^0/_0$ всего валового дохода, а в 1912 г.—$64{,}7^0/_0$; за овес нет такой ярко выраженной картины возрастания, но и здесь за отдельные годы, например за 1910 год, арендная плата составляла $80{,}1^0/_0$ (!) валового дохода. Цифры чудовищны по своей величине.

Столь большие арендные цены об'ясняются колоссальным спросом крестьянства на аренду земли, который был усилен еще благодаря тому, что в эти годы из-за распродажи помещичьих земель значительно сократился арендный фонд.

Бюджет участковых хозяйств.

Если мы примем во внимание, что вновь созданные хуторяне и отрубники сплошь и рядом, как это мы видели на примере Симбирской губ., целых девять десятых своего землепользования имели на купчей и арендованной земле, то понятно будет, каким непосильным „бременем“ ложились эти платежи на создающуюся сельскую буржуазию. Характерно, что, благодаря грабежу помещиками, хуторяне, несмотря на свою большую хозяйственную мощь и лучшее оборудование живым и мертвым инвентарем, живут значительно хуже, чем общинники. Для доказательства возьмем бюджет устроенных хозяйств и сопоставим приходы и расходы у общинников и отрубников[1]:

ПРИХОД.	Хуторяне и поселковцы. В рублях.	Хуторяне и поселковцы. $^0/_0{}^0/_0$ к итогу.	Общинники. В рублях.	Общинники. $^0/_0{}^0/_0$ к итогу.
От земледелия	340.39	68,9	253,34	54,3
От животноводства	90,13	18,2	85,21	18,2
От личн. промыслов и заработков	63,75	12,9	128,29	27,5
Итого денежного прихода	494,27	100	466,84	100

[1] Краткие бюджетные сведения по Симбирской губ.

РАСХОД.

На покупку земли	107,30	25,4	26 25	6,4
На аренду земли	19,57	4,4	46,43	11,4
Наемный труд	28,04	6,3	31,84	7,8
На постройки: новые и ремонт старых	4,20	0,9	11,10	2,7
Повинности и платежи .	21,51	4,9	25,68	6,3
Долги	15,36	3,5	10,41	2,5
На пищу и личное потребление	243,20	55,6	255,40	62,9
Всего расхода .	439,18	100,0	407,11	100,0
Чистый доход .	+55,09	+7,9	+59,73	+12,8

Сравнение хуторян и общинников в отношении дохода показывает, что по абсолютным размерам доход у хуторян несколько выше, чем у общинников—494 руб. против 466 руб. По источникам дохода главную роль у обеих групп играет земледелие и животноводство. В обеих группах животноводство приносит совершенно одинаковую долю дохода. В отношении земледелия—у общинников процент поступления несколько ниже, благодаря тому, что они вдвое больше против хуторян имеют дохода от промыслов (хуторяне 12,9%, общинники 27,5%).

Что касается расхода, то здесь разница значительная. Прежде всего, у хуторян почти вчетверо больше дохода уходит на купчую землю (25,4% против 6,4% у общинников). В отношении расхода на аренду общинники расходуют в 2½ раза более против хуторян. Хуторяне имеют возможность несколько экономить на наемном труде, о чем мы уже достаточно говорили выше Так как хуторяне более сжаты громадным расходом на землю, то, вполне естественно, у них значительно меньше расходуется на пищу и личные потребности (55,6% у хуторян и 62,9% у общинников).

В виду колоссальных платежей за землю и чистый доход у хуторян значительно ниже, чем у общинников. Несмотря на то, что у них валовой доход выше, они имеют чистого дохода на хозяйство 55,09 рубл., тогда как общинники 59,73 рубля. Если взять чистый доход в процентном отношении к валовому доходу, то оказывается, что у первых он будет составлять 7,9%, у вторых—12,8%, т.-е. более, чем в полтора раза.

Само собой разумеется, что распределение дохода по отдельным группам было далеко не одинаково. В отношении источников дохода верхние группы больший процент имеют от земледелия и животноводства, низшие — от промыслов. Также и в отношении расходов, например, расход на пищу и личные потребности у них менее в процентном отношении, чем в высшей группе, также и процент чистого дохода у них ниже, чем в высших группах, что можно видеть из следующей таблицы:

Соотношение дохода и расхода у хуторян и общинников по группам:

Групы хоз.	Хуторяне и поселковцы.				Общинники.			
	Доход.	Расход.	Чистый доход.	% ко всему денежн. доходу.	Доход.	Расход.	Чистый доход.	% ко всему денежн. доходу.
4,0	—	—	—	—	274,03	249,31	24,72	9,0
4,1— 6,0	372,25	352,51	19,74	5,7	246,74	226,16	20,58	8,2
6,1— 8,0	269,41	261,04	8,37	3,1	326,04	297,33	28,71	8,8
8,1—10,0	365,63	340,67	24,96	6,8	369,69	310,76	58,93	15,9
10,1—15,0	533,64	452,19	81,45	15,2	494,61	441,43	53,18	10,7
15,1—20,0	609,28	540,78	68,50	11,0	729,09	623,89	105,20	14,4
20,1—30,0	833,33	750,60	82,73	9,9	996,57	794,28	202,29	20,3
30,1 и более	952,00	729,22	222,78	28,6	1.442,24	1.214,98	227,26	15,7
В среднем:	494,27	439,18	55,09	7,9	466,84	407.11	59,73	12,8

Таблица дает правильный рост как доходов и расходов, так и процента чистого дохода по отношению ко всему валовому доходу.

Если у низшей группы у хуторян чистый доход составлял лишь 19 р. 74 к. (или 5,7% всего денежного дохода), то в высшей—222 р. 78 к. (28,6%). Аналогичные цифры для общинников будут—24 р. 72 к. (9,0%) и 227 р. 26 к. (15,7%). Как видим, даже несмотря на сильнейшую эксплуатацию помещиков, и то у сельской буржуазии достаточно быстро шло накопление капитала.

Выводы. Подводя итог землеустройству, мы можем сказать, что его темп был несомненно довольно быстрым. Как-никак, за какой-нибудь десяток лет было разверстано на хутора и отруба до 10% общего количества крестьянских хозяйств. Этот результат, несомненно, свидетельствует о быстром ходе землеустроительных работ, который, как известно, всегда и всюду растягивается на десятки лет в виду своей сложности и громоздкости. Помещичье-буржуазное правительство всеми доступными ему средствами пыталось поставить деревню, по определению Ленина [1], на рельсы прусского помещичье-буржуазного типа аграрного развития России, основанного на укреплении частной собственности на землю, в противоположность крестьянско-буржуазному (американскому), основанному на конфискации помещичьих земель. Прусский тип означал „неимоверно-медленное, надолго отдающее власть юнкеру, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства“ капиталистическое развитие. И не будь революции, очень возможно, что столыпинская „реформа“ через

[1] См. Ленин. Собр. сочин., т. XI, ч. I, стр. 17,64 и др.

два-три десятка лет осуществилась бы в своем полном размере. Возможность, при известных благоприятных для нее условиях, осуществления столыпинской политики [1] порождала среди оппортунистического крыла русской социал-демократии теории „капиталистической“ эволюции России, при которой (эволюции), хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми и неизбежными [2].

Как писал Рожков, „при нормальных (!) мирных (!) условиях, это будущее рисовалось бы ясно и отчетливо: капиталистическое развитие деревни должно было неуклонно итти вперед, и параллельно этому отмирали бы все более остатки крепостнического хозяйства. Удельный вес среднего крестьянства в общественной жизни должен был бы падать, росло бы значение богатого крестьянина, зажиточной деревенской буржуазии, и городской наемный труд встречал бы все более расширяющиеся кадры наемного деревенского труда. Нельзя сказать, чтобы эти перспективы были безотрадны“ [3].

„Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали“.

„Перспективы в действительности оказывались куда более отрадными“. На самом деле открывалась возможность бороться за иной путь аграрного развития, „через крестьянскую революцию под руководством пролетариата“ [4]. Как мы убедимся далее, столыпинская „реформа“ сама по себе неизбежно должна была привести к революции. Царское правительство пало жертвой тех внутренних противоречий капиталистического строя, развитие которых было им форсировано.

Капиталистическое развитие деревни, за годы действия землеустройства весьма сильно шагнувшее вперед, обострило противоречие между капиталистическим развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями. Это противоречие выявилось в непомерно высокой ренте, непрерывно возраставшей благодаря давлению монопольного полукрепостнического землевладения, о чем нам придется еще говорить в следующей главе о мобилизации землевладения. Несомненно, рудименты крепостничества весьма сильно тормозили капиталистическое развитие.

Кроме того, малоземелье и отсутствие капиталов, не говоря уже про общую беду для капиталистического хозяйства в России — неразвитость рынка и общую экономическую отсталость, тормозили

[1] Ленин. Собр. сочин., т. XI, ч. I, стр. 64—65.
[2] Там же, т. XI, ч. II, стр. 411.
[3] „Совр. Мир“ №. 3 Н. Рожков, „Аграрный вопрос и землеустройство“, стр. 73.
[4] Ленин. Собр. сочин., т. XI, ч. I, стр. 65.

возможность быстрого капиталистического прогресса насажденных правительством хуторян. Мало того, если эти хуторяне по своей слабости не могли явиться, особенно в первое время, „оплотом“ капитализма в деревне, они не явились „оплотом“ и помещичьей реакции. Тяжесть задолженности, высота податей и налогов, наконец, как мы дальше увидим, и война, — все это делало их солидарными с остальным крестьянством в борьбе против помещичьей власти, за исключением разве тех хуторян и отрубников, которые выделили свою землю в ущерб интересам остального крестьянства. Все это делало неизбежными крах столыпиновщины и крестьянскую революцию в России.

Мы рассмотрели два основных мероприятия царского правительства—разрушение общины и землеустройство, при чем сюда же мы включили и развитие хуторов и отрубов на землях Крестьянского поземельного банка.

Теперь нам необходимо более подробно рассмотреть деятельность Крестьянского банка и мобилизацию землевладения. Последнее даст нам возможность и с другой стороны выяснить, насколько ликвидировались остатки крепостничества, как и насколько обострились капиталистические противоречия, явившиеся предпосылками второй крестьянской революции, а вместе с тем и Октябрьской революции.

ГЛАВА VII.

Мобилизация землевладения.

Распродажа помещичьих земель.

Выше мы цитировали одно место письма Энгельса к Николаю — ону, в котором он предсказывал неизбежность громадного мобилизационного процесса в русском землевладении, который должен был заместить полукрепостнических феодальных землевладельцев новыми капиталистическими собственниками—сельской буржуазией.

Этот процесс интенсивно развивался и после 1905 — 1906 г.г., и нам надо его рассмотреть, так как продажа дворянами своих владений являлась показательной для освобождения землевладения от остатков крепостничества.

Если до 1905 года помещик распродавал свои земли из-за сельско-хозяйственного кризиса, большой задолженности и вследствие непропорционального, по сравнению с доходностью земли, роста цен на земли, то после революции ликвидировать владения заставляли соображения несколько иного порядка. Разгром имений вынудил многих помещиков, как о том поговаривали крестьяне еще до 1861 г., выехать в города и сделал для них „психологически невозможным возвращение в их дворянские гнезда". Но дело, разумеется, здесь было не в одной только психологии,— отряд казаков или чеченцев, а то и стражников, которые в революцию 1905—6 года в изобилии были размещены по имениям для охраны, был вполне надежным средством для укрепления помещичьих нервов. К психологии примешивалась и экономика. Непосредственным результатом аграрных волнений было падение арендных цен — в первые годы после революции в среднем на 30%. По разным губерниям падение колеблется от 28 до 80%. Если помещик бессилен был бороться против временного падения арендных цен и поднятия заработной платы, то у него нашлось средство удержать на высоте продажные цены на землю. Таким средством оказался Крестьянский банк, одной из задач которого было „не допустить пагубное (!) в интересах народного хозяйства

обесценение земельной собственности". Банк повысил земельные цены почти на 50%.

Вот как сами землевладельцы [1] об'ясняют причины продажи земли. „Нынешний порядок вещей в деревне—от неисполнения договоров до разгрома усадеб включительно—совершенно не позволяет вести нормальное хозяйство и получать нормальные доходы; с другой стороны, и ипотечные банки продолжают взыскивать срочные платежи под угрозой продажи с торгов имений, а если в этом отношении Государственным дворянским банком и делаются льготы, то они лишь еще больше в будущем запутывают землевладельцев, тем более, если принять во внимание, что при таких безвыходных условиях у землевладельцев нет даже твердой гарантии в том, что не появится закон об обязательном отчуждении земель в зависимости (?) от случайного настроения в законодательных сферах. Все изложенные обстоятельства и об'ясняют массовое предложение к продаже помещичьих земель, которое имело место в первые годы после революции".

Как мы увидим далее, в течение одного только 1906 г. помещиками было предложено к продаже через Крестьянский банк 7.596.000 дес. В течение же четырех лет 1906—1910 г. фактически через один Крестьянский банк было продано 6.563.300 дес. земли.

Как общее правило, распродавались крепостнические хозяйства, сдававшиеся в аренду или на отработки. Наибольшей устойчивостью отличались капиталистические хозяйства.

О том, что мобилизация землевладений служила ликвидации остатков крепостничества, можно видеть из следующей таблицы, показывающей мобилизацию землевладения по сословиям.

Мобилизация частного землевладения за 1906—1910 г.г. по сословиям в тыс. дес. [2].

	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	Всего.
Дворяне, чиновники и офицеры .	— 4.779,4	— 1.783,9	— 6.563,3
Духовенство	— 14,5	— 0,9	— 15,4
Купцы, поч. гражд., разносословные союзы, т-ва и юридические лица	+ 772,2	+ 271,2	+ 1.043,4
Мещане и рабочие	— 16,1	+ 10,1	— 6,0
Крестьяне	+ 4.186,4	+ 1.430,8	+ 5.617,2

Таблица нам отчетливо показывает перестрой землевладения на капиталистический лад. Теряют, как мы видим, дворяне и чиновники, т.-е. те классы, которые были спаяны с крепостным

[1] „Записка Центрального совета Союза земельных собственников о деятельности Крестьянского банка". (Из дела М. в. д. З. о. № 72, 1907 г.).

[2] Статистич. справочник по аграрному вопросу, вып. I, изд. 1918 г.

землевладением, а приобретает городская и сельская буржуазия. Как мы отлично знаем, под рубрикой крестьян, покупающих землю, на самом деле выступала небольшая верхушка сельской буржуазии. Несомненно положительным, с точки зрения развития производительных сил, фактом является распродажа земли рабочими. Последнее указывает на растущий отрыв рабочих от деревни, т.-е. от своей мелкобуржуазной пуповины.

Несомненно, нормальное, с точки зрения капиталистической мобилизации, явление представляет собою и распределение продавцов и покупателей по размерам землевладения. Как и нужно было ожидать, из дворянских земель распродаются наиболее мелкие хозяйства от 10 до 50 десятин и наиболее крупные свыше 5.000 дес., т.-е. полукрепостные латифундии.

В наиболее чистом виде процесс капиталистической концентрации землевладения наблюдается у купцов, почетных граждан и тому подобных представителей новых „чумазых лордов“. Последнее можно видеть из следующей таблицы распределения сделок по размерам землевладения, показывающей разницу между купленной и проданной землей по каждой группе:

Сделки на землю по размерам имений.	Чернозем. полоса.	Нечернозем. полоса.	По 47 губ.
До 10 дес.	— 245,2	— 26,1	— 271,3
от 10 до 50 дес.	— 801,1	— 227,9	— 1.029,0
„ 50—100 „	— 47,4	— 32,0	— 79,4
„ 100—150 „	— 40,0	+ 21,5	— 18,5
„ 500—1000 „	+ 152,7	+ 85,2	+ 237,9
„ 1000—2000 „	+ 357,9	+ 63,3	+ 421,2
„ 2000—5000 „	+ 545,6	+ 90,7	+ 636,3
Свыше 5000 „	+ 849,7	+ 296,5	+ 1.146,2
	+ 772,2	+ 271,2	+ 1.043,4

Перед нами типичная капиталистическая мобилизация землевладения. Мелкие теряют, крупные приобретают.

Как мы увидим далее, отнюдь не прстиворечит законам капиталистической концентрации землевладения тот факт, что через Крестьянский банк покупали мелкие землевладельцы и мелкими участками. Последнее об‘ясняется тем, что банк крупные участки земли в одни руки не продавал, наоборот раздроблял в целях устройства возможно большего числа крестьян на возможно меньшей площади земли, продаваемой по возможно большей цене.

Быстрая ликвидация помещичьего землевладения, от которого к 1917 г. осталась всего половина того, что было у дворянства в момент реформы 1861 г., говорит за быстрый ход ликвидации остатков крепостничества. Несомненно, ликвидация дворянского землевладения делала неизбежной и ликвидацию дворянской

власти. Не даром правительству пришлось подготовлять себе на местах новую консервативную базу в лице кулачества. При обсуждении в Государственном совете указа 9 ноября, дворянин Шебеко, констатируя „грустный факт быстрой ликвидации помещичьей собственности“, признавал, что „нельзя будет жить долго под охраной закона 3 июня 1907 года. Придется распахнуть двери законодательных учреждений, и поэтому нужно заранее создать на месте прочный консервативный элемент“. Созданию „на месте прочного консервативного элемента“ и служила вся политика столыпинского правительства в области регулирования мобилизации земель через посредство Крестьянского банка.

Мы рассмотрели общие данные о мобилизации землевладения в России.

Так как в этой мобилизации исключительную роль играл Крестьянский банк, то мы специально рассмотрим его деятельность.

Крестьянский банк.

Официально роль банка заключалась в содействии крестьянам в расширении их землевладения, но фактически он являлся одним из важнейших орудий в руках помещиков для наивыгоднейшей продажи своей земли крестьянам и насаждения, впрочем, неудачного, „консервативной“ сельской буржуазии. Далее мы будем говорить о довольно широких ссудных операциях банка, но мы заранее должны предупредить читателя: эти ссуды ни в коем случае не поступали в карман крестьянина. Эти ссуды из рук крестьянина тотчас же передавались в руки тех землевладельцев, у которых он приобретал землю. Обязанность крестьянина заключалась лишь в том, чтобы выплачивать эту ссуду банку.

Только особым пристрастием к столыпинскому правительству можно об‘яснить то, что, например, Бруцкус создание Крестьянского банка рассматривает, как „вмешательство русского правительства в мобилизационный процесс в пользу (!) крестьянства“ [1]. Между прочим, он и сам в другом месте указывает, что Крестьянский банк в своем управлении был об‘единен с Дворянским банком, и в соответствии с этим,—замечает Бруцкус,—он „конечно, соблюдал интересы продавцов земли, во всяком случае, не в меньшей мере, чем покупателей ее“ (!) [2].

Сам же Бруцкус прекрасно вскрывает действительную причину организации Крестьянского банка и расширения его деятельности после 1905—6 г.г. „В то время как помещики усиленно предлагали к продаже свою землю, крестьяне, надеясь

[1] Бруцкус. „Аграрный вопрос“, стр. 16.
[2] Там же, стр. 112.

на грядущую прирезку этой земли, не пред'являли на нее соответствующего спроса... можно было в этих условиях ожидать резкого падения земельных цен".

Весь смысл деятельности банка и заключался в том, что он „не должен был допустить пагубного для помещиков удешевления их земельной собственности". Таким образом, если можно говорить о „вмешательстве банка в мобилизационный процесс", то только в интересах дворянства, и ни в коем случае не в интересах крестьянства, даже его верхушки. Банк являлся могучим насосом для выкачивания из деревни прибавочной стоимости в карман помещика, выкачивания—часто куда более для помещика удобного, чем выкачивание путем самостоятельного хозяйствования в деревне. Вот эту деятельность банка нам и предстоит рассмотреть.

Земельный запас банка.

Прежде всего нам нужно уяснить, каким образом создавался земельный фонд банка.

За время деятельности банка в после-революционный период с 1 января 1907 г. по 1 января 1916 г. в его распоряжении находилось 6.443.527 десятин стоимостью в 578.131.531 руб., т.-е. в среднем по 90 р. за десятину.

По разрядам земель этот запас распределялся следующим образом [1]:

	Количество десятин.	Стоимость в рублях.	Стоимость 1 дес. в руб.
Купленная от частных владельцев	4.561.519	459.400.217	101
Переданная удельным ведомством	1.258.879	70.788.537	56
Перешедшая от неисправных заемщиков	623.129	47.942.777	77
Итого	6.443.527	578.131.531	90

Нельзя сказать, чтобы земельный запас Крестьянского банка был особенно велик. Однако, он был вполне достаточен для того, чтобы правительство могло им оперировать в целях поддержания высоких цен на землю и для создания иллюзий „помощи крестьянству". Между прочим, некоторые исследователи утверждают, что значительная часть банковского земельного фонда находилась в тех районах, в которых крестьяне менее всего нуждались в земле. Например, Н. П. Огановский приводит следующую таблицу, показывающую распределение земельного фонда по районам [2]:

[1] Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г., стр. 113.
[2] Н. П. Огановский. „Революция наоборот", стр. 10.

Губернии.	Число малоземельных дворов.	Банковские земельные запасы в тыс. дес.	На один малозем. двор приходится десят. банков. запасов
8 губерний, имеющих свыше 30% малоземельных	1.447	588	0,4
10 губерний 20—30%	667	974	1.5
13 „ 10—20%	569	1.588	2.8
18 „ 10%	145	1.987	13,7

В приведенной таблице Огановский сопоставляет количество банковской земли с количеством малоземельных, как будто целью банка было удовлетворение нужды в земле этих самых малоземельных. На самом деле, как мы увидим далее, целью банковской деятельности было насаждение и поддержка сельской буржуазии. И приведенная выше таблица как раз последнее и доказывает. Банковской земли было больше всего там, где было многоземельное крестьянство, и менее всего там, где было малоземельное, т. е. где было больше бедноты.

Рассмотрим, откуда и как составлялся земельный запас Крестьянского банка. Рассмотрим его покупные операции [1]:

Годы покупок.	Число имений.	Количество купленных дес.	Общая покупная цена.	Средняя цена за 1 дес.
1895	1	16.256	1.500.000	92
1896	11	48.338	3.957.388	82
1897	60	91.481	5.325.903	58
1898	63	175.527	6.222.484	35
1899	53	72.348	4.286.506	59
1900	48	94.527	6.066.931	64
1901	87	151.885	12.272.234	81
1902	61	90.776	7.288.096	80
1903	69	116.961	12.725.498	109
1904	27	46.583	3.192.987	69
1905	42	56.815	5.345.397	94
Итого за 11 л.	504	961.487	68.183.424	71
1906	700	1.144.461	123.919.122	108
1907	1.191	1.519.847	159.142.534	105
1908	465	572.082	54.804.441	96
1909	189	172.855	19.554.708	113
1910	185	172.189	18.722.362	109
1911	135	196.227	11.857.676	60
1912	125	146.544	32.244.338	85
1913	174	301.194	31.761.920	105
1914	73	83.503	11.385.285	136
1915	20	17.835	2.074.062	116
Итого за 10 л.	3.257	4.326.737	465.466.448	161

[1] Таблица составлена на основании отчетов Крестьянского поземельного банка за 1906—1915 г.г.

Таблица показывает, что наибольшее количество приобретенной земли падает на 1906—1907 г.г. В начале действия столыпинской реформы за 1905 — 1909 г.г. банку было предложено $14^1/_2$ миллион. дес., а куплено им за счет казны 3,4 милл. дес. Об'ясняется такой незначительный процент покупки по отношению к предложению тем, что, как ни щедро было правительство по отношению к дворянству, оно все же не могло безгранично затрачивать средства на покупку земли, тем более, что крестьяне неохотно покупали у банка землю, так как в первые годы вполне резонно ждали прирезки.

Сравнительно медленной ликвидацией, т.-е. продажей банковской земли, и об'ясняется упадок покупных операций с 1909 года. Единственно, когда несколько возрастают покупки, это в 1913 г. Что касается земельных цен, то обращают на себя внимание и очень высокие цены в 1906—1907 г.г. В эти годы цены значительно выше, чем в предшествующие годы. Высота их, конечно, не могла определяться стихийными рыночными причинами. В виду малого спроса на землю со стороны крестьян и большого предложения со стороны помещиков, можно было бы ждать резкого падения земельных цен. Если они не упали, то это об'яснялось исключительно искусственным вздутием цен Крестьянским банком, каковая задача ему и была поставлена в 1905—1906 г.г. Сумма, выплаченная помещикам за землю, купленную у них только самим банком (о прочих землях речь будет ниже), составляла внушительную сумму, около полмиллиарда рублей золотом.

Так как главным поставщиком земли были помещики, то от покупки у них и зависело накопление земельного запаса Крестьянским банком.

Рост земельного запаса Крестьянского банка показывает следующая таблица [1]:

Из остатков земель к 1 января . . .	1907 г.	1.471.164 дес.
» земель, поступивших в	1907 »	2.032.507 »
» » » »	1908 »	1.497.033 »
» » » »	1909 »	283.551 »
» » » »	1910 »	203.210 »
» » » »	1911 »	232.835 »
» » » »	1912 »	198.085 »
» » » »	1913 »	346,525 »
» » » »	1914 »	103.560 »
» » » »	1915 »	66.229 »
Из оказавшихся в излишке при межевании		8.828 »

Сравнение настоящей таблицы показывает тесную зависимость увеличения земельных запасов Крестьянского банка от количества покупаемой у помещиков земли.

[1] Из отчета Крестьянского поземельного банка за 1915 год, стр. 112.

Распродажа банковских земель.

Этот земельный фонд и служил средством для насаждения хуторов и отрубов путем продажи мелких участков крестьянам. По причинам, которые мы рассмотрим несколько ниже, главным комитетом по землеустроительным делам [1] были установлены нормы количества продаваемой на 1 двор земли. Такою нормою считались тройные высшие или указные наделы по положению 19 февраля 1861 года. Местным комиссиям предоставлено было право их повышать и понижать. Уже это установление определенных норм показывает, что ни в коем случае мобилизацию банковской земли нельзя рассматривать, как стихийный процесс. Именно, установлением определенных норм и об'ясняется сравнительно слабо выраженная концентрация банковской земли в руках отдельных покупщиков.

Продажа сравнительно мелкими участками диктовалась для правительства прежде всего необходимостью создать хотя бы некоторую иллюзию помощи малоземельным и безземельным. Однако, в действительности дело было не в одной этой иллюзии. Дело было в том, что продажа мелкими участками была и для помещиков и для банка значительно более выгодна, чем продажа крупными. Помещик, если бы он продал целиком все имение в одни руки, никогда бы не мог получить за свою землю столько, сколько бы он получил при продаже мелкими участками возможно большему числу остро нуждающихся в земле мелких покупщиков.

По этим причинам главным комитетом по землеустроительным делам было решено продавать—во-первых—„недостаточно обеспеченным землею, но вместе с тем не отбившимся от земли и лично занимающимся земледелием“. В целях продажи хуторами и отрубами, которым правительство придавало особое значение, банк, согласно утвержденному 27 июня 1908 г. особому журналу „Совета министров“, принял за правило, что выдача ссуд в высших пределах допускается только при покупке земель в единоличную собственность, и в особенности при переселении покупщиков на приобретаемый участок.

Банком было продано всего 4.116 тыс. десят.: из них—3.216 тыс. дес. отрубными и хуторскими участками, или 78,7%. Из казенных земель было продано на 1 января 1915 года 231.735 дес., из которых 90% приходится на хуторские и отрубные участки. Утверждены же были ликвидационные планы на 585.038, или на 1/6 казенных земель в губерниях Европейской России, имевшихся в распоряжении главного комитета по землеустроительным делам. Заметим, что из 3.600.000 дес. этой земли 1.907.000 были расположены в Самарской и Астраханской губ.

---

[1] Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк деятельности за десятилетие 1906 4/III 1916, стр. 34—36.

Что касается общих итогов продажи земли из банковского запаса по видам продаж, то они выражаются следующей таблицей:

За 1907—1915 г.г. было продано из земель банка:

	Земли дес.	Процент к итогу.
Хуторами	980.942	23,8
Отрубами	2.268.075	54,9
Сельским обществам и товариществам.	682.133	16,6
Учреждениям и частным лицам за наличный расчет	181.881	4,4
Уступлено в обмен безвозмездно на обществ. надобности	13.137	0,3
Всего	4.116.168	100

По отношению к общему количеству банковского запаса, было продано 60,4% всего запаса. По видам устроенных хозяйств значительно преобладали продажи единоличным покупщикам-хуторянам и отрубникам, в руки которых перешло 78,7% общего количества проданной земли. Как мы будем говорить далее, только в первый период деятельности банка преобладали продажи обществам и товариществам, но затем был взят курс на единоличного покупателя, что видно из следующей таблицы [1]:

Годы.	Общее количество проданной со ссудами земли.		Средняя цена за 1 дес.	%% отношение:	
	Десятин.	Общая продажная цена в тыс. руб.		единоличн. ссуд к общему числу.	проданной в единоличное влад. земли к общей площ.
1907	180.148	20.286,5	113	41,8	2,5
1908	324.956	37.675,0	116	91,8	38,8
1909	551.307	74.882,8	136	97,7	78,5
1910	764.771	94.836,2	124	98,6	93,0
1911	679.658	78,712,0	116	99,1	93,9
1912	371.687	45 073,5	121	98,8	93,5
1913	410.118	45,895,8	112	98,7	94,6
1914	290.615	32.417,7	112	98,8	93,9
1915	125.758	13.126,7	104	98,8	92,3

В таблице характерно то, что если продажа земель единоличным покупателям лишь с 1909 года стала подавляюще преобладать над другими сделками, то ссуды уже с 1908 года держатся на 91,8% до 99,1%. Как видим, курс на единоличного покупателя был взят достаточно твердо. Что касается продажи земли по годам, то таблица показывает, что своего максимума продажа достигла в 1910 году, после этого из года в год количество проданной земли понижается и совсем падает в годы войны.

Однако, в деятельности банка интересны не только его операции по продаже земли непосредственно из имений банка. Одновременно он вел посреднические операции по продаже по-

[1] Таблица составлена на основании отчетов Крестьянского позем. банка.

мещичьих земель, а также по выдаче ссуд на покупку земли от частных владельцев под залог земель, купленных без содействия банка, и, наконец, под залог надельных земель. Так как выдача ссуд через банк вскрывает перед нами те суммы народного дохода, которые при посредстве банка перешли в карман к землевладельцам, то мы и остановимся на этих операциях. Последние выражаются следующей таблицей [1]:

Годы.	Ссуды на покупку земель из имений Крестьянского банка. Число ссуд.	Количество проданной земли.	Выдано ссуд рублей.	Ссуды на покупку земель от частных владельцев при посредстве банка. Число ссуд.	Количество покупаемой земли.	Выданная ссуда.
	В	т ы	с я	ч а	х.	
1906	0,2	39,2	2.552,4	2,8	483,5	51.756,9
1907	1,1	180,1	19.736,3	4,3	752,2	88.095,3
1908	13,6	324,9	38 017,0	5,8	694,1	80.266,7
1909	39,4	551,3	70.598,5	11,3	675,8	73.899,0
1910	50,2	764,8	89.212,2	19,5	784,9	80.346,0
1911	40,5	679,7	74.007,9	24,8	717,9	73.319,7
1912	23,4	371,7	42.212,7	20,6	545,6	54.926,6
1913	22,1	410,1	42.903,8	18,5	484,0	49.096,2
1914	15,1	290,6	30.132,7	12,8	383,3	38.142,0
1915	6,5	125,7	12.128,8	5,7	200,8	16.682,9
Итого за 10 л.	212,1	3.738,1	421.502,3	126,1	5.722,1	606.531,3

Годы.	Ссуды под залог земель, купленных без содействия банка. Число ссуд.	Количество покупаемой земли.	Выдано ссуд рублей.	Ссуды под залог надельных земель. Число ссуд.	Количество покупаемой земли.	Выдано ссуд.
	В	т ы	с я	ч а	х.	
1906	0,08	6,0	451,9	—	—	—
1907	0,2	19,9	1.738,5	0,05	32,2	504,6
1908	0,9	46,0	3.763,1	0,2	36,2	765,0
1909	1,8	76,3	5.513,5	0,9	53,9	1.089,0
1910	2,6	117,8	8.792,4	1,1	45,7	1.213,0
1911	2,6	101,4	7.599,6	1,1	23,4	1.116,3
1912	1,9	81,0	6.628,1	1,4	22,9	1.178,4
1913	1,7	62,9	4.928 5	1,7	28,4	1.755,9
1914	1,0	35,2	2.902,7	2,8	25,4	2.346,4
1915	1,7	5,8	516.6	1,1	15,6	1.079,9
Итого за 10 л.	14,48	552,3	42.834,9	10,35	283,7	11.048,5

[1] Таблица составлена на основании отчетов Крест. позем. банка.

Должны заметить, что ссуды ни в коем случае не могут служить показателем всего количества сумм, перешедших от крестьян к частным владельцам через посредство Крестьянского банка, так как ссуды выдавались на покрытие лишь части покупной суммы земли. Так, в период всей деятельности банка ссуды под залог земель, продаваемых из его имений, составляли 80%. При прочих продажах менее этого, но все же и с этой поправкой приведенные цифры показывают громадное количество народных денег, перешедших в карманы землевладельцев через посредство Крестьянского банка Общая сумма, как мы видим, выданных ссуд достигает внушительной суммы в миллиард (1.081.970.000) рублей золотом. Больше всего ссуд перешло по посредническим сделкам банка. На втором месте идут ссуды на покупку земель из имений Крестьянского банка, последнее место занимают ссуды под залог надельных земель. Чрезвычайно интересно движение по годам различных видов ссуд. Ссуды на покупку земель из имений банка достигают максимума в 1910 г., при посреднических операциях—в 1907 году и в том же 1910 г. То же самое наблюдается в отношении ссуд под залог земель, купленных без содействия банка. Зато ссуды под залог надельных земель непрерывно из года в год возрастают, с небольшой заминкой лишь в 1911—12 г.г., и своего максимума достигают в 1914 г. Даже в 1915 году ссуды, хотя и сократились больше чем в 2 раза против 1914 года, все же стоят на уровне 1909 г. Операции по залогу надельных земель непрерывно шли по восходящей линии. Это доказывает быстрое вовлечение в товарный оборот крестьянских земель. Как мы увидим далее, пополнение земельного запаса сельской буржуазии все более и более начинает итти за счет концентрации надельного землевладения.

Сами по себе ссуды не особенно показательны. Для показательности сравним их с расходами по всему ведомству Главного управления землеустройства и земледелия. Оказывается, например, в 1910 г. расходы по всему этому ведомству составляли 85,6 миллиона руб., тогда как ссуды—до 180 миллионов рублей.

Ссуды на покупку земель неизмеримо превосходили все ссуды, выданные на землеустройство, на мелиорации, на переселенческое дело и т. п. Последние измерялись единицами миллионов, тогда как ссуды на покупку земель, выдаваемые только через Крестьянский банк, измерялись десятками и сотнями миллионов рублей. Сумма ссуд, выданных через один только Крестьянский банк, в соединении с ссудами, выданными прочими банками, достигала размеров контрибуции, которую получили немцы с французов после неудачной для последних войны 1870—1871 годов.

Несмотря на то, что до крайности очевидно отрицательное значение, какое имеет для крестьян покупка земли по непомерно высоким ценам, находятся апологеты помещичьего строя,

как Бруцкус, которые даже защищают этот способ мобилизации земли. Например, последний следующим образом расписывает этот грабеж крестьян помещиками. „В вопросе о надлежащем подборе покупщиков,—пишет Бруцкус,—свободная мобилизация земли имеет несомненно преимущество (!) по сравнению с передачей земли из рук в руки в порядке государственно-правового акта в целях удовлетворения потребительских (?) нужд“ (здесь несомненно камешек в сторону „советской социализации“). Бруцкус видит в платеже за землю „гарантию надлежащего использования земли“. Смотрите, как Бруцкус превозносит деятельность банка. „Мобилизационный процесс,—пишет он [1],—привел к переходу земли из рук плохих хозяев (т.-е. помещиков, которые сами не вели хозяйство. *С. Д.*) не в руки всякого (!) случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее ее использование (!)“. Бруцкус, конечно, умалчивает про то, что эта „гарантия“ отнимала капитал от производства и что она являлась гарантией не в пользу земледельца, а землевладельца, получавшего ростовщическую ренту.

Что было бы с русским крестьянином, если бы победил тот класс, интересы которого фактически защищает Бруцкус? Какие бы суммы содрали тогда с крестьян „в качестве гарантии за надлежащее использование переданной им земли“!

Аппетиты помещиков.

Несмотря на то, что вся политика Крестьянского банка была продиктована исключительно интересами землевладельцев, однако и она не могла удовлетворить чрезмерных требований дворянства. Для иллюстрации приведем записку центрального совета союза земельных собственников о деятельности Крестьянского банка.

Союз, поставивший своей целью „защиту собственности, как отвлеченного государственного начала и как реального владения имуществом“, жалуется на правительственную политику, которая „всегда преследовала какой-либо обособленный интерес, на нем сосредоточивала все внимание, не только вполне забывая о всех прочих, но и сознательно принося их в жертву наиболее благоприятствуемому в данный момент“. Записка ссылается на политику министерства финансов в течение последних 15 лет, „губившую русское земледелие в своем поклонении иностранному капиталу“.

„Такова же,—по мнению авторов записки,—политика нынешнего времени, губящая частно-владельческое хозяйство и всю культуру страны из страха перед призраком народных волнений“ [2]

---

[1] Бруцкус. Аграрный вопрос, стр. 109.
[2] Дело М. в. д. З. О. № 72, 1907 г. (Записка. Спб., 1907 г.).

(в 1907 г. аграрное движение для дворянства уже призрак. Как мы помним, в октябре—ноябре 1905 г. аграрное движение было еще наглядной реальностью).

Записка жалуется на то, что „увеличение площади крестьянского землевладения“ заслонило у Крестьянского банка его культурные (!) задачи борьбы с общиной. При чем банк, по словам записки, ведет дело крайне бессистемно, покупает, гоняясь за дешевой ценой, землю там, где она не нужна малоземельным крестьянам, и не покупает из-за высоких цен, где она нужна. Но, разумеется, землевладельцев больше всего раздражает вторая „ошибка“ Крестьянского банка—это „расплата за покупаемую землю не наличными деньгами, а процентными бумагами, подверженными биржевому курсу“. „От этого и землевладельцам хуже и крестьянам хуже, обогащается же только иностранный капитал“. (Действительно, нужно сказать, что закладные листы продавались на 25—30% дешевле их номинальной цены, и это давало основание помещикам потерю на курсе покрывать увеличением цены продаваемой земли). Помимо этого дворяне жалуются на краткий срок погашения ипотечных обязательств и, кроме того, на „систему нравственного давления на землевладельцев с целью принудить их к продаже имений на невыгодных для них условиях“ (тут ссылаются на телеграмму Шипова и управляющего Крестьянским банком Путилова в ноябре 1905 г. и в первой половине 1906 г.); „теперь (т.-е. в 1907 году),—по словам записки,—такого давления не замечается“.

В заключение записка рисует дворянство „жертвой всей государственной политики, направленной к его разорению“ (16—40 л.). В результате всей деятельности банка дворянство будто бы разоряется „и выпускается так же, как и получаемые им бумаги, во власть международной биржи бессильным, озлобленным, протестующим“. Дворяне грозят, что „Россия неминуемо дойдет до банкротства“ [1].

Подобные претензии помещиков, их притязания на ничем неограниченный грабеж крестьян вызвали протесты и среди представителей господствующего класса. Для примера сошлемся на одну из докладных записок Витте о деятельности Крестьянского банка от 15 января 1906 г. (На этой записке надпись царя: „Представлять мне ежемесячно краткий отчет о деятельности Крестьянского банка“. Царское Село, 18/I 1906 г. Эта пометка царя вызывалась не заботою о нуждах крестьян, а заботою о нуждах дворян) [2].

В записке говорилось о том, почему дворянам выдаются деньги за покупаемую у них банком землю не наличными, а краткосрочными обязательствами (введение которых принад-

---

[1] Там же, 24 л.

[2] I-ое отделение юридической секции Е. Г. А. Ф. Дело гос. совета об ежемес. отчетах Крест. банка.

лежало Витте). Как докладывает Витте царю, „только этим путем государство будет иметь возможность покупать землю для крестьян в значительном количестве“. Отмечая жалобы дворян, в частности только что состоявшегося в Москве с‘езда предводителей дворянства, жалобы на то, что банк дешево у них покупает, Витте указывает: „Это старая история: в течение 20 лет все подобные собрания кончались тем, что просили давать им больше денег из Дворянского банка, как можно меньше брать с них платежей на занятые деньги (для чего был выпущен выигрышный заем на 215 миллионов рублей), прощать недоимки и держать крестьян в полной опеке, не давать им ни общих судов, ни общей администрации, не уменьшать их выкупных платежей (это баловство) и пр. Вот и дошли до того, что крестьяне озверели“ (так Витте называет аграрное движение). „Теперь,—продолжает Витте,—новая песня: „Купите для них нашу землю, но заплатите нам по нашей оценке“. Для того, чтобы согласовать насогласуемое, т.-е., с одной стороны, продать землю подороже, а с другой — облагодетельствовать крестьян, они предлагают часть платежей крестьян взять на счет казны. Но что такое казна? Это также деньги народа, и их должен будет заплатить тот же народ“. Несомненно, Витте по министерству финансов был теснее всего связан с буржуазией и в данном случае отражал ее интересы. Характерно, что и в записках целого ряда групп промышленников мы встретим тот же самый протест против чрезмерных аппетитов дворянства, которое отнимает у крестьян ту прибавочную стоимость, претендентом на которую выступает сама буржуазия.

Как любопытный эпизод, отметим следующую переписку князя Васильчикова (тогдашнего главноуправляющего землеустройством и земледелием) и Коковцева (министра финансов). В письме от 16 августа 1906 г. за № 1569—681 [1] князь Васильчиков предлагал прекратить в публикуемых в „Правительственном Вестнике“ сведениях о ходе операций Крестьянского банка сообщения „о ценах, назначаемых землевладельцами“. На это министр финансов 31 августа 1906 года ответил, что в интересах „обсуждения этого вопроса в повременной печати“ и в целях „более беспристрастного освещения действительного положения дела“ — „устранение помещаемых в „Правительственном Вестнике“ сведений о ценах на землю, назначаемых владельцами, оказалось бы ничем не оправданным“ [2]. Как видим, бесцеремонная попытка Васильчикова скрыть от печати аппетит помещиков не встретила сочувствия даже у его коллег по министерству.

---

[1] Дело Г. у. з. и з. № 278—1906 г. со сведениями о покупке имений за счет собственного капитала Крест. позем. банка. 7 л.

[2] Там же, л. 10.

Условия продажи земли через банк.

На каких же условиях банк продавал крестьянам землю?

Банк обычно требовал доплаты в размере одной пятой покупной суммы, остальное обычно рассрочивал на $55^1/_2$ лет, на которые и должен был закабалиться покупщик. К счастью, в 1917 году, т.-е. через несколько лет, произошла революция, которая и освободила крестьян от платежей, но, увы, не возвратила те суммы, которые были помещиками получены за проданные ими земли и прожиты. Так что, если покупщики-крестьяне благодаря революции не так уже много потеряли, зато государство в целом, в том числе и крестьянство в целом, понесло колоссальный ущерб.

По каким же ценам крестьянам приходилось покупать?

Средние цены на землю были таковы:

Годы.	При покупке от местных владельцев при содействии банка.	При покупке из имений банка.
1906	127	113
1907	133	113
1908	139	116
1909	144	136
1910	140	124
1911	141	116
1912	145	121
1913	151	112
1914	152	112
1915	136	104

Как видим, цены при посреднических сделках непрерывно возрастают до самой войны, когда наметилось некоторое падение, и лишь незначительно падают при продажах из имений банка. Цены на землю, как известно, колебались от десятков рублей в Казанской, Уфимской и т. п. малоземельных губерниях и до сотен руб. в Киевской, Полтавской и других многоземельных.

Ссуда на покупку земли в большинстве сделок рассрочивалась на $55^1/_2$ лет, но все же крестьянин сразу должен был внести часть покупной суммы, при чем с 1906 по 1915 год приплата крестьянина за каждую купленную десятину увеличилась в $2^1/_2$ раза. Если в 1906 году по всем разрядам покупщиков доплата составляла 20 руб., а в 1907 г. даже 16 руб., то в 1914 году уже 52 руб., а в 1915 г.—53 руб. Несомненно, эти доплаты ложились тяжелым бременем на крестьянина в момент самой покупки земли. Только особой тенденциозностью можно об'яснить, что Бруцкус пишет, будто бы „доплаты были сведены к минимуму или даже совершенно не имели места“. Все это нужно Бруцкусу для того, чтобы доказать, „что государство приносило некоторые жертвы (!) в интересах укрепления крестьян-

ства“ [1]. Что государство в целом приносило жертвы, это верно, но только не в целях укрепления крестьянства, а в целях поддержки помещиков.

Покупая у банка землю, даже в случае рассрочки на 55½ лет, крестьянин на все это время превращался как бы в наследственного арендатора банковской земли.

В отчете банка за 1908 год помещено интересное сопоставление по 17 губерниям платежей банку со средними арендными ценами, сведения о которых были доставлены местными отделениями банка.

ГУБЕРНИИ.	Среднее колич. проданной земли на 1 сделку десятин.	Доплата нал. при пок. на 1 сделку руб.	Общая сумма ежег. платеж. по ссуд. на 1 сдел. р.	Размер ежегодн. платы за 1 дес.	Местные арендные цены за 1 дес.
Подольская . . .	5,9	92	59,7	10,1	11—20
Пензенская . . .	13,6	16	79,2	5,8	6—20
Таврическая . . .	18,2	147	124,1	6,8	Преобл. арен. издольная.
Тульская	10,1	69	64,3	6,4	3—20
Самарская	17,5	34	72,6	4,1	Средн. 8 р.
Херсонская . . .	11,6	114	99,3	8,6	8—13
Екатеринославская	12,1	152	75,6	6,2	8—12
Витебская	24,3	194	85,2	3,5	Средн. 4 р.
Тамбовская . . .	11,3	73	92,9	8,2	8—25
Лифляндская . . .	28,1	182	73,5	2,6	9—30
Уфимская	12,5	42	29,8	2,4	3—6
Бессарабская . . .	7,0	81	71,7	10,2	12—18
Казанская	11,0	5	45,9	4,2	Нет сведений
Киевская	4,3	67	54,4	12,6	8—13
Минская	9,1	95	35,7	3,9	2—13
Пермская	22,1	65	22,5	1,0	Средн. 2,5—3
Нижегородская . .	7,3	21	30,9	4,4	3—12

Допуская даже, что арендные цены банком несколько преувеличены, все же таблицы отчетливо показывают, что размер ежегодных платежей за 1 дес. не на много отстает, а в некоторых случаях даже превосходит размер арендных плат. Покупая

[1] Бруцкус. Цит. соч., стр. 113.

у банка землю, крестьянин закабалялся фактически на всю свою жизнь (если бы не освободила его от этого во-время подоспевшая революция). Однако, несмотря на тяжелые условия, зажиточное крестьянство все-таки покупает, так как нужда в земле очень велика. „Прикупать землю становится все труднее и труднее,—пишет один из крестьян Тульской губ.,—продажной земли нет: наши близкие владельцы—графы N, они сами любят пахать, по несколько тысяч десятин запахивают, не дают арендовать, не только продавать“ [1].

Из Волынской губернии [2] пишут, что крестьяне ищут землю, но никто ее не продает. Помещики не только не продают землю, но еще сами „купляют“. Поэтому, как сообщают из Подольской губернии, „землю покупают с охотой, с готовностью залезают в неоплатные долги, покупают с помощью Крестьянского банка обществами и товариществами“.

Кто покупает?

Рассмотрим теперь, кто же покупал у банка землю? Из кого рекрутировались главные покупщики?

Интересны отзывы о том, кто покупал у банка землю—или самих крестьян, или лиц, близко с ними соприкасающихся. Большинство указывает на богачей как на главных покупщиков. Бедноте купчая земля через банк недоступна. Как пишут из Воронежской губ., Землянского уезда, банк продает „во всяком случае, не бедным“ — „многие зажиточные крестьяне товариществами покупали землю у соседних помещиков через посредство Крестьянского банка с доплатою; но бедные не были в состоянии присоединиться к зажиточным товариществам, хотя и имели необходимую нужду в земле, и через то удручены своим бедственным положением; именно потому, что землю нанять стало негде при многочисленности рабочих рук. Хотя зажиточные крестьяне купили себе земли у помещиков, но живут в селе, не переселяясь на хутора, чем причиняют притеснения безземельному бедному люду“ [3]. Или, как пишет другой корреспондент: „банк продает отрубами... на тяжелых условиях, и потому побрали (землю) только богачи“ (Пензенская губ. и у.) [4].

Корреспондент из Скопинского уезда, Рязанской губ., об‘ясняя, почему беднота не могла покупать у банка землю, указывает на высокие доплаты: „У банка крестьяне покупают, но только задатки об‘яснены по 10%, а на таковые не имеют средств, так как у многих даже не предвидится своей душевой земли ничего“ [5].

---

[1] Чернышев. Община после указа 9/XI 1906, ч. I, стр. 112.
[2] Там же, ч. II, стр. 181.
[3] Там же, ч. I, стр. 30.
[4] Там же, ч. II, стр. 43.
[5] Там же, ч. I, стр. 86.

На факты покупки земли более богатыми крестьянами указывают и другие источники. Например, саратовское земское собрание указывает, что у Крестьянского банка скупают земли „богатые, бедные же крестьяне большей частью устранены от покупки тяжелыми условиями Крестьянского банка“ [1].

Если обратиться к отчетам Крестьянского банка, то и там мы будем иметь также картину скупки земли более сильными крестьянами.

Выше мы указывали, что мобилизация через Крестьянский банк отнюдь не была стихийной. Правительство, в целях наиболее выгодной продажи, старалось продавать возможно более мелкими участками. Поэтому нам нужно рассмотреть, как, несмотря на это регулирующее мероприятие правительства, все же выступала стихийная тенденция концентрации землевладения. Если взять процент покупщиков у Крестьянского банка по группам и сравнить с общероссийским распределением крестьянства, с первого взгляда кажется, что как будто бы покупщики рекрутировались из более низших слоев крестьянства.

Общие данные о распределении покупщиков земли из имений банка за 10 лет таковы:

Группы покупщиков по земельному обеспечению до покупки у банка.	Всего покупщиков за 10 л. 1906-1915 г.		Распред. крестьянских хозяйств по надельному землевладению в 50 губ. Европ. России.
	Абсолютн.	В %.	
Безземельные	74.191	20,0	7,0
До 1½ дес.	62.078	17,0	9,0
1½—3	69.330	19,0	
3—6	80.851	21,8	20,5
6—9	39.403	10,6	24,7
9—15	31.162	8,4	22,4
15—25	9.816	2,6	10,0
Свыше 25	2.500	0,6	6,4
Итого	369.331	100,0	100,0

[1] Из дела М. в. д. № 274 1910 г. Постановление саратовского губ. земского собрания.

Сопоставление процента покупщиков по группам с общероссийским распределением крестьянства показывает, что покупщики земли у банка рекрутировались из менее обеспеченных землею слоев деревни. Но отсюда было бы преждевременно делать вывод, что эти менее обеспеченные землею покупщики являлись более бедным крестьянством. Выше мы видели, что условия покупки земли у банка были таковы, что ни в коем случае беднота не могла покупать землю.

Для уяснения того, кто же покупал у банка землю, рассмотрим более подробно покупщиков.

Если общие суммарные данные как будто и говорят за преобладание более мелких покупщиков, то данные по годам указывают на сильнейшую тенденцию вытеснения более мелких хозяйств крупными. Последнее можно видеть из приведенной на 215 странице таблицы, показывающей изменения по годам числа покупщиков из имений банка.

При чем группировка взята по степени обеспечения землею покупщиков из имений Крестьянского банка до покупки земли [1].

В таблице прежде всего обращает на себя внимание довольно большой процент безземельных покупщиков и сравнительно небольшой процент многоземельных.

Если взять динамические данные, то опять-таки оказывается, что безземельные представляют достаточно устойчивую группу, которая, за исключением отдельных годов (1908—1911 г.г.), держится более или менее на одном уровне, между тем как прочие низшие группы обнаруживают явную тенденцию к понижению и весьма значительную. Так, покупщики с земельным обеспечением до 1½ дес. в 1906 году составляли 27,3% всего количества покупщиков, а в 1907 даже 38,5%, в последующие же годы их % колеблется между 13 и 15%. Между тем крупные покупщики обнаруживают весьма быстрый рост. Покупщики, имевшие до покупки свыше 6 дес. на двор, в 1906 г. составляли всего 17,9%, в 1915 году уже 30,8%,—повышение весьма значительное. Итак, мы видим, что правительство, подчиняясь стихийному напору капиталистических сил, должно было продавать землю все более и более зажиточным крестьянам. Тенденция роста многоземельных покупщиков за счет малоземельных совершенно очевидна.

Ту же тенденцию роста у банка более зажиточных покупщиков вскрывают сведения об обеспечении покупщиков скотом.

Возьмем следующую таблицу (см. стр. 216), показывающую, сколько приходилось скота на 100 домохозяев, владевших скотом, и каков был процент домохозяев без рабочего скота [2].

---

[1] Покупщики взяты всех разрядов, т.-е. отдельные домохозяева, товарищества и сельско-хоз. общества.

[2] Таблицы составлены на основании отчетов Банка за 1909—1915 г.г.

Группы домохозяев.	ЧИСЛО ПОКУПЩИКОВ.									
	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Беземельн. . . .	975	4.101	9.841	12.882	13.592	13.202	6.515	6.735	4.246	2.102
До 1½ дес. . . .	1.433	12.008	6.614	10.837	10.137	7.066	4.512	4.614	3.065	1.792
1½—3 » . . .	790	9.280	8.873	13.006	12.875	8.861	5.740	4.726	3.475	1.704
3—6 » . . .	1.070	4.621	8.257	15.281	16.848	11.964	7.834	7.451	5.320	2.205
6—9 » . . .			4.140	6.503	8.778	5.976	4.065	4.364	3.144	1.417
9—15 » . . .			2.525	5.191	7.460	4.672	3.803	3.360	2.587	2.291
15—25 » . . .	937	1.138	175	1.341	2.241	1.684	1.306	1.264	1.134	561
Свыше 25 дес. .				235	443	433	359	374	368	202
Итого . .	5.242	31.148	39.425	65.276	72.374	53.858	34.134	32.888	23.339	11.274
	Приняв общий итог в каждом году за 100, получаем:									
Беземельн. . . .	18,6	13,2	25,0	19,7	18,8	24,5	19,1	20,5	18,2	18,6
До 1½ дес. . . .	27,3	38,5	16,8	16,6	14,0	13,1	13,2	14,0	13,1	15,9
1½—3 »	15,1	29,8	17,4	19,9	17,8	16,5	16,8	14,4	14,9	15,1
3—6 »	21,1	14,7	20,9	23,4	23,3	22,2	23,0	22,6	22,8	19,6
6—9 » . . .			10,5	10,0	12,1	11,1	11,9	13,3	13,5	12,6
9—15 » . . .			6,4	8,0	10,3	8,7	11,1	10,2	11,1	11,4
15—25 » . .	17,9	3,8	3,0	2,1	3,1	3,1	3,8	3,9	4,8	5,0
Свыше 25 дес. .				0,3	0,6	0,8	1,1	1,1	1,6	1,8
Итого . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

ГОДЫ.	На 100 домохоз., владевших скот. до покупки, приход. голов скота.	Число домохозяев без рабочего скота.
1909	—	18,5
1910	211	14,6
1911	223	14,9
1912	213	13,3
1913	226	13,9
1914	232	12,5
1915	218	13,3

Как видим, обеспечение скотом возрастает из года в год, за исключением 1912 и 1915 г.г. Последний год, конечно, не характерен, так как реквизиции скота несомненно должны были сократить среднее обеспечение скотом покупающего двора. Что касается процента домохозяев без рабочего скота, то он обнаруживает как раз обратную тенденцию—к понижению. Если в 1909 году число безземельных домохозяев равнялось числу бесскотных, то в последующие годы процент бесскотных значительно падает. Наличие бесскотных при большом количестве безземельных несомненно указывает на тот факт, что эти бесскотные и безземельные, однако располагавшие деньгами, отнюдь не могут быть отнесены к деревенским низам. В этом убеждает более тщательное рассмотрение того, что из себя представляли эти безземельные покупщики. Прежде всего рассмотрим, среди каких категорий покупателей более всего безземельных. На это отвечает следующая таблица:

	Беззем.	До $1^1/_2$ д.	$1^1/_2$—3	3—6	6—9	9—15	15—25	Свыше 25
У отдельных домохозяев . . .	27,9	14,6	18,4	19,8	8,9	6,8	2,7	0,9
В мелких т-вах	6,0	6,9	9,0	23,0	17,5	18,1	16,2	3,3
» крупных »	9,3	15,1	16,1	25,4	15,6	13,0	3,9	1,6
» сельских Об-вах	3,4	8,8	12,6	29,9	17,4	20,6	6,1	1,2

Безземельные подавляюще преобладают в числе покупщиков среди отдельных домохозяев. Несколько больше их в крупном товариществе (9,3⁰/₀), меньше в мелких т-вах (6⁰/₀) и совсем мало в сельских обществах (3,4⁰/₀).

Это отчасти дает нам ответ на происхождение этих безземельных, очевидно они очень мало связаны с сельским обществом.

На вопрос, кто покупает у банка — вот что отвечает корреспондент из Казанской губернии и уезда из отставных чиновников, занимающийся ведением судебных дел [1]. „...Решаюсь

[1] Чернышев. Община после указа 9 ноября 1906. Ч. II, стр. 15—16.

здесь описать вкратце состав и положение хуторян... на земле, купленной и арендованной участками у Кр. банка. Состав хуторян в первую очередь: местные—волостной писарь, сельский учитель, полицейский урядник и бывший сиделец казенной винной лавки. Это—местная интеллигенция—пионеры хуторского расселения".

„Все эти лица, — продолжает корреспондент, — до этого времени не занимавшиеся лично ведением сел. х-ва, т.-е., как говорят про них крестьяне, „не бравшие в свои руки ни сохи, ни бороны, захватившие, однако, почему-то—при отсутствии в их семьях наличных работников — по два земельных участка в 14 казенных десятин каждый, обстроились удовлетворительно, затратив на это по 300—500 руб. каждый, да на живой и мертвый инвентарь по 150—200 руб.

„Остальные же хуторяне, крестьяне земледельцы из разных деревень, волостей, уездов и губерний, выстроившие на денежные ссуды из казны до 150 руб. лишь по плохонькой избенке и более—ни кола, ни двора,—редко имеют лошадь и корову, а чаще лишь одну последнюю".

Лишь только в незначительной части эти безземельные действительно рекрутировались из деревенских низов. Как пишет корреспондент из Скопинского уезда, Рязанской губернии [1], „идут на хуторное расселение не общинники, не подворники, а дворовые безземельные, говоря о себе: на птичьих правах то все равно жить, и даже добавляя: «голому и грабеж не страшен». Отсюда и следующий вывод о положении этих хуторян: «Не то-что довольны, а проклинают хуторство»".

Чтобы лучше выяснить характер покупщиков земли у банка, сопоставим их группировку по землевладению с группировкой по другому признаку обеспеченности скотом. По районам картина распределения по обеспеченности землей и скотом различных групп покупщиков из имений банка в 1910 г. будет такова.

РАЙОНЫ	Процент покупщиков к общему их числу в районе.									
	Общее число дом.	Безземельн.	До о дес.	6—15.	Свыше 15.	Без всякого скота.	Без рабочего скота.	Имевших		
								По 1 лош.	2 лош.	3 и более.
Северный	3	33,3	—	—	66,7	—	—	100	—	—
Северо-восточный	3.024	10,2	34,7	55,5	9,6	3,3	3,4	39,2	29,2	24,9
Приозерный	1.270	11,9	44,3	37,5	6,3	1,0	4,4	44,0	33,6	17,0
Прибалтийский	353	99.4	0,3	0,3	—	4,5	6,8	34,0	37,4	17,3

[1] Чернышев, ч. I. стр. 86.

РАЙОНЫ.	Процент покупщиков к общему их числу в районе.							Имевших		
	Общее число дом.	Безземельн.	До 6 дес.	6—15.	Свыше 15.	Без всякого скота.	Без рабоч. скота.	По 1 лош.	2 лош.	3 и более.
Литовский.	1.452	31,6	48,8	16,3	3,3	5,6	12,6	45,5	25,0	13,3
Белорусский	1.416	22,7	36,6	31,8	8,9	2,3	3,5	36,2	33,9	24,1
Центрально - промышлен.	8.221	5,3	34,8	48,5	11,4	8,6	11,8	43,6	23,6	12,4
Центр.-земледельческий .	14.272	12,4	67,5	18,8	1,3	6,4	7,8	34,5	26,4	21,0
Малороссийский	8.212	14,7	56,3	12,4	1,5	6,1	6,0	33,5	37,0	17,4
Юго-западный	3.675	18,7	75,1	5,9	0,3	17,5	17,9	12,3	44,3	8,0
Новороссийский	4.827	47,5	45,5	6,1	0,9	5,5	4,7	7,7	42,2	39,9
Восточный	19.032	15,9	58,8	22,3	3,0	6,7	5,8	35,5	30,4	21,6
Юго-восточный	6.617	39,0	37,9	18,7	4,4	7,4	5,7	14,7	31,3	40,9
Кавказский	656	27,3	2,0	70,7	—	1,5	0,8	16,5	26,3	54,9
Закавказский	915	6,15	83,5	8,0	2,1	26,0	10,4	34,4	13,7	15,5
Привислинский	604	29,0	53,8	17,2	—	5,3	18,2	49,8	29,9	3,8
ИТОГО . . .	74.549	18,8	54,9	22,7	3,6	7,1	7,5	31,6	30,9	22,2

Таблица составлена на основании отчета Крестьянского поземельного банка за 1910 год. Последний год взят по тем соображениям, что в этом году средние цифры близки в средним за все десятилетие, и этот год является годом наибольшего развития деятельности банка [1].

[1] Между прочим, взяты только сведения о покупщиках из имений банка, так как покупщики при посредстве банка немногим от них отличаются, что видно из следующего сопоставления итогов по обеим группам покупщиков:

	Процент покупщиков к общему их числу в районе.							Имевших:		
	Общее число домохозяев.	Безземельных.	До 6 дес.	6—15.	Свыше 15.	Без всякого скота.	Без рабоч. скота.	По 1 лош.	2 лош.	3 и более.
У покупщиков:										
1) Из имений банка.	74.549	18,8	54,9	22,7	3,6	7,1	7,5	31,6	30,9	22,2
2) При посредстве банка	133.875	13,4	55,7	26,6	4,3	7,3	10,5	30,4	30,7	20,6

Сравнение групп покупщиков показывает прежде всего, что процент безземельных, как общее правило, значительно выше процента бесскотных. Если по всем районам первых 18,8%, то вторых только 7,1%. По отдельным районам оказывается, что например в Прибалтийском крае почти 100% безземельных, а бесскотных оказывается всего 4,5%. В Привислинском 29% и 5,3%. В Новороссийском 47,5% и 5,5%. Это сравнение убеждает нас в том, что если по земельному обеспечению покупщики как будто бы рекрутируются из малоземельных и безземельных групп, то по числу скота—несомненно из высших групп. Достаточно посмотреть на графу хозяев, имевших на двор 3 и более лошадей, чтобы увидеть подтверждение последнего. Это с несомненностью доказывает, что оценка покупщиков только по земельному обеспечению была бы крайне не достаточна. Эти группы имели мало земли, но много скота. Ясно, что это были группы, связанные с земледелием, но имевшие мало земли в собственности. Естественно предположить, что такое количество скота им было необходимо для работы на арендованной земле. И это предположение всецело подтверждается сведениями о количестве аренды у покупщиков Крестьянского банка. Например, по данным за 1911 год, 33,4% всех покупщиков до покупки имели арендованную землю (по 10,2 дес. в среднем на домохозяина), при чем по отдельным районам и губерниям процент арендовавших домохозяев был значительно выше, например в Подольской губ. 79,5%, в Донской области 74,8%, по Бессарабской 69,7%, по Воронежской 52,7%, Саратовской 50,4%. Средний размер аренды на двор колебался от 6,5 дес. в Подольской губ., до 27,1 в Оренбургской губ. Если мы примем во внимание отмеченный нами выше факт близкого совпадения размера арендных плат и ежегодных платежей Крестьянскому поземельному банку, то для нас будет понятно, что очень многие арендаторы, даже несмотря на чрезвычайно тяжелые условия банка, предпочитали в течение 55 лет выплачивать как бы аренду, зато быть уверенными, что на 56-й год эта земля сделается их собственностью, тогда как при аренде они этой надежды не имели, да, кроме того, постоянно стояли под угрозой повышения арендной платы.

Между прочим и само правительство отнюдь не имело в виду содействовать покупке земли действительно безземельной беднотой. Например, в „дополнительных указаниях лицам, командируемым в районы деятельности землеустроительных комиссий“, дается следующая директива: „По вопросу об устройстве на казенных, удельных и купленных Крестьянским банком землях безземельных крестьян обратить особое внимание комиссий, что в задачу правительства совершенно не входит содействие обратному возвращению к земле населения, живущего не земледельческими заработками“. Поэтому инструкция рекомендует „оказывать содей-

ствие тем, которые арендуют землю и притом имеют инвентарь для ведения собственного земледельческого хозяйства“ [1].

Процент покупщиков, не имеющих никакого скота по всем районам, составлял 7,1%, по отдельным же районам, например по Юго-западному, достигал 17,5%, Центрально-промышленному—8,6%, по Закавказскому даже—26,0%. Это доказывает, что известная часть покупщиков все же рекрутировалась из элементов, которые сельским хозяйством до того не занимались. Предположение, что эти группы составлялись из батраков, вряд ли основательно. Скорее всего они рекрутировались или из городского мещанства, или, точнее, из деревенских лавочников, сидельцев в винной лавке, урядников, волостных писарей и т. п. элементов. Что касается до высших групп по земельному обеспечению, то обращает на себя внимание в общем слабая земельная обеспеченность. В высшей группе имевших до покупки свыше 15 дес., был сравнительно небольшой % (всего 3,6%) тогда как, при группировке по скоту, имевших трех и более рабочих лошадей было 22,2%. Это подтверждает отмеченное нами выше положение о значительнейшем участии в покупке сельской буржуазии, хорошо обеспеченной скотом, но слабо—землею. Например, в высшей группе по количеству скота на двор оказывается в Северо-восточном районе 24,9% всех покупщиков, Белорусском 24,1%, Новороссийском 39,9%, Юго-восточном 40,9%.

Что безземельные покупщики земли у Банка вовсе не являются беднотой, а зажиточными, располагающими достаточными средствами на покупку земли, доказывает тот факт, что безземельные гораздо больше скупали земли, чем все остальные группы крестьянства. Вот, например, данные по 1910 году [2] о среднем количестве десятин земли, купленной на одного покупщика:

	Из имений банка.	При содействии банка.
У всех домохозяев	10 3	5,9
У безземельных	15,3	11,2

Как видим, у безземельных почти в полтора два раза куплено земли более, чем у остальных покупщиков. Это показывает, что относить этих покупщиков к деревенским низам нет абсолютно никаких оснований. Если взять распределение среднего количества купленной земли на одного домохозяина, то по сравнению со всеми покупщиками наибольшая разница в сторону безземельных получается по северо-восточному району (против 8,8 у всех—19 дес. у безземельных); по Кавказскому (5,2—16,3),

[1] Из архива М. в. д., дело № 68, 1907 г.
[2] Из отчета Крестьянского поземельного банка за 1910 год.

Закавказскому (2,0—17) и Привислинскому (3,9—15,4). Это показывает на большой процент безземельных, переселившихся в эти районы. Как мы будем говорить далее, покупщики с переселением рекрутировались главным образом среди более подвижных безземельных. В остальных районах—Северном, Прибалтийском, Юго-Западном, Новороссийском—особой разницы между теми и другими группами покупщиков мы не замечаем. Об'ясняется это очевидно тем, что как раз из этих районов безземельные и выселялись за пределы своей губернии.

Для уяснения тенденции роста более крупных покупщиков чрезвычайно показательна следующая таблица, составленная нами на основании отчетов Крестьянского поземельного банка.

В среднем на одного покупщика из имений банка приходилось десятин:

ГОДЫ.	Отдельные домохоз.	Товарищества. Мелкие.	Товарищества. Крупные.	В сельских обществах	ВСЕГО.
1907	10,2	7,1		4,4	5,7
1908	10,1	7,4		4,5	7,6
1909	11,2	6,5	6,5	1,0	7,9
1910	14,4	3,4	6,9	1,0	10,3
1911	15,8	9,5	4,2	1,8	12,4
1912	15,0	6,1	4,2	1,0	10,5
1913	17,8	6,5	2,9	1,0	12,5
1914	18,2	7,0	3,5	1,1	12,4
1915	18,1	10,3	4,4	1,0	11,1

Как видим, в итоге по всем группам покупщиков замечается сильная концентрация покупаемых земель. С 5,7 дес. в 1907 г. средний размер продаваемого участка увеличился до 12,4 в 1914 г., при чем оказывается, что повышение больше всего шло за счет отдельных домохозяев, у которых размер участка с 10 дес. в 1907 году увеличился до 18 дес. в 1915 году. Показательно, что сильное падение наблюдается в крупных товариществах, где земельные участки за тот же период сократились почти что вдвое. Об'ясняется это тем, что наиболее крупные покупщики из этих товариществ перекочевали в группу единоличных покупщиков. Выше мы видели, что, начиная с 1908—10 г.г., правительство почти прекратило продажу земли и выдачу ссуд обществам и товариществам, так что поневоле товариществам приходилось разбиваться на единоличных покупщиков. Однако является характерным не только общий рост земельных участков у всех покупщиков, но и значительнейший рост средних размеров у безземельных покупщиков.

На одного безземельного покупщика приходилось купленной земли десятин:

Годы.	Отдельн. домохоз.	Товарищества. Мелкие.	Крупные.	В сельских обществах.
1909	12,8	13,9	12,6	5,1
1910	16,6	7,4	17,3	3,2
1911	17,3	17,5	8,3	10,9
1912	16,4	8,3	7,1	7,3
1913	19,2	10,1	4,6	1,4
1914	19,9	13,7	9,1	1,0
1915	21,4	15,3	6 4	0,5

Оказывается, безземельные отнюдь не отстают в укрупнении участков от всех остальных домохозяев. В распределении их по различным группам мы наблюдаем ту же самую правильность, о которой мы говорили выше. Ни в коем случае укрупнение участков не приходится об‘яснять тем, что будто бы в последующие годы распродажа земель передвинулась из малоземельных в многоземельные районы. Оказывается как раз обратное. Как видно из отчетов банка, распределение проданной через Крестьянский банк земли обнаруживает тенденцию перехода от окраинных многоземельных районов к центральным малоземельным. Так, оказывается, на Новороссию из общего числа проданной в 1906 году всей земли из имений банка приходилось 13,6%, в 1915—2,7%. В Восточном соответственные цифры будут 29,6% и 12,8%; Кавказском — 1 и 0,3. Что касается центральных районов, то картина там совершенно обратная, например в Белоруссии 5,5%—13,3%, в Центрально-промышленном—5,7%—29,3%, в Малороссийском 4,3%—6,5%, Юго-Западном 3,0%—3,7%.

Таким образом, укрупнение участков очевидно нужно признать еще более значительным, если принять во внимание, что как раз в первые годы более всего продавалось земли в многоземельных районах, тогда как в последние годы—в малоземельных.

Оказывается, что и при посреднических сделках в 1915 году было более всего приобретено в районах—Центрально-промышленном 29,3%, Белорусском—13,3%, Центрально-земледельческом 13,9%. Значительный процент покупки земель в этих районах в момент войны несомненно говорит за то, что очень выгодная кон‘юнктура, создавшаяся в первые же годы войны, несомненно давала возможность сельской буржуазии приобретать землю.

Итак, значительное преобладание сделок на землю в более малоземельных районах еще более подчеркивает тенденцию укрупнения участков продаваемой банком земли, укрупнения не только у всех покупщиков, но и у безземельных.

Чтобы покончить с вопросом о характере покупщиков земли у Крестьянского банка, посмотрим, как распределялась среди них купленная земля. И здесь, оказывается, безземельные не только составляют значительную часть покупщиков, но и концентрируют в своих руках значительно большую часть земли. Дадим хотя бы

для одного года — 1910 г., распределение купленной земли среди различных групп покупщиков:

Покупщики по группам.	Из земельного запаса банка.		При содействии банка.	
	% покупщиков к итогу.	% куплен. земли к итогу.	% покупщиков к итогу.	% куплен. земли к итогу.
Безземельные	18,8	27,9	13,4	25,5
До 6 десятин	54,9	52,7	55,7	46,8
6—15	22,7	16,5	26,6	23,0
Свыше 15	3,6	2,9	4,3	4,7

Как и нужно было ожидать, оказывается, что мало обеспеченные землею группы, в особенности безземельные, концентрируют в своих руках значительно больше земли, чем они сами составляют в группе, между тем как более обеспеченные землею группы, которые составляют сами ничтожный процент среди всех покупщиков, оказывается, концентрируют еще меньший процент банковской земли.

Эта же закономерность вскрывается и при рассмотрении распределения купленной у банка земли среди этих покупщиков по всем районам в том же 1910 году.

Распределение купленной земли из имений банка в 1910 г. по группам.

РАЙОНЫ.	Всего куплено десятин.	Процент ко всей площади купленной земли, имевшими до покупки десятин:				Среднее количество купл. земли на 1 домохоз.		Количество земли на одного домохозяина.	
		Беззем.	До 6 дес.	6—15	Свыше 15	У всех групп.	У одних беззем.	До покупки.	После покупки.
Северный . . .	64	32,8	—	—	67,2	21,3	21,0	21,0	—
Сев.-Восточный	26.561	22,2	33,7	32,7	11,4	8,8	19,1	8,9	20,9
Приозерный .	18.999	17,3	43,5	33,3	5,9	15,0	21,8	7,6	20,2
Прибалтийский	10.449	99,4	0,3	0,3	—	29,6	29,6	6,5	23,2
Литовский . .	16,583	42,0	40,2	14,3	3,5	11,4	15,2	5,7	18,0
Белорусский .	21,989	33,4	33,5	25,4	7,7	15,5	22,8	8,4	20,0
Центр.-пром. .	36.178	13,8	42,6	35,0	8,6	4,4	11,4	8,7	13,9
„ землед. .	110.865	15,3	70,5	13,2	1,0	7,8	9,2	4,7	13,7
Малороссийск. .	65.231	16,1	71,0	11,7	1,2	7,9	8,7	3,7	13,4
Юго-Западный .	20.630	21,7	74.6	3,5	0,2	5,6	6,5	2,6	7,2
Новороссийский	63.247	48,6	42,6	7.8	1,0	13,1	13,4	3,3	15,3
Восточный . . .	241.857	20,2	58,5	18,9	2.4	12,7	16,1	5.3	20,7
Юго-Восточный	124.508	47,7	36,6	13,2	2,5	18,8	23,0	7,0	21,0
Кавказский . .	3.433	85.2	7,2	7,6	—	5,2	16,3	9,4	14,6
Закавказский .	1.824	5,5	38,9	11,1	44,5	2,0	17,0	4,3	6,7
Привислинский	2.351	40,2	45,3	14,5	—	3,9	5,4	4,7	8,3
Итого . .	764.771	27,9	52,7	16,5	2,9	10,3	15,3	5,6	16,3

Сопоставление процента земли, полученной различными группами покупщиков, показывает, что земля, сосредоточивалась в большей степени у безземельных и малоземельных, чем у

групп, более обезпеченных землею до покупки. Это явление мы отмечали уже выше, поэтому раз‘яснять его не будем. Сравнение среднего количества купленной земли на одного домохозяина у всех групп покупщиков и у безземельных с несомненностью доказывает, что безземельные, которые, оказывается, получили земли больше на одного домохозяина, чем все прочие покупщики, отнюдь не принадлежали к деревенским низам, а несомненно к деревенским верхам.

Единственный район, в котором в руках многоземельной группы покупщиков сосредоточилось большое количество земли — это был Закавказский район. Там у покупщиков, имевших до покупки свыше 15 дес., сосредоточилось 45,5% всего количества купленной земли, тогда как эта группа сама составляла всего 2,1% всего количества покупщиков в данном районе.

Сравнение изменения землевладения до и после покупки показывает, что по всем районам земельное обеспечение увеличилось примерно в 3 раза: вместо 5,6 дес. на двор до покупки, теперь имели 16,3 после покупки, при чем это соотношение с небольшими отклонениями держится по большинству районов. Несомненно, несмотря на архи-тяжкие условия покупки земли, правительству все же удалось создать сельскую буржуазию, хотя бы в потенции, но эта буржуазия за свое создание должна была выплачивать помещикам ростовщическую ренту.

Несомненно, большое значение в приобретении земли безземельными имело то, что значительная часть имений банка была расположена в приволжских районах, где потребность в земле была значительно меньше, чем в центральных губ. Вследствие этого покупали землю переселенцы из других губерний. Отсюда понятно, что пионерами переселения скорее могли быть безземельные, подвижность которых была значительно выше подвижности остальных групп.

Вот табличка, показывающая процентное распределение покупщиков 1910 г. по группам землевладеления—переселившихся и без переселения.

		Имевшие до покупки:				
		Беззем.	До 1½ дес.	1½—3	3—6	Свыше 6
Отдельные домохозяева	Без переселения	15,0	31,8	45,3	49,5	60,1
	С переселением в пределах своей губернии	54,6	44,1	35,4	29,3	17,6
	Из других губ.	17,3	15,4	8,6	5,1	1,8
Т-ва и сельские общества	Без переселения	10,0	7,7	10,1	15,8	20,3
	С переселением в пределах своей губернии	2,2	1,0	0,6	0,2	0,2
	Из других губ.	0,9	0,0	0,0	0,1	0,0
Всего		100	100	100	100	100

Таблица показывает, что три четверти всех безземельных купили землю с переселением, из них до 18% вне пределов своей губернии. Что касается других групп, то количество переселенцев у них правильно падает. Переселение в высших группах не достигает даже 20%.

Что касается распределения переселенцев на банковскую землю по губерниям, то мы имеем следующие сведения. Более всего переселялись в пределах своей губернии: в Самарской, Саратовской, Полтавской, Пензенской, Тамбовской, Орловской и Киевской. Из других губерний переселенцы были: в Симбирской, Пензенской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской, где было водворено 66,6% всех иногубернских переселенцев-покупщиков. Переселялись выходцы из Киевской, Подольской, Полтавской, Екатеринославской и Тамбовский губ., на которые падает 56,0% всех переселенцев в 1910 году. Аналогичную картину мы имеем и по покупке земель не из имений банка, а лишь при его посредничестве, где наблюдается та же закономерность. Вот эта связь покупки земли с переселением и об'ясняет нам одну из причин преобладания среди покупщиков безземельных. Показательно, что на губернии с переселением падает и большее количество безземельных покупщиков, из которых много и иногубернских, что видно из следующей таблицы:

ГУБЕРНИИ.	Число безземельн. покупщиков.	В том числе: Местных.	Иногубернск.
Самарская	1.951	1.402	549
Пензенская	901	612	289
Херсонская	829	732	900
Уфимская	817	594	223
Тамбовская	706	683	23
Симбирская	635	583	52
Полтавская	623	619	4
Саратовская	618	535	83
Оренбургская	529	233	296
Киевская	495	474	21
Донская область	473	363	110
Бессарабская	404	370	34

Итак, подводя итог рассмотрению вопроса о покупщиках у Крестьянского банка, мы следующим образом можем формулировать наши выводы: состав покупщиков весьма характерен для процесса формирования сельской буржуазии. Покупщики земли у банка в своей массе ни в коем случае не могут быть отнесены к средним или низшим группам деревни. Покупщики у банка—это новая сельская буржуазия, которая до того имела сравнительно мало собственной земли, но успела уже тем или иным путем накопить капитал и теперь реализовала его покупкой земли, несмотря на архитяжелые условия этой покупки у банка по ростовщическим ценам.

Для процесса создания новой сельской буржуазии характернейшим фактом является приток и оседание на землю мещанства или тех слоев крестьянства, которые торговлей, службою в качестве писаря, урядника, письмоводителя у земского начальника и т. п., или же иными путями сколотили деньжонки и осели на землю. Здесь мы видим приход именно той новой сельской буржуазии, о которой говорил Энгельс, еще в 70 годах.

Но одновременно с этой новой сельской буржуазией несомненно на помещичью удочку попала и известная часть середняков, которым чрезвычайно „туго" приходилось благодаря малоземелью и которые под угрозой пролетаризации вынуждены были пойти в этот помещичий садок для выжимания из них ростовщической ренты, благо что предоставлялся долгосрочный кредит. Мелкий долгосрочный кредит на покупку земли был для помещиков одним из вернейших способов привлечения в качестве покупщиков всех тех слоев, которые на мельчайших своих участках должны были уплачивать помещику ростовщическую ренту. И вот для этих-то слоев деревни банк был действительно чересчур „тяжел", как выражались про него крестьяне. Эти слабые слои оказывались не в состоянии даже удержаться на купленных участках и как „случайный" элемент, весьма быстро отсеивались. Они оказывались несостоятельными плательщиками, их участки шли с молотка.

Платежи банку и „продажи с молотка".

О том, что многим клиентам банка были действительно не под силу колоссальные платежи, говорит следующая таблица поступления платежей Крестьянскому банку:

ГОДА.	Процентное отношение.			В тысячах рублей.		
	Поступлений к годовому окладу.	К годовому окладу вместе с недоимками.	Отношение недоимок к годов. окл.	Оставшиеся к концу года недоимки.	Льготы: отсроч. или разсроч. сумма [1].	Пересроченная сумма.
1906	75,4	49,6	75,0	18.287,6	3.396,1	2,7
1907	98,8	57,6	66,0	16.925,8	2.010,5	15,5
1908	106,8	68,3	44,8	13.460,5	174,2	33,3
1909	108,6	78,6	28,2	9.934,7	46,0	24,6
1910	101,6	82,4	21,3	9.071,9	25,9	85,7
1911	97,7	77,7	26,1	13.135,7	44,8	39,2
1912	95,6	77,6	27,2	15.382,8	94,2	50,3
1913	94,6	75,8	30,1	18.414,2	119,8	148,4
1914	76,4	59,6	51,6	33.685,0	470,2	201,6
1915	80,1	53,6	68,5	46.525,4	590,0	498,0

[1] Основанием для льгот служили неурожай, градобитие, пожары, наводнения, падеж скота, смерть заемщика, а с 1914 года прибавлялись призыв на военную службу и другие военные обстоятельства.

Рассматривая таблицу, мы видим, что в первые годы с 1906 по 1910 правительство порядком нажимало на плательщиков; недоимки сокращались, и поступления к годовому окладу вместе с недоимками достигли до 82%. В эти же годы значительно сократилось и количество недоимок и предоставленные льготы. Зато, начиная с 1911 года, платежи непрерывно падают, а недоимки, несмотря на урожайные годы, все время растут, составляя к 1915 году уже 68,5% всего годового оклада. Одновременно с этим растут и предоставляемые правительством льготы.

Однако росли не только льготы, но и репрессивные меры. Как мы читаем в отчете за 1910 год (стр. 185), „банк неуклонно принимал все необходимые меры для побуждения заемщиков к своевременному взносу платежей: заемщикам рассылались повестки о платежах, через командируемых на места банком и администрацией лиц заемщикам давались подробные раз'яснения существа их обязанностей и последствия их неисправности“. Однако, это „не помогало“: недоимки увеличивались все более и более. В результате значительно растет продажа с молотка участков вновь созданных „землевладельцев“. Вот как официальный отчет банка иллюстрирует этот „переход заложенной земли к новым владельцам“ (так осторожно банк называет продажу с молотка):

ГОДЫ.	Отдельные домохозяева.		Товарищества.		Сельские О-ва.		Всего.	
	Число случаев.	Количество земли.	Число случаев.	Количество земли.	Число случаев.	Количество земли.	Число случаев.	Количество земли.
1907	—	1.641	—	5.513	—	1.704	—	8.860
1908	189	2.472	52	1.195	8	1.853	249	5.520
1909	313	4.165	65	6.096	4	279	382	10.540
1910	620	6.914	454	10.493	8	2.775	1.082	20.182
1911	1.385	15.294	97	3.293	14	881	1.496	19.468
1912	2.266	25.340	1.783	9.988	5	1.632	4.054	36.960
1913	2.860	34.062	40	1.326	4	785	2.904	36.173
1914	3.790	47.994	41	1.179	5	234	3.836	49.407
1915	3.559	51.386	57	1.144	7	1.117	3.623	53.647

Продажа с молотка, как видим, непрерывно возрастала: с 8 тыс. дес. в 1907 году она увеличилась до 53 тыс. дес., т.-е. больше чем в 6 раз. И это определялось не только увеличением количества проданной земли. Как мы видели выше, с 1910 года продажа земли начала падать, тогда как рост несостоятельных покупщиков с этого года стал как раз еще более возрастать.

Рост недоимок и рост продаж с молотка, как нельзя лучше свидетельствует о том, насколько грабительскими были те условия, на каких продавалась земля крестьянам. А между тем находятся исследователи, которые даже в этом не видят никаких отрицательных сторон.

„Для тех, кому удалось купить землю при содействии банка, это было благодеянием: покупка значительно облегчила их благосостояние—не даром клиенты банка проявляют такую изумительную (?!) исправность в платежах“. К этому выводу пришел А. А. Кауфман в работе „Аграрный вопрос“ (стр. 121), и это авторитетное для него мнение с торжеством приводит Бруцкус (114 стр.). После приведенных только что цифр, полагаем, что не стоит раз'яснять, что это было за „благодеяние“ и чем определялась „изумительная исправность в платежах клиентов банка“.

Заканчивая очерк мобилизации землевладения и деятельности Крестьянского поземельного банка, мы можем считать установленным, что за межреволюционный период неуклонно продолжалась трансформация полукрепостного землевладения в буржуазное. Созданный еще до революции специально для наиболее выгодной перепродажи помещиками земли, „Крестьянский“ банк развил широкую деятельность по скупке помещичьих земель и продаже их мелкими участками. Последнее являлось, с одной стороны, средством создания сельской буржуазии, а с другой—одним из условий продажи земли по более высоким ценам.

Покупщики банка составлялись из развивающейся новой буржуазии, которая накопленный ею капитал реализовала покупкой земли и расширением своего сельского хозяйства. Однако, создание и укрепление этой новой буржуазии было чрезмерно отягощено теми высокими платежами, которыми покупщики обязаны были банку. Для многих, особенно слабых покупщиков, платежи оказывались непосильными, что и приводило к росту недостаточности и увеличению „продажи с молотка“ участков несостоятельных плательщиков.

Деятельность „Крестьянского“ банка прекрасно вскрывала противоречия капиталистического развития производительных сил и полукрепостных производственных отношений. Развитие капиталистического фермерства упиралось в земельную монополию помещиков, взимавших ростовщическую земельную ренту. В этом и заключалась основная предпосылка конфликта между сельской буржуазией и помещиками.

ГЛАВА VIII.

Мобилизация надельных земель, переселение и рост дифференциации крестьянства.

Мобилизация надельных земель была тесно связана с процессом расслоения крестьянства. Расслоение крестьянства, вызываемое всем ходом капиталистического развития, сказалось прежде всего в перераспределении земельной собственности. Освобождение земли от общинного владения, укрепление ее в частную собственность, бросило ее в довольно сильный товарный оборот.

Как мы указывали выше, укрепление земли в личную собственность одной из основных задач имело освобождение земли для товарного оборота. Это был чисто капиталистический путь ликвидации малоземелья. Именно земля, распыленная по миллионам мелких землевладельцев, должна была собраться в руках крепких и сильных крестьян.

Укрепление земли в личную собственность открывало возможность слабым крестьянам порвать со своим мелким участком и продать его более сильным, т.-е. сельской буржуазии.

Вот таблица, показывающая распоряжение землей после землеустройства.

Распоряжение наделами:

	Продолжали обрабатывать укр. зем.	Сдавали в аренду.	Продали всю землю.	Продали часть.	Неизвестно.	Всего.
	В процентах.					
В 12 уездах [1] по правительств. обследов.	69,6	7,7	13,7	9,0	—	100
В Центрально-земледельч. районе [2]	68,2	12,4	19,0	0,4	—	100
В Средне-Волжском [3]	58,4	7,6	3,7	0,5	28	100
В 3 волостях Богород уезда, Тульск. губ. [4]	61,1	14,7	18,3	5,9	—	100

В настоящей таблице для нас важна графа, показывающая в процентах число домохозяев, продавших землю. Процент продавцов колебался в пределах 3,7 и 19%. Процент вполне до-

---

[1] „Землеустроенные хозяйства". Изд. Г. у. з. и з. 1913 г.
[2] Чернышев. Община после указа 9 ноября, ч. I. стр. 154.
[3] Там же. ч. 2, стр. 131.
[4] Мозжухин. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губ.

статочный, как показатель достаточно быстрой пролетаризации крестьянства. Между прочим, необходимо различать продавцов части земли и продавцов всей земли. Продавцы всей земли обычно составлялись или из переселенцев, которые должны были на месте своего выхода дочиста ликвидировать все землепользование, или же уходящие в города, которые окончательно порывали с деревней. Продажа части земли более была свойственна зажиточным группам деревни, которые продавали неудобный для них участок земли, чтобы купить более удобный.

Рост продаж надельных земель.

За период действия реформы с 1907 по 1915 г. крестьянами было продано 3.953.532 десятины надельной земли. Число продавцов составляло 1.201.769. Как видим, на каждого продавца приходилось 3 десятины, то-есть продавали, главным образом, деревенские низы.

Процесс мобилизации надельной земли непрерывно увеличивался и возрастал из года в год. Последнее можно видеть из следующей таблицы, составленной нами на основании таблиц, помещенных в сборнике статистических сведений министерства юстиции (выпуски 1908—1916 годов) [1].

ГОДЫ.	Число продавцов.	Количество проданной земли дес [3].	На какую сумму продано [3].	Число покупателей.
1908	36.152	157.099	14.451.717	34.114
1909	87.458	373.009	31.444.347	81.642
1910	134.267	524.856	48.497.037	127.227
1911	147.782	533.857	52.206.784	143.233
1912	206.879	677.279	76.548.912	203.996
1913	232.146	724.331	90.470.587	225.097
1914	178.003	707.265	97.480.425	—
1915 1-е полугодие [2]	79.082	255.836	33.628.801	—
Итого	1 201.769	3.953.532	444.728.610	815.309

Чтобы таблица была более наглядна, примем данные 1908 г. за 100. Тогда получим следующую картину возрастания мобилизации надельного землевладения.

[1] Сборник статистических сведений Министерства юстиции (выпуски 1908—1916 г.г.).

[2] Цифры за 1915 год заимствованы из „Известий Земского отдела М. в. д. за 1916 год“ (Между прочим, данные М. в. д. по предварительной разработке несколько разнятся от данных М. ю., но общие итоговые данные весьма близки, лишь незначительно преуменьшены).

[3] В цифрах Министерства юстиции нами отброшены из сумм копейки и из количества проданной земли сажени.

Годы.	Число продавцов.	Количество проданной земли дес.
1908	100	100
1909	242	207
1910	371	334
1911	409	340
1912	572	431
1913	642	461
1914	492	450
1915	218	162

Таблица отчетливо показывает непрерывное увеличение мобилизации надельных земель за период с 1908 по 1913 год. За 6 лет количество земли, вовлеченной в товарный оборот, увеличилось в $4^1/_2$ раза, а количество продавцов в $6^1/_2$ раз. Как мы об этом будем говорить далее более подробно, большее возрастание числа продавцов против количества проданной земли доказывает несомненно дробление продаваемых участков. Возвращаясь к темпу мобилизации, приходится констатировать ее непрерывный рост и снижение лишь только в 1914—1915 г.г. Впрочем, в 1915 году значительно меньшая цифра проданной земли об‘ясняется тем, что у нас приведены данные лишь только за первую половину 1915 г.

Что действительно из года в год продавали землю все меньшими и меньшими участками, это доказывает уже отмеченный нами выше факт, что начиная с 1910 г. число продавцов растет быстрее, чем количество проданной земли. Высчитав, сколько приходится проданной земли в десятинах на одного продавца, получаем следующую таблицу:

Годы.	На одного продавца приходилось дес. земли.
1908	4,35
1909	4,27
1910	3,91
1011	3,61
1912	3,27
1913	3,12
1914	3,97
1915	3,23
За 8 лет в среднем	3,28

Падение размеров участков продаваемой земли об‘ясняется главным образом тем, что в 1908 г. особенно сильно шла распродажа земли переселенцами. Поскольку переселенцы рекрутировались большей частью из средняго крестьянства, то и цифры среднего размера участка проданной земли у них несколько выше. После 1910 г. в России, как известно, начался весьма сильный промышленный под‘ем, который потянул пролетаризующееся кре-

стьянство в города. Несомненно, продажа ими земли должна была давать более низкий размер среднего продаваемого участка.

Интересно распределение среднего размера продаваемых участков по отдельным губерниям. В 1915 г. мы, например, имеем наибольший размер участка в Астраханской губернии в $12^1/_2$ дес.; в Самарской губ. — 8, Пермской — 3, Полтавской и Киевской—1.

Как пролетаризация крестьян, так и вовлечение земли в товарный оборот было в порядке вещей капиталистической эволюции. Если взять в статистическом сборнике Министерства юстиции имеющиеся там графы о мобилизации надельной земли и подворной, которая и до указа 9 ноября 1906 г. могла быть свободно продаваема, то в мобилизации подворной земли, против мобилизации только что брошенной в товарный оборот надельной земли, мы не найдем особой разницы. Вот соотношение мобилизации подворной земли и надельной укрепленной.

ГОДЫ.	Число продавцов собственников.		Количество прод. земли десятин.		Сумма в рублях.		Число покупат.	
	Надельн. укреплен.	Подворной.	Надельн.	Подвор.	Надельной	Подворной	Надельн.	Подвор.
1910 . .	111.048	23.219	459.180	65.675	39.433.660	8.843.377	104.359	22.868
1911 . .	120.618	27.164	461.257	72.599	41.704.647	10.502.101	116.308	29.925
1912 . .	168.928	37.951	579.038	98.241	60.817.688	15.781.223	165.501	38.495
1913 . .	195.652	36.144	632.191	92.139	76.225.337	14.245.249	188.278	36.819

Таблица в виду громоздкости абсолютных цифр неудобочитаема. Переведя ее на язык относительных цифр, получаем:

ГОДЫ.	На сто продавцов приходилось земли:		ВСЕГО.
	Надельн.	Подвор.	
1910	82,7	17,3	100
1911	81,6	18,4	100
1912	81,6	18,4	100
1913	84,0	16,0	100

Соотношение числа продавцов укрепленной надельной земли и собственников подворной указывает, что темп мобилизации обоих видов землевладения почти одинаков. То же самое мы наблюдаем при аналогичном сравнении всей проданной земли.

На сто десятин проданной земли приходилось:

ГОДЫ.	Укрепл.	Подвор.	Всего.
1910	87,5	12,5	100
1911	86,4	13,6	100
1912	85,5	14,5	100
1913	87,3	12,7	100

Чтобы закончить вопрос о соотношении подворной и надельной земли, возьмем следующую таблицу, в которой данные за 1910 год приняты за сто.

ГОДЫ.	Число продавцов		Ими продано земли	
	Надельн.	Подвор.	Надельн.	Подвор.
1910	100	100	100	100
1911	109	113	110	111
1912	152	163	126	150
1913	176	155	137	140

Как видим, до 1912 г. более быстро возрастает как число продавцов подворной земли, так и количество проданной ими земли, зато в 1913 г. продажа укрепленной надельной земли дает резкий скачек вверх, продажа же подворной опускается. Это показывает несомненно на значительно увеличившуюся пролетаризацию крестьян с началом промышленного под‘ема. Чтобы покончить вопрос о мобилизации подворной земли и укрепленной, заметим, что, если взять по обеим группам процент земли, брошенной в товарный оборот в отношении к общей площади земли, находящейся в распоряжении каждой группы, то картина будет несколько иная. Как пишет Мозжухин, пользовавшийся этими данными Мин. юст. за 1910—1912 г.г., число домохозяев, укрепивших землю и продавших ее, составляло 19⁰/₀ общего числа укрепленцев. Ими продано 10,7⁰/₀ всей площади укрепленной земли. Если же взять продавцов подворной земли, то оказывается, что они составляли 2,8⁰/₀ общего числа подворных владельцев. Ими было продано всего 1,1⁰/₀ всей площади подворного землевладения. Это несомненно указывает на то, что темп вовлечения надельного землевладения в товарный оборот значительно выше, чем подворного землевладения. Насколько широкие размеры принимала мобилизация надельной земли, можно судить по тому, что уже в ней начинает принимать участие и частный капитал. Так, например, в архиве Главного управления землеустройства и земледелия мы находим одну бумажку, из которой узнаем, что в Калуге организован „Союз капиталистов по покупке и перепродаже надельной земли и по содействию переселению крестьян“[1].

Известно также, что ряд частных банков также принимал участие в начавшейся мобилизации надельного землевладения. Несомненно, та цель, которую себе ставило правительство, именно: путем мобилизации надельного землевладения уничтожить малоземелие, имела тенденцию к осуществлению.

Мобилизация по районам.

Теперь нам необходимо рассмотреть мобилизацию надельного землевладения по районам. Географическое распределение продаж надельной земли, как это видно из следующей таблицы, по районам распределяется следующим образом:

---

[1] Дело Главного управления землеустройства и земледелия 1910 год № 6006 с секретной перепиской.

Продажа надельной земли в 1908—1912 г.г.[1].

РАЙОНЫ.	Число продавцов. Абсолютно	Число продавцов. % отношен. к числу домохозяев района[2].	ПРОДАНО ЗЕМЛИ. Всего десятин.	% отнош. ко всей надельн. земле района[2].	Десятин на 1 продавца.	На 100 прод. покупателей.	В среднем на 1 двор надельн. земли дес.
Новороссийский[3]	172.060	12,3	697.173,1	5,67[2]	4,0	82	8,3
Центрально-зем.	160.916	6,8	439.694,2	2,64	2,7	101	7,5
Нижне-Волжский.	59.437	3,9	392.449,7	2,33	6,6	81	12,2
Малороссийский.	57.234	4,4	139.344,5	1,94	2,5	109	6,0
Юго-Западный.	42.379	3,4	64.530,4	1,73	1,5	102	5,4
Приозерный.	24.985	4,2	1.291650,3	1,52	5,2	114	17,1
Белорусский.	23.805	2,8	122.639,8	1,39	5,2	103	9,3
Центрально-пром.	39.163	2,2	117.416,3	0,89	3,0	97	7,4
Литовский	10.578	3,2	59.034,2	0,34	5,6	96	14,7
Приуральский	19.631	1,2	94.050,8	0,38	4,9	108	18,9
Северный	2.345	0,7	10.118,0	0,25	4,3	96	13,7
По Европ. России	612.538	4,7	2.266.101,4	1,87	3,7	9	9,3

Таблица показывает, что на первом месте и по абсолютным размерам числа домохозяев и надельной земли и по процентному отношению к общему количеству домохозяев и количеству дес. надельной земли на первом месте стоят Новороссийский, Центрально-земледельческий и Нижне-Волжский районы, т.-е. районы наибольшего распространения землеустройства. Приведенные данные охватывают 1908—12 годы. И после этих годов мы наблюдаем, что на первом месте стоят те же самые районы. Например, в 1914 году на первом месте по числу сделок стояли следующие губернии: Екатеринославская, Херсонская, Самарская, Харьковская, Курская, Бессарабская, Воронежская, Орловская, Полтавская и др. По числу проданной земли в этом же году на первом месте стоит Центрально-черноземный район, на который пришлось 21,2% всей проданной в 1914 году площади надельной земли. Следующее место занимает Юго-Восток. То же самое за некоторым изменением мы наблюдаем и в 1915 году. По имеющимся данным за 1 полугодие 1915 года более всего оказалось проданной земли в Самарской, Ставропольской, Екатеринославской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской, Воронежской, Бессарабской, Курской, Пензенской и Орловской губ. Продажа хуторов и отрубов занимала значительно меньшее место, чем продажа неустроенных участков. Продажа первых в 1915 году составила 13,5% всех продажных сделок. Более значительный размер

[1] Мозжухин, цит. соч. стр. 129.

[2] Количество домохозяев и количество надельной земли вычислено Мозжухиным по „Статистике землевладения 1905 года“, при чем показанное там количество дворов увеличено на 10%, чтобы, хотя бы грубо, приблизить данные 1905 г. к 1907—1912 г.г.

[3] По Новороссии процент вычислен без Ставропольской губ., так как ее нет в „Статистике землевладения 1905 года“.

продажа хуторов и отрубов носила в Ставропольской губ., где было продано 16.801 дес. при 871 сделке, в Самарской губ., где продано 11.400 дес. по 599 сделкам и, наконец, в Екатеринославской, где продано 4.637 дес. по 1.563 сделкам[1]. Однако, как мы видели выше, война несомненно, по крайней мере в первый период, относительно которого мы располагаем данными, повлияла на сокращение мобилизации надельного землевладения. Итак, за последующие годы после 1912 года мы опять-таки, на первом месте по количеству мобилизуемой надельной земли видим районы наиболее быстрого темпа разложения общины благодаря сильной капитализации этих районов.

Возвратимся опять к приведенной выше таблице. Остановимся на сравнении $^0/_0$ продавцов и $^0/_0$ проданной земли. По всем без исключения районам мы имеем больший $^0/_0$ числа домохозяев по сравнению с $^0/_0$ проданной ими земли. По всей России $^0/_0$ домохозяев равняется 4,7, а проданная земля всего 1,87%. Несомненно, это доказывает, что по всем районам наделы продавало беднейшее крестьянство. Это можно видеть также из сравнения среднего размера землевладения на 1 продавца с средним на 1 двор наделом земли в десятинах в данном районе. Опять-таки всюду без исключения наделы продавцов значительно ниже против среднего надела в данном районе.

По всей России в среднем на надельный двор приходилось 9,3 дес., а на продавца 3,7, т.-е. меньше в 2½ раза. Последнее, на чем нам нужно остановиться, это на приведенной графе о соотношении продавцов и покупателей, в виду того, что это соотношение не дает большой разницы. На основании этого некоторые исследователи, как и неоднократно оперировавшие с этими данными представители власти, утверждают, что концентрации надельного землевладения не происходило. На самом деле из этих цифр не только нельзя сделать такого вывода, но и вообще нельзя делать никакого вывода. Отношение продавцов и покупателей абсолютно ничего не говорит, так как при всякой сделке мы имеем продавца и покупателя. Редкий случай, чтобы несколько продавцов в одной и той же сделке противостояло лишь одному покупателю. Если зажиточный крестьянин скупает несколько наделов, но не сразу, то он всюду в сделках будет фигурировать каждый раз как отдельный покупатель. Поэтому, на основании этих данных ни в коем случае нельзя говорить о наличии или об отсутствии концентрации надельного землевладения.

На этот счет мы имеем более точные указания в производившихся обследованиях, которые устанавливают несомненный факт большей скупки наделов зажиточным крестьянством, о чем мы будем говорить далее. Несомненно, в отмеченном нами выше

---

[1] Известия Зем. отдела М. в. д. № 1 за 1916 год.

распределении мобилизации надельного землевледения по районам есть своя закономерность. У Мозжухина мы находим следующие интересные сопоставления районов по мобилизации землевладения в 1908—1912 г.г. с признаками, характеризующими крестьянское хозяйство в каждом районе. Мозжухин берет следующие признаки, характеризующие район: размер надельного землевладения, цены на землю и дифференциацию крестьянства по лошадности.

ГУБЕРНИИ.	Число продавцов в среднем на одну губерн.	% к числу домохоз. в данной группе губерн.	Ими продано земли. В среднем на одну губернию дес.	Ими продано земли. % ко всей надельной земле в данной группе губ.	Среднее колич. земли на 1 двор. в десятинах.	Цена земли. Надельн. 1908—1912.	Цена земли. Частновлад. 1906—1908.	Цена земли. Крест. банка. 1908—1912.
I— 3	46.273	14,1	129.286,0	5,3	7,3	143,0	182,6	178,1
II— 7	31.596	10,0	136.210,5	4,3	8,7	95 0	114,8	128,7
III— 7	13.629	4,3	40.265,1	1,4	8,8	91,6	135.5	153,0
IV—16	6.909	2,2	25.116,6	0,9	9,0	75,2	86,1	108,6
V—13	3.561	1,7	18.497,2	0,7	12,6	71,4	62,2	77,5
VI— 2	165	0,3	792,0	0,04	33,3	40,6	14,1	75,2
По 48 губ. . .	12.762	4,7	47.210,4	1,87	—	—	—	—

Таблица показывает громаднейшую разницу мобилизационных процессов в разных районах. Как видим, в первой группе губерний вовлечено в товарный оборот до 14% всего числа домохозяев данного района и 5,3% общего количества надельной земли в данном районе, тогда как в последней группе губерний соответствующие цифры будут 0,3 и 0,04. Приведенные в настоящей таблице цифры о среднем крестьянском землевладении в данном районе показывают, что наибольшую мобильность проявляют наиболее малоземельные районы. Ряд, показывающий земельное обеспечение, возрастает по мере того, как убывает процент продавцов и проданной ими земли. Последнее для нас чрезвычайно важно, так как устанавливает неоднократно отмеченный нами факт, что мобилизация землевладения и была чисто капиталистическим путем ликвидации малоземелья. В процессе капиталистического развития средние хозяйства раздробляются на мельчайшие парцелы, создается такое малоземелье не только относительное, но и абсолютное, при котором владельцам мельчайших участков ничего другого не остается, как продать свою землю.

Стоит только сопоставить процент продавцов с процентом безлошадных и многолошадных, т.-е. показывающими дифференциацию в данном районе, чтобы убедиться в установленной выше закономерности. Сопоставив процент числа продавцов к общему числу домохозяев в данном районе с процентом безлошадных и многолошадных, получаем следующую картину:

[1] Мозжухин, там же, 147 стр.

ГРУППА ГУБЕРНИЙ.	Процент крестьянских дворов.		
	% продавших землю.	Безлошадных.	С тремя лошадьми и более.
I—III	9,4	35,8	16,1
IV	2,2	31,6	12,7
V	1,7	25,1	10,6

Таблица показывает, что чем больше процент крайних групп, тем больший процент мы имеем продавцов. Связь мобилизации надельного землевладения с капиталистической дифференциацией крестьянства несомненна.

Чтобы установить последнее положение более точно, рассмотрим, что из себя представляли продавцы надельной земли, из кого они рекрутировались и по каким причинам должны были продать свою землю.

Кто продает.

По данным правительственного обследования землеустройства в 12 уездах мы имеем следующее распределение проданных полностью участков по их размерам:

УЕЗДЫ.	%%		Средняя продажн. цена дес. пашни.		Распределение проданных полностью участков по размерам.				
	Хоз. прод. свою землю полн. и частн.	Площ. земли, прод. полн. или част.	В чересполосн. влад.	В участк. владении.	До 5 дес.	5—10.	10—15.	15—25.	Свыше 25.
Бердянский	13,6	7,8	218,0	269,5	72	49	31	23	10
	17,3	7,2	261,0	373,5	251	68	10	—	—
Епифачский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Красноуфимский	7,4	3,4	37,4	48,2	4	3	8	3	1
Кременчугский	12,9	7,0	477,7	504,7	91	3	—	1	—
Мологский	3,7	1,6	76,2	108,8	3	3	—	—	—
Николаевский	25,2	16,8	41,7	66,8	7	33	24	42	57
Орловский	24,2	14,1	133,5	189,6	111	24	5	—	—
Островский	16,8	13,0	123,5	196,3	51	79	22	10	1
Ржевский	16,0	4,5	73,4	162,2	22	19	2	1	—
Сычевский	12,0	5,1	101,0	144,2	31	35	6	2	—
Трокский	2,3	1,2	102,8	145,0	35	14	4	3	—
Итого по 12 уездам	13,7	9,0	120,7	178,5	678	340	112	85	69
в %%	—	—	—	—	52,8	26,5	8,7	6,6	5,4

Как мы видим, соотношение процента продавцов и процента проданной земли, также и распределение проданных участков по их размерам показывают, что продавали самые низы.

Что касается распределения по группам продавцов, то сравнение их с хозяйствами, оставшимися вести хозяйство, т.-е. не-

продавшими свою землю, не сдавшими ее в аренду, а также и теми, которые не ушли на сторону и не разделились (остальные категории хозяйств из подсчета исключены)—дает нам следующую картину [1]:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	% ведущих хозяйство к общ. их итогу.	Процент продавших землю к итогу.
До 5 дес.	32,7	52,8
5—10	32,2	26,5
10—15	17,7	8,7
15—25	10,4	6,6
Свыше 25	7,0	5,4
Итого	100	100

Таблица показывает, что больше половины общего количества продавцов рекрутировались из деревенских низов. Обращает на себя внимание довольно большой процент продавцов земли в высшей группе. Об'ясняется это, несомненно, тем, что высшая группа, покупая у банка или у помещика землю, обычно продавала свою надельную землю, так как большинство из них переселялось на купленную землю. Соотношение продавцов всей земли и части земли по отдельным уездам выражается следующей таблицей, составленной Мозжухиным:

ГУБЕРНИИ.	Процент продавцов, продавших:	
	Весь надел.	Часть надела.
Витебская	83,8	16,2
Псковская	88,7	11,3
Богородицкий у., Тульской губ.	75,8	24,2
Ставропольская губ.	48,6	51,4
Николаевский у., Самарской губ.	37,9	62,1
Симбирская губ.	79,4	20,6
Пермская губ.	40,7	59,3

Как видим, в районах малоземельных преобладают продажи всего надела. В районах многоземельных с сильной буржуазией преобладают продажи части надела.

Что действительно продавали часть земли преимущественно зажиточные крестьяне, показывает следующая таблица, составленная Мозжухиным на основании обследования 3 волостей Тульской губернии.

[1] Таблица составлена на основании материалов правит. обслед. по 12 уездам.

Процент хозяйств, имеющих земли:

	Менее 3-х дес.	3—6	6—12	Свыше 12.	Всего.
Продавцы всего надела	64,6	26,4	8,3	0,7	100
» части надела	6,5	36,3	30,4	26,8	100
Сдавшие весь надел	54,8	35,7	8,6	0,9	100
Все хозяйства 3-х волостей . .	19,1	37,9	32,7	10,3	100
Отсутствующие дворы	54,3	34,9	10,8	—	100

Таблица отчетливо показывает, что как и укрепившие землю, так и продавшие ее большей частью рекрутируются из деревенских низов. Достаточно сопоставить первую графу, продавцов всего надела, и последнюю графу; отсутствующие дворы,—чтобы увидеть между ними прямую и непосредственную связь. Почти 65% первых рекрутируются из низших групп и 54% последних также из той же низшей группы. Но характерно, что продавцов в низшей группе больше, чем отсутствующих дворов. Это показывает, что продавали не только отсутствующие, но и местные. К той же категории деревенских низов относятся и сдавшие весь надел целиком; на низшую группу их приходится почти 55%. Зато совершенно иную картину представляют собой продавцы части надела. На низшую группу их падает всего 6,5%, остальные приходятся на более высокие группы.

Факт продажи надельной земли низами устанавливается земскими обследованиями и по другим районам. Так % продавцов в самой низшей группе, имеющих на двор до 2-х дес., в Симбирской губ. составлял 89,6%. В Новгородской губ. в 3 уездах 95,5%, в Псковской—по одной из волостей—79,0%, в Торопецком уезде, Псковской губ.—76,3%. Факт связи мобилизации землевладения с пролетаризацией населения несомненен. По Тульской губ. мы имеем указания, что из продавцов всего надела совершенно не вели хозяйства до землеустройства 81,9%, после землеустройства—94,4%; из сдатчиков всего надела не вели хозяйства до землеустройства 73,9%, после землеустройства—96,5%. Это показывает, что отделение земледельцев от земледелия благодаря землеустройству несомненно усиливалось. Так же и по другим губерниям велик % хозяйств, продавших землю, из тех, которые совершенно не вели ранее хозяйства.

Интересна следующая таблица по Тульской губернии, показывающая занятие или положение домохозяев, продавших весь надел или часть его, или сдавших в аренду весь надел—до и после выдела из общины.

		До выхода из общины.	После выхода из общины.	Изменения + — Абсол.	%%
	Земледелие	69	29	— 40	— 57,8
	Переселение в Сибирь	20	28	+ 8	+ 40,0
Промыслы.	Местные	21	24	+ 3	+ 14.3
	Отхожие	106	118	+ 12	+ 11,3
	Всего	127	142	+ 115	+ 11,8
Без занятий.	Старики, больные, дети, находящиеся у родных и пр.	31	46	+ 15	+ 49,0
	Нищие	13	25	+ 12	+ 92,3
	Всего	44	71	+ 27	+ 61,4
	Неизвестно	45	34	— 11	— 25
	Итого	305	305	—	—

Оказывается, почти на 58% уменьшилось число домохозяев, занимающихся после выдела из общины—земледелием. Часть переселилась в Сибирь, увеличился отход на „промыслы" как местные, так и отхожие. После укрепления земли в собственность, на 61,4% увеличилось число домохозяев без занятий, на целых 92% увеличилось число нищих.

Связь продажи надела с пролетаризацией в буквальном смысле несомненна. При продаже надела население или уходит от земледелия в „промыслы", или опускается в болото пауперизма.

Таковы данные по Тульской губ. В общем аналогичные, лишь несколько иные данные, дает обследование 12 уездов. Результаты обследования по этим уездам выражаются следующей таблицей [1].

Процент домохозяев, продавших землю по причинам:

Причина продажи земли.	% продавших всю землю.	% продавших часть земли.
Переселение за Урал	12,6	2,3
Покупка земли в Европ. России.	30,0	12,1
Обеспеченность промыслами и службой	26,4	14,9
Недостаток рабочих рук	11,1	22,1
Неурожай, болезнь и пьянство	9,6	24 9
Прочие причины	10,3	23,7
Всего	100	100

Таблица показывает, что продажа земли из-за переселения на Урал не велика: 12,6% продавших весь надел и 2,3 продавших только часть надела. Число же продавших ввиду „обеспеченности промыслами и службой", как затушевывает пролетариза-

[1] „Землеустройство в 12 уездах", табл. 7.

цию казенный отчет, составляет 26,4% в первом случае и 14,9% во втором, при чем в отдельных районах эта категория составляет подавляющий процент. Напр., в Орловском уезде у продавших весь надел доходит до 80,2%, у продавших часть надела до 57,9%. Если же к этим группам присоединить хозяйства, продавшие по недостатку рабочих рук из-за неурожая или „пьянства“, то категория, имеющая явный уклон к пролетаризации во всех 12 уездах, вырастает до внушительной цифры в 47,1% у продавших весь надел и 61,9% у продавших часть. У последних более значительная категория продает часть земли из-за неурожая, недостатка рабочих рук и тому подобных причин ослабления хозяйства.

На ряду с этой тенденцией, тенденцией пролетаризации весьма очевидна и тенденция буржуазизации. Мы видим, что значительная часть продает свои наделы, чтобы купить землю. Среди продавших всю землю по 12 уездам они составляют почти целую треть—30,0%. По отдельным же уездам этот процент достигает, например, в Бердянском уезде 46,5%, Островском 66,0, Ржевском 69,9%.

Должны оговорить, что взятые правительством для обследования 12 уездов были уездами наиболее сильной буржуазии, вследствие чего в них тенденция буржуазизации особенно сильна; в других районах она значительно слабее выражена.

Итак, как показали все приведенные нами данные, землю продает прежде всего беднота, уходящая от земли в города, лишь отчасти—середняк, уходящий в Сибирь, и, наконец, богач, переселяющийся на купленную землю.

Теперь рассмотрим, кто же покупает надельную землю.

Кто покупает.

Оказывается, если обратиться к тем, кто покупает, то повсеместно идут сообщения о скупке земли кулаками. Неоднократно зарегистрированы случаи, что до 1910 г. скупались отдельными кулаками сотни десятин земли. В архиве Министерства внутренних дел имеется целый ряд запросов губернаторов, которые просили разрешить их недоумения об отношении к массовой скупке земель кулаками, что крайне волнует крестьян и вызывает столкновения с этими богачами. Вот этим-то и было вызвано внесение 56 статьи в закон 14 июня 1910 г. Этим помещики старались задержать быстрый темп мобилизации землевладения, задержать пролетаризацию крестьян и предотвратить ту концентрацию землевладения, которая, несомненно, должна была еще более обострить классовую борьбу в деревне. Выше мы уже приводили данные о концентрации крестьянского надельного землевладения до 1910 г. После 1910 г., по официальным данным, концентрация

землевладения несколько замедлилась, так как богачи, исполняя 56 статью закона 14 июня 1910 г., скрывали свое землевладение.

Относительно покупщиков земли, к сожалению, у нас имеются очень скудные данные, так как в отчетах Министерства юстиции даны только суммарные цифры покупателей, которые сами по себе ничего не говорят, так как покупатели регистрировались в большинстве случаев в каждой сделке отдельно, так что, если в разное время один скупал несколько наделов, то это от регистрации ускользало.

Ответ на классовый характер покупщиков дают отчасти показания самих крестьян. „Означенный закон богатым крестьянам дал возможность покупать надельную землю и тем обогащаться, а бедным дал возможность продавать, отчего и выходит из бедняка бобыль, и это выходит не от глупости или от мотовства, а от неблагоприятных неудач“ (Рязан. г.).

Покупали наделы „богатые крестьяне, в большинстве случаев из „своего“ же общества (о том, что покупали наделы „свои“, говорилось в 70 показаниях, а что покупали „чужие“ в 30 показаниях).

„Укрепленную землю покупают богатые крестьяне, торговцы и мещане, для этого приписавшиеся в обществе, продают пьяницы и неживущие“ (Тамбовской губ.).

Указывались случаи, когда за землей „приезжали“ из других губ. Так, в Ворон. г. „приехали покупать землю крестьяне Харьковской и Полтавской г. Продажа наделов иногда оставляла без земли целую семью. Крестьяне, которые продавали свои наделы, оставили своих по 2—3 сына с семьями без земли и без усадьбы“ (Тамбовск. г.).

То же подтверждают земские и частные обследования. Вот, например, данные по Самарской губ., Николаевскому уезду.

Группы хозяйств.	Число хозяев, купивших землю.	% к числу всех покуп.	Ими куплено земли. Всего земли дес.	Ими куплено земли. В % к итогу.
Беспосевные	3	3,2	22,1	2,4
С пос. до 3-х дес.	3	3,2	8,0	0,9
От 3,1—9	16	17,2	95,5	10,3
9,1 и более	71	76,4	792,9	86,4
Всего	93	100	918,5	100

Процесс концентрации землевладения в руках сельской буржуазии очевиден. Высшая группа, которая составляет больше чем $^3/_4$ всех скупщиков скупила 86,4% всего количества проданной земли. Должны заметить, что в работе Мозжухина приведены данные, которые говорят, что на Северо-Западе как будто бы

картина совершенно иная, что там „покупатели принадлежат к средним и даже малоземельным слоям деревни“ [1].

Об‘ясняется это тем, что, например, в Самарской губ. к верхним группам крестьянства он относит хозяйства, имеющие более 9 дес., а в северо-западных — более 25. Такой прием явно несостоятелен. Нужно было взять как раз обратное отношение.

Довольно яркая картина концентрации землевладения приводится самим Мозжухиным по трем волостям Тульской губ.

Группы хозяйств.	Покупателей в группе. Число.	%	Ими куплено земли дес. Число.	%	Куплено земли на 1 двор дес.
До 6 дес.	11	20,0	13,8	5,7	1,2
6—12	14	25,5	35,7	14,3	2,65
12—20	14	25,5	87,2	36,0	6,2
Свыше 20	16	29,0	106,3	44,0	6,64
Всего	55	100	242,0	100	4,4

Концентрация очевидна. 16 более зажиточных крестьян, которых в группе всего 29%, скупили 44% всей земли. Для нас важна здесь тенденция. Вовсе не обязательно, чтобы высшие группы скупили всю землю. Поэтому неправ Мозжухин, когда он на основании этих данных утверждает, что „скупка земли в одни руки в больших размерах не наблюдается. Делать какие-либо выводы о победе капиталистических слоев над трудовыми пока более чем преждевременно“ [2].

Особенно сильна концентрация на юге. Например, по данным Земского отдела Министерства внутренних дел [3], в Николаевском уезде, Самарской губ., 142 покупщика приобрели по 100 дес. в одни руки, 102—по 500 дес. и 2—по 1.000 дес.

Что касается вопроса о том, по каким ценам фактически шла скупка надельных земель, то, несомненно, нужно отметить и их значительно большую дешевизну по сравнению с банковскими и другими помещичьими землями.

Так например, с 1910 по 1912 г.г. стоимость надельной земли изменялась следующим образом: 85,9 р., 90,4 р., 105,0 р., тогда как банковская стоила—132,2 р., 123,3 р., 135,1 р. Бо́льшая дешевизна надельных земель очевидна.

Итак, рассмотрение мобилизации надельного землевладения с несомненностью показывает, что и этот процесс перераспределения надельных земель оказывается весьма показательным для развития капитализма в деревне и для процесса дифференциации крестьянства. Надельную землю продает преимущественно пролетаризующееся крестьянство, скупает же развивающаяся сельская буржуазия.

---

[1] Мозжухин. Цит. соч., стр. 144.
[2] Там же, стр. 124.
[3] „Известия Зем. отд. М. в. д.“, 1913 г., № 5.

Несомненно, в тесной связи с дифференциацией деревни стояло и переселение.

Переселение.

За годы послереволюционные, а также и дореволюционные, которые взяты нами для сравнения, переселенческое движение выражается следующей таблицей:

Переселение.

ГОДЫ.	Количество переселенцев.	Из них возвратилось обратно.	% возвратившихся обратно.
1898	148.317	15.486	10,4
1899	170.136	15.649	9,2
1900	166.266	33.846	20,4
1901	89.088	23.637	26,5
1902	81.921	16.925	20,7
1903	85.824	9.471	11,0
1904	40.001	4.152	10,4
1905	38.750	3.795	9,8
1906	141.294	6.158	4,4
1907	427.339	27.195	6,4
1908	664.777	37.882	5.7
1909	619.320	82.287	17,3
Среднее за 1905—1910 .	1.891.480	157.317	8,0
1910	316.163	114.893	36,3
1911	189.791	117.308	64,3
1912	201.027	57.319	28,5
1913	234.877	42.956	18,3
1914	241.874	27.594	11,4
1910—1914 .	1.183.732	360.070	30,4
1915	27.651	10.089	34,5

По месту выхода центральное место занимают Малороссийские юго-западные, центрально-черноземные и новороссийские губернии. Все время до 1912 года первое место по выселению принадлежало именно таким губерниям, как Полтавская, Курская, Екатеринославская, Херсонская, Харьковская, Киевская, Таврическая, Черниговская, Воронежская, Подольская, Бессарабская, Тамбовская и др. Из нечерноземной полосы — Могилевская и отчасти Виленская и Витебская. Голод 1911 года двинул переселенцев за Урал из восточных губ. Больше всего вышло переселенцев из губерний: Вятской, Самарской, Пензенской, Тамбовской, Казанской, Уфимской, Полтавской, Воронежской, Саратовской, Екатеринославской, Симбирской. В эти годы Полтавская губ. уже вместо первого места стала на 7-ое, в 1914 г. на первом месте идут Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Тамбовская, Харьковская и Воронежская губернии.

Таблица показывает, что переселенческое движение своего максимума достигло в 1907—1909 г.г. До этого и после этого

оно было значительно ниже. Особенно упало переселение в 1911 г., что об'яснялось голодом в местах переселения. Некоторый под'ем начался было опять к войне; оно поднялось в 1913 и 1914 г., но опять скоро пошло вниз и за время войны совсем упало. Быстрый под'ем движения в 1907—1909 г., а затем упадок в последующие годы об'яснялся главным образом неустроенностью переселенцев на новых местах. На последнее указывает значительный % переселенцев, возвратившихся обратно. В 1910 г. процент возвратившихся составлял 36,3 всего количества переселившихся в этом году, а в 1911 году достиг 64,3%. Значительный возврат переселенцев в последнем году об'яснялся главным образом сильнейшим неурожаем 1911 года, но и независимо от неурожая сильнейший рост возвращающихся обратно переселенцев говорит за то, насколько еще были неустроены места переселения.

„Теперь о переселении в Сибирь не слышно. Отбила охоту переселения плачевная картина возвратившихся обратно из Сибири. Бедствуют они, бедные, проживши свое состояние",— пишет один корреспондент Вольно-экономического общества из Воронежской губернии [1].

Переселение в Сибирь, несомненно, усиливало расслоение деревни. Земли переселенцев, как правило, сосредоточивались у сельской буржуазии.

Продавали переселенцы землю очень дешево, иногда земельным скупщикам—спекулянтам.

Как пишут об этом из деревни корреспонденты Вольно-экономического общества, „надельную землю продавали переселенцы очень дешево, по 30—40 р. за десятину. Покупали товарищества и богатые, также купцы-мещане через крестьян, обманным образом, а потом перепродают другим крестьянам в 3 раза дороже. Покупали землю у переселенцев совершенно другие крестьяне из Харьковской и Полтавской губ.",—пишут из Валуйского у., Воронежской губ.

„Из закрепивших добровольно продано обществу наделов на 27 душ по 1 д. 2.160 с. на душу, по сто и сто двадцать пять руб. за надел. Потом еще купил наделов на 15 душ один торговец с правом выкупа их обществом. Более обществом никому покупать земли не дозволялось",—сообщают из Павловского у., Воронежской губ.

Таким образом переселение способствовало прежде всего собиранию земли в руках зажиточного крестьянства—в руках кулачества.

Но этого мало. Переселение в сильнейшей степени увеличивало и пролетаризацию.

В приведенной таблице мы видели, какой громадный процент переселенцев возвращали обратно. Вот эти-то неудачные пересе-

---

[1] Чернышев. Цит. соч., стр. 50.

ленцы и увеличивали деревенский пролетариат. „Возвратившиеся переселенцы, которые продали, то живут—ни мещане, ни крестьяне, а прямо не поймешь“,—пишут из Ранненбургского у., Рязанской губернии [1].

„Возвратившиеся всего лишились (положение их ужасное), живут по чужим дворам или у родственников. Денег у них нет для возврата даже усадьбы“,—пишут оттуда же [1].

„Возвратившиеся из Сибири на птичьих правах живут: где ночь, где день“,—пишут из Ряжского у., той же губернии.

„Возвратившиеся обратно на родину проливают слезы, и судьба их очень горькая, так как им в настоящее время не за что взяться: дом со всеми постройками продан, земля в аренде от 8 до 12 лет, и хлеба купить не на что“—сообщают из Козловского у., Тамбовской губернии.

„Возвратившиеся переселенцы находятся в критическом положении: земли нет, усадеб и построек тоже, без пищи и одежды перебиваются поденными и срочными работами, а больше Христовым именем“ (Острогорский у., Воронежской губ.).

Рост дифференциации и обострение классовой борьбы в деревне.

Выше, при рассмотрении разрушения общины, хода землеустройства, мобилизации помещичьего землевладения, мобилизации надельных земель и, наконец, переселения,—мы установили, что все эти процессы были тесно связаны с расслоением деревни. Они вызывались этим расслоением и в то же время они его усиливали.

Поэтому вполне естественно, что за годы столыпиновщины дифференциация крестьян должна была увеличиться, а вместе с тем должна была усилиться классовая борьба в деревне. Рост расслоения деревни сказался прежде всего в усилении пролетаризации.

Пролетаризация крестьян вызывает их сильный отход из деревни на заработки.

Быстроту пролетаризации населения и переход из деревень в города можно видеть из роста в деревне процента отсутствующих хозяйств. Например, по обследованию Тульской губ. мы имеем в 1899 году 13,4% [1] отсутствующих хозяйств, а в 1911 г. уже 18%, при чем прирост отсутствующих хозяйств был в $4^1/_2$ раза более прироста наличных хозяйств.

О темпе пролетаризации населения можно судить по проценту выселявшихся домохозяев.

---

[1] Чернышев. Община после 9 ноября 1906 г., стр. 85.

[2] Материалы для оценки земель Тульской губ., т. 2-й Епифанский у., вып. I, стр. 74—76.

Процент хозяев выселявшихся:

До 1895 г.	1895—1900,	1900—1905,	1906,	1907,	1908,	1909,	1910.	Итого за 1906—1910
26,7	14,2	19,0	6,2	4,8	8,4	10,0	10,7	40,1
		59,1						

Как видим, массовое выселение становится шире с каждым пятилетием и после 1906 г. даже с каждым годом. Как и нужно было ждать, 73% всех выселявшихся состоят из малоземельных и безземельных. Уходят в большие города; например, в Москву выселилось 48% всех вышедших из деревни Тульской губ.

Например, по Полтавской губ. отход на заработки увеличился—женщин с 12.000 до 23.000, т.-е. почти вдвое, мужчин же от 43.000 до 55.000, т.-е. на 30%.

Вот эти-то уходящие или ушедшие в город и составили значительный кадр укрепленцев и продавцов земли.

Более всего укрепляли и продавали землю те крестьяне, которые порывали с деревней и уходили в города, в деревнях же значились под рубрикой отсутствующих. В Епифанском уезде, Тульской губ., % укрепленцев среди отсутствующих хозяйств составлял 19,2%, а среди наличных—7,6%. Наличные укрепили 7% площади своей надельной земли, а отсутствующие 21,64. При этом из каждых 100 десятин укрепленной земли отсутствующими продано 50,8, тогда как наличными всего 28. По всем же группам % проданной земли составляет 16,8.

Несомненно, от этих окончательно пролетаризующихся слоев земля переходит в руки зажиточного крестьянства. В данном уезде с 1909 по 1911 г. землевладение на одно хозяйство возросло с 5,5 дес. до 6,1 [1].

Повсюду растет количество бескоровных и безлошадных, значительное увеличение которых обнаружила перепись 1917 г., данные которой мы не приводим, так как они отражают в себе влияние империалистической войны, которой мы здесь не касаемся. По предыдущим годам можно привести, как иллюстрацию, например, движение безлошадных в Вятской губ., % которых в 1900 г. составлял 14,4%, в 1912 — 17,1%; по той же губернии число бескоровных поднялось с 14,5 до 15,1% [2].

О той же дифференциации крестьян и пролетаризации говорят и данные по Полтавской губ. Например, у крестьян Полтавской губ. число безземельных за период с 1900 по 1911 год увеличилось на 48% [3].

---

[1] Материалы для оценки земель Тульской губ. том 3, Епифанский уезд, вып. I. Крестьянское хозяйство. Подворная перепись 1911 г. Тула, 1914 г.

[2] Итоги Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1916 г. по Вятской губ. Вятка, 1916 г.

[3] Статистический справочник по Полтавской губ. за 1917 г.

Более подробные данные по группам хозяйств Полтавской губернии таковы:

Число хозяйств в селах.	абсолютн. 1900 г.	1910 г.	%% 1900 г.	1910 г.	В 1910 г. более или менее по сравнен. с 1900 г. в %%
Имеют землю, но не имеют пахоты	67.975	69.236	17,0	16,4	+ 1,8
Имеют пахоты менее одной десят.	30.713	38.537	7,7	9.1	+ 28,7
1 — 2	58.522	60.982	14,6	14,5	+ 4,2
2 — 3	49.220	49.206	12,3	11,6	— 0,03
3 — 6	101.030	98.052	25,3	23,2	— 2,9
6 — 9	42.494	45.257	10,6	10,7	+ 10,6
9 —15	28.295	34.390	7,1	8,3	+ 21,5
15—50	19.319	23.573	4,8	5,6	+ 22,0
50 и более десятин.	2.338	2.399	0.6	0,6	+ 2,6
Итого	399.906	421.632	100,0	100,0	+ 5,4

Таблица показывает правильное возрастание как низов, так и деревенских верхов и бесспорное вымывание середины.

Идет сильная концентрация землевладения в руках сельской буржуазии.

Например, концентрация землевладения по той же Полтавской губернии выражается следующей таблицей (в отношении „привилегированных“ хозяйств):

	На одно хозяйство земли десятин: 1900 г.	1909 г.
Мелкое хозяйство до 50 десятин	14	11
Среднее » (50—500 »)	155	153
Крупное » (свыше 500 »)	1.457	1.511

Ту же концентрацию землевладения мы наблюдаем и у „непривилегированных“ слоев. За тот же период число собственников увеличилось на 5,4%, а земельная площадь — на 9,8% и средний размер землевладения — на 5,5%. Безземельные же увеличились на целых 48%. Тот же процесс дифференциации совершался и после 1910 года—к 1916 году—в мелких хозяйствах: средний размер землевладения уменьшился на 9,3%, в крупных увеличился на 16,6%.

Тот же процесс концентрации мы наблюдаем, например, и в Тульской губ. По Епифанскому уезду движение посевщиков, по переписям 1899 и 1911 г., будет таково [1]:

	Число хозяйств. без посева	до 2 дес.	от 2—5	5—10	свыше 10	всех наличн.
1899 г.	795	4.786	6.779	4.511	1.217	18.088
1911 »	572	5.757	8.250	4.819	1.342	20.740
+ или — в процентах.	— 28,0	+ 20,3	+ 21,7	+ 6,8	+ 11,1	+ 14,6

[1] Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г.г. Епифанский у., Тульской губ., ч. 2, Тула, 1916 г., стр. 34—35.

Сокращение беспосевных отнюдь не доказывает того, что все эти беспосевные начали заниматься хозяйством, т.-е. из беспосевных превратились в посевных. На самом деле, эта группа почти наполовину ушла в города и, как мы уже видели, распродала свою землю верхним группам, которые за их счет и расширили свои посевы. Если мы примем во внимание уход пролетаризующихся крестьян в города и уход верхних групп на купчие земли, то картина дифференциации будет совершенно ясна [1].

Итак, классовая дифференциация за годы столыпинщины бесспорно очень сильно шагнула вперед. Но дала ли эта дифференциация ожидаемую правительством консервативную буржуазию? Произошло ли поправение буржуазии?

Несомненно, отчасти произошло, и это сказалось в некотором изменении мелкобуржуазной крестьянской идеологии, выражавшейся в народничестве.

Действительно, за истекшее шестидесятилетие развитие мелкобуржуазных теорий проделало большой путь.

В начале русского промышленного переворота, когда капитал вторгался в крестьянское хозяйство как разрушительная, еще мало привычная для мелкого хозяйчика, сила, когда во всей своей силе проявилась после 1861 г. экспроприация крестьянства помещиками—экспроприация, усиленная наступившим сельско-хозяйственным кризисом,—русские мелкобуржуазные идеологии заостряли вопросы борьбы с помещиками и факты экспроприации крестьянства. В этот период она оказывалась „неприемлющей капитализма“, была полна „капиталистической паники“. Преобладали мотивы о „разорении“, об „оскудении“, „нуждах деревни“ и т. п.

В этот период отмечалась одиозность подчеркивания некоторыми буржуазными экономистами, как А. И. Чупров, А. А. Кауфман и др., прогресса крестьянского хозяйства и призывов к его интенсификации. В этот момент обостренной борьбы с помещиками за землю подобные заявления об‘ективно служили интересам последних, стремившихся „замолчать“ земельный вопрос.

Бесспорно, эта народническая литература при всей своей теоретической наивности имела довольно большое революционное значение в идейной подготовке крестьянской революции.

---

[1] Между прочим, мы взяли процент увеличения или уменьшения по каждой группе отдельно. Вычисление процента домохозяев каждой группы к итогу по обеим переписям и затем сравнение этих процентов, как правило, обычно затушевывают действительную дифференциацию, особенно же увеличение верхов. Об‘ясняется это тем, что пролетаризация деревни выражается, между прочим, в общем дроблении крестьянских хозяйств и потому в общем возрастании их числа. По этому процентное отношение крупных хозяйств к общему итогу всех возросших хозяйств понятно будет несколько меньше, хотя бы верхняя группа абсолютно и возросла.

Теперь содержание и об'ективное значение мелкобуржуазных теорий совершенно иное. Под'ем сельского хозяйства после революции 1905 — 1906 г.г. значительно укрепил позицию сельской буржуазии. Она уже нашла себе место под капиталистическим солнышком и в условиях столыпинского бужуазно-помещичьего строя. Продолжая быть оппозиционной, поскольку еще шла борьба с помещиками за прибавочную стоимость, и даже, как мы будем говорить далее, отчасти и социалистической, поскольку она выдерживала сильнейшую конкуренцию с крупным капиталом, сельская буржуазия теперь занята уже не столько вопросами организации борьбы с помещичьей властью, сколько вопросами организации своего хозяйства, его развития и укрепления в хозяйственной борьбе с крупно-капиталистическим помещичьим хозяйством.

Развитие обслуживающей крестьянское хозяйство агрономической и кооперативной организации выдвинуло соответствующие кадры интеллигенции, связанной с крестьянством или, точнее, с сельской буржуазией. Вот эта-то интеллигенция—агрономы, кооператоры и, разумеется, профессора, обслуживающие сельскохозяйственные и кооперативные заведения, и являются сейчас носителями мелкобуржуазных идей крестьянства. За период столыпинщины сконструировалась так называемая организационно-производственная теория. Однако, весьма характерно, что все эти представители мелкобуржуазных течений называли себя социалистами. Показательно, что большинство русских кооператоров входило в партию эс-эров или н.-с. Если они в своих программах довольно прочно стоят на базе капитализма, то идейно они витают в облаках социализма. Это явление об'ясняется двумя главными причинами—наличием антагонизма с крупным помещичьим хозяйством и помещичьей властью и, второе,—общим противоречивым положением мелкой буржуазии. Антагонизм с помещичьей властью вызывался прежде всего борьбою за земельную ренту. Непрерывный под'ем земельных цен крестьянским банком клал границы расширению хозяйств сельской буржуазии. Далее, антагонизм вызывали ипотечная задолженность, налоги и т. п.

Поскольку мелкобуржуазные идеологи являются представителями мелких производителей, они раздираются теми же внутренними противоречиями, что и само мелкое производство. Оно живет и существует только на основе капиталистических процессов, т.-е. товарного хозяйства, наемного труда и частной собственности на средства и орудия производства. Но поскольку оно представляет собою мелкое производство, „мелкотравчатый капитализм", оно всякий раз стоит перед угрозой, что его „сосуществование" с крупным капиталом окончится поглощением его последним. Эта борьба с крупным капиталом вызывает у представителей мелкобуржуазных теорий соответствующую реакцию в области идеологии. Нет ничего удивительного, что эта борьба

принимает социалистическую оболочку, так как социалистические идеи представляют собою отображение борьбы против капитала прежде всего, а затем уже построение нового общества.

Все это говорит за то, что после 1905 г. если сельская буржуазия несколько и поправела, то она не явилась оплотом помещичьей реакции, как того хотел Столыпин. Но она, несомненно, явилась оплотом буржуазной власти. Если, как писал Ленин [1], русской либеральной буржуазии не удалось приручить все крестьянство, то ей, несомненно, удалось установить известную „смычку“ с сельской буржуазией, представляемой партией эс-эров. В 1907—1914 г. г. и была подготовлена коалиция социалистов-революционеров с кадетами.

Если правительство не создало себе союзников в лице сельской буржуазии, то оно, несомненно, усилило своего серьезного и сильного врага в лице середняка, сельского пролетариата и бедноты. Как мы указывали выше, за период действия столыпинской реформы значительно увеличились кадры безземельного пролетариата. Часть из них ушла в города, но еще больше осталось в деревнях, образуя кандидатов в будущие комбеды.

Подведем итоги правительственной политике. Мы видели, что основной ее целью было создание крупного зажиточного крестьянства. Однако, реформа действовала столь короткое время, что далеко не успела насадить достаточное количество крепкого зажиточного крестьянства, которое бы явилось союзником помещиков в деревне. Дело было здесь не только в краткости времени, но и в тех, указанных выше, внутренних противоречиях, которое несла в себе „столыпинская реформа“ и которые неизбежно должны были ее взорвать и привести к революции.

Если взять остальную массу крестьянства, то поскольку интенсификация, как мы отмечали вначале, захватила, главным образом, северо-запад и лишь в незначительной степени остальные районы, то тот кризис интенсивного трехполья, который сжимал крестьянство малоземельем, изжит не был, и те земельные противоречия, которые были в 1905—1906 г.г., остались в силе.

За межреволюционный период полукрепостное землевладение уничтожено не было, остатки крепостничества еще всецело сохранялись в деревне [2]. Полукрепостное малоземелье ни расширением крестьянского землевладения и землепользования, ни интенсификацией хозяйства разрешено не было. Так же не успел завершиться и чисто капиталистический путь ликвидации малоземелья, именно совершенным обезземелием низов, выбрасыванием их в батрачество и в города и сосредоточением земли в руках сельской буржуазии. Основные противоречия в деревне не только не были устранены, но еще более обострились.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 1-ая, стр. 50.

[2] См. В. И. Ленин. „Крепостное хозяйство в деревне“. (Собр. соч., т. XII, ч. 2-ая, стр. 435 и след.).

ГЛАВА IX.

Крестьянское движение 1907—1914 г.г.

Те внутренние экономические противоречия, которые несла в себе столыпинская „реформа“, реализовались в классовых противоречиях.

Классовые противоречия в деревне развивались по двум основным направлениям, именно: по направлению борьбы между беднотой и середняками, с одной стороны, и помещиками, с другой, и по направлению между беднотой и сельской буржуазией.

Почти единственным материалом по истории крестьянского движения рассматриваемого периода является материал Департамента полиции, который более или менее исправно „регистрировал“ все случаи крестьянских революционных выступлений. Приведенные ниже цифровые данные как раз и составлены путем выборок из текстовых сводок Департамента полиции. Данные эти неполны: так, за 1912—14 годы их почти нет. Отчасти это об‘ясняется тем, что за эти годы движение действительно значительно ослабело, а то и сошло на нет, но, несомненно, к этому прибавлялось и то, что в этот период, в виду упадка движения, Департамент полиции интересовался им значительно меньше и поэтому регистрировал его с меньшей тщательностью. В виду неполноты материала, совершенно очевидно, что приводимые ниже данные преуменьшают действительные размеры аграрного движения. Но для уяснения общей тенденции движения, распределения его по годам и районам имеющееся число зарегистрированных случаев вполне достаточно. Неполнота материала более или менее равномерна для всех районов. Процентная нехватка вероятно более или менее одинакова; поэтому относительно правильные средние величины бесспорно показательны. После этих общих замечаний, перейдем к рассмотрению движения.

Общий обзор движения.

Как увидит читатель далее, для многомиллионной крестьянской России для восьми лет общее число случаев крестьянских революционных выступлений невелико. Восемь лет революционной борьбы крестьян в годы революции не могут сравниться по своему размаху ни с двумя годами революции 1905—1906 г., ни даже с восемью месяцами 1917 года.

Это в порядке вещей диалектики русского революционного движения. Революционный под‘ем 1905—1906 г. сменился упадком, в течение которого наметилось обострение классовых противо-

речий, которые и реализовались в новом, еще более сильном, революционном выступлении во второй русской революции.

Именно показателем острых классовых противоречий в деревне и является крестьянское революционное движение за рассматриваемый период.

Даже незначительные по своему общему числу случаи столкновений являются для нас показателями скрытой в деревне революционной энергии.

За рассматриваемый период общее крестьянское движение, направленное как против помещиков, так и против нарождающейся сельской буржуазии, выражается следующей таблицей:

Число зарегистрированных случаев революционных выступлений крестьянства.

Годы.	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	Всего в Европейской России.	По Азиатской России.	Всего.
1907	1.685	792	2.477	80	2.557
1908	1.117	890	2.007	38	2.045
1909	934	1.486	2.420	108	2.528
1910	4.022	2.239	6.261	14	6.275
1911	2.842	1.680	4.522	45	4.567
1912	1.444	347	1.791	19	1.810
1913	519	127	646	1	647
1914	6	—	6	—	6
Итого	12.569	7.561	20.130	305	20.435

В таблице приведены сведения о движении с 1907 по 1914 г. Мы намеренно взяли 1907 г. как исходный год. Этот год является своего рода переломным годом после революционного движения 1905 г. Он завершает собой движение первой революции и начинает собою движение эпохи реакции. Достаточно посмотреть на цифровое распределение движения по годам, чтоб видеть, что в 1907 г. по всем районам, кроме нечерноземной полосы, аграрное движение выше, чем в 1908 г. Это показывает, что в 1907 г. было еще весьма много отзвуков революции 1905 г. Но уже в 1908—1909 г.г. начинается нарастание новой волны революционного движения, которое достигает наивысшей точки в 1910 г., когда общее число случаев с 2—2,5 в предшествующие годы поднимается до своего максимума—6 тысяч. Оно еще держится на более или менее высоком уровне в 1911 г. (по всей России 4.567 случаев). К 1911—1912 годам имелось наличие настоящей революционной ситуации. Не даром как раз в этот период во всех правых газетах били тревогу в связи с ожиданием новой вспышки крестьянского движения. И действительно, среди крестьянства чувствовалось глухое брожение. Характерно, что

как раз в 1911 г. (в годовщину 50-летия „реформы“ 1861 г. и накануне празднования 100-летней годовшины „Отечественной войны“ 1812 г.) упорно держались слухи о предстоящих крупных изменениях в крестьянском землепользовании. В одних районах крестьяне ждали манифеста, а в других ожидали революцию. Так например, начальник Тамбовского жандармского управления доносит [1], что „в ряде уездов упорно циркулируют слухи о предстоящем в 1912 г. будто бы восстании с разделом земли помещиков“. „Слухи, — доносит жандарм, — являются настолько упорными, что некоторые крестьяне отказываются от укрепления земли в собственность, несмотря на выгоду для них, из боязни, что тогда общество лишит их земли, которая достанется от помещиков“. Аналогичные сообщения об ожидании чего-то крестьянами в 1912 г. поступают из целого ряда других губерний: из Рязанской, Воронежской, Тульской и др. Несомненно, в этом революционном настроении крестьян не последнюю роль сыграл голод 1911 года. После 1911 года движение неуклонно падает: в 1912—1.810, в 1913 г.—647, в 1914 г.—16.

Несомненно, в этом распределении движения по годам есть своя закономерность. Выше, при рассмотрении хода столыпинской „реформы“, именно при рассмотрении происходящего выдела из общин, мы видели, что как раз на те же годы падало наиболее сильное разрушение общины. В последнем легко убедиться при сопоставлении числа случаев крестьянского движения с числом домохозяев, укрепивших за собой землю в личную собственность, что является одним из наиболее показательных моментов для развития всей реформы.

Годы.	Число случаев крестьянского движения в Европ. России.	Число домохозяев, укрепивших землю в собственность.
1907	2.477	48.271
1908	2.007	508.344
1909	2.420	579.409
1910	6.261	342.245
1911	4.522	145.567
1912	1.791	122.314
1913	646	134.554
1914	6	97.877
1915	—	29.851
	20.130	2.008.432

Как видно из таблицы, полного совпадения крестьянского движения и выделов из общин нет, но все же совершенно очевидно, что как и наибольшее количество выделяющихся из общины, так и наибольшее количество случаев движения падают почти

[1] Ленинградский ист.-револ. Архив. Дело Деп. пол. № 278. Донесение Тамбовского губ. жанд. упр. от 24/XI. 1911 г.

на одни и те же годы. Выход из общин и укрепление земли в личную собственность, как мы уже выяснили, свидетельствовали о весьма сложном процессе, совершавшемся внутри деревни. Здесь шла, с одной стороны, пролетаризация громадной массы крестьянского населения, а с другой—и его буржуазизация. Именно в этот период как раз и шло иаиболее интенсивное приспособление землепользования к новым условиям капиталистического производства: именно шла смена общинного землепользования институтом частной и личной собственности. Деревня капитализировалась, а, как мы уже отмечали, процесс капитализации сельского хозяйства и порождает те самые внутренние противоречия, которые неизбежно выражаются в классовой борьбе и в революционном движении.

Мы хотели бы подчеркнуть, чтобы при сопоставлении приводимых выше двух рядов—именно ряда, изображающего крестьянское движение, и ряда, показывающего число выделенцев,—у читателя не возникло представления, что выделение из общин является непосредственной причиной аграрного движения. Такой вывод был бы ошибочен. Как мы уже отмечали, приведенное число случаев революционного движения включает как движение на почве проведения указа 9-го ноября, так и на почве борьбы с помещиками во всех ее видах и формах. Само собой разумеется, если у первого вида движения и может быть известная связь, и на самом деле есть, с процессом выдела из общины, то у второго вида движения, именно движения против помещиков, конечно, непосредственной связи с выделом из общины нет и быть не может.

В данном случае для нас выдел из общин является лишь внешним показателем процессов, совершавшихся в деревне. Как мы уже подчеркивали, укрепление земли в личную собственность является симптомом интенсивной капитализации сельского хозяйства, которая, особенно в первые годы после революции 1905—1906 г.г., резко ломало старый деревенский уклад. Именно развитие капитализма в целом, процесс пролетаризации крестьянского хозяйства, развитие капиталистического фермерства,—все это вместе взятое и дало отображение в конце концов в разделе общинных земель. Эта же самая капитализация деревни, обостряющая борьбу между деревенской беднотой и сельской буржуазией и между всем крестьянством и помещиками, и вызывала рост революционных выступлений крестьянства. Этим-то и об'ясняется, что выдел из общины и революционное движение, не будучи между собою связаны непосредственной причинной зависимостью, а являясь лишь следствием одних и тех же причин, и дали два более или менее параллельных ряда в приведенной выше таблице.

Однако, помимо тесной связи крестьянского движения с общей ломкой капитализмом деревенского общинного уклада, как раз

в годы 1908—1911 была и другая не менее важная причина, которая предопределила силу движения. Мы имеем в виду послереволюционную депрессию в промышленности России. После русско-японской войны и революции, когда в 1906—07 году стали намечаться лишь первые симптомы промышленного оживления, в 1907—09 г. разразился мировой промышленный кризис, который захватил собой и Россию. Начавшийся в России под'ем как бы обломился и превратился в депрессию, в застой промышленности. Депрессивное состояние промышленности, вне всякого сомнения, не могло не оказать влияния и на деревню. Как раз в этот период в связи с разделом общинных земель шла сильная пролетаризация крестьянства и формирование резервной армии труда.

Между тем промышленная депрессия и связанная с ней безработица затрудняли возможность ухода в города. Основная масса пролетаризующегося крестьянства как бы закупоривалась в деревенскую коробку и не находила себе выхода. Вполне естественно, что в этих условиях она революционизировалась. Последнее и проявлялось в общем росте крестьянского движения и революционных выст, плений. Что такая зависимость между крестьянским движением и промышленной депрессией была, показывает сравнение аграрного движения в 1907—10 году в черноземной и нечерноземной полосе. Как можно видеть из вышеприведенной таблицы, в черноземной полосе в 1907—1909 г. идет непрерывное падение движения: именно, если в 1907 г. в черноземной полосе было 1.685 случаев, то в 1909 г.—934 и только с 1910 г. аграрное движение взметнулось до 4.022. Иначе обстоит дело в нечерноземной полосе. Там после 1907 г., в противоположность остальным районам, движение не только не падает, но нарастает; именно с 792 случаев в 1907 г. оно поднимается до 1.486 случаев, т.-е. почти вдвое в 1909 г. и до 2.239 в 1910 г. Рост аграрного движения в нечерноземной полосе как раз и доказывает отмеченное нами выше положение о связи аграрного движения с промышленной депрессией. Именно из нечерноземной полосы всегда был наиболее сильный выход в города, и, конечно, этот район был наиболее чувствителен к имевшейся городской безработице и к прекращению эмиграции в города.

С промышленным под'емом, особенно же с его исключительной высотой в 1912—1914 г.г., пролетаризующееся крестьянство уходит в города. Поэтому, хотя развитие капитализма в деревне неуклонно идет вперед и неуклонно развиваются классовые противоречия, аграрное движение ослабевает, так как пролетаризующееся крестьянство свою революционную энергию реализует не в деревнях, а в городах—на фабриках и заводах. В этом, между прочим, заключается одна из причин сильнейшего под'ема революционного рабочего движения в 1912—1914 г.г.

Таковы общие суммарные данные об аграрном движении и его распределении по годам.

Что касается распределения по районам, то оно выражается следующей таблицей:

№ 1. Крестьянское движение 1907—1914 г.г.

РАЙОНЫ.	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	Итого за 8 л.
Центрально-чернозем. . .	394	226	202	1392	621	154	54	—	—	3043
Средне-Волжский	362	140	112	184	147	40	21	—	—	1006
Нижне-Волжский [1]	125	23	34	12	24	8	—	—	—	226
Новороссийский	98	106	36	9	68	54	12	—	—	383
Юго-западный	635	505	432	1627	1494	951	308	2	—	5954
Малороссийский	71	117	118	798	488	237	124	4	—	1957
Итого по Черноз. пол.	1685	1117	934	4022	2842	1444	519	6	—	12569
Центрально-промышл. .	158	332	411	465	315	31	1	—	—	1713
Белорусский	311	253	422	1116	980	260	114	—	—	3456
Приозерный	44	66	176	213	93	19	7	—	—	618
Приуральский	250	108	281	250	125	15	3	—	—	1032
Северный	22	51	68	68	49	4	—	—	—	262
Прибалтийский	7	80	128	127	118	18	2	—	—	480
Итого по нечерноз. пол.	792	890	1486	2239	1680	347	127	—	—	7561
Всего по Европ. России	2477	2007	2420	6261	4522	1791	646	6	—	20130
Кавказ	23	24	88	1	6	—	—	—	—	142
Средняя Азия	5	3	8	4	4	11	1	—	—	36
Сибирь	52	11	12	9	35	8	—	—	—	127
Итого по Азиат. России	80	38	108	14	45	19	1	—	—	305
Итого по всей России	2557	2045	2528	6275	4567	1810	647	6	—	20435

Как видим, первое место по числу аграрных столкновений занимают юго-западные губернии, белорусские, центрально-черноземные, центрально-промышленные и средне-волжские,

[1] Без Симбирской губ., по которой сведений нет.

т. е. как раз те губернии, которые отличались наибольшей революционностью в 1905—1906 г.г. Это были губернии с наибольшим количеством сохранившихся остатков крепостничества, разложение которых развивающимся капитализмом и революционизировало крестьян. Как мы видели выше при рассмотрении разложения общины, эти же районы занимали первые места и по $^0/_0$ домохозяев, вышедших из общин и укрепивших землю в личную собственность. По $^0/_0$ домохозяев, укрепивших землю, на первом месте шли юго-западные губернии, новороссийские, белорусские, центрально-черноземные, нижне-волжские, средневолжские, центрально-промышленные и др. Такова общая картина крестьянского движения и распространения его по районам.

Теперь перейдем к более детальному рассмотрению революционного движения, как направленного против помещиков, так и против зажиточного крестьянства.

Борьба против помещиков.

Рассмотрим сначала борьбу против землевладельцев. Поскольку классовая борьба развивалась в условиях жесточайшей буржуазно-помещичьей реакции в эпоху общего революционного затишья, она, несомненно, должна была выбирать наиболее безопасные средства борьбы.

Скрытому состоянию классовой борьбы соответствовали и скрытые формы. Такой скрытой формой являлись поджоги. Поджоги „аграрного характера“, по довольно удачной терминологии Д-та полиции, составляли основное содержание революционной хроники рассматриваемого периода.

Помещик отказал сдать землю в аренду или повысил арендную плату; ему сжигают скирду хлеба или стог сена. Поджог являлся средством борьбы против введения усовершенствованных машин. Борьба против машин об‘ясняется тем, что при помощи последних помещик понижал заработную плату. И в этой борьбе против машин, которая выражалась в разгроме машин и растаскивании их по винтикам, как это имело место в революционные годы, или просто в поджоге сараев с сельско-хозяйственными машинами—мы найдем много черт, напоминающих нам борьбу против машин в Англии, в начале XIX века.

Поджог является универсальным средством, которым крестьянин оказывает то или иное необходимое для него террористическое воздействие на помещиков.

По исследованным нами районам, по весьма неполным данным, зарегистрировано 3.281 поджог с убытком на миллионы рублей.

По районам и годам эти поджоги распределяются следующим образом:

Годы.	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	Всего по Европейской России.	По Азиатской России.	Итого по всей России.
1907	406	183	589	2	591
1908	394	148	542	1	543
1909	532	171	703	2	705
1910	647	158	805	2	807
1911	257	101	358	1	359
1912	165	24	189	4	193
1913	70	11	81	—	81
1914	2	—	2	—	2
Итого . .	2.473	796	3.269	12	3.281

В отношении распространения поджогов по годам замечается следующее: после упадка в 1908 г., поджоги возрастают к 1910 г. В этом году достигают наивысшего напряжения, а затем в 1912 — 1914 г.г. спадают. Как мы отмечали, не следует думать, будто бы в 1913 и 1914 г.г. движение прекратилось. Нет, оно только ослабело; если же, согласно приведенным данным, оно почти прекратилось, то это об'ясняется непоступлением сведений в Департамент полиции, на основании материалов которых мы и произвели наше исчисление.

Поджоги распространены более всего в тех районах, в которых были наиболее острые противоречия между крестьянами и помещиками и которые в 1905—1906 г. г. отличались наибольшей силой аграрного движения. На первом месте стоят центрально-черноземные губ.—984 случая. Для примера укажу на Орловскую губ., где было 233 случая поджога, Рязанскую—176, Воронежскую—163. С большим напряжением развивается борьба в Юго-Западном крае и в западных губ., где были особенно обострены отношения на почве ликвидации сервитутов. Например, в Киевской губ. было 180 случаев пожара, в Волынской—161.

Помимо поджогов, мы встречаем все те остальные формы движения, которые так широко развернулись в 1905—1906 г.г. Здесь встречаются и порубки, которые особенно сильны в северных губ. и в западных, где идет ликвидация сервитутов. В тех же западных губ. довольно часто встречаются указания на потравы. Повсеместно встречаются захваты земель, самовольные запашки, столкновение из-за аренды и, как финал всего этого, избиение помещиков и управляющих.

Все перечисленные случаи движения против помещиков нами сведены в следующую таблицу:

Годы.	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	По всей Европейской России.	По Азиатской России.	Итого по всей России.
1907	288	151	439	6	445
1908	93	97	190	12	202
1909	34	16	50	6	56
1910	22	15	37	6	43
1911	23	11	34	9	43
1912	24	14	38	4	42
1913	11	4	15	—	15
Итого . .	495	308	803	43	846

Распределение по годам прочих видов столкновений с помещиками оказывается совсем иным, чем распространение поджогов. Если поджоги возрастают к 1910 г. и лишь в следующие годы падают, то в отношении таких столкновений с помещиками, как порубки, потравы, арендные столкновения и т. п., картина как раз обратная. С 1907 г. движение непрерывно падает, пока не сходит на-нет в 1913—14 г.г., при чем падение оказывается достаточно резким. Если в 1907 г. число этих столкновений с помещиками равнялось 445 случаям, то в последующие годы оно падает до 15 в 1913 г. Такая закономерность является характерной почти для всех районов без исключения. Имеются чрезвычайно незначительные единичные отступления от этого правильного и закономерного падения. Правильное падение числа случаев столкновений с помещиками, несомненно, показывает, что этот вид движения в значительной мере являлся отзвуком революционного движения 1905 г. и самостоятельного развития в годы реакции не имел. Последнее об‘ясняется главным образом тем, что, как мы будем говорить несколько далее, условия для открытой борьбы и открытого захвата помещичьих земель и т. п. были крайне неблагоприятны. Почти каждое такое открытое столкновение стоило крестьянам чрезвычайно дорого: помимо арестов, весьма часто оно кончалось расстрелами и убийствами. Вот это-то и заставляло крестьян переходить от открытых столкновений с помещиками к скрытым—поджогам. Последнее и об‘ясняет нам, почему при падении всех видов революционного движения только поджоги правильно возрастают к 1910 г.

Остановимся теперь на рассмотрении каждого вида столкновений в отдельности. Так, если взять один из наиболее распространенных видов столкновений, именно порубки лесов, то общее число их по Европейской России равняется 323 случаям и по Азиатской—28 случаям. По Европейской России на черноземную полосу падают 158 случаев порубок и столкновений на их почве с властями и почти столько же (165) на нечерноземную полосу. Столь малое число зарегистрированных Департаментом

полиции порубок об'ясняется тем, что мелкие тайные порубки не регистрировались. В Департамент полиции попадали сведения лишь о тех порубках, которые заканчивались столкновением с лесными сторожами, или если в результате таких порубок, являлось открытое столкновение, кончавшееся убийством или чем-нибудь в этом роде. Вот, например, характерное донесение из Новогрудского уезда, Минской губ. [1]. Там в одном имении с весны 1912 г. участились случаи „самовольных порубок". 16-го апреля была „уворована" сосна. Когда был произведен обыск у подозреваемых, на обыскивавших сторожей и двух осетин напали крестьяне: „Бить их, что они нас тревожат!" Те бросились бежать и, отстреливаясь, убили одного крестьянина. (Между прочим, осетины фигурируют в подавляющем числе случаев в столкновениях крестьян с помещиками. Если французская буржуазия для внутреннего порядка не прочь теперь пользоваться колониальными войсками, как наименее разбирающимися в классовой борьбе внутри Франции, так и русские помещики, для борьбы с крестьянами и охраны своих имений после столь напугавшей их революции 1905 г., часто прибегали к охране кавказцев—осетин, черкесов, ингушей и т. п.).

Очень часто столкновение вызывает чересчур большая назойливость лесных сторожей, преследующих за частые порубки. Так например, из той же Минской губ. губернатор доносит (донесение от 5-го июня 1912 г, № 2.610), что крестьяне деревни Ляховичи, Житковской волости, Мозырского уезда, напали на квартиру лесного сторожа имения с целью его убить, в виду того, что „он часто возбуждал против крестьян судебные процессы из-за порубок леса". Сторож спасся бегством, зато не могла спастись его квартира: она была разгромлена вдребезги. Вряд ли нужно добавлять, что в результате этого разгрома крестьяне оказались арестованы и преданы суду.

Вслед за порубками нужно отметить столкновения на почве захвата земли и лугов; по всей России подобных столкновений было зарегистрировано 72 случая—37 по черноземной полосе, 27— по нечерноземной полосе и 8—по Сибири. Захват земли и лугов большей частью имел место в тех случаях, когда крестьяне считали свое право нарушенным благодаря захвату спорной земли помещиком. Последнее особенно часто имело место в западных и северо-западных губерниях, где в этот период происходила как раз борьба из-за сервитутов, т.-е. „угодий общего, крестьян и помещиков, пользования" [2]. Вот эти угодья „общего пользования"

---

[1] Ленинградский историко-революционный архив. Дело Департамента полиции, донесение Минского губернатора от 12 мая 1912 г.

[2] По справке Главного управления землеустройства и земледелия, представленной в Государственную думу 20 сентября 1913 г. за № 716 (д. № 30, часть 3, 1912 г.), оказывается, что в 1911 г. было „обременено" сервитутами, т.-е. правом участия крестьян в пользовании пастбищами, от-

и служили основным камнем преткновения между помещиками и крестьянами в этих районах. Особенно часто были эти столкновения при попытке помещиков их ликвидировать, на самых, конечно, невыгодных для крестьян, но выгодных для помещиков условиях.

Помимо ликвидации сервитутов, захват земли и лугов крестьянами имел место при захвате помещиками крестьянской земли или тех земель, которыми по обычному праву крестьяне пользовались для выпаса. Благоприятная рыночная кон'юнктура рассматриваемого периода способствовала сильнейшей интенсификации помещичьего хозяйства, росту и развитию их запашек. Этим об'ясняется, что помещики стали распахивать те участки земли, которые до того были бросовыми и служили пастбищами для крестьянского скота. Вот, например, характерное донесение каменецкого уездного исправника от 12-го мая 1912 г. Оказывается, помещик запахал участок земли, которым крестьяне пользовались для выпаса скота. Крестьяне напали на пахавших, прогнали служащих и избили управляющего. На другой день крестьяне пустили на поле скот; осетины стали его сгонять. Толпа набросилась на них с палками; вызванные накануне стражники разогнали толпу нагайками. Один крестьянин ударил палкой исправника, тот выстрелил. Были произведены аресты, и, конечно, „наступило спокойствие" [1]. Или вот другой, не менее характерный случай. Как доносит начальник Минского г. ж. у. от 11 мая 1912 г. за № 3.685, „в имении некоего Ромашевского крестьяне выпустили лошадей на сенокос помещика. Посланные два черкеса нагайками избили бывших в ночном крестьян и загнали 40 лошадей. На утро толпа крестьян пришла за лошадьми с криком: „За что избили наших детей!" Навстречу вышли черкесы и стали стрелять. Толпа набросилась на них и избила их палками, — одного до смерти. Черкесы, отстреливаясь, ранили 2-х крестьян. Избив черкесов, крестьяне взяли с собой их кинжалы, ружья и револьверы и, ничего и никого более не тронув в имении, ушли в свою деревню и больше не возвращались в имение".

части лесом и рыбной ловлей и т. п., следующее количество имений: 1) по Киевской губ. из 1.209 имений 603 в пользу 768 об-в; 2) в Подольской губ. из 2.154 имения—615 в пользу 665 об-в; 3) по Волынской губ. из 3.585 имений—2.065 (число польз. об-в неизвестно); 4) по Виленской губ. из 2.688 имений—608 в пользу 1.810 об-в; 5) по Гродненской губ. из 1.432 имений—413 в пользу 729 об-в; 6) по Ковенской из 1.675—207 в пользу 1.007 об-в; 7) по Минской из 2.365—969 в пользу 1.540 об-в; 8) по Витебской из 393 имений 157 в пользу 142; всего же имений, подлежащих сервитутному пользованию: а) в Юго-Западном крае 3.276 из 6.948 имений (42%) при колич. польз. об-в не считая Волынской губ. 1.433, б) в Северном и Западном крае 1.228 из 5.177 (24%) при количестве польз. об-в в 2.546 и в) в двух Белорусских губ. 1.125 из 2.858 при колич. польз. об-в 1.686.

[1] Из дела деп. пол., № 15 за 1912 г.

Само собой разумеется, эти открытые столкновения обходились крестьянам, как мы выше указывали, чрезвычайно дорого; поэтому за запрещение пасти скот крестьяне в большинстве случаев предпочитали прибегать к скрытому террору, именно поджогам. Жгли то, что было доступно жечь и что могло причинить наибольший вред помещикам. Дело доходило даже до поджогов леса. Так, в той же Минской губ., в одном из имений, за запрещение помещиком пасти скот крестьяне подожгли помещичий лес в 11 местах в выжгли до 400 десятин [1].

Иногда дело доходило до индивидуального террора и против самих помещиков и их управляющих. Случаев покушения на жизнь помещиков и их управляющих было зарегистрировано 262:—201 в черноземной и 61 в нечерноземной полосе. Больше всего, конечно, доставалось управляющим, как лицам непосредственно выколачивавшим прибавочную стоимость из крестьян. На них падает большое количество избиений и убийств; однако встречаются убийства и самих помещиков. Весьма часты были убийства и нападения на управляющих удельными имениями в связи с запрещением рубки леса.

Наконец, последнее, что нам необходимо отметить в антипомещичьем движении—это чисто пролетарскую форму движения, именно сельско-хозяйственные забастовки. Число их невелико, именно по всем районам всего 110 случаев, в черноземной полосе 66 случаев, в нечерноземной—41 и на Кавказе 3 случая. Сельско-хозяйственные забастовки деревенских батраков шли, с одной стороны, по линии борьбы за увеличение заработной платы, а с другой стороны, шли из-за улучшения условий труда. Однако и эти стачки весьма жестоко подавлялись правительством. Забастовщики или, по крайней мере, „зачинщики", как правило, арестовывались и весьма часто высылались.

На ряду с движением против помещиков развивалось движение и против остальных эксплуататорских групп, имевшихся в деревне.

Очень часто были столкновения с местными лавочниками, духовенством, а также с сельскими предпринимателями, например, мельниками, с которыми, помимо помещиков, крестьянам приходилось выдерживать и не менее упорную борьбу. И по отношению к ним, конечно, преобладала скрытая форма борьбы, именно поджоги последних. Таких поджогов купцов и духовенства в черноземной полосе было зарегистрировано 128, в нечерноземной 196 и в Азии, главным образом в Сибири, 5 случаев, всего 329 случаев. Однако помимо поджогов зарегистрировано несколько случаев открытого физического воздействия: — именно весьма часто наблюдалось избиение местных лавочников, купцов и особенно духовенства. Особо приходится отметить борьбу с мельниками.

[1] Донесение минского губернатора от 23/V 1912 г.

Число поджогов мельниц в черноземной полосе равнялось 113, в нечерноземной 42, в Азии—в Сибири и Средней Азии—5, всего 160; жгли главным образом водяные мельницы. Последнее об'яснялось в значительной мере или почти исключительно тем, что поджоги и уничтожение водяных мельниц, как правило, освобождало крестьянам обычно залитые водою луга. Получение последних являлось для крестьян более чем солидной премией за поджог. Этим и об'ясняется относительно большое их число.

Борьба против сельской буржуазии.

Наравне с движением против помещиков и других слоев, развивается сильнейшая борьба внутри крестьянства, борьба деревенской бедноты и средняков против сельской буржуазии. Мы, несомненно, имеем один из предвестников движения комбедов.

Так же, как и в отношении помещиков, и здесь эмблемой движения вполне справедливо может считаться красный петух. За рассматриваемое нами 8-летие по материалам Департамента полиции нами установлено по всем губ. 6.828 случаев поджогов.

Поджоги крестьян выражаются следующей таблицей:

ГОДЫ.	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	По Европейской России.	По Азиатской России.	Итого по всей России.
1907	130	11	141	32	173
1908	36	59	95	11	106
1909	30	483	513	4	517
1910	2.993	1.384	4.377	—	4.377
1911	476	957	1.433	3	1.436
1912	65	144	209	2	211
1913	3	5	8	—	8
Итого	3.733	3.043	6.776	52	6.828

Так же, как и в отношении помещиков, по годам, движение наибольшей силы достигает в 1910 г. Опять и здесь на первом месте стоят губернии центрально-черноземные и юго-западные. Мы рассмотрели такой вид борьбы, который как бы в фокусе отражал всю ту классовую вражду, которая накопилась в деревне.

Однако из форм аграрного движения особое место занимает движение, развернувшееся на почве проведения указа 9 ноября 1906 г. Тот натиск, с которым проводилась реформа, неизбежно должен был вызвать сильнейший отпор крестьянства.

Количественные итоги движения на почве применения указа 9 ноября не так уже велики. По Европейской России зарегистрировано всего 224 случая столкновений, которые по годам выражаются следующей таблицей:

Столкновения на почве применения указа 9-го ноября:

ГОДЫ.	Чернозем-ная полоса.	Нечерноземная полоса.	Всего по Европейской России.
1907	13	7	20
1908	23	6	29
1909	22	10	32
1910	36	10	46
1911	47	5	52
1912	22	14	36
1913	5	4	9
Итого	168	56	224

Как видим, здесь наблюдается значительно большая устойчивость движения по годам, чем в рассмотренных нами выше прочих видах движения. Здесь нет особенно резких скачков, но зато нет и особенно резких падений.

Если сопоставить эти зарегистрированные случаи движения с ходом разрушения общины, то наблюдается тесная связь этих двух явлений. 1910—11 г.г. являются максимальными годами в развитии землеустройства и в то же время максимальными по числу столкновений на почве проведения в жизнь указа 9 ноября.

Из районов, как и нужно было ожидать, первое место занимают черноземные губернии именно потому, что эти губернии были районом наиболее интенсивного развития столыпинской „реформы". Здесь на первом месте идут средне-волжские губернии и новороссийские, т.-е. как раз те, где землеустройство шло с наибольшим напором. И не случайно, конечно, что из нечерноземной полосы больше половины всех случаев столкновений приходилось на Белорусский район: именно из 56 по нечерноземной полосе на Белорусский район приходилось 33 случая. Об'ясняется это, конечно, тем, что как раз Белорусский район был районом наибольшего распространения и наиболее сильного размежевания деревень на хутора и отруба, что является основной предпосылкой и причиной наиболее острого аграрного движения.

Однако, как мы уже указывали, число случаев столкновений на почве применения указа 9-го ноября весьма невелико—для всей России 224 случая. Величина с первого взгляда как будто небольшая.

Однако, нужно считаться с тем, что в это число 224 зарегистрированных случаев входили лишь такие столкновения, которые носили массовый характер и более или менее бурно проявлялись, т.-е. кончались столкновениями с полицией и обычно убитыми и ранеными.

После разгрома революции 1905—1906 г.г., завершившейся жесточайшими карательными экспедициями, нужно было дойти до отчаяния, чтобы оказать вооруженное сопротивление при землеустройстве.

Поэтому было бы величайшей ошибкой заключить, на основании этого малого количества открытых столкновений, о том, что сама по себе „реформа“ не вызывала революционного движения крестьян. Все имеющиеся у нас материалы, освещающие настроение крестьян за этот период, подчеркивают сильнейшее недовольство крестьян на почве расхищения кулаками общинных земель. Общее недовольство указом 9-го ноября устанавливается и всеми имеющимися сводками Департамента полиции. Они констатируются и частными обследованиями. Так например, в обследовании Вольно-Экономического общества мы находим большое количество указаний на ту острую ненависть, с которой относятся массы крестьян-общинников к выходцам на хутора. Как пишет один корреспондент, „раздора у общества с выходцами много“ [1]. Вот, например, характерная выдержка из сводки сообщений корреспондентов. К выходящим со стороны общинников отношение было решительно враждебное. „Крестьяне выходящего на отруба, если бы кто пожелал выйти, грозят не пропустить через свои поля и таким образом как бы замкнуть на участке. Кто же подал об укреплении земли, с пользованием пока чересполосно, до раздела, такому грозят выселением к отдельному месту на самую плохую землю—на рытвины, глину, ямы и т. п. Чтобы оказать помощь человеку, выделяющемуся на устройство, то, боже упаси, общество и слушать не желает. Одним словом, и угодий крестьяне не желают дать никаких и ничего, а если бы кто пожелал оставить им свое нажитое, то это, мол, хорошо“ (Павловский уезд, Воронежской губ. крестьянин, торговец, делопроизводитель общ. ссудо-сберегательн. кассы). „Домохозяев, укрепившихся чересполосно, на сходы уже не пускали, хотя эти домохозяева фактически оставались в том положении к обществу, что и раньше. У нас в обществе многих не допускают укреплять свои наделы и даже не велят на сельском сходе бывать, которые остаются пока в общем владении“ (Острогорский уезд, Воронежской губ., корреспондент—крестьянин). „Раздоров и вражды было очень много, до чего — не могу сказать, убили было земского начальника, их за это выслали, но г. губернатор простил и воротил. Враждовали—полосы перемешали и не могут разобраться и говорили, будто бы отрезали лишние земли“ (Городищенский уезд, Пензенская губ., крестьянин, выделившийся на хутор) [2]. Сплошь и рядом идут указания на то, что отношение общинников к уходившим „невыносное, поносливое, с насмешкой“. Однако, если весьма сильно

---

[1] Чернышев, Община после указа 9 ноября, ч. 2, страница 68.
[2] Там же, стр. 35.

было недовольство и враждебное отношение крестьян по отношению к выделяющимся из общины, то все же случаи открытых столкновений были, как мы видели, не так часты. (Столкновения вызывались обычно открытым насилием над крестьянами).

Распространение движения против „отрубников" идет в тесной зависимости от обязательных выделов. Именно, наименьшее число столкновений было там, где выделы шли в добровольном порядке, и наибольшее,—где в обязательном. Последние большею частью производились на юге и юго-востоке России, а также на юго-западе, где еще не созрели условия для перехода массы крестьянства к участковому землепользованию, но где была сильная буржуазия, воспользовавшаяся указом 9 ноября, чтобы растащить общинные земли.

Как указывает в одном из своих донесений черниговский губернатор, „везде, где выделы идут не в добровольном порядке, образуются по две группы однообщественников, находящихся в острых отношениях друг к другу. Такая вражда часто переходит в драку". Разумеется, вмешивается полиция и, конечно, в пользу отрубщиков, и вот вам готово побоище, как это и имело место в описываемом случае, в Черниговской губернии, Городнянском уезде, в селе Безугловке [1].

Дело происходило так: укрепленцам были выделены лучшие земли, общинникам же остались „сыпучие пески". Жалобы общинников, конечно, удовлетворены не были. 21-го апреля 1910 г. в село „прибыли земский начальник и землемер, чтобы приступить к работе". Когда они пошли в поле, туда явилось все общество и просило о прекращении работ. Им ответили, что постановление губернского присутствия в отношении выдела окончательно. Работы производились под охраной урядника и стражников. 24-го опять землемер вышел в поле, крестьяне опять просили прекратить выдел, им опять было отказано,—дело кончилось дракой с хуторянами. 25-го на подкрепление местных властей прибыл пристав с 10-тью стражниками. Это было какраз в праздник. Пристав арестовал по списку „всех буянов". Толпа пришла их выручать. Пристав вышел со стражниками и велел толпу разогнать. Крестьяне стали отнимать ружья, произошла свалка, стражники дали залп. Конечно, „порядок был восстановлен", „зачинщики арестованы", и вот издевательский финал: когда приехал вице-губернатор, „все крестьяне находились на коленях и выразили таким образом полное раскаяние", кроме того, поднесли „хлеб-соль", но последнего „вице-губернатор не принял, сказав, что в раскаяние крестьян не верит". Вице-губернатор „сделал внушение, арестовал виновных, которых и предал суду".

---

[1] Дело Гл. упр. земл. и землед., № 6106, 1910 г. Донесение черниг. губерн. от 19/V—1910 г., № 1401. О беспорядках в Городнянском уезде.

Нужно сказать, что при этих столкновениях, конечно, более всего страдали безоружные крестьяне, которые, как правило, всегда на месте побоища оставляли убитых и раненых, хотя и полиции порядком доставалось от камней и палок.

Помимо расстрелов, правительственные репрессии, которые обрушивались на крестьян уже по успокоении, были так жестоки, что крестьяне всячески избегали вооруженных столкновений, и шли на них лишь в результате провокации полиции.

Как правило, крестьяне сначала просят добром, как, например, перед началом столкновения в Лебедянском уезде, Тамбовской губ., где крестьяне обратились к начальству с просьбой „явить начальническую милость“ „распорядиться о прекращении нарезки отрубов“. Крестьяне заявили, что „готовы умереть, но земли не отдадут“. Когда же полиция арестовала „зачинщиков“, толпа пришла их выручать. В полицию посыпались камни. Последняя ответила залпами, в результате 6 убитых и много раненых. Разумеется, после этого, как доносит губернатор, „межевые работы производились беспрепятственно“ [1].

Часто в качестве просительниц шли женщины и дети. Как характерный случай, укажем столкновение в Херсонской губ., в дер. Антоновке, Ананьевского уезда. Несмотря на все протесты общинников, землемерные „чины“ выехали в поле для производства межевых работ. Туда явилась толпа женщин и детей, умоляя землемеров прекратить работы и не разорять их. „Многие женщины ложились на ленту (землемерную), кричали, плакали“, а затем, „выбросив колышки и сорвав ленту, подняли землемера на руки и, с криком „ура“, вынесли за межу своей земли“. Когда явилась полиция, в нее посыпался град камней. В результате, убитые и раненые и массовые аресты.

Между прочим, выступление женщин в первую голову является типичным для большинства столкновений на почве применения указа 9 ноября. Об‘ясняется это не только их большей экспансивностью, но и тем, что крестьяне не прочь были выставлять вперед своих жен, рассуждая, что „бабам все возможно“, с „бабы нет и спросу“, или „на бабу и суда нет“.

Как курьез, отметим, что в одном селе Воронежской губернии крестьяне по пути начальства из деревни в поле, где должны были производиться межевые работы, выставили баррикады из икон и царских портретов, рассчитывая, что „в царя и в бога стрелять не будут“. Когда же стражники стали уничтожать эту баррикаду и сдвигать столы, на которых стояли иконы и портреты, крестьяне, убедившись в бессилии идеологического воздействия портретов и икон на начальство, обратились к физическому. Портреты и иконы полетели в начальство и стражни-

---

[1] Дело Департ. полиции. Сводка сведений о беспорядках, на почве применения указа 9 ноября. Сводка от 15/V—1910 г.

ков, так что лишь только вызванным отрядом стражников толпа была рассеяна [1].

Что беспорядки в большинстве случаев являлись результатом вопиющей неправомерности в действиях землеустроителей или прямыми злоупотреблениями, это почти всегда вскрывалось после беспорядков при производстве следствия.

Возьмем для примера сообщение ревизора главного комитета по землеустроительным делам, известного своими работами по землеустройству—Кофода, по поводу беспорядков в Уманском уезде. Киевской губ., где оперировал председатель местной землеустроительной комиссии, некий Максимчик, действовавший с редкой наглостью и бесстыдством. В доказательство могли бы привести описание его разговора с крестьянами-жалобщиками, воспроизведенного в „Русском Знамени". Этот разговор велся в таком „истинно-русском стиле" и с такими „изысками" „русской медлительной речи", что мы ни в коем случае не можем его воспроизвести на страницах нашей работы. Кофод, хотя он и старается всячески выгородить Максимчика, все же должен признать, что „при том натиске, при котором там велось землеустройство, подобный взрыв, так сказать, висел в воздухе". Но местное начальство и бывший там до волнений сам Кофод надеялись, что Максимчик „сумел бы во-время предупредить первую вспышку, а затем, будучи человеком толковым, он поубавил бы напора". А каков был этот напор, можно судить по тому, что сам Кофод признает, что для Максимчика „нет никаких законов", он „признает только свой собственный закон". Кофод волнения об'ясняет тем, что этот Максимчик был чем-то занят и не успел (!) во-время „поубавить напора" [2].

Аналогичные данные о явных злоупотреблениях местных властей,—в результате чего и явилось открытое выступление крестьян,—мы находим и в целом ряде других донесений. Так например, Главное управление землеустройства и земледелия [3] в секретном предписании Кофоду, командируемому в Суджанский уезд для расследования имевших там место беспорядков, указывало, что „суджанской комиссией не были, повидимому, приняты во внимание справедливые интересы и пожелания крестьян". Между прочим, характерно, что в данном случае, хотя и Кофод признал наличие допущенных злоупотреблений, все же прекратить землеустройство он считал невозможным, так как „прекращение раз начатого дела всегда имеет отрицательное влияние на развитие землеустроительного дела в данном округе, и прекращение дела могло бы, после всего, что там было, поста-

[1] Там же.

[2] V Отделение эконом. секции Е. Г. А. Ф. Дело Г. у. з. и з. № 6106 1910 г.

[3] V отделение экономич. секции Е. Г. А. Ф. Дело V Гл. у. з. и з. № 25 1912 г.

вить местную землеустроительную комиссию в очень неприятное (!) положение". Конечно, для этого чиновника было опасно поставить в неприятное положение местных чиновников. Про крестьян он ничего не говорит. По мнению Кофода, волнения вообще в порядке вещей при землеустройстве. „Совершенно избежать народных волнений,—пишет он,—при проведении такого мероприятия, так близко затрагивающего жизненнейшие интересы наименее культурной части населения, как землеустройство, едва ли возможно". „По крайней мере,—как авторитетно он заявляет,—насколько мне известно, этого не удалось достигнуть ни в одной стране". Действительно этого не пытались достигнуть ни в одной стране, где землеустройство проводилось в интересах помещиков и сельской буржуазии. Это достигнуто теперь лишь в советской России.

Все это относится к массовым столкновениям.

Помимо выступлений всем обществом, которые обычно крестьянам из-за правительственных репрессий обходились очень дорого, крестьяне прибегали чаще к индивидуальному террору, выражавшемуся в поджоге укрепленцев, избиении их и т. п. Очень часто встречались террористические акты против производивших землеустройство землемеров, волостных старшин и т. п. начальства. Например, в Пензенской губ. стреляли в старшину за то, как об'яснили крестьяне, что он „расстраивает общину". Со всех мест идут указания на поджоги и избиение хуторян.

Индивидуальный террор сводился, с одной стороны, к избиению хуторян, к членовредительству их в худшем случае, и, в лучшем случае—к поджогам, уничтожению их имущества, захвату земли и т. п. Сплошь и рядом крестьяне не допускали нарезку земли хуторянам, а если им это не удавалось, они сносили изгороди и опять устанавливали общинное пользование, как это, например, имело место в Казанской губ. [1].

Указания на эти индивидуальные террористические акты мы находим в целом ряде донесений как в архиве Главного управления землеустройства и земледелия, так и в архиве Департамента полиции. Сплошь и рядом читаем телеграммы выделяющихся хуторян о творимых над ними „насилиях". Вот, например, характерная телеграмма крестьян, купивших имение через банк у одного помещика, на землю которого, конечно, с полным правом претендовали местные крестьяне. Купившие землю, в телеграмме на имя „министра землеустройства" вопят: „молим ваше превосходительство защитить нас от вооруженного грабительства (!) соседних крестьян, осуществляющих начало свободы, возвещенной манифестом 17-го октября (!), защиты нет". Сплошь и рядом

---

[1] Дело Гл. упр. землеустройства и земледелия, № 6105 1910 г. с секретной перепиской.

мы имеем указания на то, что в результате землеустройства „горланы (так кулаки называли бедноту) хороших хозяев со схода за шиворот будут выводить“, как весьма выразительно формулировали проявление классовой борьбы в деревне волостные писаря в ответ на одну анкету „кружка дворян“, интересовавшегося ходом землеустройства.

Нужно сказать, что эти индивидуальные террористические акты иногда приводили к желательным для крестьян результатам. Для примера укажем, что многие из отрубщиков под влиянием угроз общества отказывались от выделов. Вот как рассказывают об этом на допросе у земского начальника отрубщики Вологодской губ. [1]. „У нас били рамы, ломали изгороди и делали прочие тому подобные неприятности“; в результате, „мы и сами пришли к убеждению, что с нашей стороны было не совсем справедливо заявлять о выходе из общины перед самым переделом“, благодаря чему они получали земли больше, чем им полагалось. Теперь они готовы „на наделение меньшим количеством земли“. Как видим, битье рам и стекол вбило им в голову „понятие справедливости“. Нужно сказать, что в 1908 и 1909 г.г. наблюдался целый ряд случаев обратного возвращения выделенцев в общину. Чтобы этому противодействовать, правительство через сенат издало раз‘яснение в том смысле, что возвращение в общину может совершаться лишь только в крепостном порядке, т.-е. путем продажи выделившимися крестьянами своей земли общине. Разумеется, этим были поставлены такие рогатки к возвращению в общину, что последнее совсем прекратилось.

Землеустройство проводилось с таким напором со стороны правительства и вызывало такое сильное недовольство крестьян, что, естественно, лишь только началась война, само правительство „сочло за благо“ в интересах сохранения столь важного для него во время войны „гражданского мира“ прекратить опасное землеустройство. В делах Главного управления землеустройства и земледелия за годы войны мы имеем целый ряд донесений и прошений, ходатайствующих о прекращении землеустройства „в связи с обстоятельствами военного времени“. И как было не ходатайствовать, когда с фронта от солдат поступали негодующие письма. А известно, что негодование солдат, имеющих в руках оружие, было более реально по сравнению с негодованием безоружных крестьян. Вот, например, одно письмо солдата с фронта в 1916 г. Солдат пишет, что в их селе „негодяям и укрывающимся от службы, но в настоящее время они близки к землемерам, нарезано земли больше, нежели было, ближе к селу и лучше“. Какими-то судьбами это письмо попало к царю, и последний предложил

[1] Дело Департамента полиции о беспорядках на почве применения указа 9 ноября.

министру земледелия „обратить на затронутый означенной жалобой вопрос исключительной важности особливое внимание“ [1]. Если уже дело дошло до того, что стали обращать внимание на подобные солдатские письма, это уже показывало, что положение в деревне было серьезно. Министерство земледелия рассылает циркуляр местным чиновникам о том, что при землеустройстве должно быть уделяемо „особое внимание семьям призванных на войну“. Как мы читаем в циркуляре от 4-го мая 1916 г., „сами чиновники землеустройства должны являться деятельными защитниками (!) и оберегателями (!) этих интересов“. Последний циркуляр являлся ответом на целый ряд ходатайств с фронта. Дело дошло до того, что главнокомандующий армиями Северного фронта высказывается за необходимость „письменного согласия заинтересованных нижних чинов или личного их присутствия для производства землеустройства“. Для личного их присутствия он соглашался даже давать отпуска на 4—6 недель [2].

Итак, мы видим, что столыпинская реформа, особенно благодаря сильнейшему полицейскому натиску на крестьян, еще более подливала масла в огонь крестьянского недовольства и делала неизбежной революцию.

Столкновения с властями.

Постольку, поскольку за спиной помещиков и сельской буржуазии, против которых выступала основная крестьянская масса, стоит правительство, то, совершенно естественно, борьба против первых неизбежно превращалась в борьбу против правительства и против всей государственной власти. Крестьяне более чем непосредственно могли изучить то, что всякая экономическая борьба превращалась в борьбу политическую. Именно эту связь всей столыпинской реформы со всей царской политикой крестьяне начинали ясно сознавать. Как мы читаем в одном из сообщений корреспондента крестьянина, „в некоторых обществах противники и защитники общины были политическими противниками“, „кто более ублажен правительством, тот считает выгоднее подворное (землепользование), а кто против правительства, тот общинник“ [3]. Конечно, автор выразился неточно: именно тот, кто за подворное владение, тот и становится за правительство, а кто за общину, тот против правительства, т.-е. закономерность обратная. Как пишет один из правительственных чиновников, именно Клопов, об‘езжавший хутора в Орловской, Таврической и Екатерино-

---

[1] Отношение нач. штаба верховного главнокомандующего министру председателю Штюрмеру 22 июня 1916 г. № 7659.

[2] Архив Гл. упр. землеустройства и земледелия, д. № 10, 1916 г., отношение Главнокомандующего армиями Северного фронта от 3 апреля—1916 г.

[3] Чернышев, Община после указа 9-го ноября, ч. 2, страница 57.

славской губ. в 1909 г., правительственная (столыпинская) реформа делит земледельческую Россию на 2 лагеря: любимцев и пасынков. Любимцы,—это хуторяне, пасынки—общинники; ради любимцев все приносится в жертву". „Отсюда, по мнению чиновника, проистекает вражда, зависть и раздоры между общинниками, и все это вызывает резкое недовольство крестьян".

Помимо того, что правительство выступало в качестве энергичного защитника как помещиков, так и зажиточных крестьян, сильное недовольство против власти должно было вызывать и ее непосредственные действия, в особенности при взимании платежей, податей, недоимок и т. п. Столкновения с властью на этой почве, не считая столкновений при описанных нами случаях движения, направленного против помещиков и хуторян, составляет 537 случаев и выражается следующей таблицей:

Годы.	Черноземная полоса.	Нечерноземная полоса.	По Европейской России.	По Азиатской России.	Итого по всей России.
1907	95	100	195	16	211
1908	65	29	94	10	104
1909	10	22	32	2	34
1910	10	27	37	1	38
1911	29	33	62	17	79
1912	14	26	40	7	47
1913	9	14	23	1	24
Итого	232	251	483	54	537

Как видим, столкновения с властями и общее революционное движение, несомненно, неуклонно падает после 1907 г. Оно повышается лишь незначительно в 1911 г. Последнее показывает, что антиправительственное революционное движение крестьян могло быть сильно лишь только при условии общего революционного движения в городах. Когда в 1907 г. последнее хотя и упало, но все же было достаточно сильно, сравнительно высоко было и революционное движение крестьян; с падением же городского движения пало и крестьянское политическое движение.

Из случаев столкновений с властями наибольшее количество падает на столкновения с полицией, именно 291 случай. Кроме того, отмечается общее революционное движение, общее недовольство в 209 случаях, и, наконец, революционные организации зарегистрированы всего в 19 случаях, из них 15 в черноземной полосе и лишь 3 в нечерноземной полосе, на Кавказе—1.

Все эти случаи революционных выступлений являлись достаточно грозным „memento mori" для помещиков.

Назревание недовольства ощущалось и некоторыми представителями господствующего класса.

Как мы читаем в статье помещика Еропкина, лидера тульских дворян [1], „в настоящее время было бы наивно и в высшей степени легкомысленно полагаться на консерватизм и благожелательство „простого народа“, т.-е. крестьян“. В этой оценке сказывался не только опыт революции 1905—06 года, но в значительной мере опыт наблюдаемого в деревне революционного движения.

Для примера укажем еще на корреспонденцию в „Новое Время“ из Пскова под названием: „Опасные признаки“. Корреспондент пишет о росте „хулиганства“ в деревнях, поджогах скирд сена и хлеба у зажиточных и помещиков, грабежей птицы и скота, воровства льна и т. п. „Кто может поручиться,—пишет газета,—что эти ростки деревенской анархии, начало аграрного террора, не разрастутся в недалеком будущем и не примут характера настоящей эпидемии“ [2]. Газета не ошиблась. В 1910 — 12 г.г. уже слышались первые раскаты аграрной бури после затишья 1907—1909 г.г.

Выводы. Подведем итоги. Как видим, крестьянское движение в годы столыпиновщины, конечно, не сможет сравниться с движением в годы революции 1905 — 1906 г.г. и 1917 г.—на то это и революции. Движение рассматриваемого периода—типичное движение эпохи реакции. Хотя число случаев столкновений абсолютно было невелико— в условиях реакции оно и не могло быть большим, — однако оно являлось показателем наличия крупнейших классовых противоречий, которые после революции 1905 г. не только не были устранены, но еще более обострились в годы столыпиновщины в результате роста и развития капиталистических отношений в деревне. Аграрное движение, сопровождавшее столыпинскую реформу, свидетельствовало о целом ряде противоречий, которые были в ней заложены и которые делали неизбежной революцию. Столыпин ставил ставку на капитализм, расчищал ему дорогу уничтожением такого архаического института, как община, оказывал содействие формированию сельской буржуазии.

Правительство думало всем этим укрепить помещичью власть. Однако сама по себе реформа несла в себе такие противоречия, которые делали неизбежным ее взрыв.

Прежде всего, реформа, поскольку она проводилась в интересах кулачества, захватывавшего лучшие общинные земли, она вызвала рост революционности всей крестьянской середняцкой массы, и без того разоряемой всем ходом капиталистического развития. Кроме того, в результате реформы значительно усилилась деревенская беднота и углубилась пропасть между нею и сельской буржуазией.

---

[1] „Голос Москвы“, от 19 ноября 1911 г.

[2] „Новое Время“, от 31 августа 1911 г.

Это являлось одним из основных противоречий, которое и явилось движущей силой революции 1917 года, особенно в ее второй фазе—фазе борьбы бедноты против сельского кулачества. Правительство предвидело усиление бедноты, но надеялось противопоставить ей сельскую буржуазию.

Однако и эта ставка оказалась битой. Сельская буржуазия, если не была до конца революционной, то во всяком случае была достаточно оппозиционной в отношении помещиков.

„Прусский путь" аграрного развития России терпел фиаско. В противоположность мнению русских оппортунистов, „столыпинская реформа" не устранила необходимости революции, а делала ее неизбежной при первом же революционном выступлении русского пролетариата. Роль крестьянства в русской революции не только не уменьшалась, но еще более увеличивалась.

„Чем больше,—писал Ленин в 1911 г.[1],—помогает царь и Дума крестьянам-богатеям разорять массу крестьянства, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей. С каждым годом все больше становится в деревне сельских рабочих—им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы. С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян,—их миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат на более решительную и более сплоченную борьбу с царем и помещиками".

Октябрьская революция всецело доказала правильность предвидения Ильича.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XI ч. II, стр. 113.

Укрепление земли в личную собственность за время с издания

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ.	Общее число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в частную собственность.
	Центрально-черноземные.	
1	Курская	119.267
2	Орловская	117.164
3	Тульская	50.048
4	Рязанская	65.550
5	Тамбовская	137.854
6	Воронежская	133.941
	Итого по району	623.824
	Средневолжские.	
7	Симбирская	91.170
8	Саратовская	141.551
9	Пензенская	86.338
10	Казанская	66.625
11	Нижегородская	57.538
12	Уфимская	65.548
	Итого по району	508.770
	Нижневолжские.	
13	Самарская	221.343
14	Оренбургская	26.012
15	Астраханская	11.661
16	Уральская область	—
17	Ставропольская	64.043
	Итого по району	323.059
	Новороссийские.	
18	Бессарабская	13.588
19	Херсонская	124.323
20	Таврическая	92.901
21	Екатеринославская	171.876
22	Донская Область	—
	Итого по району	402.688
	Юго-западные.	
23	Киевская	16.212
24	Подольская	—
25	Волынская	—
	Итого по району	16.212

Приложение I.

указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г. по данным З. О. М. В. Д.

Общее число домохозяев, укрепление за которыми окончательно состоялось.	%% отношение числа домохоз., укрепивш. землю в личную собств.		Площадь земли, окончательно укрепленной в личную собственность.	%% отнош. площ. надельной земли, укреплен. в личную собственность ко всей площади общинной надельной земли.
	К общему числу домохоз., заявивших требование.	К общему числу домох., владеющ. землей на общинном праве.		
102.471	85,9	43,8	409.334	28,0
100.418	85,7	39,0	464.180	26,4
39.517	79,0	21,6	163.913	14,5
46.534	74,3	17,0	167.943	9,4
94.390	68,4	24,0	385.762	14,0
76.919	57,4	20,1	466.171	12,7
460.249	75,1	27,6	2.057.303	17,5
57.728	63,3	23,9	293.735	18,0
97.965	69,2	27,7	619.775	18,6
58.645	68,0	25,2	275.031	15,7
32.232	48,4	8,6	158.092	5,0
38.103	66,3	14,4	165.707	8,5
46.072	70,3	14,8	316.985	5,2
330.745	64,2	19,1	1.829.325	11,8
164.226	74,2	49,4	1.954.371	29,6
16.248	62,5	10,5	245.484	4,3
3.569	30,5	5,3	49.774	2,6
—	—	—	—	—
43.107	67,3	—	593.513	—
227.150	58,6	21,7	2.843.142	12,2
12.084	88,1	15,1	131.826	17,3
104.534	84,1	38,1	664.059	33,2
77.743	83,7	63,6	751.137	48,5
145.298	84,5	54,1	948.735	37,7
—	—	—	—	—
339.659	85,1	42,7	2.495.757	34,2
15.948	98,4	48,6	77.987	50,7
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
15.948	98,4	48,6	77.987	50,7

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ.	Общее число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в частную собственность.
	Малороссийские.	
26	Харьковская	144.507
27	Черниговская	22.135
28	Полтавская	11.535
	Итого по району	178.177
	Итого по черноземной полосе	2.052.730
	Центрально-промышленные.	
29	Владимирская	35.403
30	Московская	84.114
31	Калужская	45.286
32	Тверская	65.099
33	Ярославская	30.714
34	Костромская	33.267
	Итого по району	293.883
	Белорусские.	
35	Могилевская	93.565
36	Минская	—
37	Витебская	24.793
38	Смоленская	50.666
39	Виленская	—
	Итого по району	169.024
	Приозерные.	
40	Петроградская	16.983
41	Псковская	40.992
42	Олонецкая	9.631
43	Новгородская	31.202
	Итого по району	98.808
	Приуральские.	
44	Вятская	51.360
45	Пермская	43.718
	Итого по району	95.078
	Северные.	
46	Вологодская	29.462
47	Архангельская	—
	Итого по району	29.462
	Итого по нечерноземной полосе	686.255
	Всего по Европейской России	2.738.985

Общее число домохозяев, укрепление за которыми окончательно состоялось.	%% отношение числа домохоз, укрепивш. землю в личную собств.		Площадь земли, окончательно укрепленной в личную собственность.	%% отнош. площ. надельной земли, укрепленн. в личную собственность ко всей площади общинной надельной земли.
	К общему числу домохоз. заявивших требование.	К общему числу домох., владеющ. землей на общинном праве.		
98.810	68,4	29,1	518.513	20,6
16.166	73,1	8,5	88.377	7,1
9.739	84,7	12,1	44.572	13,8
124.715	75,4	16,5	651.462	13,8
1.498.466	72,3	26,7	9.954.976	19,1
23.960	67,7	10,1	115.535	5,5
65.783	78,2	31,9	331.700	21,0
40.415	89,2	23,6	288.601	20,8
47.053	72,3	15,7	329.794	12,8
19.113	62,3	9,6	125.532	8,9
23.121	69,4	9,6	187.302	8,8
219.445	73,2	16,7	1.378.464	12,9
90.637	96,8	56,8	702.909	54,8
—	—	—	—	—
21.168	84,6	28,8	154.828	21,8
33.926	66,9	15,8	281.047	14,6
—	—	—	—	—
145.101	82,8	33,8	1.138.784	30,4
10.720	63,1	10,3	99.995	9,8
29.899	72,6	18,8	253.230	18,6
6.867	71,5	11,8	147.407	3,8
21.693	69,5	10,1	272.613	9,5
69.179	69,2	12,7	773.245	10,4
23.526	45,8	4,9	296.718	3,9
21.065	48,2	4,0	253.289	3,1
44.591	47,0	4,4	550.007	3,5
14.975	50,8	6,5	137.458	3,7
—	—	—	—	—
14.975	50,8	6,5	137.458	3,7
493.291	69,3	16,8	3.977.958	13,8
1.991.757	70,8	21,8	13.932.934	1,46

Укрепление земли в личную собственность 1 сент. 1914 г.

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ.	Общее число домохозяев, заявивших требования об укреплении земли в личную собственность.	Из числа: Отказались от заявлений об укреплении до обсуждения его сходом.	%
	Центрально-промышленные.			
1	Владимирская	34.494	1.101	3,2
2	Московская	82.425	5.233	6,4
3	Калужская	44.888	247	0,6
4	Тверская	64.696	4.034	6,2
5	Ярославская	30.230	1.900	6.3
6	Костромская	32.551	1.114	3,4
	Итого по району	289.284	13.629	4.7
	Белорусские.			
7	Могилевская	93.564	1.817	1,9
8	Минская	—	—	—
9	Витебская	24.936	1.178	4,7
10	Смоленская	50.300	3.379	6,7
11	Виленская	—	—	—
	Итого по району	168.800	6.374	3,8
	Приозерные.			
12	Петроградская	16.682	664	3,9
13	Псковская	40.688	1.466	3,6
14	Олонецкая	9.546	1.281	13.4
15	Новгородская	30.862	604	1,9
	Итого по району	97.778	4.015	14,1
	Приуральские.			
16	Вятская	50.254	8.629	17,2
17	Пермская	43.266	7.254	16,8
	Итого по району	93.520	15.883	17,1
	Северные.			
18	Вологодская	28.933	2.401	8,3
19	Архангельская	—	—	—
	Итого по району	28.933	2.401	8,3
	Итого по нечерноземной полосе	678.315	42.302	6,2
	Центрально-черноземные.			
20	Курская	118 538	1.256	1,1
21	Орловская	115.944	2.378	2,4
22	Тульская	49.669	3.457	6,9
23	Рязанская	61.242	1.523	2,5
24	Тамбовская	134.560	2.736	2,0
25	Воронежская	130.500	6.914	5,3
	Итого по району	610.453	18.264	2,9

[1] Из дела Земского отдела М. В. Д. Со сведениями о выходе из общины по доне

Приложение II.

за время с издания указа 9 ноября 1906 г. по 47 губ.[1]

указанных в предыдущей графе:								Площадь укрепленной земли.
Получили от общества приговор об укреплении.	%	За отк. общ. или несостав. пригов. в мес. срок обрат. с ходат. об укр. к зем. нач.	%	Число домох., дела кот. прекращены зем. нач. по жел. заявивших из предыд. граф.	%	Число домох., укрепл. за кот. окончат. сост. по постановл. У. с'езда.	%	
6.822	19,8	26.343	76,4	2.441	7.1	23.224	67,3	112.782
45.048	54,7	30.091	36,5	3.203	3,9	63.559	77,1	321.499
32.087	73,7	12.507	27,9	124	0,3	40.097	90,2	285.947
23.832	36,8	36.774	56,8	2.488	3,8	46.828	72,4	326.469
12.636	41,8	15.529	51,4	1.062	3,5	19.002	62,8	123.417
9.377	28,8	21.955	67,4	1.911	5,9	22.456	69,0	183.412
129.802	44,9	143.199	49,5	11.229	3,9	215.166	74,4	1.353.526
88.567	94,7	3.099	3,3	138	0,1	90.636	96,9	702.898
—	—	—	—	—	—	—	—	—
18.765	75,3	4.941	19,8	288	1,2	21.097	84,6	154.430
20.627	41,0	24.515	48,7	686	1,4	33.458	66,5	277.413
—	—	—	—	—	—	—	—	—
127.959	75,8	32.555	19,3	1.112	0,7	145.191	86,0	1.134.741
5.621	33,7	10.386	62,3	1.375	8,2	10.408	62,4	98.027
8.312	20,4	30.548	75,1	1.361	3,3	29.444	72,4	250.157
3.320	34,8	4.877	51,1	577	6,0	6.803	71,3	147.002
5.481	17,8	24.561	79,6	3.106	10,1	21.385	69,3	268.679
22.734	23.3	70.372	71,9	6.419	6,6	68.040	69,6	763.865
5.772	11,5	32.337	64,3	4.258	8,5	22.311	44,4	288.027
4.210	9,7	28.923	66,8	2.646	6,1	20.855	48,2	251.224
9.982	10,7	61.260	65,5	6.904	7,4	43.166	46,2	539.251
3.746	12,9	22.624	78,2	3.156	10,9	14.552	50,2	133.998
—	—	—	—	—	—	—	—	—
3.746	12,9	22.624	78,2	3.156	10,9	14.552	50,2	133.998
294.223	43,4	330.010	48,7	28.820	4,2	617.085	90,9	3.925.381
49.751	41,9	67.498	56,9	24.602	2,1	101.366	85,5	405.011
67.596	58,3	45.898	39,6	3.021	2,6	99.219	85,6	460.002
17.681	35,6	28.087	56,5	1.351	2,7	38.880	78,3	161.524
11.143	18,2	48.701	79,5	3.961	6,5	45.314	74,0	164.220
13.113	9,7	117.938	87,6	8.814	6,6	90.936	67,6	373.347
8.369	6,4	113.702	87,1	10.838	8,3	73.796	56,5	453.038
167.653	27,5	421.824	69,1	52.587	8 6	449.511	73 6	2.017.142

ениям губернаторов.

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ.	Общее число домохозяев, заявивших требования об укреплении земли в личную собственность.	Из числа	
			Отказались ст заявлений об укреплении до обсуждения его сход.	%
	Средневолжские.			
26	Симбирская	89.268	2.754	3,1
27	Саратовская	139.331	6.033	4,3
28	Пензенская	85.049	4.756	5,6
29	Казанская	65.301	5.442	8,3
30	Нижегородская	56.788	3.713	6,5
31	Уфимская	64.760	3.603	5,6
	Итого по району	500.497	26.301	5,3
	Нижневолжские.			
32	Самарская	217.422	3.167	1,5
33	Оренбургская	25.539	478	1,9
34	Астраханская	11.555	3.116	26.9
35	Уральская область	—	—	—
36	Ставропольская	62.892	5.298	8,4
	Итого по району	317.408	12.059	3,8
	Новороссийские.			
37	Бессарабская	13.519	511	3,8
38	Херсонская	123.306	1.893	1,5
39	Таврическая	92.496	1.861	2,0
40	Екатеринославская	170.357	3.036	1,8
41	Донская Область	—	—	—
	Итого по району	399.678	7.301	1,8
	Юго-западные.			
42	Киевская	16.135	2	0,01
43	Подольская	—	—	—
44	Волынская	—	—	—
	Итого по району	16.135	2	0,01
	Малороссийские.			
45	Харьковская	142.913	5.630	3,9
46	Черниговская	21.812	360	1,2
47	Полтавская	11.517	124	1,1
	Итого по району	176.242	6.114	3,5
	Итого по черноземной полосе	2.020.413	70.041	3,5
	ВСЕГО	2.698.728	112.343	3,8

указанных в предыдущей графе.								Площадь укрепленной земли.
Получили от общества приговор об укреплении.	%	За отк. общ. или несост. пригов. в мес. срок обрат. с ходат. об укр. к зем. нач.	%	Число домох., дела кот. прекращены зем. нач. по жел. заявивших из пр. дыд. граф.	%	Число домох. укрепл. за кот. окончат. сост. по постановл. у. с'езда.	%	
6.720	7,5	78.395	87,8	5.819	6,5	55.649	62,3	285.792
9.949	7,1	122.662	88,0	5.730	4,1	95.589	68,6	606.128
12.374	14,5	66.796	78,5	4.780	5,6	56.818	66,8	267.941
6.213	9,5	53.511	81,9	7.815	11,9	31.242	47,8	154.056
2.744	4,8	49.689	87,5	3.859	6,8	37.168	65,4	162.562
23.334	36,0	37.488	57,9	3.438	5,3	45.476	70,2	313.641
61.334	12,3	408.541	81,6	31.441	6,3	321.942	64,3	1.790.120
21.727	9,9	191.897	88,3	12.895	5,9	160.451	73,8	1.916.845
6.441	25,2	15.790	61,8	661	2,4	15.452	60,5	234.657
929	8,0	7.891	68,3	1.268	10,9	3.468	30,0	48.441
—	—	—	—	—	—	—	—	—
9.302	14,8	44.689	71,1	3.184	5,1	41.233	65,6	568.389
38.399	12,1	260.267	82,0	18.008	5,7	220.604	69,5	2.768.332
9.261	6,8	3.722	27,5	100	0,7	12.067	89,3	131.699
34.839	28,3	84.060	68,2	1.700	1,4	102.480	83,1	654.369
34.299	37,1	55.243	59,7	1.624	1,8	76.519	82,7	743.186
36.251	21,3	130.555	76,6	4.058	2,4	142.144	83,4	937.193
—	—	—	—	—	—	—	—	—
114.640	28,7	273.580	68,5	7.482	1,8	333.210	83,4	2.466.447
14.196	87,9	1.920	11,9	73	0,5	15.855	98,2	77.603
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
14.196	87,9	1.920	11,9	73	0,5	15.855	98,2	77.603
16.850	11,8	113.288	79,3	4.791	3,4	97.334	68,1	512.802
8.425	38,6	12.334	56,5	391	1,8	15.811	72,5	86.675
2.463	21.4	8.855	76,9	114	0,9	9.699	84,2	44.402
27.738	15,7	34.477	19,6	5.296	3,0	122.844	69,7	643.879
423.960	21,4	1.400.609	69,3	114.887	5,7	1.463.966	72,4	9.763.523
718.183	24,2	1.730.619	58,3	143.707	4,8	1.950.081	72,2	13.688.904

Общее количество землеустроительных работ на крестьян

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ:	По отчетным
		Число крестьянских дворов, обратившихся с ходатайством о землеустройстве.
	Центрально-черноземные:	
1	Курская	123.795
2	Орловская	96.268
3	Тульская	134.485
4	Рязанская	114.739
5	Тамбовская	166.689
6	Воронежская	293.657
	Итого по району	929.633
	Средневолжские:	
7	Симбирская	98.633
8	Саратовская	262.755
9	Пензенская	115.733
10	Казанская	256.688
11	Нижегородская	149.160
12	Уфимская	108.678
	Итого по району	991.647
	Нижневолжские:	
13	Самарская	169.635
14	Оренбургская	—
15	Астраханская	77.329
16	Уральская область	—
17	Ставропольская	59.559
	Итого по району	306.523
	Новороссийские:	
18	Бессарабская	90.391
19	Херсонская	167.132
20	Таврическая	86.089
21	Екатеринославская	197.991
22	Донская Область	56.962
	Итого по району	598.565
	Юго-западные:	
23	Киевская	149.980
24	Подольская	73,060
25	Волынская	185.853
	Итого по району	408.893

Приложение III.

ских надельных землях по губерниям за 1906—1915 г.г.

данным за время с открытия землеустроит. комиссий на 1 января 1915 г.

Закончено в натуре землеустроительных работ.			
Для числа крестьянских дворов.	На площади земли десятин.	В том числе образовано единоличных хозяйств.	% единоличных хозяйств к общему числу землеустренных хозяйств.
53.119	333.414	29.896	56,3
32.607	231.676	16.381	50,2
80.896	449.551	21.906	27,1
47.212	222.827	13.343	28,3
88.516	565.711	25.727	29,1
108.612	728.455	29.625	27,3
410.962	2.531.634	136.878	33,3
47.379	252.590	21.389	45,1
123.234	1.061.188	57.288	46,5
67.991	541.546	23.407	34,4
142.698	679.689	16.538	11,6
59.095	304.246	23.541	39,8
39.859	645.359	19.844	49,8
480.256	3.484.618	162.007	33,7
102.945	2.145.380	87.132	84,6
—	—	—	—
16.000	519.415	5.715	35,7
—	—	—	—
43.581	807.099	30.449	69,9
162.526	3.471.894	123.296	75,9
30.805	174.678	26.873	87,2
89.147	683.596	72.609	81,4
46.732	547.413	36.957	79,1
100.911	998.226	88.114	87,3
25.572	189.907	11.483	44,9
293.167	2.593.820	236.036	80,5
63.736	257.649	36.192	56,8
19.380	47.276	11.597	59,8
54.938	382.191	49.091	89,4
138.054	687.117	96.880	70,2

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ:	По отчетны[…] Число крестьян[…] ских дворов, обра[…] тившихся с хода[…] тайством о земле[…] устройстве.
	Малороссийские:	
26	Харьковская	297.654
27	Черниговская	84.640
28	Полтавская	161.326
	Итого по району	543.620
	Итого по Черноземной полосе.	3.778.881
	Центрально-промышленные:	
29	Владимирская	154.659
30	Московская	206.247
31	Калужская	99.206
32	Тверская	152.006
33	Ярославская	125.666
34	Костромская	97.793
	Итого по району	835.577
	Белорусские:	
35	Могилевская	72.564
36	Минская	80.781
37	Витебская	83.443
38	Смоленская	115.334
39	Виленская	41.223
	Итого по району	393.345
	Приозерные:	
40	Петроградская	85.963
41	Псковская	67.445
42	Олонецкая	24.706
43	Новгородская	104.057
	Итого по району	282.171
	Приуральские:	
44	Вятская	61.460
45	Пермская	203.636
	Итого по району	265.096
	Северные:	
46	Вологодская	87.713
47	Архангельская	17.758
	Итого по району	105.471
	Итого по нечерноземной полосе	1.881.660
	Итого по 47 губерниям Европейской России.	5.660.541

данным за время с открытия землеустроит. комиссий на 1 Января 1915 г.

Закончено в натуре землеустроительных работ.			
Для числа крестьянских дворов.	На площади земли десятин.	В том числе образовано единоличных хозяйств.	% единоличных хозяйств к общему числу землеустроенных хозяйств.
155.078	892.125	79.156	51,0
24.485	120.638	12.739	52,0
62.755	250.918	48.281	76,9
242.318	1.263.681	140.176	57,8
1.727.293	14.032.758	895.273	51,8
66.332	466.293	13.223	19,9
100.834	721.735	19.522	19,4
48.601	376.420	11.039	22,7
75.331	564.454	26.586	35,3
53.599	424.973	11.539	21,5
30.505	310.080	6.788	22,4
375.202	2.863.955	88.697	23,6
34.606	364.936	30.015	86,7
17.004	217.928	14.291	84,0
46.637	439.687	41.007	87,9
38.163	367.179	32.435	84,9
14.950	149.795	13.523	90,4
151.360	1.539.525	131.271	87,4
50.720	636.816	32.421	63,9
31.083	295.396	25.445	81,9
5.370	277.816	942	17,5
39.300	567.857	18.977	48,3
126.473	1.777.885	77.785	61,5
13.628	98.491	3.950	28,9
47.238	572.919	13.640	28,9
60.866	671.470	17.590	28,9
35.321	356.974	6.848	19,4
9.256	68.653	269	2,9
44.577	425.627	7.117	15,9
758.478	7.278.463	322.460	42,5
2.485.771	21.311.221	1.259.020	55,7

Общее число хуторов и отрубов, раз

№№ по порядку	ГУБЕРНИИ.	На землях сельских обществ. Число владельцев.	Площадь десятин.	%
	Центрально-черноземные.			
1	Курская	28.039	172.107	84,5
2	Орловская	17.023	122.265	54,6
3	Тульская	26.346	136.664	69,3
4	Рязанская	15.219	77.384	68,1
5	Тамбовская	26.879	178.066	65,2
6	Воронежская	35.044	246.000	64,1
	Итого по району	148.550	932.486	66,9
	Средневолжские.			
7	Симбирская	20.988	148.580	44,3
8	Саратовская	64.937	739.765	58,3
9	Пензенская	23.492	158.825	45,6
10	Казанская	20.464	135.413	77,7
11	Нижегородская	20.606	119.504	70,3
12	Самарская	87.442	1.927.293	82,7
	Итого по району	169.168	1.646.862	60,3
	Нижневолжские.			
13	Уфимская	18.681	344.775	79,3
14	Оренбургская	—	—	—
15	Астраханская	5.824	182.569	90,8
16	Уральская обл.	—	—	—
17	Ставропольская	34.903	633.410	1,0
	Итого по району	128.169	2.743.272	86,6
	Новороссийские.			
18	Бессарабская	23.884	142.003	69,1
19	Херсонская	70.654	529.949	82,6
20	Таврическая	42.578	487.501	79,3
21	Екатеринославская	90.488	825.314	94,4
22	Донская область	12.969	120.017	66,1
	Итого по району	240.573	2.104.784	83,6
	Юго-западные.			
23	Киевская	35.373	163.602	76,6
24	Подольская	11.254	34.830	35,5
25	Волынская	37.419	272.033	176,1
	Итого по району	84.046	470.465	97,8
	Малороссийские			
26	Харьковская	87.808	534.345	85,3
27	Черниговская	14.587	94.178	68,3
28	Полтавская	50.122	229.669	75,7
	Итого по району	152.517	858.192	80,4
	Всего по черноземной полосе	923.023	8.756.061	77,1

[1] Таблица составлена на основании материалов, приведенных в работе.

Приложение IV.

межеванных на 1-ое января 1916 г.[1]

На землях крестьянского банка, площадь десятин.						На землях казны.			Общая площадь хуторов и отрубов в десятин.
Хуторами.	%	Отруб.ми.	%	Всего десятин.	%	Число сделок.	Площадь десятин.	%	
8.274	26,4	22,958	73,5	31.232	15,3	65	212	0,1	203.551
56.276	56,4	43.385	43,5	99.661	44,5	163	1.886	0,8	223.812
18.339	30,3	42.010	69,6	60.349	3,1	12	130	0,07	197.143
13.735	38,5	21.865	61,4	35.600	31,3	45	607	0,5	113.591
22.196	27,9	57.160	72,0	79.356	29,3	203	13.360	4,9	270.782
31.163	23,1	103.565	76,8	134.728	35,1	270	3.052	0,8	383.780
149.983	34,0	290.943	65,9	440.926	31,6	758	19.247	1,3	1.392.659
24.271	13,0	162.230	86,9	186.501	55,6	9	99	0,03	335.180
30.714	5,8	496.727	94,1	527.441	41,6	5	227	0,02	1.267.433
19.964	10,6	166.903	89,3	186.867	53,6	157	2.385	0,7	348.077
11.192	34,1	21.631	65,9	32.823	18,8	432	5.973	3,4	174.209
7.066	14,5	41.621	85,4	48.687	28,6	111	1.664	0,9	169.885
31.636	8,8	328.326	91,2	359.962	15,4	1.616	42.897	1'8	2.330.152
116.171	10,8	955.685	89,1	1.071.856	39,2	735	10.546	0,3	2.729.294
22.964	25,6	66.573	74,3	89.537	2,1	21	198	0,05	434.510
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
754	15,1	4.248	84,9	5.002	2,4	277	13.495	6,7	201.066
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	633.410
32.390	8,8	332.574	91,1	364.964	11,5	1.893	56.392	1,7	3.164.628
20.509	40,1	30.714	59,9	51.223	24,9	940	11.994	5,8	205.210
21.776	28,2	55.396	74,3	77.172	12,0	2.800	34.438	5,4	641.559
12.402	18,1	56.292	81,9	68.694	11,1	2.862	58.100	9,5	614.295
7.023	21,2	26.043	78,7	33.066	3,7	1,525	15.668	1,8	874.048
7.963	12,9	53.443	87,[illegible]	61.406	33,8	—	—	—	181.423
69.673	23,8	221.888	76,1	291.561	11,5	8.127	120.120	4,7	2.516.535
39.874	59,1	27.613	40,9	67.487	29,1	158	382	0,2	231.471
15.020	25,0	44.945	74,9	59.965	62,9	106	470	0,5	95.265
17.325	81,9	3.814	18,0	21.139	43,6	95	484	0,3	154.455
72.219	48,6	76.372	51,4	148.591	30,9	359	1.336	0,3	481.191
19.822	21,9	70.350	78,0	90.172	14,4	154	1.907	0,3	626.424
20.868	48,9	21.800	51,1	42.668	30,9	91	931	0,7	137.777
26.364	36,0	46.845	63,9	73.209	24,1	51	465	0,2	303.343
67.054	32,5	138.995	67,5	206.049	19,3	296	3.303	0,3	1.067.544
507.490	20,1	2.016.457	79,9	2.523.947	22,2	12.168	210.944	1,9	11.351.851

П. Н. Першина «Участковое землепользование в России».

	ГУБЕРНИИ.	На землях сельских обществ.		
		Число владельцев.	Площадь десятин.	%
	Нечерноземн. полоса.			
29	Владимирская	13.621	109.746	91,5
30	Московская	19.977	126.947	97,4
31	Калужская	10.204	84.219	73,3
32	Тверская	26.580	264.591	95,1
33	Ярославская	14.039	120.032	92,1
34	Костромская	8.392	76.873	92,0
35	Смоленская	39.141	393.010	88,5
	Итого по району	92.813	782.408	91,1
	Белорусские.			
36	Могилевская	29.819	305.222	90,1
37	Минская	14.423	187.981	74,7
38	Витебская	43.931	416.328	85,4
39	Виленская	12.638	119.982	81,1
	Итого по району	139.952	1.422.523	85,2
	Приозерные.			
40	Петроградская	33.427	287.454	99,3
41	Псковская	29.021	274.696	82,1
42	Олонецкая	999	66.939	1,0
43	Новгородская	20.420	275.552	98,1
	Итого по району	83.867	904.641	93,1
	Приуральские.			
44	Вятская	4.663	50.102	60,9
45	Пермская	12.541	209.894	98,2
	Итого по району	17.204	259 996	87,9
	Северные.			
46	Вологодская	8.358	104.396	99,1
47	Архангельская	270	1.885	95,1
	Итого по району	8.628	106.281	99,1
	Всего по нечерноземной полосе	342.464	3.475.849	89,1
	Всего по Европейскпй России	1.255.487	12.231.910	80,2

На землях крестьянского банка, площадь десятин.						На землях казны.			Общая площадь хуторов и отрубов в десятин.
Хуторами	%	Отрубами	%	Всего десятин.	%	Число сделок.	Площадь десятин	%	
4.711	47,5	5.216	52,5	9.927	8,2	20	186	0,1	119.859
2.129	74,7	719	25,2	2.848	2,1	29	364	0,3	130.159
19.107	63,4	11.011	36,5	30.118	26,2	29	505	0.4	114.842
11.788	87,6	1.684	12,5	13.472	4,8	12	195	0,07	278.258
8.830	86,0	1.432	13,9	10.262	7,9	1	3	—	130.297
2.987	37,3	5.018	62,6	8.005	9,3	19	320	0,4	85.198
26.965	53,5	23.435	46,4	50.400	11,3	20	288	0,06	443.698
49.552	66.4	25.080	33.6	74.632	8,7	110	1.573	0 2	858.613
26.468	81 4	6.044	18,5	32 512	9 6	65	655	0,2	338.389
45.336	73,2	16.546	26,7	61 882	24.5	295	1.713	0 7	251.576
64.529	90,5	6.770	9.4	71.299	14 6	84	705	0.1	487.232
25.119	93 9	1.772	6,5	26.891	18,1	128	915	0,6	147.788
188.417	77,5	54.567	22,5	242.984	14,6	592	4 276	0,3	1.668.683
1.629	87,8	225	12,1	1.854	0,6	14	163	0,06	289.471
40.400	67,3	19.611	32,6	60.011	17,9	3	21	0,5	334.728
—	—	—	—	—	—	—	—	—	66.939
1 656	41,3	2.425	59,6	4.101	1,4	82	1 357	0,5	281.010
43.685	66,2	22.281	33.8	65.966	6,7	99	1.541	0 2	972.148
6,234	20,5	24.080	79,7	30.314	36 8	271	3.560	4,3	82.298
3.308	93,2	239	6,4	3.547	1,8	8	249	0,1	213.600
9.542	28.2	24.319	71 8	33.861	11,4	279	3.809	1,3	295.898
808	95.3	40	4,7	848	0,8	—	—	—	105.244
—	—	75	1,0	75	3,8	3	23	1,1	1.983
808	87,5	115	12,5	923	0,9	3	23	1,1	107.227
292.004	69,8	126.362	30,2	418.366	10,7	1.083	11.222	0,3	3.902.569
799.494	27,2	2.142.819	72,8	2.942.313	19,3	13.251	222.166	1,5	15.254.420

Способ образования участковых

	ГУБЕРНИИ.	%% участ разверстании.
	Центрально-черноземные.	
1	Курская	60,0
2	Орловская	55,9
3	Тульская	44,7
4	Рязанская	36,0
5	Тамбовская	37,2
6	Воронежская	20,7
	Итого по району	42,4
	Средневолжские.	
7	Симбирская	14,8
8	Саратовская	34,2
9	Пензенская	20,2
10	Казанская	7,6
11	Нижегородская	47,7
12	Уфимская	55,4
	Итого по району	29,9
	Нижневолжские.	
13	Самарская	59,8
14	Оренбургская	—
15	Астраханская	38,0
16	Уральская область	—
17	Ставропольская	6,0
	Итого по району	34,6
	Новороссийские.	
18	Бессарабская	98,2
19	Херсонская	69,1
20	Таврическая	75,4
21	Екатеринославская	57,1
22	Донская Область	28,3
	Итого по району	65,6
	Юго-западные.	
23	Киевская	78,7
24	Подольская	88,9
25	Волынская	68,4
	Итого по району	78,6

[1] П. Н. Першин „Участковое землепользование в России“.

хозяйств (хуторов, отрубов) [1].

ков, образованных при:		%% земли общего пользования.	Из общего числа участковых хозяйств образовано хуторов.	
выделах.	других видах работ.		Число.	%
29,3	10,7	9,5	913	—
37,9	6,2	7,0	2.834	16,2
40,1	15,2	5,5	—	—
54,7	3,9	7,5	900	5,8
55,2	7,6	4,3	976	3,6
63,2	16,1	2,8	—	—
46,7	9,9	6,1	5.623	8,5
84,0	1,2	5,8	669	3,2
60,3	5,5	6,0	2.620	—
75,5	4,3	4,0	1.193	5,3
81,2	11,2	3,4	1.415	6,9
45,5	6,8	14,4	553	2,6
41,7	2,9	10,9	—	—
64,7	5,3	7,4	6.450	4,5
39,2	1,0	14,6	—	—
—	—	—	—	—
61,6	0,4	6,0	—	—
—	—	—	—	—
93,6	0,4	2,1	2.347	6,7
64,8	0,6	7,6	2.347	6,7
0,8	1,0	13,1	—	—
23,9	7,0	5,1	—	—
14,8	9,8	5,4	39.903	93,3
40,8	2,1	7,6	5.610	6,2
69,8	1,9	3,2	1.337	10,2
30,0	4,3	6,9	46.850	36,6
0,1	21,2	2,3	2.768	—
—	11,1	2,9	—	—
0,1	31,4	0,5	—	56,8
0,1	21,2	1,9	2.768	56,8

	Губернии.	%% участ разверстании.
	Малороссийские.	
26	Харьковская	68,4
27	Черниговская	49,8
28	Полтавская	93,5
	Итого по району	70,6
	Итого по черноземной полосе	53,6
	Центрально-промышленные	
29	Владимирская	73,6
30	Московская	82,4
31	Калужская	60,2
32	Тверская	89,2
33	Ярославская	81,2
34	Костромская	76,8
	Итого по району	77,2
	Белорусские.	
35	Могилевская	89,2
36	Минская	98,3
37	Витебская	90,7
38	Смоленская	89,6
39	Виленская	90,6
	Итого по району	91,7
	Приозерные.	
40	Петроградская	78,4
41	Псковская	90,7
42	Олонецкая	90,1
43	Новгородская	83,1
	Итого по району	85,6
	Приуральские.	
44	Вятская	40,7
45	Пермская	64,1
	Итого по району	52,4
	Северные.	
46	Вологодская	86,8
47	Архангельская	57,0
	Итого по району	71,9
	Итого по нечерноземной полосе	75,7
	Всего по 47 губерниям	64,6

ков, образованных при:		%% земли общего пользования.	Из общего числа участковых хозяйств образовано хуторов.	
выделах.	других видах работ.		Число.	%
22,6	9,0	4,7	2.703	3,1
20,0	30,2	8,9	—	—
0,7	5,8	3,3	758	1,5
14,4	15,0	5,6	3.461	2,3
36,8	9,4	5,9	64.731	19,2
24,3	2,1	16,4	505	3,6
15,1	2,5	19,9	—	
37,1	2,7	11,1	—	—
10,3	0,5	10,5	—	—
11,0	7,8	1,2	—	—
14,9	8,3	12,4	565	6,5
18,8	4,0	11,9	1.070	5,0
10,1	0,7	0,4	—	—
0,0	1,7	1,6	9.163	63,4
4,1	5,2	1,1	—	—
9,2	1,2	0,6	—	—
—	9,4	1,4	—	—
7,8	3,6	1,0	9.163	63,4
5,6	16,0	12,9	—	—
7,5	1,8	1,5	18.735	82,8
9,3	0,6	14,7	68	6,5
15,8	1,1	2,5	3.672	17,5
9,5	4,9	7,9	22.475	35,6
54,2	5 1	2 4	615	12.9
34,5	1.4	7 6	1.587	12.7
44,3	3.2	5.0	2.202	12 8
8 9	4,3	2,5	955	11,1
35,2	7,8	—	—	—
22,0	6,0	2,5	955	11 1
20,5	4,3	5,6	35.865	25,6
28.6	6 9	5.7	100.596	22,4

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

